

Цена 1 р. 50 к.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва, М. Черкасский пер., 3/4.

Открыт прием подписки

— Н А —

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

Орган воинствующего материализма.

Основная задача журнала—защита ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Журнал выходит под редакцией А. М. Деборина, Н. А. Карева, В. И. Невского, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.

В журнале принимаются участие все лучшие силы марксизма и ленинизма, с участием в журнале привлекаются ученые, стоящие на материалистической точке зрения.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

- 1) Ленин и ленинизм.
- 2) Актуальные проблемы философии диалектического материализма.
- 3) Исторический материализм.
- 4) История материализма.
- 5) Новое в естествознании.
- 6) Статьи по вопросам теоретической экономики.
- 7) История социализма.
- 8) Вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении.
- 9) Трибуна.
- 10) Отдел переписки с читателями.
- 11) Библиография.

Журнал рассчитан на активных работников партии, преподавателей и учащихся коммузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 48. ТЕЛ. 1-21-16. Кремлевский 300.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—1 р. 50 к., на 3 мес.—4 р. 25 к., на 6 мес.—8 р.

Повышение означенных цен немыслимо, то ни было ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:

Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТА“

МОСКВА, М. Черкасский, 3/4.

Подписка принимается также и в отделениях Издательства.

ГУБЕРНСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ „ПРАВДЫ“ И „БЕДНОТА“

Ленинград. Проспект 25 Октября, 62. - Харьков, площадь Тевлева, 7.

Артемовск—Площадь Свободы, 15. Баку—Улица Зевина, 11. Воронеж—Проспект Революции, 31. Екатеринодар—Проспект Карла Маркса, уг. Московской. Краснодар—Улица Ленина, 26. Краснодар—Красная, 31. Кемерово—Ул. Ленина. Луганск—Улица Ленина, 43. Н.-Новгород—Улица Свердлова, 5. Одесса—Улица Ленина, 5. Ростов н/Д—Улица Энгельса, 61. Свердловск—Улица Республики, 27/31. Свердловск—Улица Малышева, 24. Саратов—Улица Советская, 18. Ставрополь—1-я Линия, 39. Таганрог—Улица Смоленск—Советская, 23. Тифлис—Дворцовая, 6. Тула—Площадь Коммунаров, 31. Ярославль—Дом Кресгьяннина.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 4—5

АПРЕЛЬ — МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА—1926

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 4—5
АПРЕЛЬ-МАЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1926

СОДЕРЖАНИЕ.

Лебориц. — Фрэнсис Бэкон (К 300-й годовщине его смерти)	5
М. Кареев. — Тектология или диалектика (окончание)	16
Вигерт. — Теория относительности и релятивизм	45
Самойлов. — Диалектика природы и естествознание	61
Д. — Несколько замечаний по поводу статьи проф. Самойлова	82
Луинол. — Падение социализма от науки к утопии.	88
Гелемников. — Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции (О Дюргейме)	112
Лурье. — Принципиальные вопросы современной психологии	129

Т р и б у н а.

Оструминский. — Марксизм в современной психологии (окончание)	140
Борисов. — Механический материализм в современной психологии	185
Удальцов. — От примечания к предисловию	213

Б и б л и о г р а ф и я.

Цейтлин. — С. Ю. Семковский. Диалектический материализм и принцип относительности	220
Д. — А. К. Тимирязев. Физика, ч. II	228
Лобога. — Н. Н. Попов. очерк истории Р. К. П. (б)	230
Гайдель. — П. Виноградская. Фердинанд Лассаль	236
Сорин. — П. Маслов. Основы экономической политики	242
Л. — А. Л. Резуль. Предмет и метод политической экономии	246
Блохомкин. — Проф. А. Н. Колесников. Советское строительство .	250

С о о б щ е н и я и з а м е т к и.

Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук (РАНИОН)	255
--	-----

Фрэнсис Бэкон.

(К 300-й годовщине его смерти).

А. Деборин.

I.

9 апреля 1626 года в Англии скончался «родоначальник английского материализма и всей опытной науки новейшего времени», как его называет К. Маркс,—Фрэнсис Бэкон.

В своем завещании он с горечью, но с полным сознанием своей исторической роли в деле «Великого восстановления наук», писал: «Я завещаю мое доброе имя и память обо мне иностранцам нации и моим соотечественникам по истечении еще некоторого времени».

Великий мыслитель был прав. Память о нем принадлежит не только его родине, но и всему человечеству. Его доброе имя, столь огорченное при жизни, по истечении трехсот лет можно считать вполне реабилитированным. Во всяком случае его исключительные заслуги перед философией и наукой с лихвой покрывают совершенные им преступления по должности.

В нашу задачу не входит дать оценку моральной личности Бэкона. Этим делом пусть занимаются патентованные моралисты. Что мы можем сказать: Бэкон был не хуже других и в моральном отношении вряд ли стоял ниже Декарта или Лейбница. То же касается судившей его палаты лордов, то большинство членов, вне сомнения, было во всех отношениях хуже Бэкона. Если принять во внимание, что в Англии в XVII веке обычай принимать «подарки» при исполнении обязанностей судьи считался явлением общераспространенным и как бы легализованным, то в этом отношении грешили решительно все чиновники, то придется признать Бэкона человеком даже «бескорыстным», ибо на 3000 решенных им дел было подано лишь 20 жалоб. Нет никакого сомнения в том, что Бэкон пал жертвой политической интриги и что он был избран виновником всех общественных зол для того, чтобы отвлечь внимание народа от настоящих виновников.

Впрочем, повторяем, мы не выступаем в роли адвоката Бэкона ни по делу о мздоимстве, ни тем более по делу об участии философа в знаменитом процессе графа Эссека. Мы только подчеркиваем, что в подходе к таким вопросам требуется историческая перспектива—во-первых; а во-вторых, мы имеем полное право обратиться к строгим судьям философа с вопросом: «А судьи то?».

Но, какова ни была моральная личность Бэкона, его историческое значение основывается на произведением им в области наук великим перевороте, определившем в значительной степени дальнейшее развитие всего нашего знания.

Бэкон исходил в своем творчестве из одной великой идеи: из необходимости создания нового орудия для достижения власти человеком над природой. Этим могут орудием должен был явиться новый метод. Поворотные пункты в истории мысли, являющейся в свою очередь выражением глубоких социальных сдвигов, характеризуются обычно прежде всего сознанием необходимости новых методов исследования действительности. Так, на рубеже между феодальной и буржуазной эпохой выступают, с одной стороны, Бэкон, а с другой — Декарт. В новейшее время закладываются основы диалектического метода в недрах немецкой классической философии. Этот метод, преобразованный Марксом на материалистической основе, получает огромное значение могущего орудия для преобразования буржуазного общества в социалистическое и, вместе с тем, становится незаменимым методом научного познания вообще.

Бэкон отдавал себе вполне ясный отчет о той исторической задаче, которая стояла перед ним. Заканчивая вторую часть своего «Нового Органа», он писал: «В заключение мы должны предупредить, что наш Органон есть не более как логика, а вовсе не философская система. Но так как задача этой логики состоит в направлении нашей мысли и в обучении ее не цепляться, так сказать, за пустые отвлечения, и не гоняться за химерами, подобно общеупотребительной логике, но в рассмотрении природы, в раскрытии истинных свойств тел, их действий и строго определенных законов в материи, словом, в составлении науки, которая вытекала бы не только из природы ума, но и из природы самих вещей, то и не должно удивляться, что это сочинение пересыпано и снабжено наблюдениями, опытами и взглядами, относящимися к науке о природе, взглядами, которые, освещая наши принципы, служат как бы образцами изших философских приемов»¹⁾.

Таким образом Бэкон хорошо понимал, что плачевное положение, в котором находилась в его время наука, объяснялось отсутствием надлежащего метода. В «Новом Органоне», изданном в 1620 г., Бэкон и излагает основы своего метода. Что же представляет собою его метод? На этот вопрос Бэкон дает вполне правильный ответ: метод есть логика. Одним методом наука разумеется, не исчерпывается, но он составляет основу всякой науки, ибо метод должен быть руководителем и напра-

¹⁾ Бэкон, Собр. сочин., пер. Бибикова, ч. II, стр. 300.

вителем нашей мысли и нашего исследования. В этом отношении всякий новый метод, имеющий действительное научное значение, и направляет острье своей критики против господствующей логики. Так, Бэкон считал одной из самых важных своих задач подвергнуть уничтожающей критике христианскую или силлогическую логику.

Научный метод — это, выражаясь словами Бэкона, фонарь, освещающий путь исследования. Беконов метод сводится, как известно, к индукции. Однако надо помнить, что у него индуктивный метод носил несколько иной характер, чем у последующих эмпириков и индуктивистов. Бэкон требовал союза между опытом и разумом. Он не похож на ограниченных эмпириков, которые считают задачей науки одно лишь собирание фактов. Напротив, он их резко критикует. Его противниками являются не эмпирики, так и догматики: «Философы, посвятившие себя исследованию науки, делятся на два класса, эмпириков и догматиков. Эмпирик, подобно муравью, довольствуется собиранием и затем потреблением своих запасов. Догматик, подобно пауку, расширяет сети, извлекая материал для них из самого себя. Паула держится средины: она получает первый материал из полевых и садовых цветов; затем свойственным ей искусством она перерабатывает и превращает его. Нечто подобное делает и истинная философия: она не полагается ни вполне, ни даже главным образом, на естественные силы человеческого разума, и материалы, извлекаемые ею из естественной истории, она не сваливает в памяти в том виде, в каком она почерпнула их из двух этих источников, но складывает их в правильные запасы, тоже предварительно переработав и переварив их. Поэтому главное пособие, на которое мы должны возлагать все наши надежды, это тесный союз между этими двумя способностями, опытной и умственной, союз, который до сих пор еще не был заключен».

Таким образом наука состоит «в применении рационального метода к данным, доставляемым внешними чувствами», как формулирует мысль Бэкона К. Маркс.

II.

Будучи противником механического материализма, Маркс отдавал преимущество конкретному материалистическому мировоззрению Бэкона перед абстрактным материалистическим и механическим материализмом Гоббса и Декарта. Поэтому для нас несомненно интересно ознакомиться несколько ближе со взглядами Бэкона.

Бэкон, как известно, очень высоко ценил Демокрита. Он видел в атомистической его гипотезе высшее достижение че-

ловеческого ума. В то время, как «грекотия Аристотеля и нащущенность Платона» питали школьную мудрость, глубокое учение Демокрита чествовалось и почиталось мыслителями, любившими размыщлять «в тишине и уединении», — говорит Бэкон. До нас дошли от древней философии учение Аристотеля и Платона, между тем как учение Демокрита было забыто. Чем объясняется это обстоятельство? — спрашивает Бэкон. На этот вопрос он дает следующий ответ: философию Демокрита изучили не Аристотель и Платон, а варвары — Гензерах и Аттила. Ибо, по потоплении науки человеческой, философия Аристотеля и философия Платона, подобно доскам из легкого и разбужшего дерева, всплыли после всеобщего потопа на поверхность и дошли до нас, тогда как более прочные произведения потонули и были обречены на забвение. Но философия Демокрита заслуживает того, чтобы мы огомстили за подобное ее забвение, говорит Бэкон. Он считает своей обязанностью реабилитировать Демокрита, противопоставляя его Аристотелю и Платону, прежде всего в отношении вопроса о природе материи. Платон и Аристотель исходили из того взгляда, что материя лишена всяких свойств и безразлична относительно формы. Такая отвлеченная материя похожа на публичную женщину, говорит Бэкон; формы же, с их точки зрения, являются как бы его легкомысленными искателями. «Воззрения философов... на отвлеченную материю стоят не выше тех, которые воображают, что военные и все, что в ней есть, состоят из категорий или других подобных, чисто логических представлений»¹⁾.

Итак, Платон и Аристотель кладут в основу своего мировоззрения отвлеченную материю, что соответствовало их идеалистическим взглядам. Стоя на этой отвлеченной точке зрения, приходится признать, что фантастические существа могут дать существование реальным телам, между тем как первоначальные простейшие элементы, из которых состоят сложные тела, должны, само собою разумеется, иметь реальное, а не отвлеченное только существование. Атомистическая гипотеза Демокрита исходит из той мысли, что элементы вещей тождественны, правда, по их сущности, но различны по форме. Все вещи в природе в дальнейшем зависят уже от взаимного расположения и способа сочетания этих первых элементов или атомов. Наряду с Демокритом, Бэкон превозносит также Эмпедокла, Анаксагора и Анаксамена, которые хотя «имели во всех отношениях весьма различные мнения о первоначальной материи, сходились по крайней мере в предположении, что материя эта деятельна и обладает известной формой, что она была зародышем той формы

¹⁾ Бэкон, О мудрости древних (II т. Собрания сочинений), стр. 588—589.

в спорных телах, в которые она входила; наконец, что в ней самой заключалось начало ее движения: такое представление мы вынуждены составить себе, если только не желаем совершенно отказаться от опыта. Вот почему все эти философы подчинили ги фактам и старались согласить свое мнение с действительным состоянием мира»¹⁾.

Таким образом мысль Бэкона сводится к тому, что материя не отличается косностью, а деятельна, что ее не следует мыслить себе бесформенной и бескачественной и что движение составляет ее внешнее свойство материи, а присущий ей атрибут. С точки зрения Бэкона, материя, форма и движение составляют неразрывное единство. «Эти три вещи ни в коем случае не должны быть отделены, но только отличены, и, какова бы ни была первоначальная материя, она необходимо должна быть облечена в известную форму, одарена известными определенными свойствами и устроена так, чтобы всякий вид силы, качества, содержания, бытия и естественного движения мог быть ее последствием и ее произведением»²⁾.

Поднятый здесь Бэкона вопрос заслуживает самого серьезного внимания. В самом деле, механическое мировоззрение исходит обычно из предположения, что материя состоит из тождественных, бесформенных и бескачественных элементов — однородных, материальных частиц, лишенных всяких свойств и проч. На подобной точке зрения стоит и современное теоретическое естествознание, унаследовавшее это воззрение от XVII века. вполне естественно, что при подобном допущении приходится признавать реальным и обективным одно лишь количественное определение вещества и одно лишь механическое движение — перемещение. По мнению Бэкона, одинаково описываются как те философы, которые предполагают, что отвлеченная материя есть истинное начало всех вещей, так и те мыслители, которые воображают, что первоначальная материя уже с самого начала обладает всеми свойствами, встречамыми нами во всех сложных телах. Вытекающие из указанных предположений трудности и внутренние противоречия действительно очень велики и над ними следует серьезно призадуматься. Современные механисты, с которыми нам приходится спорить, не замечают всех этих трудностей. В самом деле, предположив, что первоначальная материя бесформенна и бескачественна, лишена определенных свойств, механисты, с другой стороны, вынуждены допустить, что эта первоначальная материя заключает в себе с самого начала все свойства, которые мы встречаем в самых сложных телах, ибо они принципиально отвергают возможность возникновения

¹⁾ Там же, стр. 589.

²⁾ Там же, стр. 590.

новых форм или качеств, новых форм движения и проч. Современные механисты, как впрочем и механисты всех времен, синтезируют таким образом воедино два диаметрально-противоположных заблуждения, как выражался бы Бэкон. Но два соединенных вместе заблуждения не рождают истины.

С точки зрения наших механистов, всякий, кто допускает мысль, что на определенной ступени развития материального мира возникает новое явление, напр., жизнь с присущими ей специфическими свойствами и законами, неминуемо и неизбежно впадает в об'ятия витализма. Но, спрашивается, как же механисты разрешают эту проблему? Ведь самый факт существования жизни не дано аннулировать даже самому смелому механисту. Если же «факт» не вызывает сомнения, то необходимо дать ему научное об'яснение. Вполне понятно, что, отвергая возможность возникновений в природе новых форм, качеств, свойств и проч., механисты вынуждены признать, что жизнь, напр., присуща с самого начала любой частице материи, любому «электрону», что этот «электрон» не лишен ни одного встречающегося в природе свойства, что все законы жизни, мышления, общества содержатся в нем, и нам ничего другого не остается делать, как заниматься исключительно и единственno анализом тождественных материальных точек, лишенных, с другой стороны, всякой формы, всякого качества и свойства.

Таким образом, механисты — будь они последовательны — должны были бы встать, по крайней мере, на почву одушевленности всякой материи, что означало бы уже отказ от механической точки зрения. Но они этих выводов не делают. В таком случае возникают еще большие трудности, ибо с их точки зрения жизненные и психические явления в сущности тождественны с явлениями неорганической природы. Отсюда следует одно из двух: либо всякая материя мертва, либо всякая материя есть живая (и мыслящая) материя. Если мы допустим, что всякая материя одушевлена, то мы тем самым отказываемся от механической точки зрения и вынуждены будем признать, что атом, электрон и проч. обладают жизнью и сознанием. Механисты, как известно, такую точку зрения отвергают. Тогда остается другой выход: признать, что живая материя тождественна мертвей. Фактически они отстаивают именно последнюю позицию. Не будучи таким образом в состоянии об'яснить жизненные и психические явления, они-то и открывают широко двери для виталистических идей, ибо в таком случае жизнь и сознание возникают подобно «револьверному выстрелу», как выражается в одном месте Г. Плеханов, и для об'яснения их требуется уже особый принцип, особое начало — дух.

Все связанные с механическим взглядом на природу противоречия разрешаются и преодолеваются диалектическим мат-

риализмом. В настоящей заметке, посвященной Бэкону, мы не ставим себе целью изложить точку зрения диалектического материализма на затронутые нами вопросы. Мы это отчасти уже сделали в другом месте. Здесь достаточно только подчеркнуть, что современная наука на Западе в лице целого направления, взгляды которого нами будут подвергнуты критике в другой связи, понимая недостаточность и внутреннюю противоречивость механической точки зрения, с одной стороны, и научную несостоятельность витализма — с другой стороны, ищет новых путей. Основным лозунгом этого направления является преодоление как механизма, так и витализма. Очевидно, что будь представители этого направления знакомы с диалектическим материализмом, их задача была бы легко решена. В настоящее время им приходится многое бороться, делать ошибки, но что характерно, это то, что в некоторых основных пунктах они близко подходят к диалектическому решению проблемы. Что же после этого сказать о наших механистах, которые постоянно «косноруя» науку, обвиняя нас, смертных, в недостаточном внимании к «последним выводам естествознания».

III.

Обратимся, однако, снова к Бэкону. Итак, из изложенного выше мы уже знаем, что бэконовский материализм носят совершенно другой характер, чем механический материализм Гоббса или Декарта. Он отвергает отвлеченную материю; для него даже первобытная материя неизбежно связана с определенной формой, известными свойствами и движением. Характеризуя учение Бэкона, К. Маркс говорит, что его материализм содержит в себе «главнейшее соединение зародышей всестороннего развития» и что в дальнейшем своем развитии материализм становится односторонним и аскетическим именно потому, что физическое движение приносится в жертву (в особенности у Гоббса) математическому или математическому движению. Что же касается Бэкона, то его с точки зрения «первым и самым главным из свойств, прирожденных материи, является движение, — не одно только механическое и математическое движение, но и движение, как стремление, как жизненный дух, как направление, как течение материи, выражаясь языком Якова Бема. Первичными свойствами материи являются неограниченные присущие ей силы, создающие специфические индивидуальные различия живых существ».

Стало быть, материализм Бэкона по основной своей тенденции не был материализмом механическим и именно в этом и заключалось, с точки зрения Маркса, преимущество Бэкона пе-

ред Гоббсом. В отличие от Гоббса и Декарта, положивших в основу своей логики или методологии естествознания исключительно категорию количества, Бэкон особенно сильно подчеркивал значение и категории качества. Поэтому, как мы уже видели, он мыслил первобытную материю необходима связанной с движением и определенным качеством (или формой). Это отнюдь не значит, что Бэкон отвергал целиком категорию количества и не понимал значения математики для естествознания. Но он отказывался видеть в физике исключительно «прикладную математику». Он считал необходимым, чтобы физик или вообще естествоиспытатель сосредоточил свое внимание на физических свойствах предметов, не только на общем, но и на особенном, т.е. на том, что составляет специфическое и качественное бытие предмета¹⁾.

Согласно своему основному взгляду на естествознание, Бэкон отводит математике скромное и подчиненное физике место. Он возражает против притязаний математиков, требующих, чтобы физика была подчинена математике. «Как бы то ни было,— пишет Бэкон,— не подлежит сомнению, что из всех естественных форм, в том смысле, в каком мы их понимаем, количество есть самая отвлеченная, и легче всего может быть отделена от материи; вот почему им занимались совершенно иначе, чем другими формами, глубже погруженными в материю»²⁾.

Обычно утверждают, будто Бэкон вообще не понимал значения математики для естествознания. Но это, разумеется, совершенно неверно. Бэкон возражал только против отождествления количества предмета со всем предметом, хорошо понимая, что хотя «категории количества—одно из существенных качеств всего сущего», как выражается А. Герцен, она не исчерпывает все же всего качественного. Количества, взятое само по себе, есть лишь абстракция, отвлеченная «форма». Надо признать заслугу Бэкона, что он подчеркивал отвлеченную, формальную сторону математики. Но уже Бэкон ставил вопрос о неразрывной связи количества с качеством и подходил близко к проблеме меры. Так, он пишет: «Мы поместим в двадцать третий ряд приметы количества, которые мы назовем также дозами природы, заимствуя этот термин у медицины; это такие, которые измеряют свойства тел сравнением с количеством материи в них, и которые показывают нам, в каком соответствии находится это количеством материи с напряженностью свойства». А несколько ниже он продолжает развивать ту же мысль в следующих выражениях: «...не должно останавливаться на неопределенных коли-

¹⁾ Ср. L. Feuerbach, Geschichte der neueren Philosophie, 1847 г., стр. 38—39.

²⁾ Бэкон, Собрание сочинений, т. I, стр. 284.

чествах; следует еще определять соответственные пропорции, т.-е. отношение количества материи к напряжению свойствам в телах каждого рода. Ибо естественно представляется, что это напряжение именно пропорционально данному количеству».

«Наконец, в каждом исследовании естественных явлений необходимо убедиться в количестве данной материи, потребном для известного действия, в количестве, представляющем как бы дозу, и принять необходимые предосторожности против чрезмерно большого и чрезмерно малого ее количества»¹⁾.

IV.

Нам остается сказать несколько слов об общем историческом значении Бэкона. В качестве представителя нового восходящего класса и, стало быть, новой исторической эпохи, Бэкон выступает с резкой критикой отжившего средневекового мировоззрения и средневековой науки. Он отвергает схоластическую мудрость, основанную на анализе слов и понятий, на игре пустыми силлогизмами, считая необходимым отвести почетное место естествознанию, которое должно базироваться на новом методе. Если предметом науки, вместо теологии и сверхчувственного мира, Бэкон выдвигает на первый план естествознание, то источником познания провозглашается исключительно онт, понимаемый не в субъективно-психологическом, а в объективно-материалистическом смысле. Орудиями познания для Бэкона являются чувства и мышление. В этом смысле Бэкон не был ни узким эмпириком, ни ограниченным индуктивистом. Он признавал значение дедукции, но в ограниченных рамках. Объектом знания для него являются «вечные и неизменные формы вещей». Формами же вещей он считал всеобщее родовое в вещах, но не формально-всеобщее, а материально-определенное всеобщее, которое является вместе с тем и принципом особенного, т.-е. специфического свойства вещей. Напр., всеобщее, или «понятие» теплоты составляет движение, но вместе с тем мы имеем дело со специфической формой движения, а именно с «экспансивным» движением, благодаря которому тело расширяется. Таким образом Бэкон рассматривает теплоту, как форму движения, тем и предвосхищает современное учение о теплоте.

Под формами, подчеркивает Бэкон, следует понимать не что иное, как закон. «Что касается до нас,— говорит он,— то, говоря о формах, мы разумеем только законы и определения про-

¹⁾ Бэкон, Собр. сочин. т. II, стр. 249—250.

стого акта, характеризующего и устанавливающего то или иное простое свойство, как теплоту, свет или тяжесть во всяком веществе или предмете, в которых они выражаются. В самом деле, сказать форма теплоты, форма света, или сказать закон теплоты, закон света для нас одно и то же; ибо мы тщательно имеем в виду «не удалиться ни от действительных фактов, ни от деятельной их стороны»¹⁾.

Таким образом формы вещи есть не что иное, как ее закон или сущность. Глубокая мысль, лежащая в основе этих рассуждений, сводится, во-первых, к тому, что в изучении природы необходимо стремиться к отысканию законов явлений. Законы же являются, по учению Бэкона, выражением единства природы, связывающего разнородные и разнообразные явления в одно целое. Поэтому всеобщее (закон, форма) дифференцируется и модифицируется на частные и особенные явления, подчиненные, однако, единому закону единой форме. Отсюда следует, что природу необходимо изучать как в ее единстве, так и в разнообразии, вытекающем из этого единства. Необходимо постоянно стремиться к переходу от различий к единству и от единства к различиям. Мы в таких случаях часто убеждаемся в том, что то, что кажется нам разнородным и различным, представляет на самом деле лишь простое видоизменение общего свойства, единой «формы» или сущности.

Обычно принято думать, напр., что теплота небесных тел, теплота животных и теплота огня суть три различных рода теплоты, что они существенно разнородны. На самом деле это не верно. Необходимо эту разнородность свести к единству и вместе с тем отыскать причину истинных различий между ними. Исследование, опыт показывает нам их действительное единство. Приведя соответствующий опыт, Бэкон заключает: «На основании этого первого указания, мысль, отбросив всякое представление о существенной разнородности, поддается к исследованию истинных различий между теплотой солнца и теплотой огня и побуждает их к отысканию причины, почему так различны и действия, хотя они и заключают в себе общее свойство»²⁾. Это значит, что одна и та же сущность проявляется в различных формах или действиях. Этим методом Бэкона был проложен путь к новому научному пути, на котором она и достигла в последующие эпохи своих огромных успехов.

Бэкон выступил, как реформатор науки, или, вернее, как ее основатель. Он вынужден был поэтому указать причины плачевного положения науки в его время. Естественно, что

¹⁾ Там же, стр. 152.

²⁾ Там же, стр. 194.

ему приходилось выступать против темных сил, препятствовавших развитию и прогрессу науки.

В числе причин, которые задерживали развитие и расцвет науки, Бэкона были указаны господствовавшие в то время предрассудки, суеверия и слепая вера. Хотя Бэкон субъективно не был атеистом или антихристианином, но поскольку он отстаивал права науки, ее автономию, поскольку он доказывал, что наука не должна вмешиваться в науку, что христианство повинно в упадке науки и в отвлечении человека от природы и проч., он тем самым вел борьбу против христианства и церкви, подрывая, если не прямо, то косвенно, их устои.

Бэкон — один из первых, кто отстаивал необходимость изучения природы не путем простого анализа слов и понятий, а путем наблюдения, опыта и эксперимента, что до него считалось чуть ли не преступлением против церкви и короля.

Великой заслугой Бэкона необходимо признать его практический подход к науке, к теоретическим изысканиям. Истинной целью науки для него являлось счастье человечества. Практическая деятельность и теоретическое размышление для него связаны неразрывно. Естествознание имеет своей конечной целью счастье человека над природой. Во всех этих положениях приводится стремление нового общественного класса к завоеванию власти над природой, к утверждению знания для осуществления практических задач, для увеличения мощи и силы превышающей в то время английской буржуазии.

На предыдущих страницах мы подчеркнули почти исключительно положительные стороны в учении Бэкона. Само собою разумеется, что его учение не свободно от крупнейших ошибок и заблуждений. Бэкон не мог освободиться от многих предрассудков своей эпохи. Он верил, напр., в магию; его «учение еще полно теологической непоследовательности» и проч. Но мы не считали нужным подчеркнуть слабые и отрицательные стороны учения Бэкона просто потому, что он вошел в историю не благодаря своим ошибкам и заблуждениям, а благодаря тому, что в его учении было значительного и великого и что способствовало дальнейшему развитию науки и философии.

В трехсотую годовщину смерти великого мыслителя мы должны вспомнить, что триста лет тому назад Ф. Бэкона были положены в новое время первые камни, из которых впоследствии склонилось мировоззрение пролетариата — диалектический материализм.

Тектология или диалектика.

Ник. Карев.

(Окончание).

V. Теория равновесия и марксизм.

Точка зрения равновесия вполне может быть признана центральной идеей всех методологических построений А. Богданова. Начиная с самых ранних его произведений¹⁾ и кончая «Тектологией», она неизменно воспроизводится, приобретая все большее и большее значение и постепенно превращаясь в универсальную схему—волшебный ключ к пониманию всех явлений материальной и духовной жизни. Она завершаетздание «организационной науки». Она составляет «сущность марксовского «материалистического» понимания диалектики»²⁾.

Как мы видели уже на разборе Богдановым триады, с его зрения диалектика, исходящая из единства противоположностей, как основного закона всего сущего, идеалистична. Кому же выступить в защиту материалистического понимания марксовского метода, как не автору эмпирионизма!

Мы словно на маскараде. Материалиста Энгельса идеалист Богданов обвиняет в недостаточной материалистичности его метода и, в свою очередь, клянется вскрыть в идеалистической конструкции глубочайшую материальную основу диалектики. Как же не увлечься такой сверх-материалистичностью! Тем более, что во всяком случае точка зрения равновесия чрезвычайно «судебна». В то время как диалектическое понимание единства противоположностей предполагает напряженную работу мысли и конкретный анализ—схема равновесия проста и в простоте своей позволяет как бы осязать и ощущать эти противоположности. Разве этого недостаточно для успеха?

И, однако, мы все же только на маскараде. Лишь в сумерках под масками удачно скрываются лица. При дневном свете маски быстро тускнеют и скорее смешат, нежели украшают. Такова судьба и «материализма» теории равновесия А. Богданова. Постмодерн же, что скрывается под этой маской.

* * *

¹⁾ Ср. «Основные элементы исторического взгляда на природу», № 1899, стр. 42—47.

²⁾ Тектология, 511.

Лиши.

Итак, сущность марксовского (!) «материалистического» (нельзя отказать в остроумии Богданову, когда он сам берет свой материализм в кавычки!) метода такова:

Всякая реально развивающаяся форма заключает в себе противоположно направленные или «борющиеся» силы. Их соотношение, прежде всего количественное, непрерывно меняется в зависимости от всей суммы условий, внутренних и внешних. Чем преобладание остается на одной стороне, форма сохраняется; тем более оно уменьшается, тем слабее становится ее устойчивость. В тот момент, когда оно уничтожается, эта устойчивость исчезает также; тогда «количество переходит в качество», и происходит резкое преобразование формы, переворот, революция,—то, что мы обозначили общим именем «кризис». Форма «отрицается», переходит в свою противоположность, «антитезис». В нем также выражает внутреннее «противоречие»; и оно, развиваясь аналогичным путем, приводит к «отрицанию отрицания» или «синтезу», представляющему формально сходство с «тезисом», но обогащенному содержанием или усовершенствованному по сравнению с ним⁴⁾.

Но следует, однако, думать, что так именно понимали «сущность» своего метода сами основоположники марксизма. Богданов в этом отношении не питает никаких иллюзий. Мы уже видели, что с его точки зрения Маркс «четко выражался» и потому не вполне понимал свое собственное мировоззрение, когда называл его материалистическим. То же самое имеет место и в отношении метода. Маркс и Энгельс не стояли на организационной точке зрения и поэтому, естественно, не могли понять «реальный смысл» диалектики, установленный А. Богдановым.

Упустив (же) из виду живой, реальный смысл диалектики, Гегель и Маркс потеряли возможность о б'я с нить⁵⁾ отдельные законы, напр., закон перехода количества в качество. Это изменение, как мы знаем уже, заключается в том, что «если один или иной процесс—движение тела, жизнь организма, развитие общества—определяется борьбою двух противоположных сил, то одна преобладает количественно одна из них, хотя бы немногого,—процесс идет в ее сторону, подчиняется ее направлению. Как только другая сила, возрастаая, наконец, сравняется с ней, тотчас меняется весь характер процесса, его «качество»: либо он прекращается, либо, с дальнейшим, хотя бы ничтожным увеличением второй силы, принимает обратное прежнему направление; в обоих случаях наши чувства сообщают, что перед нами нечто качественно иное, чем прежде»⁶⁾.

⁴⁾ Тектология, 511—512.

⁵⁾ А. Богданов, Философия живого опыта, 3 изд., стр. 248.

⁶⁾ Там же.

Под знакомом Марксизма.

Такому же «объяснению» (мы едва-едва не сказали осколки) должны подвергнуться и остальные законы диалектики—закон триады и т. д.

«Все такие «объяснения» возможны лишь тогда, когда понято организационное содержание диалектики. Основатели диалектического материализма не достигли этого, их последователи вообще не пошли дальше их»¹⁾.

Таким образом ревизия начинается под видом защиты «сущности» марксовского учения от лжетолкований его в идеалистическом духе. Затем оказывается, что остатки «гегельянства» были и у самих учителей марксизма, благодаря чему они «упустили из виду» сущность своего собственного учения. Отсюда следует, что установленные ими законы носят формальный характер, касаются лишь единичных фактов, неточны и сами нуждаются в объяснении. Это объяснение должна дать организационная наука. Но тем самым делается некий принципиальный шаг вперед. «Принципиальный шаг вперед от диалектических мировоззрений состоит в том, что сама диалектика исследована и об'яснена». При этом раскрывается также ее историческая ограниченность, необходимость перехода к более широкой и общей точке зрения: организационные процессы в природе совершаются не только через борьбу противоположностей, но также иными путями; диалектика, следовательно, есть частный случай, и ее схема не может стать универсальным методом. Вытекающую отсюда новую точку зрения формулирует эмпирионизм²⁾.

Итак, круг завершился. От защиты марксовского материализма под аккомпанемент воплей против «гегельянства» мы блаженно приходим к утверждению... эмпирионизма. Чем не зрелище для богов! Во всяком случае Богданову нельзя отказать в оригинальности его способа ревизовать Маркса. Начав с требований об'яснить диалектику, Богданов вполне последовательно приходит к идеализму. Слово «объяснение» у него оказывается ничем иным, как маской, псевдонимом отрицания. Разберем, почему же богдановская теория равновесия приводит к такому поразительному превращению.

* * *

Как мы уже видели, «борьба противоречий» с точки зрения тектологии есть не что иное, как антагонизм различно направленных сил, противодействующих друг другу и обуславливавших движение. При этом, в основе своей, этот антагонизм есть прежде всего антагонизм между данной системой и окружающей

¹⁾ Там же, стр. 265.

²⁾ Там же, стр. 266.

ее средой, находящий себе выражение в постоянной смене состояний равновесия между ними. «Структура систем равновесия для современного научного мышления тем и характеризуется, что она заключает в себе противоположные процессы, взаимно нейтрализующиеся на некотором уровне»¹⁾. Но «за любой «бесконечно-малый» промежуток времени данный комплекс проходит из фазу некоторого общения со средой, и возникающие из нее, хотя бы еще более «бесконечно-малые» системные расхождения с их дезорганизационными моментами, и на основе этих последних — соответственные консолидирующие тенденции, как бы ничтожны ни были их проявления»²⁾.

В смене этих фаз—равновесия, через нарушающую его борьбу к новому равновесию—и заключается тектологическая «триада».

Поэтому основные положения богдановской теории равновесия можно выразить следующим образом:

Все существующее представляет собою не что иное, как взаимодействие различно направленных сил. Эти силы-элементы образуют комплексы, которые уравновешивают друг друга до тех пор, пока не меняется отношение между ними и окружающей их средой. С изменением этого отношения—равновесия со средой, нарушается равновесие внутри системы, что приводит к ее перформированию и новому состоянию равновесия на измененной основе. Само собой разумеется, что здесь мы имеем перед собой чисто-механический процесс, вызываемый количественной перегруппировкой данных уже элементов. Самая возможность этого процесса обусловлена тем, что заранее дана некоторая «начальная разность» между элементами. Именно поэтому отдельные комплексы сил не могут достигнуть состояния абсолютного покоя, так как, взаимно уравновешивая друг друга в данной системе, они неизбежно приходят в столкновение с окружающей их средой и тем самым вызываются из этого состояния. Различную количественную перегруппировку элементов наши чувства фиксируют как изменения «качества» процесса. Таким образом «объяснение» перехода количества в качество сводится к тому, что качество вполне субъективно, представляя собой не что иное, как отражение в нашей чувственности изменения количественных отношений мира.

Таковы основные положения теории равновесия. Переходим теперь к их критике. Начнем прежде всего с выяснения значения понятия равновесия у Маркса и Энгельса.

¹⁾ Тектология, 214—215.

²⁾ Там же, 513.

* *

Приведем ранее два-три важнейших места из работ Энгельса.

В «Диалектике природы» соотношению равновесия и движения посвящен особый фрагмент. В виду чрезвычайной важности этого фрагмента для выяснения интересующего нас вопроса приведем его целиком:

«Движение и равновесие. Равновесие неотделимо от движения. В движении небесных тел движение находится в равновесии и равновесие—в движении. Всякое специально относительное движение, т. е. здесь всякое отдельное движение отдельных более мелких тел на каком-нибудь движущемся небесном теле, это—стремление к установлению относительного покоя, равновесия. Без относительного покоя нет развития. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия является существенным условием дифференцирования материи, а значит и жизни. На солнце нет вовсе равновесия отдельных веществ, а только всей массы, или же только весьма ничтожное равновесие, обусловленное значительными различиями плотности, на поверхности—вечное движение, отсутствие покоя, диссоциация. На луне, повидимому, царит полное равновесие, без всякого относительного движения—смерть (луна—отрицательность). На земле движение дифференцировалось в смене движения и равновесия: отдельное движение стремится к равновесию, а совокупное движение снова уничтожает отдельное равновесие. Скала пришла в покой, но процесс выветривания, работа морского прибоя, действие рек, глетчеров не прерывно уничтожает равновесие. Испарение и дождь, ветер теплоты, электрические и магнитные явления представляют ту же самую картину. Наконец, в живом организме мы наблюдаем непрерывное движение всех мельчайших частиц его, а также более крупных органов, имеющее своим результатом, во время нормального периода жизни, постоянное равновесие всего организма и, однако, пребывающее всегда в движении; мы наблюдаем здесь живое единство движения и равновесия. Всякое равновесие лишь относительно и временно»¹⁾.

Таким образом, какова постановка вопроса Энгельсом? Исходное—движение. Равновесие—относительно и временно, представляет момент движения. Отдельное движение стремится к равновесию, совокупное движение снова и снова уничтожает его. Полное равновесие тождественно смерти, но и абсолютно неустойчивое, бесформенное движение исключает равновесие. Развитие предполагает известную дифференциацию материи, приво-

¹⁾ «Диалектика природы»,—Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 2, стр. 23.

дущую к времененным и относительным состояниям равновесия, постоянно уничтожаемым совокупным движением. Равновесие есть не что иное, как относительный покой тела. В этом смысле равновесие противоположно движению. Но сама эта противоположность относительна: «Абсолютного покоя, безусловного равновесия не существует. Отдельное движение стремится к равновесию, общее движение снова нарушает равновесие. Таким образом покой и равновесие там, где они имеют место, являются результатом ограниченного движения...»¹⁾.

Всякий покой, всякое равновесие только относительны, имеют смысл только по отношению к той или другой определенной форме движения²⁾. Само же движение абсолютно,—никогда и никогда не может быть материей без движения.

Таким образом у Энгельса речь идет вовсе не о том, чтобы отрицать существование тех или иных состояний равновесия в действительности. Но они временные, представляют лишь момент в движении материи, имеют смысл лишь в отношении той или иной его определенной формы, являются результатом ограниченного движения. Таким образом состояния равновесия представляют собой подчиненные и быстро проходящие моменты совокупного движения и развития. Основное и определяющее есть движение.

Если это так, а с точки зрения Энгельса это несомненно так, то тогда подлинная задача науки заключается в том, чтобы изучать не столько законы равновесия предмета, сколько законы его движения—возникновения, развития и перехода в новую форму, по отношению к которому равновесие представляет собой проходящее и относительное состояние.

Попробуем с этой точки зрения разобрать, какую задачу ставил перед собой марксовский «Капитал». Было ли его задачей открыть закон равновесия капиталистической системы или закон ее развития и перехода в новую форму? Ответ, в сущности, заключен уже в самом названии «Капитала»—«Критика политической экономии». Что это значит? Это значит, что «Капитал» представляет собой не только логическую критику предшествующих политico-экономических учений, но и историческую и критическую. Маркс исходил не просто из факта существования капиталистического способа производства, который надо об'яснить—это и было бы созерцательной, не диалектической точкой зрения буржуазной политической экономии,—а из изучения тенденций его развития. «Капитал» должен был доказать, как внутренняя закономерность противоречивого развития капитализма

¹⁾ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 3, стр. 74.

²⁾ Там же, стр. 71.

неизбежно приводит его к крушению и преобразованию. Точка зрения развития, а не точка зрения равновесия, составляет его метод. Логическая форма «Капитала» не должна нас в этом отношении обманывать. В рецензии на «Критику политической экономии» Энгельс писал: логический метод исследования Маркса «есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей. Логический ход мыслей должен начать с того, с чего начинает и история, и его дальнейшее развитие будет представлять собой не что иное, как отражение в абстрактной и теоретически последовательной форме исторического процесса, исправленное отражение, по исправленное соответственно законам, которым нас учит сама историческая действительность, ибо логический способ исследования дает возможность изучить всякий момент развития в его самой зрелой стадии, в его классической форме»¹⁾.

Именно эта историческая точка зрения, т.-е. точка зрения движения, и есть живая душа диалектического метода.

Само понятие равновесия, как следует из всего приведенного, понималось при этом Энгельсом и Марксом иначе, чем А. Богдановым. Оно для них не результат столкновения противоположно-направленных сил, а переход данного ограниченного движения тела в результате его взаимодействия с другими телами—в относительное и временное состояние покоя.

По поводу дюринговского «антагонизма сил» Энгельс пишет: «если гегелевское «учение о сущности» низвести до плоской мысли о силах, движущихся в противоположном направлении, но не в противоречиях, то, разумеется, лучше всего уклониться от какого-либо применения этого общего места»²⁾.

Это замечание решает. Точка зрения основоположников марксизма явно не имеет ничего общего с дюрингианскими измышлениями богдановской quasi-диалектической теории равновесия.

* * *

Основные возражения против богдановской теории равновесия с точки зрения диалектики можно было бы свести к следующим положениям:

1. Теория равновесия Богданова в основном стоит на靜的ской, а не на динамической точке зрения, поскольку опре-

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма» за 1923 г., № 2—3, стр. 55. Очень хорошо показано, как точка зрения равновесия приводит к апологетике в полемике Н. Осинского с проф. Кондратьевым по вопросу о теории кризисов Маркса (См. Н. Осинский, Мировое хозяйство и кризисы, изд. Коммунальной Академии, М. 1925 г., стр. 51—56).

²⁾ Ф. Энгельс, А.ти-Дюринг, стр. 141.

деляющим для данного тела признается момент покоя, а не момент движения. Понятие «подвижного» равновесия ничего не означает, так как сама эта «подвижность» рассматривается как нарушение состояний равновесия, а не наоборот—не состояния равновесия, как временные и относительные моменты устойчивости в процессе движения. Единство равновесия и движения здесь устанавливается с ударением на понятие равновесия в то время, как диалектика ставит ударение именно на движении тела, всегда и везде ему неизменно присущего.

Именно потому, что исходным оказывается момент равновесия тела, для объяснения движения тела сторонникам теории равновесия приходится прибегать к внешнему толчку, вызывающему изменения в данной системе, переходить на вульгарно имманентскую точку зрения.

Для материалиста-диалектика нарушение состояния равновесия тела, движение его есть не только результат внешнего воздействия окружающей его среды, но и движения внутренне самому предмету присущего, его самодвижения.

На понимание значения самодвижения предмета особое внимание обращал Ленин. Диалектическое познание действительности, как единства противоположностей, есть познание «всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанном развитии, в их живой жизни». Главное внимание должно направляться на познание источника этого «само» движения¹⁾. Это и есть требование изучения диалектики «самых вещей, самой природы, самого хода событий». Это и значит, что в изучении любого предмета или любой группы явлений необходимо ставить два требования—познать:

1. Необ. связь, об'ек. связь, связь всех сторон, сил, тенденций данной области явлений.

2. «Имманентное происхождение различий»—внутр. об'ект. логика эволюции и борьбы различий, полярности²⁾.

Забывание любого из этих двух требований есть нарушение диалектической логики. Движение мелкого производства необходимо приводит к возникновению различий среди мелких производителей, постепенную поляризацию их и переход к крупному производству. Было бы величайшей ошибкой игнорировать эту внутреннюю логику развития мелкого производства, движение его «природы». Но не меньшей ошибкой было бы рассматривать его независимо от окружающей его действительности, вне воздействия ее на него. Если в одних условиях оно приводит к возникновению крупно-

¹⁾ Н. Ленин, К вопросу о диалектике.—«Под Знаменем Марксизма» за 1923 г., № 5—6, стр. 14—15.

²⁾ Н. Ленин, Конспект «Науки Логики» Гегеля.—«Под Знаменем Марксизма», № 1—2 за 1925 г., стр. 15.

капиталистических предприятий, в других условиях, скажем, при поддержке социализированной промышленности, возможно перевести мелкое производство на рельсы крупного производства и не в капиталистической, а в обобществленной форме.

Теория равновесия не понимает, что сам предмет входит как составная часть в окружающую его среду, имманентен ей, и если он представляет высшую форму, то его отношение к среде будет тоже не простой зависимостью, а чем-то много более сложным. Чем выше данная форма движения, тем более влияние, оказываемое ею «самодвижением» на окружающую среду.

Так человеческое общество возникает в природе, как часть ее, и зависит от окружающих его климатических и географических условий. Но, раз возникнув, оно обладает и некоторым самодвижением, подчиняется определенным законам своего внутреннего развития, и несомненным чудаком признали бы мы в наше время человека, который пытался бы измененными климатического и пр. порядка обяснить историческое развитие за последние 4.000 лет. Это не значит, что географическая среда не оказывала никакого влияния на развитие человека, но само это влияние было производной от высоты данной общественной формы, достигнутого уровня производительных сил.

2. Именно потому, что с точки зрения равновесия исключается «имманентное происхождение различий», Богданову придется признать некую «начальную разность» элементов мира, благодаря которой возникает движение и разнообразие форм равновесия¹⁾. Мы оставляем в данной связи в стороне то обстоятельство, что это положение приводит самого Богданова еще линь раз к незавуалированному идеализму, поскольку он утверждает, что «ощущение возникает лишь там, где есть разница напряжений энергии между чувствующим аппаратом и средой» (это верно), и что «объективно что-либо происходит лишь там, где существует разница напряжений энергии между смежными комплексами» (что уже неверно, так как таким образом об'ективное и данное в ощущении отождествляются)²⁾. Нам важно сейчас лишь отметить, что таким образом теория равновесия приходит в совершенно метафизической точке зрения на процесс развития мира, поскольку современная наука учит нас, что все существующие ныне различия в мире представляют не нечто данное, а нечто ранее не существовавшее и возникшее, продукт истории. И вполне естественно поэтому, что логическим выводом из теории равновесия должно быть признание постепенной нейтрализации «активностей-сопротивлений» мира и таким образом постепенное замирание вселенной в некоей абсолютной системе равновесия.

¹⁾ Тектология, 227.

²⁾ Там же, 134.

3. Теория равновесия невероятно сужает и вульгаризирует диалектику единства противоположностей. Мы уже видели, как Богданов вполне последовательно с своей точки зрения отрицал противоречивость механического движения и к чему это привело. Совершенно несомненно, что с точки зрения Богданова вслед за энгельсовским и ленинским примером единство противоположностей в суждении: Иван есть человек (единство общего и отдельного), должен быть признан идеалистическим, поскольку в нем нет борьбы двух противоположно направленных «с и л».

В данной связи необходимо остановиться также и на самом понятии «сила». Богданов совершенно некритически употребляет его бесчисленное количество раз, не давая себе вовсе отчета в том, сколь метафизичен основной камень всех его построений. Часто внешняя, механическая точка зрения на движение в значительной степени об'ясняется у Богданова тем, что он не уясняет себе «реального смысла» понятия «сила».

Между тем и в «Анти-Дюринге» и особенно в «Диалектике природы» Энгельса мы находим совершенно ясную постановку вопроса. «Прибегая к понятию силы, мы выражаем не наше знание, а наше отсутствие знания природы закона и способа его действия¹⁾. Понятие «сила» мы употребляем лишь до тех пор, пока неизвестно, какая форма движения за ней скрывается. С установлением этой формы «снята категория силы»²⁾. В таком случае под «силой» мы будем разуметь лишь момент в переходе движения. «Активное движение мы называем силой, пассивное же — проявление силы»³⁾. Если действительно признать, что шагом вперед современного естествознания является то обстоятельство, что оно постепенно освобождается от метафизических и ничего не об'ясняющих «сил», заменив их изучением различных форм движения материи, то приходится также признать, что все построения, исходящие из взаимодействия сил, должны будут уступить место более глубокому об'яснению из трансформации и взаимозависимости форм движения. Т.е. механическая точка зрения и теория равновесия все более и более должны уступать место диалектике.

4. Вполне естественно, что, непосредственно вытекая из основных принципов тектологии, теория равновесия не может не прийти к отрицанию диалектической трактовки развития в противоречиях. Разбирая «механизм устранения противоречий», Богданов приходит к следующему выводу.

Развитие человечества привело к росту противоречий между различными группами людей, приспособившихся к различной

¹⁾ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 447.

²⁾ Там же, стр. 19.

³⁾ Анти-Дюринг, стр. 72.

географической среде. Эти противоречия проявлялись в «взаимном культурном отчуждении, взаимном непонимании» — тут на первом плане стоит расхождение в области языка, — столкновениях интересов, вражде, войнах племен и народов, в колоссальной растрате энергии, которая отсюда получалась¹⁾.

Рост этих противоречий естественно приводит к необходимости преодоления их каким-либо образом для обеспечения существования общества и перехода его на более высокую ступень. Но как это возможно? Как вообще возможно «разрешение противоречия»? Ответ Богданова гласит: «Ослаблялись и преодолевались эти противоречия также контр-дифференциацией, в виде всякого рода кон'югационных процессов: брачного смешения, взаимного влияния диалектов и языков, заимствования технических приемов, знаний, обычая, общения литературу, вообще всякого рода культурной взаимной ассимиляции. Чем сильнее она идет, тем более организованным, тем более устойчивым становится сожительство племен и народов и рас на земной поверхности». И в другом месте: «Так или иначе, но действительное разрешение противоречий и здесь являлось только в результате общений, большего или меньшего взаимопроникновения разошедшихся системных комплексов²⁾. Мы уже не говорим о том, что, разбирая противоречия развития человеческого общества, Богданов ни одним словом не обмолвляется о такой «мелочи», как борьба классов, предпочитая говорить о столкновениях общин, племен, народов, «рас» и т. п. Важен самый метод, «механизм» разрешения противоречия по Богданову. Это все также знаменитая и всеспасающая «кон'югация», т.-е. просто механическое соединение «противоположных» элементов. В другом месте, живописуя процесс социальной революции, Богданов набрасывает следующую знаменательную ее картину: «Заметим, что текстологическая картина социальных революций однородна со схемой гистолиза. В них также наблюдаются стихийные перемещения элементов и тканей социального целого и их «беспорядочное» смешение; также разрушаются или расплываются в общественной среде части, менее жизнеспособные, напр., группы и классы, выродившиеся в сторону паразитизма; также усиливаются и относительно возрастают более жизнеспособные; и в конце концов из всего этого складывается новая система социального равновесия»³⁾. Чем это представление о социальной революции, как «беспорядочном» смешении социальных групп, из которого выплывают на поверхность более «жизнеспособные» (?), не в пору любому мещанину! Подлинной борьбы противополож-

¹⁾ Текнология, 264.

²⁾ Там же, 264—265.

³⁾ Текнология, 263.

ностей, роли отрицательного момента, синтеза в результате похода, а не плоского слияния и взаимопроникновения борющихся сторон — понять всего этого Богданову не дано. Всему этому нет места в его схеме. Равновесие наступает в результате некоего усиления одних и ослабления других сил (уничтожения, отрицания, тут уже быть не может), в результате достижения некоей «гармонии» на подновленной основе. Естественно потому, что в другом месте, вновь возвращаясь к проблеме революции, он устанавливает нижеизложенную, с позволения сказать, закономерность: «Революции, разражающиеся взрывом, обычно затем, достигнув максимума, порождают противоположные движения социальных сил и идут на убыль, к некоторому «органическому равновесию»¹⁾. Конкретного анализа исторически данных революций, понимания того, что буржуазные революции отличались обычно реакцией в силу специфического своего характера, так как приводили к власти эксплуататорский класс, нет здесь и в помине. Господствует схема, которая вместо синтеза в результате борьбы противоречий требует «равновесия» данных элементов.

5. В связи с этим следует особо отметить чрезвычайный формализм теории равновесия. И здесь господствует все то же абстрактное тождество всего и вся, которое мы уже рассматривали выше, как один из основных китов всей методологии Богданова.

Разбирая способы сохранения или восстановления равновесия, Богданов наиболее распространенным признает способ периодических колебаний или «волн». Однако, установив однажды такую-либо схему, Богданов далее не может уже удержаться в них или иных пределах. Под нее немедленно подгоняются самые разнообразные явления. Несомненно, что волнобразное движение мы наблюдаем в чрезвычайно широком об'еме в различных явлениях природы. Но Богданов не успокаивается на этом. Не только явления неорганического мира, дыхание и пульс организмов — но и «смена поколений» представляет ряд накладывающихся одна на другую волн, — настоящий пульс жизни в веках и т. д.²⁾. Чисто-механическое перенесение схем из одной области в другую приводит к почти мистическим представлениям.

Несколько ранее мы говорили об этом формализме, игнорирующем содержание об'единяемых под предлогом общей внешней формы явлений, ниже приведем еще несколько примеров. Здесь же хотелось бы лишь напомнить, что говорил о подобном формализме, покоящемся на точке зрения абстракт-

¹⁾ Там же, 275.

²⁾ Текнология, 28.

ногого тождества, старик Гегель: «Можно утверждать, что формализм вместо внутренней жизни и самодвижения ее наличного бытия чувственному знанию по поверхностной аналогии присыпывает простую определенность созерцания, и такое пустое и внешнее применение формул называет «конструкцией»... «Если естественно-философский формализм учит, например, что рассудок есть электричество, что животное есть азот, или разноюгу или северу и т. д., или животное замещает азот, — в таких лаконических выражениях, как приведенные, или при наличии еще большей путаницы терминологии, то неопытный человек может впасть в полное изумление перед этой силой, которая соединяет кажущееся разнородным, и перед этой властью, которую испытывает спокойное чувственное бытие благодаря такой связи и которая сообщает ему таким образом видимость понятия, хотя главное обстоятельство, необходимое для выражения самого понятия или значения чувственного представления, и отсутствует. Он может впасть в изумление перед этим, почитая в такой монти глубокую гениальность, а также перед ясностью таких определений, так как они заменяют абстрактное понятие созерцательным элементом и делают его более годным для того, чтобы им позабавиться, и при помощи такого чудесного действия поздравить себя с удивительным родством душ. Прием такой мудрости так же легко постичь, как легко и применять, и его повторение, если он известен, столь же невыносимо, как повторение понятого фокусничества. Орудием такого однотипного формализма овладеть столь же легко, как палитрой художника, на которой находятся только две краски, например, красная и зеленая, для того, чтобы закрасить первой плоскость, если угодно, например, исторический предмет, а второй — панно. Трудно было бы решить, чего при этом больше — чувства ли удовольствия от окрашивания в один цвет всего, что находится на небе, на земле и под землею, или же воображения о превосходстве этого универсального средства; одно поддерживает другое. Этот метод, состоящий в том, чтобы наклеить всему небесному и земному, всем естественным и духовным, внешним формам пару определений общей схемы и таким путем все распределить, есть не что иное, как «ясное, как солнце, изложение для публики действительной сущности новейшей философии»; оно рассматривает организм вселенной в виде таблицы, которая может быть сравнена со скелетом с наклеенными ярлычками или с рядами закрытых банок с этикетками в мелочной лавке; эта таблица весьма похожа на то и на другое и упустила живую сущность дела подобно тому, как в скелете мясо и кровь отделены от костей, как и в лавке в банках скрыты неживые предметы. Выше уже замечено, что этот прием за-

вращается одноцветной абсолютной живописью, так как он, стыдясь различий схемы, погружает их, как принадлежащие рефлексии, в пустоту абсолюта, чтобы восстановить чистое тождество, бесформанное белое. Такая одноцветность схемы и ее бесизмененных определений и это абсолютное тождество и переход от одного к другому характеризуют собою мертвый рассудок и внешнее познание¹⁾. К этим словам нечего добавить. Разве то, что «ясное, как солнце, изложение» Фихте, против которого были направлены эти строки гениального диалектика и которое же пролагало путь новому методу, ныне заменили бесплодные песси «организационной науки», пролагающие себе дорогу лишь в самые доподлинно схоластические головы.

6. Наконец, последнее возражение против теории равновесия Богданова заключается в том, что она неразрывно связана с механической точкой зрения. Лишь отрицая различие между «механическим» и «органическим», лишь признавая механическое движение — единственным видом движения, можно защищать теорию равновесия. У Богданова его теория равновесия и механическая точка зрения неразрывно связаны, и поэтому все аргументы против механической точки зрения будут одновременно и аргументами против теории равновесия. К разбору и сейчас и перейдем.

VI. Механическая точка зрения и марксизм.

Наиболее отчетливо механическая точка зрения провозглашена Богдановым в его «Очерках всеобщей организационной науки». Вот что мы читаем там: «На деле всего полнее организационная точка зрения проводилась до сих пор именно в науках, которые не употребляют самого термина «организация»: в физико-математических. Она только иначе там обозначается, — именно, как «математическая» точка зрения. Она исследует всякую систему со стороны как отношений внутри ее между всеми ее частями, так и отношений между нею, как целым, и ее средою, т.-е. всеми внешними системами. Как уже выяснялось, «механизмами» называются сначала те организованные системы, которые планомерно управляются самими людьми, — а затем все те системы, строение которых удалось познать и сделать понятным в такой же мере, как познается и понятно строение этих технически создаваемых систем²⁾.

Как видно из этого отрывка, механическая точка зрения развивается Богдановым именно в неразрывной связи с теорией

¹⁾ Гегель, Феноменология духа, стр. 23.

²⁾ А. Богданов, Очерки всеобщей организационной науки, Гос. Изд. Самара 1921, стр. 52.

равновесия и приобретает достаточно широкий принципиальный характер. Обозначение своей точки зрения, как «механической», Богданов производит от слова «механизм», а не от слова «механика». «Механизм» же с его точки зрения есть не что иное, как «понятая организация», — понятая так же, как познаются построенные людьми машины, рычаги и т. д.

Легко, однако, убедиться, что перед нами в данном случае лишь обычный прием богдановской критики марксизма. «Механическая» точка зрения безнадежно скомпрометирована всей прошлой историей марксизма. Чтобы спасти ее, Богданов пробует теперь подать ее под новым соусом.

В самом деле, что значит вскрыть «механизм» того или иного явления? По-Богданову, как мы уже видели, «механизм» — «понятая организация». Как будто бы здесь и спорить не о чем, если нецепляться за слова. Конечно, если мы изучаем то или иное явление, мы стремимся понять его, найти законы его развития и связи с окружающими явлениями. Если под «механизмом» понимать закон действия того или иного предмета, то в этом смысле мы действительно стремимся познать «механизм» движения той или другой вещи. Но так ли понимает свой «механизм» сам Богданов? Нет, не только так, и двусмысленность понятия должна завуалировать различие содержания, вкладываемого в него Богдановым и обыденной речью. Для Богданова вскрыть «механизм» какой-либо системы значит об'яснить ее с точки зрения соотношения между всеми ее частями и окружающей средой, что и составляет задачу теории равновесия. Моделью должно служить строение создаваемых людьми и целесообразно действующих механизмов уже в прямом смысле этого слова. И поэтому «собственное тело» — не простой механизм «для современного человека» потому же, почему «часы для дикаря или младенца — не мертвая машина, а живое существо»¹⁾. Если так поставлена проблема, то тогда какое бы ни было различие между часами и организмом исчезает. «Человек — машина!» Нужно быть бесконечно наивным и девственным по части знания истории философии, чтобы думать, что это воззрение представляет что-либо новое по сравнению с тем же Ламетри в «Человеке-растении» были замечательные страницы о единстве природы в разнообразии, возникающем в результате исторического развития. Вскрыть «механизм» системы по-Богданову значит не что иное, как вскрыть механику взаимодействия неизменных частиц системы, группируемых при помощи тех или иных блоков, рычагов и т. п. в различные ком-

бинации. Так как речь здесь идет об «организации» по аналогии с организацией планомерно и целесообразно создаваемых людьми машин, часов и т. д., то все это построение в применении ко всем явлениям природы приобретает и телеологический привкус.

Итак, «механизм» есть понятая организация по-Богданову в том смысле, что понимается этот «механизм» явления с точки зрения механического отношения между его частями и средой, различно организуемых на основах тектологических формулющих принципов. Пред нами все та же старая механическая точка зрения под новым покрывалом. Это лишний раз подтверждается и тем, что Богданов во главу угла ставит пример физико-химических наук, в которых до недавнего времени механическая точка зрения торжествовала по всей линии.

* * *

Перейдем теперь к критике богдановской механической точки зрения в связи с критикой механической точки зрения вообще.

Несомненно центральным в различении диалектической и механической точек зрения является вопрос о роли и значении категории качества. Как мы увидим из дальнейшего, диалектическая трактовка качества неразрывно связана с историзмом Гегеля и Маркса. Таким образом здесь завязывается узел всех важнейших проблем научной методологии.

Мы уже знаем, как проблема качества была поставлена Богдановым в его теории равновесия. «Объяснение» перехода количества в качество заключалось там в том, что возникновение новых качеств представлял собой не что иное, как отражение в нашей чувственности изменения количественных отношений элементов мира. Таким образом и сами качества, и поэтому переход количества в качество, чисто-субъективны, не имеют места в об'ективной действительности. Качеству нет места в «Тектологии». Внешние основные понятия «Тектологии», Богданов видит их в понятиях об элементах и их сочетаниях. «Элементами являются активности — сопротивления всех возможных родов. Сочетания сводятся к трем типам: комплексы организованные, дезорганизованные и нейтральные. Они различаются по величине практической суммы их элементов»¹⁾. Изменения величины практической суммы данных элементов дают все многообразие организационных комплексов. Можно было бы думать, что качественный момент сохраняется у Богданова в понятии структуры комплекса, которое и должно, собственно говоря, заменить у него качество. Но и здесь «Тектология» неумолима. «Структурная устойчивость сама пред-

¹⁾ Тектология, 51.

¹⁾ Тектология, 79.

ставляет величину и всегда может быть выражена количественно¹⁾.

Надо отдать справедливость Богданову—господство количественного взгляда на действительность вполне вытекает из всего его построения. Если все существующее представляет результат столкновения и соприкосновения различных сил и элементов, механически движущихся и стремящихся к равновесию, то неоткуда ждать появления новых качеств, новых элементов. Данный комплекс элементов успокаивается в данной системе равновесия, толчок извне, изменение соотношения со средой выводит его из этого состояния и приводит к новому равновесию. В этой новой системе равновесия данные элементы все сохранены в своей начальной форме и лишь перегруппированы, может быть, дополнены некоторыми новыми элементами. Повторяю, возникновению нового качества здесь нет места, возможна лишь новая перегруппировка данных элементов. Таков вообще результат всякого механического процесса.

Это вовсе не значит, что и механизм и тектология не признают вовсе качества. Еще в «Вере и науке», полемизируя с Лениным, Богданов писал: «Но что такое в действительности элементы опыта, которые В. Ильин отрицает во имя «чувственного бытия»? Это—цвета, тона, твердое, мягкое, теплое, холодное, запахи, элементы, формы или пространства и т. д., как о том постоянно напоминается у Маха, Авенариуса, у «махистов» и всех, пользующихся данным понятием. Цвета, тона, твердости, формы,—но ведь это и есть чувственные элементы или элементы чувственного бытия? Очевидно, да»²⁾.

Механически движущееся тело также обладает некоторыми изначально присущими ему качествами. Качества эти заранее даны, они не изменяются ни в процессе механического движения, ни в организационном процессе, ни в смене состояний равновесия, не переходят ни во что иное, не возникают, не исчезают. Механическое движение представляет, в сущности говоря, самую абстрактную форму движения. Это вовсе не значит, что механическое движение и наука механики представляют собой забытые диалектикой области, в которых она не находит себе применения. Таких областей в природе не существует. В одной из предыдущих глав мы разобрали уже противоречие механического движения. Несомненно, что и в механике можно установить целый ряд диалектических законов. Но именно потому, что это наиболее абстрактная форма движения, качественный момент здесьведен до минимума и именно в отвлечении от него и заключен

¹⁾ Там же, 168.

²⁾ А. Богданов, Приключения одной философской школы. Вера и наука, М. 1910, стр. 164—165.

веще-механический характер процесса, целиком улавливаемого в математических, количественных характеристиках. Полного отвлечения от качества не может быть хотя бы уже потому, что мы не можем мыслить абсолютную бескачествоность тела. Само чистое количество есть некое качество, принципиально отличное от всего остального.

Чем более сложную и конкретную форму движения мы возьмем, тем большее значение в ней приобретает качество. В механическом движении мы отвлекаемся от качества движущегося тела и рассматриваем изменения в нем лишь с точки зрения перемещения его в пространстве. Поэтому диалектика механического движения и заключается в противоречивости движения конечного тела в бесконечном пространстве. В физическом и химическом процессах нам приходится уже иметь дело не только с однородными материальными точками, движущимися в пространстве, а с тем, что возникает в результате взаимодействия и взаимопроникновения этих точек, их синтеза. Этот синтез и дает качество. Именно поэтому механика не исчерпывает электродинамики. Взаимодействие, взаимопроникновение и синтез физических тел дает химический процесс, химических тел—органический процесс, органических тел—общество, социальный процесс. Каждая новая ступень представляет новый качественный ряд. Именно поэтому механическое или математическое, как его называет Маркс, движение не может объяснить высшие формы, хотя эти высшие формы всегда неразрывно связаны с ним. Поэтому же эти высшие формы не даны заранее, а являются результатом исторического процесса. Вслед за социологией и биологией—химия и физика ждут еще проникновения в них исторического метода.

Что же такое качество? Вслед за Гегелем и марксизм понимает под качеством всякую определенность предмета, его содержания и формы, сохранение которой и отличает этот предмет или процесс от всех других предметов и процессов. Очень часто качество предмета отождествляется с его свойствами. Для обычной речи, как мы сейчас увидим, это вполне допустимо. Более точное определение заключается в том, что качество, так сказать, есть свойство в себе, а свойство—качество для другого¹⁾. Так химическая структура какого-либо лекарства есть его качество, а то, что это лекарство убивает определенные бактерии, есть его свойство. Качество может проявлять себя в бесконечном количестве свойств, преломляясь в окружающей его

¹⁾ «Качество (Qualität) есть свойство (Eigenschaft) прежде всего и преимущественно в том смысле, поскольку оно обнаруживает себя в внешнем отношении, как имманентное определение» (Гегель, Наука Логики, I, 1, 54).

Поз Знанием Марксизма

многобразной действительности. Таким образом качество включает в себя момент относительности, поскольку оно неразрывно связано с бытием данной вещи, качеством которой оно является, и поскольку его действие зависит от предмета, в котором оно преломляется. Но вместе с тем и именно поэтому качество представляет собой нечто объективно существующее, без чего не существует и данная вещь, и то, что преломляется в других вещах. Чем всестороннее мы изучаем и практически проверяем все связи и отношения предмета, тем глубже мы познаем его качества, законы его движения, его самого. Поэтому же, что качество объективно, возможен и переход одного качества в другое в результате количественного накопления элементов в пределах данной определенности предмета, данного их синтеза.

Богдановская же организационная и механическая вообщеточки зрения на качество приводят к полному его отрицанию. Оно становится чисто-субъективным. Без качества нет диалектики, диалектического, исторического метода. Нужно действительно поражаться чудовищному невежеству или недомыслию всех тех, кто, начиная с Богданова, отвергая качество, твердит еще какие-то жалкие слова о диалектике. В этой старой ванне с прожекторной водой никогда и не купалось гениальное дитя современной науки—диалектика.

Признание роли качества неразрывно связано с признанием революционной точки зрения. Как это ни странно, но это признавал некогда и один не безызвестный ныне и близкий к нашему спору писатель. В 1906 г. им были написаны следующие слова в пояснение противопоставления пролетарской и буржуазной точек зрения: «Динамическая тенденция (пролетарского мировоззрения) приобретает характер революционный, в противоположность эволюционному динанизму буржуазной идеологии». И в пояснение к этому: «Я беру здесь слово «революция» в первоначальном, более узком значении этого слова, какое сохранилось, напр., в эмбриологии: развитие сходного из сходного чуждое качественному преобразованию форм» (курсив всегда автора). Этим писателем был никто иной, как... А. А. Богданов¹⁾. Тогдашний большевик, хотя и эмпирионист, Богданов был прав против нынешнего Богданова, автора «Вопросов социализма» и «Тектологии». Революция предполагает качественное преобразование формы, т.е. объективное значение качества. Организационная и механическая точки зрения неизбежно ведут к вульгарному, буржуазному эволюционизму.

Вместе с тем субъективное понимание качества неизбежно ведет и к идеализму вообще. Именно неумение справиться с

проблемой качества в новой философии привело к тому, что была расчищена почва для идеализма. Ранее вторичные (Локк), а затем и первичные качества (Беркли) были перенесены в сознание и потерявший какое бы то ни было качественное содержание мир был провозглашен либо иллюзорным (Юм), либо совокупностью абстрактных вещей в себе, противопоставленных явлениям (Кант). Но Энгельс именно таким путем проложил себе дорогу в новую философию метафизический образ мышления. Преодоление его и заключается в том, чтобы видеть, что качества присущи не только явлениям, но и вещам в себе, не только субъективны, но и объективны. Иначе приходится наделять человеческое сознание такими творческими способностями, что оно противопоставляется бытию и оказывается не простым отображением его, а живущим и законодателем.

Есть такие глубокомысленные головы, которые трактуют диалектическое понимание качества, как якобы протест во имя утверждения фантастической многокрасочности мира против «серого» материализма. Вот где куда это растет! Эти умники, к сожалению, забывают лишь, что писал в свое время Маркс в защиту всестороннего и живого, конкретного материализма Бэкона против механического, метафизического материализма Гоббса. И вместе с тем они не понимают, что самой «серой» точкой зрения является именно идеалистическая точка зрения, заключающая все качества объективного мира в наше сознание и тем самым утверждающая по всем градам и весям их абстрактное тождество.

Таким образом опасность механической точки зрения в том, что она во многих отношениях расчищает почву идеализму, а в «организационной науке», в своей последовательной форме, и находится с ним в неразрывном единстве. Происходит это еще и потому, что так как все качества даны уже заранее в некоей начальной разности элементов, то либо приходится отрицать все высшие формы жизни, скажем, отличие неорганической от органической природы (по какому пути и пытается итти Богданов и что в силу вопиющего противоречия с фактами в конце концов не может удовлетворить), либо приходится наделять элементарную частицу материи такими свойствами, которые появляются лишь в результате синтеза многих частиц. В результате электрон, объясняющий все на небе, земле и под землей, невольно оказывается весьма мистическим существом.

Точка зрения заранее данной начальной разности элементов, неизбежно следующая из механического мировоззрения, представляет собой глубоко метафизическую и реакционную точку зрения. Мы это уже выяснили при разборе теории равновесия. Метафизику, так как метафизикой и называется возврение, исходящее

¹⁾ А. Богданов, Эмпирионизм, кн. III, стр. 134. Ср. также стр. 137.

из тотовых вещей, а не из процессов, реакционной, так как эта точка зрения закрывает двери действительному Мессии современной науки—историзму. Она, исходя из данного, требует «развязывания узлов» в природе, тогда как современная наука пришла в настоящее время в такое состояние, когда основной для нее задачей является как раз объяснение того, как они завязываются, как исторически возникают все элементы, качества и формы мира. Анализу противостоит синтез. Без анализа невозможен синтез, но и один анализ ведет лишь к неподвижным, абстрактным, изолированным элементам, поддающимся лишь количественным определениям.

У нас многое клянется Марксом, и даже его историзмом, но, к сожалению, не прилагают никаких усилий для того, чтобы понять, в чем он заключается. Между тем, это прекрасно выяснено самим Марксом во «Введении к критике политической экономии». Ити от конкретного к абстрактному и есть путь анализа. Им шла буржуазная политическая экономия, чуть этот был необходим, но, идя только им, можно создать лишь преддверие науки, а не самую науку. Необходимо не только открыть простейшую элементарную клеточку буржуазного общества, но и показать, как ее развитие вызывает усложнение законов появления новых качеств. Логический путь «Капитала» соответствует историческому развитию его предмета, как мы уже знаем из приведенных выше слов Энгельса. Анализ дополняется синтезом, а синтез-то и должен показать, как развитие простейшей формы дает все многообразие действительности. Однако закон движения этой простейшей формы, составляя первооснову всего дальнейшего движения, вовсе не исчерпывает и не объясняет его на более высокой ступени, так как здесь возникают свои специфические закономерности. Законы простого товарного хозяйства, простейшие формы обмена, составляют исторически исходный пункт и первооснову капиталистического способа производства, но вовсе не исчерпывают и не объясняют главной, высшей, раз исторически возникшей формы, которая, достигнув определенной ступени, оказывается подчиненной уже своим, новым законам, так как представляет новое качество. Много писалось о методе марксовского «Капитала», но, к сожалению, пребывая в нетях механической точки зрения, очень немногие догадались, что это — диалектический метод, как известно представляющий единство анализа и синтеза. И скоро ли, наконец, наступит время, когда будет совестно писать для взрослых такие элементарные истины?

Революционно-историческая точка зрения предполагает синтез, новые качества; диалектически-качественная точка зрения предполагает исто-

рию. Богданов тоже иногда любит взвывать к покровительству истории. Так, недавно он выступал в защиту «основного историзма политической экономии». Однако этот «историзм» ничего общего не имеет с историзмом Маркса и скорее прямо противоположен ему. Мы должны заранее оговориться, что мы вовсе не отрицаем необходимости изучения истории и структуры производственных отношений различных общественно-экономических формаций, движущих сил их развития. Это необходимо и вполне согласно с методом Маркса. Но это должно быть именно история и историческая точка зрения, которая выясняла бы, как возникают и уничтожаются определенные категории и законы в условиях определенных способов производства. Богдановский «историзм», к сожалению, ничего общего не имеет с этим историзмом хотя бы в таком основном вопросе, как понимание закона стоимости. Для Богданова закон стоимости оказывается как раз годным для всех исторических эпох, становится универсальным и надисторическим, тогда как у Маркса он неразрывно связан с существованием определенной общественно-экономической формации. Историзм заключается именно в том, что нет ничего заранее данного и вечного, а все временно и преходяще. Поэтому Богданов в роли апостола историзма всего более походит на попа, проповедующего атеизм.

И, наконец, последнее замечание — богдановская точка зрения и механическая точка зрения вообще исключают и оное. Проблема «иного» есть важнейшая проблема метода. «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»¹⁾.

В этих гениальных строках Ленина заключается ответ на эту проблему и вместе с тем смертный приговор механической точке зрения. Ни с точки зрения развития, ни с точки зрения технологий в целом, ни с механической точки зрения вообще невозможно объяснить появление нового. Это «мертвая, бедная и сухая» концепция. В ней даны лишь уменьшение и увеличение, повторение, количественные перегруппировки элементов, т.е. нет качественного момента, «скачков», «перерыва по-

¹⁾ Н. Ленин, К вопросу о диалектике, — «Под Знаменем Марксизма» за 1925 год, № 5—6, стр. 15.

степенности», единства противоположностей, нет уничтожения старого и возникновения нового. Лишь признание об'ективного существования качества, историзма и синтетического метода может дать ключ к этому «новому». Тех же, кто этого не понимает до сих пор, давно бы пора по человечеству сдаться в архив, чтобы не смущать их безоблачные взоры видом в поту и муках творимого мировой историей нового.

VII. Богданов и современность.

Итак, мы пришли к концу нашего пути. Так как с самого начала мы не ставили своей задачей дать исчерпывающую критику тектологии Богданова, то наше изложение невольно носило местами чрезвычайно сжатый, тезисообразный характер. Само собой разумеется, что мы оставляем за собой право вернуться к тому, чтобы развернуть его при первой возможности. Сейчас же пора подвести итоги и дать общую оценку социальному значению «Тектологии». Но для этого предварительно необходимо остановиться еще на нескольких примерах из области конкретного применения Богдановым своего метода к общественным наукам.

Как мы уже знаем, задачи, стоящие перед «Тектологией», универсальны. «Тектология» должна научно синтезировать в целом организационный опыт человечества¹⁾, доселе раздробленный. Без выполнения этой задачи, в сущности говоря, по-Богданову, не может быть никакого движения человечества вперед, к социализму. Социализм предполагает организацию всей суммы рабочих сил общества, наличной суммы его средств производства и суммы его идей. «Эта триединая организация—вещей, людей и идей,—очевидно, не может быть построена иначе, как на основе строгой, научной планомерности, а именно, всего организационного опыта, накопленного человечеством. Но ясно также, что в своем нынешнем виде, раздробленном, разорванном на специальные науки, он недостаточен для этого. Необходимо, чтобы сам он был организован целостно и стройно, иначе его применение неспособно выйти за пределы дробных, частичных задач. Необходима, следовательно, универсальная организационная наука²⁾. Таким образом, спасение человечества зависит от разрешения задач «Тектологии».

Однажды мы уже давали критику социологических построений Богданова в связи с разбором взглядов его духовных учеников—группы «Рабочая Правда»³⁾.

В дополнение к этому сейчас необходимо разобрать оценку «Тектологией» марксизма, чтобы выяснить, какова действитель-

¹⁾ Тектология, 62.

²⁾ Там же, 58.

³⁾ См. «Большевик» за 1924 г., № 7—8.

ной ценность того учения, которое предлагает Богданов современному человечеству и прежде всего его передовому классу—пролетариату.

Богданов, как мы уже не раз видели, не удовлетворяется марксизмом. Это относится в одинаковой степени и к области философии, и к области социальных наук. Прежде всего это не удовлетворяет марксово решение проблемы идеологии в ее связи с остальным общественным целым. «Марксизм впервые определенно выяснил эту связь, но не полностью, а лишь частично, одной ее стороны,—зависимость идеологии от отношений производства, как форм вторичных или производных от форм основных. Он оставил без выяснения об'ективную роль идеологии в обществе, ее необходимую социальную функцию: в организованной системе каждая часть или сторона дополняет собою другие части или стороны, и в этом смысле важна для них, как член целого, имеющий особое назначение. В отдельных случаях марксизм подходил к такой задаче, устанавливая, что та или иная идеология служит интересам того или иного класса, защищает условия его господства или является его оружием в борьбе против других классов. Но он не ставил вопроса в общей форме, и для многих важных случаев брал без критики старые, зачарованные формулировки; напр., искусство считал простым украшением жизни, науки математические и естественные—внеклассовые, высшие научные истинны—чистыми, не зависящими от общественных отношений. Организационная точка зрения сразу изменила эти понятия, устранила их пестроту и неопределенность, нашла действительное и необходимое место идеологии в жизни общества. Это—организующие формы для всей практики общества или, что то же, ее организационные орудия. Они, действительно, определяются в своем развитии условиями и отношениями производства, но не только как их надстройки, а именно так, как формы, организующие некоторое содержание, определяются этим содержанием, приспособляются к нему. Вся идеологическая гора жизни представляется в новом свете и целый ряд ее «заток разъясняются сравнительно легко»¹⁾. В чем заключается эта «легкость», мы хорошо знаем. С одной стороны, крайне вульгаризируется связь идеологических форм с базисом, даже с техническим базисом, так что, скажем, мировоззрение Спинозы выводится непосредственно из его профессии, а, с другой стороны, именно потому, что выпадают все промежуточные звенья цепи, эта идеология приобретает самостоятельное значение, в качестве движущей силы общественного развития. Производительные силы общества, основа общественной жизни, сводятся к

¹⁾ Тектология, 90—91.

голой технике, а так как техника без охватывающего ее огня труда представляет нечто мертвое, то движущее начало приходится искать в сфере идеологических «организационных орудий» человеческого опыта. Так сказать абсолютный материализм в общественной науке—в основе техники и более ничего! приводит к не менее решительному идеализму. Само общество, противопоставленное своей технике, оказывается лишь системой биологических и психологических связей. При этом стущивается то, что для Маркса было решающим—экономика, экономическая структура общества, общественные производственные отношения. «Рост производительных сил,— пишет Богданов,— это лишь несколько отвлеченное выражение прогресса социальной техники, а то, что обозначают именем «экономики»—это пограничная область технического и идеологического прогресса¹⁾. Для Богданова «собственность на средства производства оказывается не чем иным, как внешним выражением организационных функций²⁾. Естественно поэтому, что у него замазывается факт эксплоатации одним общественным классом другого. В Эмпирионизме он пишет: «Поскольку организаторский класс раньше являлся его (технического прогресса) носителем, поскольку технический прогресс теперь становится невозможен, как прогресс техники производительного труда; он принимает форму прогресса эксплоатации, или, пожалуй, заменяется прогрессом эксплоатации³⁾. Как будто «организаторский» класс, поскольку существовало классовое деление общества, не был классом эксплоататорским даже тогда, когда он был носителем технического прогресса! Как будто эксплоатация исключает технический прогресс и технический прогресс—эксплоатацию!

Одновременно с этим Богданов предпринимает попытку биологизации общественных наук. Нужды нет, что и на этот раз его возлюбленная благоухает нафталином и архивной пылью. Он надеется вернуть ей вторую молодость. Магическим же словом, открывающим врата царства, должна быть идея подбора. «Можно с уверенностью сказать, что ни один вопрос структурного развития, от общемирового до атомного, и еще ниже, не может быть сколько-нибудь точно разрешен помимо этого универсального проходящего по всем ступеням бытия применения идеи подбора⁴⁾.

Как мы уже видели, с точки зрения подбора рассматриваются: социальная революция, борьба классов, различных общественных групп, партий и т. д. Уничтожающий ответ по поводу

¹⁾ А. Богданов. Эмпирионизм, кн. III, стр. 48.

²⁾ Тектология, 302.

³⁾ Эмпирионизм, кн. III, стр. 115. Ср. Тектология, 300.

⁴⁾ Тектология, 387.

применения Богдановым идеи подбора к общественным наукам давал когда-то Ленин:

«Марксистского» тут только повторение заранее известного вывода, все же «новое» обоснование его, вся эта «социальная энергетика» (34), и «социальный подбор», это—простой набор слов, сплошная издевка над марксизмом.

Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добывших этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применений понятий «подбор», «ассимиляции и дезассимиляции» энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования и я общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биологово-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, скользящее, мертвее, чем это занятие. Не в том суть, что Богданов при всем своих итогах и выводах подгоняет под Маркса или почти все (мы видели «поправку» к вопросу об отношении общественного бытия и общественного сознания),—а в том, что приемы этого подгоняния, этой «социальной энергетики» сплошь фальшивы и ровно ничем не отличаются от приемов Ланге¹⁾.

В добавление к этим словам Ленина нам хотелось бы лишь отметить, что биологизация общественных наук ведет у Богданова к той же цели, что и выпичивание роли идеологии в социальном процессе. Затушевывается экономический момент, роль отдалений собственности, борьба классов, на первый план выдвигается значение организационных функций, их приспособляемость к данной среде, «жизнеспособность» и т. д. Создаются элементы идеологии «организатора хозяйства», «приспособленного к среде», пекущегося о росте производительных сил, не заботясь о том, в распоряжении какого класса они находятся, чьей собственностью являются. Технический прогресс с этой точки зрения исключает эксплоатацию и отношения собственности представляют производную организаторской функции, а не наоборот—организаторская функция производная владения средствами производства. Таким образом постепенно из-за страниц «Тектологии» вспыхивает вырисовываться социальный облик общественной пролетарии, вдохновляющей ее творца. Вдохновляющей, конечно, совершенно неосознанно для него самого, ибо мы все помним по-

¹⁾ Н. Ленин, Собр. сочин., т. X, стр. 176.

Марксу, что вовсе не надо иметь лавочку, чтобы быть идеологом лавочников, и вовсе не надо быть поклонником мелкой буржуазии, чтобы развивать мелкобуржуазные взгляды. Из-за сочинений Богданова выглядывает прежде всего облик идеологии мелкой технической интеллигенции, с ее суеверным трепетом перед техническим и «научным» прогрессом, организаторской ролью в производстве, сочетающим с зависимостью от капиталиста, и поэтому с непониманием значения классовой борьбы рабочих миллионов за собственность на орудия труда. Это—в капиталистических условиях идеология мелких буржуа, воспроизводимых прогрессом крупного производства.

Наша эпоха есть эпоха борьбы за строительство социализма в нашей стране и международной революции за ее переделами. Это борьба капиталистических и социалистических начал в неэ'е. И именно поэтому в настоящее время богдановицца представляет особую опасность. Сам по себе ее социальный базис узок и слаб. Но при благоприятных условиях она может стать теоретическим знаменем и для более опасных элементов. Формально—организационная точка зрения, игнорирующая материальное содержание того, что под ней скрывается, что она организует, преклонением перед «техническим прогрессом» вне зависимости от того, в каких классовых формах он совершается, отказ от диалектической, революционной точки зрения, завуалированный идеализм и кокетничание с Марксом, критика под флагом ортодоксии и ревизионизм под покровом громких фраз о строительных задачах эпохи, эклектика под оболочкой сверхмонистической точки зрения, все приемлющая и все растворяющая в водянистости своих схем,—такая точка зрения не может не быть самым удобным прикрытием для всех страждущих в условиях пролетарской диктатуры; для всех современных апостолов мелко-буржуазной демократии—ренегатов из рядов марксизма.

Все опасности, какие несет с собой «организационная наука», очень ярко покажет еще один пример. Одним из важнейших практических выводов из «Тектологии» является так называемый закон наименьших. Согласно ему, «структурная устойчивость целого определяется наименьшей его частичной устойчивостью»¹⁾, т.е. сила цепи зависит от наиболее слабого ее звена, сила системы от наиболее слабой ее части и т. д. Принцип, вполне последовательно вытекающий из всей механической точки зрения «Тектологии». И вот вывод, к которому он приводит в общественной науке: «Пусть, напр., имеется партия «блокового

¹⁾ Тектология, 77.

стала, два крыла которой образованы двумя общественными classами или классами, более передовым и более отсталым. Какой дух окажется на деле определяющим для программы и тактики партии? По схеме наименее благоприятных условий—более отсталый. Решение непривычное и даже неожиданное, потому что, по видимости, большей частью передовой класс или слой ведет за собой отсталый, по преимуществу вырабатывая ложь, выдвигая руководителей и пр. Да, но реальным пределом депутатов и руководства является именно то, на что еще может соглашаться отсталая часть целого; при попытках же итти дальше блоковая связь начнет последовательно разрываться, как развалилась бы в походе связь отряда, состоящего из пехоты и кавалерии, если бы кавалерия не ограничивала себя скоростью пехоты¹⁾.

Стоят лишь немного вдуматься в этот пример, чтобы понять, что ведет тектологическая логика и куда она метит.

Наша партия, партия пролетариата, во главе своего класса руководит крестьянством и ведет его за собой к социализму. Точки зрения Богданова это, в сущности говоря, невозможный случай, так как по закону наименьших определяющим должен быть именно отсталый класс. Перед нами—открытая кричащая пролетарская диктатура, сопровождаемая ехидной усмешкой, что-де напрасно беспокоитесь, милые друзья, как ни тритеесь вперед, ваше движение определяет мелко-буржуазный, крестьянский хвост. Этот чудовищный, хвостистый вывод непосредственно вытекает из всех построений нашего горе-филофага. Но он бьет в лицо всей практике нашей партии за прошедшие 8 лет. Жизнь, история доказали, что можно руководить отсталым классом, не отрываясь от него и не принижаясь до него, а его поднимая до себя. Совсем не нужно окрестяняться, чтобы руководить крестьянством. И, наоборот, именно пролетарский характер партии и ее политики обеспечивает это руководство, движение вперед, а не назад, к капитализму. Таково ленинское, диалектическое учение об отношении партии пролетариата к крестьянству. Рядом с ним богдановская механика оказывается не чем иным, как меньшевистской песней. Пусть же хористская, ленинская теория будет на страже!

Опыт революции на примере борьбы миллионов показал, насколько тесно связаны друг с другом теория и практика, философия и жизнь. Без изучения и разработки революционной теории невозможна победа социализма. Вульгарный эмпиризм, пренебрежительное отношение к теории, в нынешних условиях непосред-

¹⁾ Там же, 182.

ственно льют воду на мельницу буржуазии, так как затуманивают в глазах масс взаимоотношения борющихся сил, классовое содержание нашей борьбы. Только диалектический материализм дает рабочему классу верное орудие познания противоречивого хода нашего развития. Богдановские схемы способны лишь замазать его в сознании масс. Ясное же и трезвое сознание масс революционного класса есть важнейшая предпосылка победы.

Богдановщина тем опаснее, чем более она прикрывается именем Маркса, чем более она клянется в верности ему, чем тщательнее она скрывает в той или иной форме свою связь с идеализмом и поповицей. Решительная борьба против богдановщины является поэтому важнейшей задачей ленинской теории. Недаром основное философское произведение самого Ленина было посвящено именно ей.

Пусть же поэтому вопли Богданова против схоластичности и догматизма диалектического материализма, подтверждаемого каждодневным опытом классовой борьбы во всем мире, прозвучат похоронным звоном над его собственной бесплодной и ревизионистской «организационной наукой».

Теория относительности и релятивизм¹⁾.

Э. Вихерт.

Предисловие.

Статья Вихерта — извлечение из его популярно-научной монографии «Механика в рамках общей физики», помещенной в сборнике «Физика» (1-й том серии «Die Kultur der Gegenwart», изд. 1925 г.). Вихерт, как это хорошо видно из его формулировок, делает критику теории относительности с точки зрения материализма, противопоставляемой им точке зрения философского релятивизма, т. е. идеализма. Взгляды Вихерта разделяются, по-видимому, подавляющим большинством крупнейших физиков, участников сборника. Монография Вихерта является т. с. «переводом», а статья А. Эйнштейна о теории относительности отведено место лишь в разделе «Общие законы и точки зрения». Читатель, без сомнения, оценит вихертовское изложение основ теории относительности, которое является лучшим из известных нам общедоступных формулировок этой теории. Отметим, однако, что с нашей точки зрения Вихерт недостаточно резко ограничивает специальную теорию относительности Эйнштейна от общей — в смысле различия их об'ективного содержания. Если только крайний сторонник релятивизма как Г. Вейль превратился же, по словам Вихерта, из Савла в Павла, по отношению к интерпретации экспериментальных основ теории относительности, то очень осторожный и сдержанний Эйнштейн подавно далеко отошел от того абсолютного релятивизма, который фигурирует в специальной теории. Правда, словесная оболочка осталась у Эйнштейна той же, но содержание значительно изменилось в смысле отступления от релятивизма. Одно признание неразрывной связи пространства и материи является несомненным материализмом. Не следует, однако, забывать, что взгляды Эйнштейна это одно, а теория относительности, как историческое явление — другое. И в этом смысле Вихерт прав, трактуя теорию относительности, как выражение гносеологического релятивизма, или вернее, как то, что усиленно используется релятивизмом в своих целях.

Релятивизм хочет снова превратить науку в прислужницу философии. Но ему это не удается! Несмотря на тормозы реакции, о науке можно сказать вместе с Галилеем: А все-таки движется!

З. Д.

¹⁾ Перевод Н. М. Лихтгейма. Ред. и примечания З. Цейтлина.

Субстрат мира

Толкование Лоренц-Эйнштейновского закона видимости¹⁾.

При толковании Лоренц-Эйнштейновского закона видимости два взгляда резко противостоят друг другу. Один пользуется представлением об эфире, другой руководится Эйнштейновским релятивизмом, который возник одновременно с его первой теорией относительности (1905).

Согласно первому взгляду, которым Г. А. Лоренц руководился при разработке теории, возбуждения электромагнитного поля (электрические и магнитные) представляют перемены состояния наполняющей мир среды, эфира. Свойствами эфира, который не принимает заметного участия в движениях обычной материи, определяется распространение света. Для обычных форм материи, ее деятельности и движущих сил решающую роль играет ее связь с эфиром. Различные системы координат Лоренцовой группы физически не равнозначны, так как они относятся к разным относительным движениям относительно эфира. То, что человеку до сих пор не удалось познать различия состояний движения по отношению к эфиру, это зависит от недостаточности его чувств и его средств наблюдения, может быть, также от недостаточной еще разработки физики.

«Специальная теория относительности» описывается на две основные гипотезы, которые Эйнштейн формулировал так (1905):

Прицип относительности. «Законы, по которым изменяются состояния физических систем, независимы от того, в которой из двух систем координат, находящихся в равномерном поступательном движении одна относительно другой, отнесены эти перемены состояния».

Прицип постоянства скорости света. «Каждый луч света движется в «покоящейся» системе координат с определенной скоростью независимо от того, исходит ли этот световой луч от покоящегося или от движущегося тела. При этом скорость = пути света / на время, где «время» разумеется в смысле определения § 1».

В упомянутом здесь § 1 предписывается устанавливать «одновременность» в двух местах согласно Лоренцову местному времени, именно так, как будто свет требует равного времени на распространение туда и обратно.

Эти принципы ведут к Лоренц-Эйнштейновскому закону видимости. Релятивизм утверждает: принцип относительности буд-

¹⁾ «Закон видимости Лоренца-Эйнштейна» не что иное, как Лоренц-Эйнштейновский принцип относительности. Вихерт дает этому принципу своеобразную формулировку, заменяя понятие «систем координат» понятием «пространственно-временных систем мер», которые можно подобрать так, чтобы они удовлетворили принципу относительности.

ло бы по существу обоснован лишь пространством и временем. Ни одна из систем координат Лоренцовой группы не отличается никаким-либо образом от другой, все они вполне равнозначны для явлений мира. Покой и движение, одновременность, форма тел, скорость течения процессов можно рассматривать с совершенно равным правом, приняв за основание каждую из систем координат, и потому все перечисленные понятия имеют лишь «относительное» значение. Допущение «эфира», как существенного фактора, излишне; возбуждения электродинамического поля можно и следуют с таким же правом рассматривать в виде самостоятельных проявлений «энергии», как и чувственно воспринимаемую материю. Если представить себе отсутствующими материальную материю и электродинамические возбуждения, то пространство будет не только для человеческого взгляда, но «действительно» пусто. Представление об эфире непригодно, так как оно нарушило бы взгляд на относительность в указанном смысле (т.-е. релятивизм). Представление о «покоящемся» эфире, как его применяет теория Г. А. Лоренца, есть недозволенная материализация пространства.

Таким образом «теория относительности» Эйнштейна при своем появлении искала не только углубления представления об эфире, но заняла враждебную позицию против этого представления и со своей стороны вступила с ним в борьбу.

Мы начнем с критического анализа обоих принципов. Тотчас же бросается в глаза, и это выставлялось также отдельными представителями новой теории, что принцип относительности точно соответствует точке зрения классической механики, если иметь в виду, что для нашего представления ни одна точка пространства не имеет предпочтения перед другой. С другой стороны, готовая теория относительности показывает, что принцип относительности в своей общей формулировке на самом деле не лежит в ее основании. Ибо характерная черта этой теории состоит в том, что допускаются лишь те системы координат, которые принадлежат передвижениям (Schreitungen)¹⁾ подсветовой области. Таким образом, именно ограничение значимости принципа относительности отличает теорию относительности от классической механики.

«Принцип постоянства скорости света» устанавливает определенные понятия и привносит 3 гипотезы. Требуется рассматривать «одновременность» в двух местах так, что свет имеет одинаковую скорость при движении вперед и назад. Гипотезы таковы: 1. Перемещения света в смысле, изложенном ранее, должны рассматриваться везде, даже внутри материи, неизменными, независимо от материи и ее движений. 2 и 3. Если любая система тел испытывает перемены своего состояния движения такого рода, что различие является присоединением равномерного поступательного движения, то 2. свет в пустом пространстве обнаруживает, как до, так и после перемены, во всем направлениям одинаковую скорость и 3. свет имеет численно одинаковую скорость. Очевидно, гипотезы (2) и (3), численно

¹⁾ Термин «перемещения» (Schreitung) имеет у Вихерта смысл абсолютного движения, независимого от систем координат. См. Ann. d. Physik, B. 63, стр. 357, статья Вихерта: «Die Gravitation als electrodynamische Erscheinung».

определяющие скорость с помощью масштаба и часов, связывают форму тел и скорость течения физических процессов с распространением света.

Из этих трех гипотез две последние вполне совпадают со смыслом принципа относительности и могут быть присоединены к нему. Но особенное значение имеет первая гипотеза. Она дает перемещениям света особенное положение в связи с принципом относительности господствующее положение в физике. Перемещения света считаются чем-то, что уже в «пустом» пространстве имеет определенность и независимо от материи.

Геометрия четырехмерного пространства-времени.

Решающее значение для дальнейшего развития теории относительности приобрела теория четырехмерного пространства-времени, созданная профессором математики Германом Минковским (1864—1909). По примеру других координат присоединяется к координатам пространства x , y , z , как равнозначенная четвертая $\sqrt{-1} ct$, где c обозначает скорость света, а t время. В обычной геометрии пространства трех измерений для двух точек пространства x , y , z и $x+ds$, $y+ds$, $z+ds$ величина ds , определяемая выражением $ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2$, обозначает «расстояние» или лежащий между ними «элемент длины», даваемый конкретность тел. Поэтому, при переходе в новых координатах x' , y' , z' , сумма $dx'^2 + dy'^2 + dz'^2$ должна представлять ту же величину:

$$dx'^2 + dy'^2 + dz'^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2.$$

На математическом языке это значит, что элемент длины d_s , при преобразованных координатах, должен быть «инвариантой». Г. Минковский обратил внимание, что для преобразований координат, обозначаемых Лоренцевыми (L), имеется инвариант, которая при дифференциальном обозначении принимает вид:

$$ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2 - c^2 dt^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2 + [d(c\sqrt{-1}t)]^2$$

ds называется «элементом длины пространства-времени» или «расстоянием» между точками пространства-времени x, y, z, t и $x+dx, y+dy, z+dz, t+dt$ и может считаться основанием четырехмерной геометрии пространства-времени Минковского. Значение Лоренц-Эйнштейновского закона видимости очевидно из следующих предложений: если $ds^2 > 0$, т.е. ds действительно, то ds представляет элемент длины пространства в определенном перемещении. В системе координат соответственного перемещения $dt = 0$ и $ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2$, можно измерять масштабом, «находящимся в покое»; во всякой другой системе координат масштаб, служащий для измерения, является соответственно перемещающимся. Если $ds^2 < 0$, т.е. ds мнимая величина, то ds обозначает элемент времени, прокуренный к определенному перемещению. В системе координат этого перемещения $dx=0, dy=0, dz=0$, элемент времени dt , данный выражением $ds^2 = c^2 dt^2$, можно измерить прямо часами, покоящимися в определенном пункте x, y, z. В каждой другой системе координат часы, служащие для прямого изме-

рения, представляются в соответственном движении. К $ds=0$ относится $dx^2 + dy^2 + dz^2 = c^2 dt^2$. Пространственное и временное расстояние ($V dx^2 + dy^2 + dz^2$ и dt) вместе показывают здесь скорость света между точками пространства-времени x , y , z , и $x+dx$, $y+dy$, $z+dz$, $t+dt$. Это значит: Перемещения света обозначаются нулевыми величинами элемента длины ds пространства-времени.

Согласно этим предложением в элементе длины пространства-времени с его инвариантностью отражаются характерные свойства закона видимости Лоренца-Эйнштейна с полной очевидностью. Если же изменить точку зрения и, обратив рассуждения, положить в основание инвариантность элемента длины пространства-времени в принятых инерциальных системах, то им устанавливается система перемещений света, и получается, как легко показать, закон видимости. Отсюда следуют: Инвариантности элемента длины пространства-времени можно видеть сущность закона видимости. Еще более! Принципу относительности классической механики, как он связывается с Галилеевым преобразованием (6), соответствует инвариантный элемент длины пространства ds , данный формулой $ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2$. Успех новейшего воззрения на пространство и время по Г. Минковскому надо видеть в том, что независимость пространства и времени друг от друга, принятая Ньютоном, является заблуждением по гению электротермодинамики, и сообразно с этим элемент длины пространства-времени, данный уравнением $ds^2 = dx^2 + dy^2 + dz^2 - c^2 dt^2$, заменил пространственный элемент длины. Прибавим, что эта перемена воззрения появилась, когда поле инерции было дополнено признанием определенности перемещений света. Поскольку представители теории относительности вообще обращали внимание на определенность перемещений света, допускаемую их теорией—а это случалось не часто,—она казалась им также обоснованной своеобразием пространственно-временного контингента, как определенность инерциального поля. Таким образом представление об эфире казалось излипшим.

⁴ Здесь Вихерт подчеркивает то, что мы называли «эмпирическим со-
всем Эйнштейна». Утверждать, что свет имеет абсолютно определенную
скорость в «пустоте», значит действительно «абсолютизировать» на деле то,
Что Знаменем Марксизма

«покоящийся» эфир «материализует» Ньютона абсолютное пространство, легко опровергается. Г. А. Лоренц сам писал уже в 1895 году: «Что об абсолютном покое эфира не может быть речи, это разумеется само собой: это выражение даже не имело бы смысла. Если я говорю ради краткости, что эфир покончился, то это значит, что одна часть этой среды не перемещается по отношению к другой, и все воспринимаемые движения небесных тел суть относительные движения относительно эфира». В течение времени эфиру приписали самые замечательные и разнообразные внутренние движения, но, вероятно, никогда не было представителя такого взгляда на эфир, который бы считал его «абсолютно» неподвижным в пространстве.

Характерная черта абсолютного, присущая теории относительности, с очевидностью выступает в ее предложениях об «относительности одновременности». Именно эта относительность по теории имеет силу не вообще, но лишь в определенных границах, данных распространением света, которые по человеческим понятиям очень тесны. Представим себе два места А и В на расстоянии 150 километров. Мы спрашиваем, как надо поставить часы в В, чтобы они показали одновременность с часами в А. Релятивизм оставляет при этом открытый интервал, либо постановка часов зависит от того, какую точку занимает решающий наблюдатель, выражаясь иначе, какое перемещение избирается для системы координат, подлежащей распространению. Открытый интервал определяется следующим простым рассуждением. Световой сигнал, исходящий из А и отражающийся в В, возвращается в А в $1/1000$ секунды. По теории относительности момент отражения в В также лежит между исходным моментом и моментом возвращения в А. Где же здесь поместить, это зависит от выбора системы отчета. Отсюда следует, что для постановки часов в В на одновременность с часами в А остается открытый интервал в $1/1000$ секунды. Это имеет силу для расстояния в 150 километров. Это ограничение расстояния для сравненияемых мест, интервал возрастает пропорционально расстоянию. Кто хочет придерживаться релятивизма, должен допустить, что ограничение интервала определяется свойствами пространства и времени; кто склоняется к представлению об эфире, видит здесь действие эфира.

Читателю не особенно понравится выступившее перед нами смешение «абсолютного» и «относительного». Это впечатление может еще усилиться цитатой из одного философского сочинения. Передо мной лежит четвертое издание книги И. Петцольда (Мировая проблема), только что присланная мне. Там на стр. 48 сказано: «Нет абсолютной истины, так как нет абсолютной точки покоя, абсолютного начала, ничего абсолютно неизмененного, ни абсолютной субстанции, вообще ничего отдельно абсолютного». Если мы примем это изречение в обычном понимании абсолютного. Если мы примем это изречение в обычном понимании, то нет «абсолютной истины» моего существования в то время, когда я пишу это, существования земли, на которой я живу, так как нет абсолютных истин!—Мы знаем, что опасность недоразумений очень велика, когда пользуются словами «абсолют-

что об'является относительным на словах. Вихерт, однако, не зная диалектики, не понимает отчетливо, как сочетается «абсолютное пространство Ньютона» с его принципом относительности.

ный» и «относительный». Необходимо внимание и добрая воля, чтобы избежать путаницы. Для физики важно, чтобы в ней слово «относительный» было связано с двумя очень различными понятиями, которые автор (1921) определил как «телесную относительность» и «относительность точки зрения»—«относительности изображения». Первую Э. Мах имел в виду, когда утверждал, что всякое физическое явление в мире представляет взаимодействие между телами. Понятие тела здесь надо принимать в самом общем значении за нечто, действительно существующее в пространстве и времени¹⁾. «Относительность точки зрения» есть та, которую Эйнштейнова теория относительности об'являет господствующей. Так как в физике для относительности точки зрения применяется название «релятивизм», то оно уже часто употреблялось в настоящем выражении. Именно родство хода мышления теории относительности с ходом мышления философского релятивизма сильно содействовало его распространению.

Возражение против релятивизма. Автор Эмиль Вихерт (род. 1861 г., профессор геофизики) с 1911 года опровергал в ряде сочинений форму, которую релятивизм получил в теории относительности. Он полагает, что релятивизм не служит достаточным физическим основанием для теории. По его мнению, релятивизм имеет здесь лишь формальное значение для известных способов рассмотрения явлений. Так как дело идет о современном обосновании механики, то надо выяснить это несколько лучше. Однако об этом следует сказать возможно короче лишь потому, сколько необходимо для выяснения самого существенного.

Релятивизм утверждает, что для процессов, о которых говорит физика, каждая из систем координат группы Лоренца вполне равнозначна каждой другой. Вообще каждая дает другое суждение об одновременности, о форме тел и о скорости течения процессов; все эти суждения, говорит релятивизм, равнозначны. По основаниям теории познания это должно быть так, и именно поэтому представление об эфире, как противоречащее теории познания об'явлено ошибочным. Против этого следует сказать, что сама теория относительности ведет к заключению, что существуют физически различные перемещения, именно подсветовые, световые и надсветовые. Напр., материя может находиться лишь в подсветовых перемещениях. Если, таким образом, по теории относительности, перемещения, взятые в целом, не равнозначны между собою, то автору кажется внутренним противоречием теории, когда несмотря на то признается, что подсветовые перемещения равнозначны между собою во «всех физических отношениях». По меньшей мере дело идет о гипотезе, которая кажется в высшей мере спорной. На самом деле можно привести соображения, доказывающие неравнозначность подсветовых перемещений. Чтобы об'яснить это на примере, надо прибегнуть к мысленному опыту, которым автор пользовался с 1911 года и который он позже в исправленной форме назвал «опытом трех перемещений». В ми-

¹⁾ Это есть настоящий материализм. Не желая употреблять последнего термина, Вихерт говорит о «телесной относительности».

ровом пространстве между звездами и возможно дальше от них, три небольшие мировые тела А, В и С могут быть «представлены самим себе». Их движение таково, что они проходят близко одно возле другого, однако не сталкиваясь. В виду малости мировых тел и не слишком большой близости при прохождениях, возмущение путей тяготения для опыта несущественно. Относительно А, В и С могут иметь противоположные движения. Сначала В проходит мимо А (совпадение I), затем С мимо В (совпадение II), наконец С мимо А (совпадение III). На этих трех мировых телах мы воображаем себе наблюдателей—по одному живому существу того же рода. Оба наблюдателя на В и С при совпадении I имеют одинаковый возраст, также наблюдатели на С и В при совпадении II. Тогда применение формул (L), т.е. Лоренц-Эйнштейнова закона видимости, показывает, что при совпадении III наблюдатель на А подвинулся дальше в своей жизни, т.е. стал старше наблюдателя на С. Разница возраста тем больше, чем больше относительная скорость мировых тел, и, если скорость В и С относительно А приближается к скорости света, то при надлежащей постановке опыта разница идет так далеко, что при совпадении III наблюдатель на С кажется лишь немногим старше, чем был наблюдатель на В при совпадении I, тогда как наблюдатель на А между этими совпадениями давно прожил свою жизнь и должен быть замещен многими преемниками. Вместо живых существ для сравнения можно было избрать любые физические процессы: при повторении опыта ход процессов беспредельно медленнее, когда перемещения В и С беспредельно приближаются к скорости света. Если при об'яснении этого результата предоставить нашему рассудку обычную мыслительную работу, то надо заключить, что при все большем приближении перемещения тела к перемещениям света физические процессы «действительно» беспредельно замедляются. Этим была бы доказана неравноценность подсветовых перемещений для физических процессов. Если хотят опровергнуть этот способ умозаключения, то надо бы допустить, что наш разум в своем нынешнем развитии уже неспособен приспособляться к требованиям, которые ставятся физическим релятивизмом. В кругах релятивистов заметна склонность признать это. Но из вышеупомянутого рассуждения ясно следует, что об'явление несостоятельности разума требуется лишь, чтобы поддержать гипотезу (именно гипотезу полной равнозначности подсветовых перемещений), которая в общем составе теории является как бы противоречием. Далее надо обратить внимание, что, если подвергается сомнению прочность разума, то возникает вопрос, где он заблуждается.

Если принять во внимание неравноценность подсветовых перемещений, то своеобразные законы теории относительности (т.е. математически-физической теории, связанной с законом видимости Лоренца-Эйнштейна) о сложении скоростей совершенно теряют свой парадоксальный характер. Одного примера будет достаточно, чтобы выяснить это. Если к наличной уже скорости тела А прибавлять все снова определенную скорость, v , то его общая скорость по теории относительности приближается к скорости света, а не к бесконечности, как учила классическая механика. Чтобы понять этот результат, надо иметь в виду, как здесь представляется сложение скоростей. Исходная система ко-

ординат, в которой А сначала находится в покое, будет К; если тело А приобретает скорость v в первый раз, то оно имеет эту скорость в K_1 . Второе прибавление v должно происходить так: образуется Лоренцева система координат K_2 , в которой А находится «в покое» (так как K_2 получает скорость v относительно К). Тогда тело А в K_2 приводится к скорости v . Подобным же образом при дальнейших прибавлениях в каждый раз надо принимать систему координат, в которой А покоилось до прибавления. Вследствие неравноценности перемещений и соответственных систем координат, при этом образе действия каждое новое прибавление v обозначает нечто физически иное. Этим легко объясняется, что окончательный результат скорости приведит к $v = \infty$.

Субстрат мира. Допуская, что закон видимости Лоренц-Эйнштейна имеет силу, можно вкратце представить результат изложенных соображений так:

I. Субстрат мира и связывающее поле. Механика и электродинамика учат, что существует субстрат мира, который находится везде и, повидимому, налагается на всякое место матери и электромагнитных процессов. Его физическое действие выраживается в «связывающем поле», которое об'единяет поле энергии и перемещения света.

II. Вихертов закон неравноценности перемещений и систем координат. (В разных формулировках с 1911 г.). Субстрат мира производит то, что в общем все перемещения и поэтому также все системы координат для физических процессов являются неравноценными. При этом речь идет, как качественной, так и о количественной неравноценности.

Качественная неравноценность перемещений проявляется в различиях подсветовых, световых и надсветовых перемещений. Материя в знакомой нам форме может находиться лишь в подсветовых перемещениях. Количественная неравноценность подсветовых перемещений имеет следствием то, что форма материи и скорость течения физических процессов зависит от перемещения материальных тел. По закону видимости необходим бесконечноящий приток энергии, чтобы частицу материи привести к перемещениям света.

III. Физический характер мирового субстрата. В понимании мирового субстрата противостоят друг другу два представления: представление пространства-времени и представление эфира. Представление пространства-времени видит в мировом субстрате не что иное, как пространство и время, связанные в высшем единстве. При этом принимается, что перемещения определяются отношениями между пространством и временем. Представление об эфире допускает, что для мирового субстрата существенно нечто, находящееся в пространстве и времени.

При характеристике эфира умышленно избегалось употребление слов «субстанция» и «субстанциональный», так как при этом благодаря философским спорам опасность недоразумений была не меньше, чем при употреблении слов: относительный и абсолютный. Из названных в п. III обоих представлений остается лишь представление эфира, если признать предложение, которое я определил в 1924 г. следующим образом:

IV. Теорема пространства-времени Маха-Вихерта. Пространство и время, как таковые, никаким образом не могут выполнять телесных действий¹⁾.

В названии автор прибавляет имя Маха, так как он сам был приведен к этому предложению рассуждениями Маха, и так как это предложение кажется ему соответствующим рассуждению Маха²⁾.

По отношению к предложению II можно заметить еще следующее. Для наивного представления каждое твердое тело представляет нечто самостоятельное в мире, и потому всякое перемещение является равнозначным всякому другому. Принцип видимости с его допущением заранее данных перемещений света учит, что самостоятельность тел и вместе с тем равнозначность перемещений представляют заблуждение. Если при допущении закона видимости желают сохранить и равнозначность перемещений, то и субстрат мира с его перемещениями света надо представить как нечто случайно данное, притом в изменчивых состояниях движения. По предложению II известные состояния, которые для человеческого взгляда кажутся равнозначны, однако неравнозначны в мировом целом. Релятивизм в своей обычной форме утверждает, что известные состояния, которые, будучи рассматриваемы с одной точки зрения, кажутся различны (напр., формы однородных тел, которые различаются деформацией Лоренца-Физжеральда), однако равнозначны в мировом целом. Ясно, что оба утверждения могут соответствовать естественным условиям. Таким образом, задачей научного исследования является установить, какое из обоих утверждений имеет силу в отдельном случае. При развитии теории Лоренц пользовался первым утверждением, а Эйнштейн вторым.

При взгляде на нынешние научные споры важно еще раз подчеркнуть, что принцип видимости, трансформация Лоренца и относящаяся сюда физико-математическая теория относительности вовсе не противоречат теории эфира, но,—по мнению автора,—как раз наоборот, только в ней могут получить физическое удовлетворительное обоснование.

Материя и эфир.

Живое отвращение некоторых теоретиков относительности к представлению об эфире привело к представлению пространства-времени удивительной смелости. Поле *эти*, которое в теории относительности выступает в противоположность матери и для которого эфир не может играть роли, должно единственно представлять свойства «пространства и времени». Таким образом пространство и время, как подоснова мира, и в пустом простран-

¹⁾ Мысль Вихерта о соотношении пространства, времени и материи выражена неправильно; противопоставляя пространство и время эфиру, Вихерт хочет сказать, что пространство и время являются лишь «формами бытия» материи, но не имеют самостоятельного значения. Если утверждать последнее, то это прямо ведет к идеализму, в частности к гносеологии Канта.

²⁾ Это утверждение Вихерта не совсем правильно, так как тенденция рассуждений Маха о пространстве и времени заключается в том, чтобы свести пространство и время к особой форме, «связи ощущений». Вихерт же, как физик, трактует пространство и время, как объективные формы бытия «*эти*» (материи).

стве получают «структурку» или «кривизну», даже, при изменении состояния материи, должны возникать «волны пространства-времени», которые проходят даже через пустое пространство.

Эйнштейн отвернулся от этой крайности. В одной речи в Лейдене, месте деятельности Г. А. Лоренца, он признал в 1920 г. представление эфира. «По общей теории относительности пространство наделено физическими качествами; в этом смысле существует эфир». Эйнштейн тогда сказал также: «Эфир общей теории относительности есть среда, которая сама свободна от всех механических и кинематических свойств, но определяет себе механические (или электромагнитные) явления». Напротив, я считаю невозможным отказывать эфиру во всех механических или кинематических свойствах. Он определяет связующее поле и таким образом форму тел, скорость течения процессов, путь тел, предоставленных самим себе. Разве это не механические свойства? Он определяет перемещения света и, вместе с тем, границы перемещений, в которых материальные тела могут двигаться. Разве это не кинематическое свойство? Правда, теоретики относительности утверждают часто, что самому эфиру нельзя приписывать определенного перемещения. Но откуда это известно? Если чувства человека не показывают этого перемещения, это не может быть основанием к отрицанию его. Эти чувства недостаточны даже для непосредственного познания воздуха, которым мы живем при каждом дыхании. В виду определенности перемещений света, отрицание определенного перемещения эфира есть чистая и весьма невероятная гипотеза. Уже выше при описании опыта трех перемещений было изложено, что эфир делает подсветовые перемещения для физики неравнозначными. Таким образом становится в высшей мере вероятным существование отличного перемещения для эфира. Мы находим даже астрономические указания, ясно свидетельствующие, где надо искать это перемещение в нашей звездной системе. Я упомяну лишь об одном указании. В соседстве весьма горячих звезд можно наблюдать облака кальция, не принимающие участия в движении этих звезд. Их перемещение соответствует приблизительно средней скорости звездной системы, к которой принадлежит «солнце». Поэтому легко предположить, что среднее движение звездной системы близко соответствует перемещению эфира в области звездной системы, а облака кальция находятся почти в покое относительно эфира вследствие своего рода трения. Можно ли выставить гипотезу, которая об'ясняет такие рассуждения аргументами недопустимыми?

Причина, почему некоторыми теоретиками относительности не допускается, что эфир может предпочитать одно перемещение другим, лежит в склонности к релятивизму, который многообразно связывается с теорией. Теперь мы должны выяснить эти отношения, чтобы открыть путь к заключительным замечаниям.

Пользуясь языком математики, А. Эйнштейн представляет релятивизм в «общем принципе относительности» следующим образом: «Все Гауссовы системы координат принципиально равнозначны для формулирования общих законов природы». Под Гауссовой системой координат надо понимать такую, которая

пользуется четырьмя координатами x_1, x_2, x_3 и x_4 произвольно, чтобы обозначать точки пространства-времени. Само собою разумеется, что для формулирования законов природы можно пользоваться всякой системой координат. Конечно, не это имеется в виду. Что в релятивизме следует разуметь под «равноценностью», будет ясно из рассмотрения примеров:

1 пример. Железнодорожная катастрофа, вызванная слишком сильным торможением (Ленар-Эйнштейн). Между тем, как раненый пассажир для описания несчастия пользуется системой координат, связанной с вагонами его дороги, релятивизм принципиально допускает следующее понимание. Вагон и во время торможения удерживал свое состояние движения, но в это время господствовало переменное поле тяготения, в котором полотно дороги, соседняя колокольня, вся земля и сам пассажир двигались неравномерно. Таким образом пассажир столкнулся с вагоном.

2 пример. Извивающаяся линейка (Г. Ми). Линейку, которую я держу в руке, кажется сама в покое. Свет, проходящий вдоль ее ребра, показывает ее прямолинейность. При выборе другой системы координат, релятивизм допускает следующее понимание: под влиянием сильно меняющихся полей тяготения, линейка и луч света выполняют змеевидные движения, именно так, что луч света напрежнему идет вдоль ребра (Г. Ми. Эйнштейнова теория тяготения. Лейпциг 1921).

3 пример. «Она все-таки не движется» (Кто впервые высказал эту формулу, напоминающую о Галилее, мне неизвестно; я познакомился с нею в изложении теории относительности профессора физики А. Зоммерфельда (род. 1868 г.) в Южно-германском ежемесячнике (1920), где представляется точка зрения релятивизма). По утверждению релятивизма это понимание снова получило значение, т. е. что не земля вращается вокруг своей оси и движется около солнца, но она стоит неподвижно, а солнце со всеми другими звездами движется под влиянием меняющихся полей тяготения вокруг нее. Эти поля служат также причиной сплющенной формы земли.

4 пример. Эйнштейнова наблюдательная камера. (Имея в виду последующее, я представляю пример в специальных формах). а) Камера падает свободно в поле тяготения земли: с точки зрения релятивизма находящийся внутри наблюдатель может смотреть на дело так, что там нет поля тяготения. б) Камера в мировом пространстве далеко от звезд увлекается ускоренно находящейся впереди междузвездной машиной. Находящийся внутри наблюдатель имеет право допустить поле тяготения.

Эти примеры показывают, что релятивизм здесь так же, как в специальной теории относительности, обявляет естественные процессы многозначными. Релятивизм служил основанием для выработки Эйнштейновой теории тяготения; ибо Эйнштейн искал и нашел весьма простые уравнения поля, форма которых во всех Гауссовых системах координат остается неизменной и таким образом допускает во всех примерах указанное релятивистское толкование. Вместе со многими физиками, между прочим сторонниками Эйнштейновой теории тяготения, как напр. Г. Ми, я того мнения, что за релятивизмом и в его новой форме не может

быть признано физическое значение допущенного характера. Он ведет к тому, чтобы представлять в природе процессы, имеющие лишь значение математической функции. Переменные поля тяготения наших примеров представляют не что иное, как такую функцию. Действительное поле тяготения означает различия состояния эфира, которые вызываются в нем материей; такое поле не может быть ни вызвано, ни устранино выбором той или иной системы координат. Укажем здесь еще на следующий пример, который, повидимому, способен показать характер релятивизма. Сущность процессов аэродинамических колебаний состоит в противоборстве двух различных состояний поля, возбуждений электрического и магнитного полей. При этом надо допустить, что человеческому представлению и в природе соответствует смена двух различных состояний. Но релятивизм, примененный, например, к предоставленному самому себе электрону, утверждает, что, смотря по выбору системы координат, можно смотреть на один и тот же процесс один раз так, что возбуждения электрического и магнитного поля меняются друг другом—если смотреть на электрон, как на движущий,—или же так, что существует только электрическое возбуждение поля—если считать электрон как находящийся в покое. Таким образом процесс перемены состояния, по произволу человеческого понимания, может считаться существующим или несуществующим. Мне кажется, что релятивизм слагает вину в человеческую неспособность различения на природу.

Если не признавать физического релятивизма, то и относительность одновременности, связанная с распространением света, теряет свое значение. Если бы в природе на деле существовала определенность одновременности, то область ее во всяком случае была бы уже, чем считалось до сих пор.

Наши рассуждения показали важное значение эфира для построения мира и особенно для механического проявления материи. Таким образом перед нами вспыхивает вопрос, который уже часто волновал умы натуралистов: в каком отношении родства состоит друг к другу эфир и материя. Представляет ли эфир лишь особую, нежную форму материи, или материя означает различные места в эфирном море мира? Конечно, не может быть сомнения, что с развитием науки с того времени, как знаменитый английский физик Виллиам Томсон (lord Кельвин) «объявил атомы материи вихрями в эфире, все больше подготавливается победа второго взгляда. Сильный толчок к тому дало электромеханическое представление материи, по которому ее деятельность обясняется процессами в эфире.

А. Эйнштейн решился вполне подчинить материи эфир, который для него является совокупностью свойств пространства-времени в мире. С этой целью он формулировал следующий принцип, который он (1918) называет «принципом Маха», но лучше называть его «Эйнштейновым космологическим принципом». «Поле же остатка определяется массами тел». Под полем я надеюсь понимать поле, определяемое величинами φ . При проведении принципа представляются трудности в понимании бесконечности пространства и времени. Для пространственной бесконечности затруднения родственные тем, которые связаны с Ньютонаским законом тяготения в классической механике. Если считать этот

закон строго справедливым и предположить сумму масс мира бесконечно большой, то оказывается неопределенность тяготения для каждого места, на что обратил внимание астроном Г. Зелигер (род. 1849). С другой стороны, если считать сумму масс конечной, то оказалось бы в высшей степени неудовлетворительное раздробление масс в бесконечно протяженном пространстве. Чтобы избегнуть неопределенности, можно предложить, подобно Зелигеру, что тяготение испытывает в некотором роде поглощение; можно также в согласии с более старыми представлениями (напр., Гельмгольца) считать мир хотя неограниченным, но конечно протяженным, что кажется возможно. Этот последний выход выбрал Эйнштейн для своей теории. Он изображает картину, которая представляет нам массы в более малых областях неправильно распределенными, но в общем и целом равномерно распределенными в мире, тогда как эфир со своими пространственно-временными определениями почти однобразно наполняет мир. При этом протяжение мира благодаря связи материи и эфира, повидимому, определяется количеством масс в мире. Об этих соображениях надо сказать, что искомое подчинение эфира (подобно пространству и времени) материи не удается; ибо в только что описанной картине материя и эфир являются смежными друг другу, а именно эфир распространяется весьма равномерно, а материя очень неравномерно. Но прежде всего в этой теории остается трудность временной бесконечности: как бы далеко ни отойти мысленно в прошлое, но для нынешнего состояния мира кажется решающим первоначальное состояние эфира так же, как первоначальное состояние и свойства материи. Другую попытку преодолеть трудности бесконечности в теории относительности сделал астроном Де-Зиттер; и здесь материя не получает преобладания¹⁾.

Важной новой точкой зрения для рассмотрения отношений между материй и эфиром мы обязаны профессору физики Густаву Ми (род. 1868). Под влиянием «специальной теории относительности» он развел в 1912—1913 г. г. теорию материи (Анали физики). Теория исходит из электродинамики и пользуется Гамильтоновым принципом. Как развитие Лагранжевой функции выступает «мировая функция», изображающая состояние подосновы мира. Повидимому, вполне возможно, при соответствующем преобразовании свойств электродинамического поля, выбрать ее так, что известные электродинамические образования станут устойчивыми формами. Тогда в последних мы имели бы основные формы материи, как отрицательные и положительные ядра. Математик Давид Гильберт (род. 1862) соответственно развел теорию Ми в общей теории относительности Эйнштейна, где мировая функция обнимает и величины ды. Он получает «основные уравнения физики», отличающиеся высоким математическим изяществом.

Мысль Ми представляет заманчивую перспективу, исходя из электромагнитного представления материи, связать в опре-

¹⁾ Указываемая здесь Вихертом трудность возникла благодаря привычке рассматривать тяготение, как нечто метафизически абсолютное, а не как физическое явление. Если стать на фактическую точку зрения, тоже видно, что могут в бесконечном пространстве существовать массы, не связанные тяготением и тогда все указываемые трудности ликвидируются.

деленных математических построениях материи и эфир в одно связное целое, как это представлялось В. Томсону в его вихревой теории и его последователям. Конечно, при этом точно так же, как в Ньютона законе тяготения, являются отвлеченные функции и законы вместо образов, взятых из нашей обыденной обстановки, к которым человеческий ум все снова стремится со временем картезианцев. Мы видим перед собой тайну мира. Удастся ли когда-нибудь человеку достигнуть понимания, которое принесет мир его стремлению к познанию?

Старая физика видела в материальных частиках часто неизменное вещество, которому приписывались свойства инерции, протяжения и т. д. Если же в материи видеть отличные места в эфире, то картина будет иная. Возможно, что в материи, как в волне на море, поддерживается лишь состояние субстрата мира более или менее прочно, более или менее долго. Материя течет через волну и через пламя быстро, через наше собственное тело медленно в постоянной смене. Может быть, даже вероятно, что сами материальные частицы подобным же образом представляют места постоянного превращения.

Часто считалось странным, что теориями, примыкающими к Лоренцовой электродинамике, объясняется, будто эфир не принимает заметного участия в движении материальных тел, даже когда последние достигают величины земли. Здесь надо принять во внимание, что согласно новой физике положительные и отрицательные ядра атомов занимают неизмеримо меньше места, чем атомы в целом. Современному физику материя представляется облаком, частицы которого находятся на больших расстояниях друг от друга. Так можно без затруднения допустить, что эфир принимает живое участие в движении отдельного ядра, а для материи в целом не оказывается заметного совместного движения. К этому еще присоединяется, что отдельные ядра материи, по всей вероятности, означают лишь особенное состояние эфира в данном месте.

Полезно также тщательно, без предубеждения, принять известное решение в старом вопросе, эфир или материя плотнее. Если принять, как вероятно, что возбуждение электрического и магнитного поля суть признаки изменений состояния эфира, а именно сравнительно небольших, то плотность энергии в эфире должна быть гораздо больше плотности, являющейся в электромагнитных полях. Тогда возникает представление о чрезвычайно большой плотности энергии в нормальном состоянии эфира (подобно тому, как это принимает теория Винера). Если еще связать плотность энергии E и плотность массы μ по формуле $\mu = E/c^2$, где c означает скорость света, то для плотности эфира получаются величины порядка 10^{10} или большие относительно единицы. Такие плотности часто принимались физиками нового времени, напр. Оливером Лоджем (Мировой эфир. В немецком переводе, Брауншвейг 1911). И я присоединился к этому. Принимая малую величину атомных ядер, нельзя видеть ничего странного в этих числах. Но никогда не следует терять из виду, что в гипотезе состояния для материи сравнение плотностей материи и эфира также вызывает сомнение. Прежде всего плотность массы тогда имеет лишь относительное значение для самой материи.

Большую неожиданность представила теория квантовой физики. Оказывается, существуют явления, которые не согласуются с современными представлениями механики о делимости энергии и электродинамики о действительности ее законов в области атомов. Обнаруживаются замечательные отношения между периодами колебаний и количествами энергии. Кажется, достоверно, что предстоит важные дальнейшие открытия о строении материи в ее связи с эфиром. Профессор физики Филипп Ленар (род. 1862) сделал уже попытку создать новую теорию материи, эфира и тяготения (Лейпциг 1920. Ежегодник радиоактивности и электротехники. 1921 г.). При этом материальные тела приобретают эфирные атмосферы, которые их сопровождают и простираются далеко в «первобытный эфир», наполняющий мир. Я склоняюсь к тому часто высказываемому мнению, которое находит решение загадки в самой материи.

Мы приблизились к концу нашего странствия. В докладе о значении мирового эфира, который я читал в 1894 г. в Физико-Экономическом обществе в Кенигсберге (напечатан в отчетах заседаний общества), я сказал: «Итак, мы видим в природе совершающееся перед нашими умственными очами превращение, при чем значение вначале едва подозреваемого эфира возрастает все более и более. Чем же станет чувственно воспринимаемая материя, которую мы склонны были считать единственно господствующей? Она должна была уступить эфиру значительную часть сил природы и довольствоваться ролью скопления возбуждающих центров в эфире. Я доказал, что материя обязана эфиру даже своей инерцией. Новые исследования делают вероятным, что все свойства материи зависят от ее движения через эфир и от состояния эфира в ее месте. Ничтожные изменения свойства эфира оказывают уже большое действие на материю. Тяжесть, приводящая нас к земле, имеет причину в том, что скорость света с каждым метром подъема возрастает не более, чем на $2 \cdot 10^{-16}$ своей величины! С другой стороны влияние материи на свойства эфира крайне мало. Даже громадное скопление массы солнца может изменить скорость света на его поверхности приблизительно лишь на $1/25000$ ее величины на далеких расстояниях. В работе, напечатанной в 1921 г. («Эфир в мировой картине физики», Берлин, книжная торговля Вейдемана), я писал: «Таким образом эфир преобладает над молекуларной материей». В текущем 1924 году (в журнале «Die Naturwissenschaften») один из особенно ревностных теоретиков относительности, математик Г. Вейль (стр. 44) в диалоге, где он выступает уже не «Савлом», а «Павлом», говорит о «могущественном преобладании эфира во взаимодействии между эфиром и материей».

Эфир оказывается подосновой, обединяющей мир, представляющейся нашим чувствам, в одно целое. Принимая во внимание, каким образом механическое проявление материи в форме, инерции и движения определяется ее связью с эфиром, мы можем заключить наши исследования утверждением: Механика, благодаря исследованиям нового времени, стала физикой эфира¹⁾.

¹⁾ Мы обращаем на это положение Вихерта особенное внимание всех тех, кто хочет заняться основательным рассмотрением вопроса о «механическом материализме». Современная механика очень далеко ушла от механики XVIII века, и это необходимо иметь в виду при критике «механического материализма».

Диалектика природы и естествознание¹⁾.

Проф. А. Ф. Самойлов.

Мы переживаем исключительное время. Как много необычного, своеобразного в нашей теперешней жизни. Мы поистине не повторяем ничьей истории, а творим, не пользуясь готовым образцом, свою собственную. Это относится как к явлениям крупного общественного масштаба и значения, так и к более специальным сторонам жизни. Возьмем, напр., тему о диалектике в природе и связи ее с естествознанием. Разве может не казаться удивительным, что такая тема, касающаяся очень тонких, очень интимных соотношений в теоретическом понимании, в теоретической оценке различных типов научного мировоззрения, привлекает к себе так много внимания не только со стороны специалистов, но и людей, не имеющих прямого отношения к естествознанию. А между тем этот интерес в сущности есть совершенно понятное и естественное следствие переживаемых нами условий жизни. Мы живем в атмосфере марксизма, а марксизм есть не только экономическое учение, и даже не доктрина, охватывающая формы и связи условий жизни человеческого общества во всех его проявлениях, марксизм есть мировоззрение, охватывающее всю природу во всей ее совокупности, в ее прошлой истории, в настоящем ее течении и в будущей ее судьбе.

* * *

Задача науки вскрывать истину,—с этим все согласны. Но относительно того, как смотреть на истину и каким приемом вскрывать ее, имеется не мало разногласий. Разногласия эти родились не сегодня. На протяжении всей истории научной мысли, начиная с самых отдаленных от нас ее истоков, мы встречаем два основных крупных течения,—идеализм и материализм. Эти два течения смотрят издавна мрачно, враждебно друг на друга. Не раз уже они мерили свою силу в боевой схватке, не раз уже они расходились с тем, чтобы, казалось, ни разу больше не встречаться, и тем не менее опять и опять намечаются новые встречи, которые опять ведут к неминуемой борьбе.

Идеалистическое учение исходит из того, что основой нашего понимания окружающего мира есть наше мышление, наше сознание: все, что вне нас, есть лишь отражение нашего внутреннего психического мира. Углубляясь в процессы и содержание нашего сознания, мы можем, согласно утверждению идеалистической философии, тем самым уже постигать законы, по которым текут процессы отраженного внешнего мира. На этой почве возникают различные формы так наз. натурфилософского направления.

¹⁾ Доложено в заседании кружка диалектического материализма в Доме Ученых в г. Казани.

Материалистическое понимание природы исходит из того, что, помимо нас, вне нас и даже раньше нас существовал и существует реальный об'ективный мир; при помощи наших органов чувств этот мир проектируется в наше сознание, которое, путем логической переработки полученного извне материала, постигает законы и течение процессов окружающего нас реального мира.

Но материалистическое понимание имеет много развлечений, и между представителями того или иного лагеря материализма идет тоже борьба. В настоящий момент у нас заостряется полемика между представителями современного естествознания, сторонниками механического взгляда на природу, с одной стороны, и сторонниками диалектического материализма, с другой стороны. Этую полемику, полную глубочайшего интереса, я хотел представить в сегодняшнем своем докладе.

Своими успехами естествознание обязано прежде всего совершенно определенному уклону в сторону об'ективного изучения мертвых и живой природы, при полном игнорировании каких бы то ни было априорных спекулятивных положений, каких бы то ни было утверждений идеалистического натурфилософского мировоззрения. Наблюдение, опыт под руководством закона причинности, как единственного регулятивного фактора нашего мышления, дает естествознанию ту устойчивость, силу, и тот необычайный прогресс, который в течение последних двух столетий поражает своей исключительной быстрой роста. Еще нет полутораста лет с тех пор, как впервые мысль человека остановилась на том, что электричество может течь по проводнику и давать ток. Меньше ста лет прошло с тех пор, как установлен закон сохранения энергии, который, наряду с законом сохранения вещества, составляет фундамент современного естествознания. Такого же возраста клеточная теория и закон естественного подбора. Каких-нибудь три поколения людей создали то богатство естественно-исторических знаний со всеми изумительными его последствиями для техники, которыми по праву гордится человечество. Естествоиспытатель наблюдает, описывает, систематизирует факты, он строит гипотезы, должны привести вскрыть причинную связь между установленными фактами, он ставит опыты, которые должны проверить его гипотезы; тяжелым путем эмпирии, осторожным, медленным, но верным путем современный естествоиспытатель улавливает законы, по которым текут окружающие нас явления. Правильность этого метода признается бесспорно всеми.

Естествоиспытатели не образуют какой-нибудь касты, обединения, члены которого связаны каким-нибудь определенным философским мировоззрением. Их связывает в сущности только метод исследования; кто уразумел особенности современного онтологического метода естествознания и умеет им пользоваться в выбранной им специальности, того мы и назовем естествоиспытателем. Но фатальным является здесь то обстоятельство, что метод современного естествознания гонит натуралиста стихийно в сторону механического материализма. Научившись и привыкнув отправляться для объяснения сложного к более простым отношениям, научившись сводить более сложные явления к более простым, он стихийно приходит к мысли о том, что все явления могут быть сведены к более простому феномену, к движению

материальной точки в пространстве и во времени. Метод и мировоззрение натуралиста органически взаимно связаны, и естествоиспытатели, не склонявшиеся на этот счет, в общей массе, в подавляющем большинстве исповедуют механический взгляд на все явления мертвой и живой природы.

Против этого мировоззрения, против этого механического материализма ополчается другое материалистическое течение, именно диалектический материализм. Обратимся к нему.

Диалектический материализм, как мы все знаем, родился в идеалистической обители, и это его происхождение не осталось без влияния на дальнейший его характер, что чувствуется еще и теперь. Современный диалектический материализм имеет сведенной отправной точкой диалектику Гегеля. Истоки этой диалектики можно проследить далеко в древности. Древний мудрец Гераклит учил, что все течет, все меняется, «πάντα ῥεῖ». Как много смысла, как много содержания в сочетании этих двух слов! Все течет. Мне кажется, что мысль, заключающаяся в сочетании этих двух слов, должна встретить живой отклик в душе каждого человека, кто способен задумываться над проходящей перед его глазами жизнью. Мир настоящий уже отличается от только что прожитого и от того, который сейчас последует за настоящим. Этому постоянному изменению подлежит не только окружающий нас мир, но и наше сознание, наше мышление. Основа диалектики Гегеля зиждется целиком на этом утверждении постоянного движения, постоянной смены. В своем стремлении уяснить свойства и особенности этих процессов вечного и всеобщего течения, вечного и всеобщего движения, Гегель, будучи идеалистическим философом, исходит из рассмотрения последовательных фаз процессов нашего мышления. Эти диалектически развивающиеся фазы логического мышления формулированы Гегелем в определенных положениях. Мысль, развивающаяся логически в определенном направлении, приводит к мысли противоречащей, отрицающей первую, но и эта, вторая мысль, порождает в свою очередь отрижение; в результате этого логически правильно построенного отрицания мы приходим в новой мысли, отличающейся от исходной, к мысли более содержательной, являющейся синтезом первых двух, т.-е. тезы и антитезы. Этот характер логического движения, этот характер диалектического процесса можно по Гегелю найти и во внешнем мире, ибо последний есть лишь отражение внутреннего. В процессе развития на почве отрицания отрицания возможны те превращения, которые известны, как переход количества в качество и обратно, и этот переход может совершаться в виде резкого перехода, скачка.

Как известно, Маркс использовал диалектику Гегеля, которая, по его образному выражению, сделавшемуся теперь очень популярным, стояла, однако, у Гегеля на голове, и потому Маркс поставил ее на ноги. Для Гегеля, идеалиста, процесс мысли есть творец действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для Маркса, стоящего на материалистической точке зрения, идеальное есть не иное, как переработанное, переведенное в человеческой голове материальное. Наиболее характерная сторона диалектического процесса заключается в том, что определяемые им процессы логического мышления, равно как

процессы движения во внешнем мире, суть две стороны одного и того же диалектически текущего феномена. Оттаскивая и уточняя характерные черты диалектического мышления, мы легче и глубже охватываем особенности диалектических процессов во внешней природе, а это изучение, в свою очередь, знакома нас с диалектикой природы, развивает тем самым наше мышление в диалектическом направлении. Таким образом здесь метод и содержание изучаемого им об'екта проникают друг в друга, усиливают друг друга, составляя в сущности одно целое. В этом и должна заключаться вся сила диалектического материализма.

Все мы знаем, что Маркс первый применил диалектический метод к фактам определенной эмпирической науки, именно к политической экономии. Он показал, что мелкое хозяйство путем собственного развития создавало основу для своего уничтожения, для своего отрицания, для экспроприации мелких собственников; точно также впоследствии капиталистический способ производства тоже создавал материальные условия, от которых он должен был погибнуть. Новые формы экономического существования появляются при этом отрицании не в виде постепенного врастания в старый экономический организм; наоборот, Маркс показывает и предсказывает, что увеличивающееся количестве в виде нарастания пролетариата переходит на почве скачка, революции, к новому качеству,—диктатуре пролетариата. Это предсказание его осуществилось в нашей стране, а потому вполне естественно, что мы живем, как я сказал раньше, в атмосфере марксизма.

Но что же сделано для проведения диалектического материализма в круг тех явлений, которые подлежат ведению естественных наук? Следует признать, что сделано еще мало. Та стройная система, в применении диалектического материализма к обществоведению, как она представлена Марксом, далеко не чувствуется в совершившейся до сих пор работе применения диалектики к природе. Правда, применение диалектического метода на фоне фактов общественных и хозяйственных отношений не представляет таких трудностей, как в случае материала естественно-исторического. Кроме различия об'ектов и характера процессов, мы должны считаться еще с тем, что в первом случае мы имеем дело с областью, не подчиняющейся эксперименту между тем как во втором случае именно эксперимент и является высшим суперарбитром, решающим, на какой стороне истина.

Задачу обнаружения диалектического процесса в данных естествознания взял на себя Энгельс,—товарищ, друг и единомышленник Маркса. Он не был специалистом какой-нибудь определенной области естествознания, но он отнюдь не был диалектиком в естественных науках. Знания Энгельса, его эрудиция, как натуралиста, положительно поражают своей солидностью, глубиной и многосторонностью. При этой эрудиции, остром, сильном уме, основательной философской подготовке и совершенно безграничной вере в правоту диалектики, Энгельс в самом деле был тем человеком, на которого можно было возложить дело испытания применимости диалектики в исследованиях явлений природы. Нельзя не пожалеть, что участие в политической жизни, всякие очередные неотложные, связанные с этим работы,—наконец, труды по изданию сочинений Маркса

после смерти последнего заставили Энгельса все дальнее и дальше откладывать выполнение задуманной им работы. Но все же, в его двух трудах «Л. Фейербах» и особенно «Анти-Дюринг», написанных, правда, с иною целью, содержится большой материал по диалектике природы. Он неоднократно принимался за составление специального трактата по диалектике природы, но обстоятельства всегда мешали ему докончить начатое. Затем наступила смерть.

Как ни странно, но то, что было в этом отношении сделано Энгельсом, что им было написано, оставалось не напечатанным вплоть до последних дней. Только в 1925 г. Д. Рязанов, занимавшийся у нас приведением в порядок Архива Маркса и Энгельса, сумел заполучить из Германии от Э. Бернштейна, хранившего у него в течение 30 лет манускрипты и издал различные посмертные статьи Энгельса, относящиеся к диалектике природы, во втором томе этого Архива. Прекрасно изданный с портретом, с обширным предисловием редактора Рязанова, с немецким оригиналом и тут же с русским переводом, обогнанный отлично составленными сносками, цитатами и указаниями на двух языках, содержит в себе целый ряд статей, большая часть, однако, незаконченных, конспективных, дающих лишь намеченный план работ, от части представляющих лишь заметки, наброски, написанные, может быть, без намерения напечатать их.

Бернштейн не напечатал этих статей, сохранив у себя весь материал в течение 30 лет. Он оправдывает себя тем, что, не будучи сам компетентным в естественно-исторических работах, он обратился к германскому социал-демократу и физику Лео Аронсу с запросом относительно оставленных Энгельсом естественно-исторических рукописей. Отзыв Аронса был отрицательный; по его мнению, естественно-исторические и натуралистические работы Энгельса устарели. Впоследствии, через много лет, Бернштейн обратился к великому физику нашего времени Альберту Эйнштейну и просил его дать свой отзыв о манускрипте Энгельса «Диалектика природы». Ответ Эйнштейна был таков: Господин Эдуард Бернштейн передал мне манускрипт Энгельса естественно-исторического содержания с предложением высказать свой взгляд, должен ли этот манускрипт быть напечатан. Мой взгляд следующий: Если бы этот манускрипт принадлежал автору, который не представлял бы интереса, как историческая личность, я не советовал бы его печатать, ибо содержание не представляет особого интереса ни с точки зрения современной физики, ни для истории физики. Но я могу себе представить, что этот манускрипт постольку годится для опубликования, поскольку он представляет интересный материал для освещения лучшего значения Энгельса¹⁾.

Мне лично кажется отзыв Эйнштейна не менее несправедливый, чем отзыв Аронса. Сочинения Энгельса отпечатаны Рязановым и доступны всем. Мне представляется, что не издать такой книги и держать под спудом статьи Энгельса в течение 30 лет, это истинное преступление. Книга Энгельса полна глубочайшего интереса.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, под ред. Рязанова, 1925, II, стр. XXII.
Под Знаменем Марксизма.

«Пожелаем,—говорит издатель Энгельса Рязанов,—чтобы специалисты-естественники, если зрение их не ущерблено шорами эмпиризма, если они не заражены классовым дальтонизмом, если они не боятся нарушить целостность идеологических основ будущего общества острым ножом диалектической критики, изучили работы Энгельса и сказали нам, профанам, насколько устарели его работы в области философии и естествознания»¹⁾.

Я не буду рассматривать всех статей изданного тома; упомяну, что самая большая основная статья под названием «Диалектика и естествознание» и представляет собой в значительной степени лишь конспект. Но если быть подготовленным членом «Фейербаха» и «Анти-Дюринга» и быть знакомым вообще с марксизмом, то можно без труда разобраться в этом конспекте. Статья под заглавием «Старое введение к диалектике природы» представляет собой совершенно законченное, мастерски изложенное произведение. Из всех 16 статей большинство не вполне закончены.

Разберем главные положения диалектики природы. Из сказанного уже раньше ясно, что главная идея Энгельса заключается в признании определяющего значения движущего вещества. В самом начале он дает такую классификацию движений:

«Предмет диалектики естествознания—это движущееся вещество. Различные формы и виды самого вещества можно опять-таки познавать через движение; только в движении обнаруживаются свойства тел; о теле, которое не движется, нечего сказать. Следовательно, из форм движения вытекают формы движущихся тел.

1. Первая, наимпростейшая форма движения, это—механическая, простое перемещение.

а) Движения отдельного тела не существуют, есть только относительное. Падение.

б) Движения разделенных тел: траектория, астрономия—видимое равновесие,—наконец, внутренний контакт.

с) Движение соприкасающихся тел в отношении друг к другу—давление, статика. Гидростатика газов. Рычаг и другие формы собственно механики, которые все в своей наимпростейшей форме контакта сводятся к отличающимся между собой только по степени, трению и удару. Но трение и удар, в действительности представляющие контакт, имеют и другие, не указанные никогда естествознанием, следствия: при определенных обстоятельствах они производят звук, теплоту, свет, электричество, магнетизм.

2. Эти различные силы:

а) переходят друг в друга и замещают друг друга;
б) на известной количественной ступени развития силы, различной для разных тел химически сложных или простых, наступают химические изменения и мы попадаем в химию.

3. Физика должна была или могла оставить без рассмотрения живое органическое тело, химия же находит только при исследовании органических соединений настоящий ключ к истинной природе наиважнейших тел; с другой стороны, она составляет

вещи, которые встречаются только в органической природе. Здесь явления приводят к органической жизни и она подвинулась достаточно далеко вперед, чтобы убедить нас, что она одна обясняет диалектический переход к организму»¹⁾.

Мы видим таким образом, что все явления природы рассматриваются в определенной последовательности от простых к самым сложным. В основе всего лежит движение материи. Характерным для этой системы является, однако, то, что, переходя из одной области в другую, мы попадаем каждый раз в область с специфическими свойствами, специфическими формами движения. Явления, наблюдаемые нами в различных областях физики, по Энгельсу, представляют новые качества по сравнению с тем, что мы находим в области простых механических движений. Он говорит: «Называя физику механикой молекул, химию—физикой атомов и далее биологию—химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую и, значит, связь, непрерывность, а также различия, разрыв между обеими областями. Итти за дальше этого, называть химию своего рода механикой, потому, неrationально. Механика в более широком или узком смысле слова знает только количество, она оперирует скоростями и массами, в лучшем случае об'емами. Там, где на пути у нее стоит количество, как, напр., в гидростатике и аэростатике, не может притти к удовлетворительным результатам, не засеваясь в рассмотрение молекулярных состояний и молекулярного движения. Она сама только простая вспомогательная наука, предпосылка физики. Но в физике, а еще более в химии, не только происходит постоянное качественное изменение в результате количественного изменения, не только наблюдается переход количества в качество, но приходится также рассматривать количественные изменения качеств, относительно которых совершенно неизвестно, что они вызваны количественными изменениями. Можно долго согласиться с тем, что современная наука движется в том направлении; но это вовсе не доказывает, что это направление единственно правильное, что, идя этим путем, мы исчерпаем конца физику и химию.

Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частей материи; познать эти механические движения является первой задачей науки. Это не лишо первой. Само же это механическое движение вовсе не перерывает движения вообще. Движение вовсе не есть простое перемещение, простое изменение места, в надмеханических областях оно является также и изменением качества. Мысльение есть тоже движение».

Из приведенного отрывка видно, что если считать все явления природы выражением движения вещества, то все же по Энгельсу имеются градации в характере этих движений, определяющие характерные качества в наблюденных явлениях различных областей. В представленной системе Энгельса признается, следовательно, что на почве физико-химических процессов могут возникать жизненные явления, но тем не менее эти последние могут быть исчерпывающим образом разъяснены в своей общности физико-химическими законами, представляя собою но-

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, II, XXXII.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 7, 8.

вые качества. Точно в таком же отношении находится физика и химия к механике. Здесь есть переход из низшей области в высшую, но эта высшая имеет свои особые качества. Поэтому-то Энгельс и говорит: «Открытие, что теплота представляет собой молекулярные движения, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собою известное перемещение молекул, то мне лучше замолчать»¹⁾.

Говоря в другом месте о заблуждении ученых, стремящихся свести в конец концов все свойства материи к видам движения, он говорит, что этим смазывается специфический характер прочих форм движений. Он вовсе не отрицает, что каждое из высших форм движений связано всегда необходимым образом с реальным механическим движением; подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движений, как химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, так же органическое не возможно без механических молекулярных, химических, термических, электрических и др. изменений. Существенно здесь по Энгельсу, однако, то, что наличие всех этих побочных форм не исчерпывает сущности главной формы в каждом случае.

Итак, с одной стороны, мы имеем весь безграничный обширный материал естествознания, добытый натуралистами при помощи применяемого ими эмпирического индуктивного метода; с другой стороны—представленная Энгельсом система диалектического подхода к явлениям природы. Спрашивается, как привести в связь эти две категории.

В стремлении дать опору, дать подтверждение правильности своей диалектической конструкции Энгельс идет разными путями. Отчасти он старается доказать, что в фактах, добытых естествознанием, имеются связи, которые могут быть понимаемы на почве диалектического процесса. Он неоднократно указывает, что целый ряд явлений может быть понимаем, как переход количества в качество, как переход при помощи скачка (как это имеет, напр., место при нагревании воды, приводящем в определенный момент к кипению), к отрицанию отрицания. Таких примеров, конечно, есть много, и при желании их можно увеличить. Современные приверженцы диалектического метода в природе усердно занимаются нахождением и называнием других примеров указанного типа. Мне представляется однако, что здесь во всех этих поисках и указаниях находок часто не принимается во внимание следующее обстоятельство. Наше понимание природы основано на наличии у нас нескольких органов чувств, которые приспособлены к определенным раздражениям. В природе нет ни звука, ни света, ни аромата и т. д., имеются только определенные формы движений, которые мы улавливаем нашим слуховым, зрительным, обонятельным и др. аппаратами. Если бы у нас не было слухового аппарата, то не было бы и ощущения звука. Если летит камень, и разбивает стекло, то мы слышим звук. То, что здесь имеет место, можно в диалектических терминах представить, как переход механического движения «перемещения тела» в форму движения нового качества.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 143.

с появлениею звука. Но в сущности мы имеем здесь перед собой не появление нового качества, а смену органов чувств, вовлеченные в исследование указанного явления. Раньше мы видели зрителем аппаратом движение камня, а затем восприяли слуховым аппаратом колебательные движения материи. Если бы у нас не существовало слухового аппарата, то мы не говорили бы в данном случае о новом качестве, а говорили бы только о колебательных движениях эластических тел и изучали бы их не при помощи слухового аппарата, а при помощи других органов чувств. Самые поразительные открытия в физике часто относятся именно к той области, когда непосредственно неощущаемое переводится в такую форму, которая становится ощущимой. Рентгеновские лучи не воспринимаются нашими глазами, но сернико-барниевый экран и фотографическая пластина отзываются на них, и, благодаря этому как бы искусствуенному органу чувств, мы в состоянии отмечать эффекты рентгеновских лучей. Если бы мы взяли какое-нибудь заряженное электричеством тело и стали его колебать, то по мере увеличения числа колебаний мы получили бы целый ряд скачков. При определенной частоте мы получили бы тепловые волны, далее волны световые, определенной цветности от красного до фиолетового, затем волны, действующие на фотографическую пластинку, затем волны рентгеновские лучи, но все это в сущности были бы скачки, не характеризующие появление новых качеств внешней материи в движении, а отмечающие лишь последовательную смену наших органов чувств, воспринимающих раздражение, отличающееся одно от другого только по частоте колебаний. Но, конечно, имеется большое число явлений, где утверждение о переходе вещества в качество не связано с указанным обстоятельством.

Большое значение имеют попытки Энгельса в целях утверждения диалектики природы предсказать на почве диалектических процессов ход и характер определенных явлений природы. Наиболее ценным и удивительным представляется предсказание Энгельса по отношению к второму положению термодинамики.

Известно, что это положение предопределяет постепенный переход всей энергии мира в тепло, которое без затраты энергии из себя не может переходить в другие формы, и потому, после того, как истрачено будет все наличное количество потенциальной энергии мира, наступит рассеяние теплоты и равенство температуры, что будет обозначать общую смерть. По этому поводу Энгельс говорит, что энергия, следовательно, теряется, если не качественно, то качественно, и дальше мысль его идет таким образом: если в природе имеется запас потенциальной энергии, которая может только истрачиваться до нуля, то нужно предположить, что в начале путем какого-то толчка мировые часы должны были быть заведены. Если потраченная на завод энергия затем переходит в энтропию, то почему же нельзя допустить, что этот завод часов может снова иметь место в природе.

Об этом предмете имеется в 6-й главе под названием «Старое введение в диалектику природы» прекрасное, с удивительным мастерством изложенное рассуждение.

Мы знаем теперь, что мысль Энгельса оправдалась. Больцман показал, что наши законы имеют статистический характер и что второй закон Клаузинуса есть в сущности закон статисти-

ческий, который не может отрицать осуществление тех условий, какие имели место на первых порах развития нашей солнечной системы. Благодаря работам Больцмана и Смолуховского есть основание принимать, что тот завод часов мира, который представлялся Энгельсу возможным и в будущем, в самом деле считается возможным на основании новых физических исследований. Мы имеем на указанном примере в самом деле хорошо проведенное в порядке диалектики предсказание, подтвержденное впоследствии физиками.

Представляется, однако, законным остановиться на том, что указанные физики отрицают фатальное значение второго закона механической теории тепла, отнюдь не основываясь на диалектическом ходе процессов в природе и николько не опираясь на рассуждение Энгельса. Если бы не было работ Больцмана и Смолуховского по указанному вопросу, а имелось в распоряжении нашем только утверждение Энгельса, то закон энтропии не мог бы быть достаточно поколеблен.

Мы только что сказали, что Больцман и Смолуховский не опирались и не пользовались в своих работах диалектическим методом. Я склонен распространить это утверждение на все вообще естествоиспытательскую работу, и тогда можно было бы себя спросить, какую роль играл и играет диалектический метод в естествознании, если последнее делает без него все свои заявления.

Конечно, Энгельс думал об этом и высказался особенно определенно по поводу открытия периодических рядов Менделеева и предсказания последним новых элементов. В восьмой главе под названием «Общий характер диалектики как науки мы находим такое место: «Наконец, закон Гегеля имеет силу не только для сложных тел, но и для самих химических элементов. Мы знаем теперь, что химические свойства элементов являются периодической функцией атомных весов. Следовательно их качество обусловлено количеством их атомного веса. Это удалось блестящим образом подтвердить»¹⁾.

Затем излагается открытие Менделеева, и в конце он говорит: «Менделеев, применяя бессознательно Гегелевский закон о переходе количества к качеству, совершил научный подвиг и т. д.»²⁾. Таким образом, по Энгельсу естествоиспытатели, создавшие современное естествознание, бессознательно работали по методу диалектического мышления и только таким образом могли добиться результатов. По этому поводу можно было бы, однако, возразить, что в научных исследованиях имеют большее значение те методические категории, которые применяются сознательно; о тех, которые применяются бессознательно, можно и не хлопотать. Но, кроме того, Энгельс, повидимому, противоречит сам себе в этом отношении, ибо в 4-й главе под названием «Старое предисловие к Анти-Дорингу» он призывает естествоиспытателей не пренебрегать изучением теории познания, ибо методы эмпиризма оказываются бессильными в деле систематизации каждой области исследования: здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. «Но теоретическое мы-

шление является прирожденным свойством,—говорит он,—только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии». В связи с этим дальше говорится: «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем. Но именно диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет аналог и значит метод обяснения происходящих в природе процессов развития для всех связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»¹⁾. Такой призыв естествоиспытателей к изучению самой правильной формы мышления, к изучению диалектики, находится в противоречии с высказанным утверждением о том, что естествоиспытатель бессознательно применяет диалектический метод.

Приведем еще один пример предсказания Энгельса опять в области химии. Он говорит: «Химия находится на пороге того, чтобы из отношения атомных объемов к атомным весам обяснить целый ряд химических и физических свойств элементов; но ни один химик не решится утверждать, будто все свойства какого-нибудь элемента выражаются исчерпывающим образом его положением на кривой Лоттера Майера, что этим одни определяется, например, специфическое свойство углерода, делающее его главным носителем органической жизни, или же необходимость фосфора в мозгу. Между тем механическая концепция сводится именно к этому; она обясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количества, как количества в качество, что здесь имеется взаимодействие. Если мы должны сводить все различия и изменения качества к количественным различиям и изменениям, к механическим перемещениям, то мы с необходимостью приходим к тому положению, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц, и что все качественные различия химических элементов материи вызываются количественными различиями в числе и пространственной группировке этих мельчайших частиц при их обединении в атомы. Но до этого нам еще далеко»²⁾.

Это место замечательно в том отношении, что Энгельс, желая отметить слабые стороны механического взгляния, указывает на результат, к которому можно прийти, если придерживаться механического взгляда на строение вещества. Он приходит к результату, который ему в сущности кажется мало вероятным: «...до этого нам еще далеко». А между тем этот результат в главных пунктах сходится с новейшими представлениями о строении вещества, составленного из тождественных частиц. Если я верно понимаю это место Энгельса, то оно иллюстрирует сильный дар предвидения Энгельса, независимо от применения им диалектического метода.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 125.

²⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 145.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 227.

²⁾ Там же.

В интересах утверждения диалектики природы в противовес механическому взгляду Энгельс пользуется всяkim случаем для того, чтобы оттенять слабые стороны этого воззрения. Он пользуется всяким случаем опорочить материалистических философов XVIII века и особенно сильно нападает на своих современников материалистов Фохта, Молешотта и Бюхнера. «Диалектика и естествознание» Энгельса в сущности открывается полемикой с Бюхнером. «Можно было бы оставить их в покое,— говорит Энгельс,— предоставив им заниматься своим, все же не плохим, хотя и скромным делом распространения среди немцев философии атеизма и т. д.; но, во-первых, брань по адресу философии, которая, несмотря ни на что, составляет славу Германии и, второе,— претензия распространить эту теорию на общество и реформировать социализм,— все это заставляет нас обратить на них внимание»¹⁾. Здесь указаны две причины недовольства Энгельса указанными материалистами. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» посвящает чуть ли не больше страницы выяснению того, почему Энгельс бранит материалистов. Одна из основных причин отрицательного к ним отношения заключается в том, что они отошли от философии.

У Энгельса часто прорывается теплее чувство даже к натурфилософам только из-за их близости к философии, хотя бы идеалистической. Это я имел в виду, когда сказал в начале, что диалектика обнаруживает свое происхождение от идеалистической философии. Энгельс говорит: «Естествиспытатели могли бы уже убедиться на примере естественно-научных успехов философии, что во всей этой философии имеется нечто такое, что превосходит их даже в их собственной области», а в скобках сказано на больше ни меньше, как ниже следующее: «Лейбниц—основатель математики бесконечного, по сравнению с которым индуктивный осел, Ньютон, является пластиатором и вредителем; Кант—космогеническая теория происхождения мира до Лапласа; Окен—первый выдвинувший в Германии теорию развития; Гегель—который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые»²⁾.

Энгельс зорко следит и пользуется всяким поводом для полемики с тенденцией механистов применять понятия и термины наших областей для обяснения феноменов высших.

В 60-х годах прошлого столетия два физиолога, Фик и Вислиценус, решили выяснить, какие вещества сгорают в теле животного, когда оно производит механическую работу. Они специально имели в виду проверить утверждения Либиха о том, что механическая работа животного совершается на счет белковых веществ. Свой опыт они произвели на самих себе. Они измеряли количество азота в своей моче, затем совершили подъем на гору Фауль-Горн, поднявшись на 2.000 метров. Так

¹⁾ Архив К. Маркса и Энгельса, том II, стр. 5.

²⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 7. Конечно, Энгельс может быть, и не имел в виду печатать это место. Но переводчик и редактор русского издания усилили оскорбительность последней фразы вследствие не совсем правильного перевода оригинала. У Энгельса сказано: «als all der materialistische Blödsinn zusamment», т. е. бранное слово относится не к личностям материалистов, а к их суждениям.

как вес тела их был приблизительно по 60 кгм, то каждый из них совершил работу в 12.000 кгм-метров. В течение подъема и нескольких часов после подъема они собирали свою мочу и определяли в ней азот. Они убедились, что работа совершается не за счет белковых веществ. Это прекрасный опыт, который в общем сохранил свое значение и до наших дней.

Энгельс очень недоволен этим опытом. Причина его недовольства заключается в том, что здесь термодинамическое понятие работы переводится в другие, в биологические науки. Он обращается на склонность некоторых отождествлять механическое понятие работы с физиологической работой. При этом он указывает с большим остроумием на многие недочеты опытов Фика и Вислиценуса при вычислении ими совершившейся приподнятии работы. Он говорит, напр., что работа совершается организмом, перемещающимся и по горизонтальной поверхности; величина работы будет зависеть не только от высоты подъема, но и от характера и уклона дороги, по которой совершается подъем. Он указывает, что в теле одновременно с выполнением внешней работы совершается внутренняя работа, которая не проявляется в дальнейшем результате: «Ведь тело не просто паровая машина, испытывающая только трение и изнашивание». Далее он говорит: «Физиологическая работа возможна только при наличии постоянных химических превращений в самом теле и она зависит также от процессов дыхания и от работы сердца. При каждом сокращении и ослаблении мускулов, в нервах и в кишках происходят химические превращения, которые нельзя отождествлять с превращением угля в паровой машине»¹⁾.

Все эти замечания совершенно справедливы и позднейшими физиологами Рубнером и Цунцем в Германии, Атфатером и Бенедиктом в Америке, изучавшими зависимость между сгоранием веществ и работой животной машины, были учтены, хотя они, конечно, не знали критики Энгельса и были далеки от диалектического взгляда. Но в опытах Фика и Вислиценуса Энгельс возмущался еще и другой стороной дела, и в этом очевидно вся суть его недовольства. «Кажется,— говорит он,— некоторые учёные были бы непрочно перенести термодинамическую категорию работы обратно в политическую экономию, как это сделали в заринской борьбе за существование, при чем в итоге получалась бы только чепуха. Пусть попробуют выразить какую-нибудь skilled labour в килограмм-метрах и попытаются определить на основании этого заработную плату»²⁾.

В этом отношении Энгельс безусловно не прав. Конечно, определять заработную плату какого-нибудь прецизионного механизма с точки зрения совершившей им работы в килограмм-метрах нельзя; да никто этого никогда и не делает. Но, с другой стороны, чтобы определить рацион питания рабочего, у вас нет другого критерия, кроме совершающей им работы в килограмм-метрах или в эквивалентном количестве калорий, с поправкой на полезный выход работы животной машины. Когда мы несколько лет тому назад были в сущности лишены денежной системы и получали вознаграждение за свой труд в виде пайков, то разница в величине пайка определялась исключи-

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 67.

тельно совершающейся каждым гражданином работой в килограмм-метрах, да и теперь при оценке величины заработной платы рабочего килограммо-метрическая величина его работы если не является единственно определяющим фактором, то во всяком случае, несомненно, входит, как одно из слагаемых.

Что все явления природы и именно природы живой нельзя свести на механические законы, утверждали и виталисты, т.е. те представители биологических дисциплин, которые в животном организме принимают наличие сил, принципиально отличающихся от таковых в мертвом природе. Конечно, Энгельс и его последователи не виталисты и не признают никакого специального для живого существа специфического духовного начала. Тем более они не похожи на виталистов, что отрицают возможности механического объяснения они уже пытаются утвердить и по отношению к физическим и химическим дисциплинам. Тем не менее, в принципе принятие ими специфических свойств категорий различных областей явлений природы напоминает тенденцию виталистов. Я хотел бы по этому поводу привести слова А. К. Тимирязева, слова, которым нельзя не сочувствовать. Он говорит по поводу некоторых современных дialectиков, знающих гегелевские формулировки, но не знающих, как с ними подойти к природе, следующее: «И вот что особенно важно: при этих попытках навязать абстрактные формулы природе берется по подозрению все крупное в области естествознания, дарвинизм, механическое или физико-химическое толкование процессов, протекающих в животном организме, электромеханика, и в то же время развивается какое-то необыкновенное благоударие к витализму, различным проявлениям антидарвинизма, формальным построениям в физике, вроде Эйнштейновского, отрицающего возможность каких-либо «механистических» объяснений. Правда, это очень удобно: у марксистов, вступивших на этот путь, и сейчас очень много союзников в буржуазном мире, а при дальнейшем распаде капиталистического общества их будет еще больше; подобного типа марксисты не пропадут отсталыми, они всегда будут идти наравне с последней модой... «Я просил бы вас, товарищи, — говорит он, — об этом все-таки серьезно подумать, явление это в достаточной мере серьезно¹⁾.

Кажется, что есть какое-то внутреннее противоречие в том, что учение, допускающее происхождение органического мира из неорганического, требует для объяснения процессов в органическом мире специфических для него форм движений. Попробуй объяснить свою мысль на примере.

Кровь животного имеет определенную реакцию, зависящую, как мы теперь понимаем, от концентрации водородных ионов. Эта величина концентрации удерживается в крови с величайшим упорством на одной и той же высоте. В кровь можно влиять сравнительно большие количества кислоты или щелочи, без того, чтобы реакция крови изменялась ощутительным образом. Однако не нужно думать, что в основе этого явления лежат какие-нибудь специфические для живой крови факторы. Весь механизм, заложенный в плазму крови, касающийся удержания реакции ее в

одной высоте, хорошо обследован и разъяснен американским физиологом Гендерсоном. Мы имеем здесь дело с так называемой буферной реакцией, основанной в данном случае прежде всего на том, что в крови содержится углекислого и соль этой кислоты — двууглекислый натрий. Мы без труда можем теперь, зная существенные черты буферных реакций, составить жидкость: содержащую углекислоту и углекислый натрий, и эта жидкость будет тоже упорно удерживать определенную реакцию, как и кровь. Оказывается, что морская вода также удерживает определенную степень концентрации водородных ионов, по величине напоминающую реакцию крови. Морская вода удерживает определенную концентрацию водородных ионов именно потому, что она, как и кровь, содержит также углекислоту и углекислые соли. Мы знаем, что вообще солевой раствор крови по процентному отношению входящих в него солей напоминает состав морской воды, и существует взгляд, что в процессе развития жизни зародившиеся первоначально в морской воде животные организмы захватили свое тело морскую воду, т.е. часть внешней среды, которая затем, превратившись в кровь, стала внутренней средой животного. Мы могли бы, следовательно, сказать, что животные не только строились из химических элементов, которые находились на поверхности нашей планеты, но и из веществ, которые находились на поверхности земли. Животный организм не только захватил в быльне геологические эпохи в свое тело морскую воду, но он использовал и ее свойства, как буферной системы, имея, таким образом, возможность удерживать реакцию своего тела на одной и той же высоте. Необходимость удерживать концентрацию водородных ионов на определенном, неизменном уровне привела, однако, в животном организме к появлению новых механизмов. Так называемый дыхательный центр представляет собой систему, по своей чувствительности к водородным ионам, не имеющую себе равной. Ни один из наших реагентов на водородные ионы не обладает такою чуткостью, как нервные клетки дыхательного центра. Было бы наивностью думать, что чувствительность этих клеток к водородным ионам основана на каком-нибудь факторе, помимо физико-химических особенностей этих клеток. Как только реакция крови, хотя и регулируемая ее буферами, изменяется на ничтожную величину, напр., в смысле увеличения, дыхательный центр, раздраженный этим плюсом, сейчас же посылает автоматическим путем по нервным волокнам раздражение к дыхательным мышцам, которые, усиливая дыхательные движения, увеличивают вентиляцию легких, вследствие чего избыток угольной кислоты усиленно удаляется из крови, и первоначальная концентрация водородных ионов в ней восстанавливается; а это в свою очередь ведет к освобождению дыхательного центра от раздражения избытком углекислоты. Мы видим здесь, что к способу удерживания реакции водородных ионов на одной и той же высоте, к способу, захваченному вместе с морской водой в теле животного, присоединился еще другой более тонкий способ, который вместе с первоначальным образуют одну стройную автоматическую систему. Неужели мы должны принимать, что в этой автоматической комбинированной системе участвуют несоизмеримые, так сказать, друг с другом категории явлений. Мне легче представить себе,

¹⁾ Механическое естествознание и диалектический материализм. Вологда. 1925 г., стр. 24.

что вся эта комбинированная автоматическая система с конца предсталяет механическую систему, в которой одни звенья уже теперь поддаются механическому об'яснению, а другие еще не поддаются.

И виталисты, и современные диалектики природы, полемизирующие с механистами, с торжеством говорят: «Если вы имеете претензию об'яснить жизненные явления механически, то попробуйте показать, как укладываются все формы жизненных проявлений в рамки механического понимания». Этот довод, конечно, слаб. Об'яснить жизненные явления до конца при помощи современной физики и химии нельзя не потому, что жизненные явления принципиально не поддаются физико-химическому учету, а хотя бы уже по одному тому, что современная физико-химия еще не дорошла до того состояния, чтобы быть способной об'яснять жизненные явления при помощи физико-химических терминов. Чем больше мы видим грандиозных, поражающих открытий в физике и химии за последние годы, тем больше мы убеждаемся, что эти науки находятся еще в младенческом состоянии. Но нет сомнения, что вместе с их ростом растет и наша уверенность в возможность механического об'яснения процессов живых существ.

Диалектические материалисты во многом напоминают виталистов. Я хочу привести слова одного автора, который с большим высокомерием смотрит на успехи в механическом об'яснении жизненных явлений. «Представляли себе, что явления кровообращения можно свести на законы гидростатики и гидродинамики. Ну и конечно, кровь следует законам гидродинамики. Но, ведь, кровь при своем движении совершенно пассивна. Активные функции сердца и сосудов никто еще не сумел об'яснить с точки зрения физических законов. Законы газообмена тоже пытались свести на законы аэrodинамики, законы поглощения и диффузии газов. Это, может быть, и удастся. Но, ведь, здесь речь идет совсем не о жизненном явлении. Раз воздушные меха приведены в движение, газы, само собою разумеется, должны ити и в одном, и в другом направлении согласно законам динамики. Но как образовались эти меха? Как они управляются, как поддерживается их движение? Газы в процессе их движения при газовом обмене играют безусловно пассивную роль. Я утверждаю: все явления в нашем организме, которые поддаются механическому об'яснению, в такой же мере не представляют собой жизненных явлений, как и движение листьев и ветвей дерева, колеблемых порывом ветра». Кто автор этих строк? Я вряд ли погрешил бы против истины, если бы заподозрил, что всякий правоверный диалектический материалист почтывает в авторе цитированного отрывка своего единомышленника. Увы! Я привел слова не диалектического материалиста, и вообще не материалиста, я цитировал идеалиста, самого яркого представителя и апологета витализма прошлого столетия, профессора физиологии в Базеле Густава Бунге¹⁾.

Зло витализма заключается в том, что последние завоевания в механическом об'яснении жизненных явлений, завоевания сегодняшнего дня, представляются ему в самом деле последними и

¹⁾ G. von Bunge, Lehrbuch der Physiologie der Menschen, Leipzig, 1901.

окончательными. Виталист ставит здесь точку: дальше ему представляется уже начало области со специфическими свойствами, где механическому об'яснению нет места. «Но как управляются меха, как поддерживается их движение?». Если бы Бунге был жив, и ему стало известным все, что достигнуто в об'яснении автоматического механизма, поддерживающего реакцию крови на одной и той же высоте, если бы он усмотрел, что механизм управления мехами, легкими, есть лишь одно звено этого автомата, то он, конечно, и здесь нашел бы, что все, поддающееся механическому об'яснению, играет лишь пассивную роль. Зло витализма заключается именно в том, что он слишком поспешно ставит запреты, находит границы между тем, что «пассивно» и что «активно». В этой готовности ставить точку после каждого достижения в смысле механического понимания жизненных явлений заключается тормоз для дальнейшего движения науки. Если диалектики, исходя из совершенно других соображений, принимают в жизненных явлениях особые формы движений, не поддающиеся физико-химическому об'яснению, то они тоже рискуют ставить границы там, где их в сущности быть не должно и нет.

Я далек от мысли указывать на возможность какой-нибудь средней, примиряющей точки зрения. Но я хотел бы оттенить обстоятельство, которое, может быть, вскроет одну существенную черту разногласия между двумя течениями материалистического понимания явлений природы. Я хочу опять пояснить свою мысль на определенном примере. Механические движения животного, движения его конечностей, головы, туловища, движения его внутренних органов представляют собой для всякого, кто вникает в совершенство этих движений, в приспособленность движений к определенной цели, тонкость и точность выполнения определенной цели, нечто изумительное. Как охватить, как расчленить, как систематизировать все богатство и разнообразие этой стороны функций животного организма. Со временем Декарта физиология выделила в виде простейшего механизма ответной реакции на раздражение т. н. рефлекс. Изучая простейшую форму рефлекторного движения, физиологи выяснили целый ряд особенностей этого простейшего феномена двигательной реакции животного. Сеченов показал, что на почве рефлекса осуществляется т. н. суммация возбуждения. Он же указал, что в области рефлекса имеются угнетение или торможение. Шерингтон в Англии указал на систему общего конечного пути в области рефлекса. Он широко развил учение об угнетении antagonистов, сопровождающем сокращение antagonистов при всяком движении. Он же указал и развил учение о взаимной связи различных рефлексов друг с другом. В последнее время Магнус в своих общирных исследованиях указал на значение рефлекса в удержании положения тела животного. Павлов сделал рефлекс исходным пунктом для уяснения той обширной, сложной группы явлений, которая подчинена т. н. условному рефлексу. Таким образом примитивный, простой ответ мышечного сокращения в результате чувствительного раздражения является основным результатом, охватывающим в сущности все проявления так называемых анимальных процессов животного тела. Но, конечно, мы здесь далеки еще от «ведения» анимальных процессов на меха-

нические законы. Что нужно для этого? Нужно только об'яснить физико-химически самый рефлекторный акт. Современная физиология, между прочим, занимается и этим. Мы знаем, что процессы возбуждения связаны с действием определенных механических ионов. Труды Нернста, Леба, Лазарева говорят определенным образом в пользу такой точки зрения. Нужно думать, что действие металлических ионов обрушивается на коллоидальную структуру нервных элементов, как мы это знаем из воздействия металлических ионов на коллоиды. Конечно, эти и другие попытки свести процессы возбуждения в периферической и центральной нервной системе к физико-химическим процессам еще далеки от своего окончательного разрешения, но мы не видим принципиальных возражений против плодотворности работ в этом направлении. Представим себе, что когда-нибудь нам удалось бы выразить рефлекторный акт в физико-химических терминах и свести его в конечном счете на механику. Конечно, мы могли бы сказать, что мы свели бы этим самым и всю ту сторону анимальной жизни, в основе которой лежит рефлекс, на механические законы: но мы, само собою разумеется, отнюдь не должны были бы при этом для каждого из всей массы рефлексов подводить специально этот механический фундамент. Все учение о рефлексах, как оно развито физиологическими исследованиями, все содержание этого отдела физиологии сохранило бы все свое значение, но вместе с тем мы имели бы право сказать, что все рефлексы основаны на физико-химических процессах. Не только не изменилось бы ничего в нашей оценке всего добьтого в учении о рефлексах, но даже и дальнейший ход исследований в этой области сохранил бы свой прежний характер, после того, как мы получили бы вполне обоснованное убеждение в чистой механическости рефлекса. Оперирование таким определенным феноменом, которое мы обозначаем термином «рефлекс», дает нам известную экономию, дает упрощение в исследовательской работе.

В тригонометрии нет каких-нибудь особенных элементов, которые обладали бы особыми качествами по сравнению с тем, что мы имеем в геометрии. Мы можем «свести» тригонометрию к геометрии, мы знаем, что основные элементы тригонометрии представляют собою лишь определенные отношения сторон прямогоугольного треугольника. Но тем не менее оперирование при помощи этих элементов дает нам большой простор и упрощает работу, и дает возможность находить новые математические соотношения. Введение тригонометрических функций, конечно, само по себе еще не предопределяет и не исчерпывает того богатого содержания, которое может быть добыто при помощи них. С другой стороны, пользование тригонометрическими функциями в вычислениях не обязывает нас всегда в каждом случае неизменно апеллировать к их первоисточнику. Таким же образом и наше гипотетическое сведение рефлекса к законам механики не вскрыло бы всего содержания учения о рефлексах, и в дальнейших наших работах в области рефлексов мы не должны были бы всегда и неизменно апеллировать к первоисточнику их природы.

В своей диалектике природы Энгельс говорит следующее: «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в

мозгу». К этой части утверждения, имеющей характер чисто механического мировоззрения, Энгельс делает, однако, следующую существенную прибавку: «но исчезает ли этим сущность мышления?»¹⁾, — спрашивает он. Конечно, в этом вопросе заключается отрижение, т.-е. он хочет сказать, что если бы мы свели мышление на механические процессы, то этим не исчерпывалась бы все же сущность мышления. Если бы мы здесь вместо слова «сущность» поставили «содержание», то мы получили бы большое приближение к тому механическому пониманию, о котором я говорил раньше по поводу рефлексов.

Вспомним также в связи с этим слова Энгельса, что если мы знаем о теплоте только то, что она есть род движения, то мы знаем о теплоте еще слишком мало. Если бы мы это место понимали таким образом, что утверждение о механическом характере теплоты не исчерпывает содержание физических явлений, охватываемых термином «теплота», то этим мы также смягчили напрямимую позицию двух взглядов, о которых говорилось раньше.

Точку зрения, подобную той, которую я только что развел, я нахожу и в речи Л. Д. Троцкого «Д. И. Менделеев и марксизм», произнесенной на последнем химическом съезде.

Свою точку зрения Л. Д. Троцкий формулировал в очень ясных и определенных выражениях. Повторяя слова Менделеева о том, что причина химических реакций состоит в физических и механических свойствах частиц, он говорит: «Эта Менделеевская формула имеет насквозь материалистический характер. Химия для об'яснения своих явлений не обращается к какой-нибудь новой над-химической или над-физической силе, а сводит явление химических процессов к механическим и физическим свойствам частиц. В таком же отношении стоят биология и физиология к химии. Научная, т.-е. материалистическая, физиология не нуждается в особой сверх-химической жизненной силе (по учению виталистов и неовиталистов) для об'яснения своих явлений. Физиологические процессы сводятся в последнем счете к химическим, как эти последние к механическим и физическим; также же отношение психологии к физиологии. Не даром физиология называют прикладной химией живых организмов. Как нет особой физической силы, так и научная, т.-е. материалистическая, психология не нуждается для об'яснения своих явлений в необходимой силе — душе, а сводит их в последнем счете к явлениям физиологии. Такова школа академика Павлова; так называемая душа есть для нее сложная система условных рефлексов, целиком коренящихся в первичных рефлексах физиологии, которая в свою очередь через могучий пласт химии проносит свои корни в подпочву физики и механики. То же самое можно сказать и о социологии. Для об'яснения общественных явлений нет необходимости привлекать какие-либо вечные или полуторонние начала. Общество есть такой же продукт развития первичной материи, как земная кора или амеба»²⁾.

Дальше Троцкий дает очень существенное пояснение: «но это, конечно, не значит, что каждое явление химии непосред-

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 29.

²⁾ Л. Троцкий, Д. И. Менделеев и марксизм 1925, стр. 11.

ственно может быть сведено к механике, еще менее того, что каждое общественное явление может быть непосредственно сведено к физиологическим, а далее — к химическим и механическим законам. Такова, можно сказать, предельная цель науки. Но метод постепенного и долгого приближения к этой цели совсем иной. Химия имеет свои особые подходы к материи, свои приемы исследования. Если без знания того, что химические реакции сводятся в последнем счете к проявлению механических свойств элементарных частиц материи, нет и не может быть законченного миросозерцания, связывающего все явления в единую систему, то, с другой стороны, одно лишь знание того, что явления химии коренятся в физике и в механике, не дает еще само по себе ключа ни к одной химической реакции¹⁾.

Л. Д. Троцкий говорит о законченном миросозерцании. Можно спросить, о каком материалистическом миросозерцании идет здесь речь: о диалектическом, или о механическом. Такой вопрос можно законно поставить потому, что точка зрения, развитая Троцким, тождественна с тем механическим мировоззрением, которое исповедывается большинством естествоиспытателей. Энгельс, как мы видели, утверждает, что естествоиспытатели, не отдавая себе отчета, бессознательно стоят на точке зрения диалектики природы. С подобным же правом можно было бы, кажется, спросить: не устремляется ли диалектика природы фатально, не отдавая себе отчета, в сторону механического взорвания на природу? Такой вопрос тем более закончен, что точка зрения, только что представленная, высказывается не одним Троцким, а и другими современными марксистами.

В недавнее время И. Степанов, имея в виду интересы агитационной борьбы с религией, написал небольшую книгу под названием «Исторический материализм и современное естествоиспользование». В этой книге Степанов, очень видный марксистский писатель, в популярной понятной форме знакомит своих читателей с фактами и теорией современного естествоиспользования. Всё изложение Степанова ведется с точки зрения чистого механического миросозерцания на природу. В его изложении почти нет указаний на диалектические процессы в природе и на диалектических их понимание. Книга Степанова вызвала в марксистском лагере взыскания негодования. Полемику начал Ян Стен в журнале «Большевик»; он указал, что Степанов, как марксист, не должен был писать книгу в таком духе, как он это сделал. Степанов отвечает Стену и считает его рецензию положительным скандалом, редкостным плодом зутистики и невежества в марксизме и естествоиспользовании. Эта полемика разгорается и принимает все большие и большие размеры. Степанов говорит в свое оправдание, что он совершенно не исповедует механического взорвания на явления природы, он представитель механистического мировоззрения. Ему указывают, что разница, которую он усматривает между механическим и механистическим пониманием, не имеет принципиального значения, да и вообще не совсем ясна, что он несомненно стоит на механической точке зрения. В этой статье спора в полемику вступает Государственный Тимирязевский Институт в Москве, который устраивает целую дискуссию по этому

¹⁾ Л. Троцкий; Д. И. Менделеев и марксизм, 1925, стр. 2.

поводу и, защищая марксистскую точку зрения и базируясь на диалектическом материализме, тем не менее берет Степанова под свою защиту. Институт выпускает целый дискуссионный сборник под заглавием «Механистическое естествоиспользование и диалектический материализм». Оказывается, однако, что и среди авторов этого сборника имеются разногласия, и один из них упрекает всех других в непонимании марксизма. В ответ на этот сборник в журнале «Воинствующий Материалист» появляется ряд статей, не падающих красок для посрамления марксистов Тимирязевского Института, и т. д., и т. п.

Такая полемика не завтра закончится. Она только теперь еще разгорается и привлекает новых участников. Она будет бесплодна, потому что она ведется не по существу, а оперирует только ссылками, главным образом, на сочинения Энгельса. А так как у Энгельса встречаются противоречия и неясности, то спор по одному уже этому должен быть бесплодным. Приемами такой же источенной полемики вряд ли можно будет возвратить знамя диалектики в современном естествоиспользовании. Для того, чтобы достичь этой цели, нужно идти совершенно другим путем. Те марксисты, которые воодушевлены верою в силу диалектического метода в познании природы, если они при этом специалисты-естественники в какой-нибудь определенной области естествоиспользования, должны на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной оскорбительной полемики, диалектический метод завоюет себе свое место в естествоиспользовании.

Естествоиспытатель прежде всего не упрям. Он пользуется своим теперешним методом только и единственным потому, что его метод есть метод единственный. Такого естествоиспытателя, который желал бы пользоваться худшим методом, а не лучшим, нет на свете. Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели, — завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя не диалектика.

проф. Самойлов утверждает, что у Энгельса встречаются «противоречия и неясности», однако он нигде не показывает, в чем они заключаются.

Одновременно с этим, проф. Самойлов пытается опровергнуть диалектику Маркса и Энгельса тем, что она родилась в идеалистической купели Гегеля. Такое происхождение не осталось якобы без влияния на дальнейший ее характер и чувствуется еще и поняне. Это замечание проф. Самойлова точно так же доводит до логического конца все те нарекания на «схоластичность» и «идеализм» диалектики, которые в последнее время щедро расцвелли в более завуалированной форме. Под сомнение берется весь марксизм, как имеющий от правной точки диалектику Гегеля. Возражение это далеко не ново и имеет своим истоком еще начально знаменитое произведение Бернштейна. Вряд ли есть нужда разбирать его по существу—так много написано о нем и у Шеханова, и у Ленина. Но тем самым спор вокруг механической точки зрения совершенно несомненно оказывается не спором внутри марксизма, а спором в защиту марксизма против его критиков, хотя бы и живущих в «атмосфере марксизма». Этим ичерпываются наши замечания по поводу формальных возражений и замечаний проф. Самойлова. Переходим теперь к разбору его возражений по существу.

При этом мы вовсе не ставим своей целью дать и счерпывающий ответ на статью проф. Самойлова. В сущности говоря, ответом на нее являются все философские и естественно-научные статьи нашего журнала. В данной связи нашей задачей является обратить внимание читателей лишь на важнейшие выдвигаемые ею положения.

* * *

Проф. Самойлов признает, что предсказания Маркса в области обществознания осуществились, и именно поэтому мы живем ныне в «атмосфере марксизма». Так как важнейшей задачей науки является предвидение тех или иных явлений, то несомненно таким образом, что в этой области марксизм нашел себе блестящее подтверждение. Не то в области естествознания. Здесь сделано еще очень мало, хотя и в этой части проф. Самойлов признает известные заслуги Энгельса. Объяснение этому проф. Самойлов видит не только в том, что марксизм до последнего времени не имел возможности специально применить свой метод к изучению данной области явлений природы, но и в самом характере естественно-научного материала. Основное отличие проф. Самойлов видит в том, что в то время, как в области обществознания эксперимент невозможен, он решает в области естествознания. Однако это совершенно неверно. В астрономии и геологии невозможен эксперимент, в точном смысле этого слова, и, наоборот, в области общественных явлений наша революция дала несколько примеров блестящих экспериментов. Между обществоведением и естествознанием нет никакой принципиальной разницы методов их изучения и меньше всего это может отрицать последовательный механист. Таким образом, если признать, что марксизм является цельным мировоззрением, что между природой и обществом не лежит непроходимой пропасти, остается либо принять марксизм, либо отвергнуть его и там, и тут.

Несколько замечаний по поводу статьи проф. Самойлова.

И. К.

Статья проф. А. Ф. Самойлова должна заинтересовать всякого марксиста. С одной стороны, она несомненно отражает отношение к диалектическому материализму широких кругов современных естествоиспытателей, с другой—договаривает до конца многое из того, что считающие себя марксистами критики диалектики не решаются еще до сих пор вымолвить. Ясность же и последовательность мысли составляет необходимую предпосылку и установление подлинных разногласий, и отыскания истины.

Проф. Самойлов кончает тем, что полемика будет бесплодна до тех пор, пока она ведется не по существу, а путем ссылок на сочинения Энгельса. В этом есть известная доля правды. С тех пор, как писались «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», прошло свыше 40 лет и почти все области естествознания пережили за это время настоящую революцию. Несомненно, что конкретный материал, которым оперировал Энгельс, значительно устарел. Не было бы противно духу марксизма, если бы кто-либо выступил с предложением дополнить и развить те или иные положения Энгельса на основании конкретного разбора современного знания. И в области общественных наук, где основоположниками марксизма сделано более всего, для понимания окружающей нас действительности нужен не только «Капитал», но и «Империализм, как новейший этап капитализма». Однако, одно дело—те или иные частные положения, которые могут быстро стареть и сменяться высшими, другое—основы метода, являющегося завершением многовековой работы человеческой мысли и превратившего на основании колоссального исторического опыта. Для пересмотра основ метода марксизма, революционной, материалистической диалектики, служащей важнейшим орудием пролетариата в его борьбе, подтверждаемой каждым новым шагом вперед во всемирной истории, недостаточно тех или иных построений, той или иной частной науки на данной ступени ее развития. Скорее наоборот, эти построения должны быть подвергнуты критике с его точки зрения.

Спор вокруг механической точки зрения является именно спором об основах марксистского метода. Этого, кажется, не отрицают никто из участников спора. А если это так, то тогда и вопрос о том, какую же в нем позицию занимали учителя марксизма, не является бесплодным и второстепенным. Никто не может отрицать, что мировоззрение марксизма представляет единое и гармоничное целое, высеченное из одного камня. Поэтому признание проф. Самойлова, сторонника механической точки зрения, что Энгельс был противником ее, имеет огромное значение для решения спора в пользу марксизма. Правда, одновременно с этим,

Следующее возражение проф. Самойлова заключается в том, что «метод современного естествознания гонит натуралиста сплошь в сторону механического материализма». Он сплошь приходит к тому, что сводит все явления к более простым, «к движению материальной точки в пространстве и во времени». Это важнейшее положение механистов. Но, как это ни странно, непосредственно базируясь на методах и выводах современного естествознания, оно ныне уже явно противоречит ему. На самом деле современное естествознание сводит все существующее к движению однородных материальных точек в пространстве и времени? Проф. Самойлов должен признать, что до этого несомненно еще очень далеко. Достаточно указать на различия электронов и атомных ядер, на различные обяснения электромагнитных явлений и строения эфира. Наоборот, скорее материальные частицы мы должны рассматривать как известного рода ощущения, исторически возникающие в некоей первоматерии, заполняющей пространство. Кроме того, сама «материальная точка» вовсе не есть нечто столь простое и легко обяснимое, как это кажется нашим упростителям. Уже кроме того, что ее движение в пространстве представляет собой противоречивый процесс, как вслед за Зеноном и Гегелем показал это Энгельс, сама она представляет единство противоположностей—прерывности и непрерывности в окружющей средой. Перерыв же предполагает качественное отличие материальной частицы от окружающей ее среды.

Поэтому сама материальная точка возникает в наполняющей пространство материи как некое новое качество. Синтез однородных электронов создает атом, а физико-химические свойства атома вовсе не тождественны свойствам электрона и представляют собой нечто новое, отражающее возникновение некоторой новой частицы, нового единства, нового качества. Организм представляет определенное сочетание атомов. Но в атоме вовсе не даны все те свойства, которые мы находим в организме. Общество представляет собой определенное сочетание организмов. Но из изучения жизни отдельного организма нельзя вывести закончирующие жизнь общества.

Таким образом мы можем сказать, что всякая высшая форма движения материи возникает из низшей и появление ее не обозано вмешательству никаких особых сил, сверх тех, которые имеются в низшей форме. Она возникает в результате усложнения движения низшей формы, порождающего новое качество. Ни о каком витализме в данном случае речи быть не может. Всякую высшую форму можно создать при соответствующих условиях из взаимодействия низших форм. Это несомненно. Но, раз возникнув, высшая форма представляет собой нечто новое и потому разложение ее вновь на составные части не дает еще полного ее обяснения. Разложение приводит лишь к повторению и воспроизведению старого. Блестящее подтверждение этой диалектической точки зрения в биологии мы находим у К. А. Тимирязева. Вот что он пишет: «Вправе ли мы сказать, что они (явления превращения формы организма) также подчиняются физическим законам, общим с неорганической природой, или мы встречаем здесь нечто исключительно им свойственное? И да, и нет. С одной стороны, совершенно неправы те, кто полагают, что формо-образо-

вательные процессы ни в чем не поддаются физическим обяснениям. В физиологии растений, а за последнее время и в зоологии обнаруживается новое—экспериментально-морфологическое направление, успешно объясняющее зависимость этих процессов от физических деятелей. С другой стороны, никто не стал бы пытаться одними этими причинами объяснить все изменяющиеся формы,—пытаться обяснить ее, как вполне понятный результат воздействия на нее физических факторов, влияющих с момента зачатия и до момента полного развития¹⁾. Для обяснения конкретного явления, кроме физико-химического анализа, необходимо еще и изучение истории, создающей новые синтезы, новые формы движения материи. Значит, ни морфология, со своим блестящим и плодотворным сравнительным методом, ни физиология, со своим еще более могущественным экспериментальным методом, не покрывают всей области биологии, не исчерпывают ее задач; и та, и другая ищут дополнения в методе историческом. Но между тем как морфология, видя в организмах только формы, предъявляет ему требование—найти причину свойства этих форм, физиология, изучая формы в связи с происходящими в них процессами и вынося общее впечатление полного соответствия между геми и другими, требует обяснить ей причину этого совершенства органических форм. Если первая, как мы сказали, могла бы довольствоваться одним раскрытием в природе исторического процесса, то вторая выдвигает новое усложняющее условие,—что бы этот процесс давал начало формам, носящим печать совершенства, чтобы это был процесс исторического совершенствования или прогресса²⁾. Ничего более того, что здесь написано К. Тимирязевым, диалектика и не утверждает. Зато это прямо лежит в лицо всем современным механистам. Да, разложение явлено на простейшие составные части представляет важную задачу науки, без него невозможно познание действительности, и электрон должен быть разложен и далее, обяснен из более простых форм движения материи. Наука не должна останавливаться на этом пути и неустанно рыть глубже. Выдумки, что диалектика ставит исследователю какие-либо запреты. Наоборот, она требует, чтобы он не останавливался ни на каком уже достигнутом результате, а неустанно двигался вперед. Скорее механическая точка зрения приводит к тому, что раз найденное превращается в некий священный абсолют, всякие сомнения по поводу которого обзываются концепцией и едва ли не черносотенством. Но вместе с тем диалектика требует, чтобы наука и не ограничивалась путем анализа. Кроме анализа существует еще и синтез, кроме данного существует еще история. Неверно, что современная наука ставит себе задачей лишь обяснение сложного из простого, она ставит своей задачей и воспроизведение из простого сложного. Синтетическая химия, дарвинизм, исторический метод в биологии—лучшие тому доказательства. И в то время, когда наши механисты, представляя собой подлинную позитивистскую реакцию против диалектики, возвращаются к временам давно минувшим, мы убеждены, что подлинно прогрессивное в

¹⁾ К. Тимирязев, Исторический метод в биологии, стр. 33.

²⁾ Там же, стр. 89.

современной науке с каждым годом логикой самих внутренних требований научного исследования будет стихийно становиться на диалектическую точку зрения. Наша задача пропитать эту стихию сознанием.

Следующее выражение проф. Самойлова касается категории качества. Опираясь опять-таки на современную науку, он пытается обосновать субъективность качества. Следует Локку, он утверждает субъективность так называемых вторичных качеств.

Однако и эту попытку следует признать неудачной. Он утверждает, что если бы у нас не было слухового аппарата—не было бы ощущения звука. Появление новых качеств означает лишь смену наших органов чувств. Воспринимаемое глазом движение камня при ударе о стекло воспринимается ухом как звук.

Однако и здесь дело обстоит не так просто, как это кажется механисту. Конечно, надо отличать нашу субъективную окраску того или иного явления от того, что имеет место в самой действительности. Конечно, то, что мы воспринимаем лишь некоторые движения тел при посредстве того или иного органа чувств, а некоторые не воспринимаем вовсе, обуславливается целиком нашей организацией. Если бы мы имели идеальные зрение и слух, мы видели бы и слышали бы все движения в окружающей нас среде, или, вернее, не видели бы и не слышали бы вовсе, так как не могли бы фиксировать ничего устойчивого в нашем восприятии. Несомненно также, что устройство наших органов чувств своеобразно окрашивает восприятие окружающих нас предметов, может исказить их так же, как исказяет их искривленное зеркало. Но соответствуют ли различиям, фиксируемым нашими органами чувств, различия в самой действительности? Каждодневная практика учит нас тому, что устанавливаемому нами качественному различию предметов соответствует в действительности определенное различие их строения, их формы, их действия. А это и значит, что качества существуют не только субъективно, но и объективно. Воспринимаемому нашим органом слуха соответствует существующее вне нас объективное качественное различие в структуре звуковой волны. Качество вовсе не есть какое-то мистическое существо, создаваемое нами в наших представлениях. Это—определенность формы и содержания предмета, обуславливающая ту или иную закономерность его движения и действия. Не только звуки и цвета представляют собой особые качества, но и различные атомы, различные организмы, различные способы производства. Таким образом и это выражение проф. Самойлова против признающий объективность качества диалектики следует признать несостоятельным.

Наконец, последнее. Проф. Самойлова удивляет, какое значение может иметь для естествознания диалектика, если оно и помимо ее делает все свои завоевания. Он видит противоречие в том, что в одном месте Энгельс призывает естествознаний изучать диалектику, а в другом указывает на то, что они сами ее бессознательно применяют. Стоит ли хлопотать о тех категориях, которые применяются бессознательно?

Однако еще Гегель говорил, что «единственно действительное средство против разума заключается, в том, чтобы совсем не связываться с ним». Поскольку перед естествознанием воз-

никают синтетические задачи, оно не может избежать диалектического понимания действительности, оно идет к нему ощущью, спотыкаясь, но все же идет. Трудно проникнуть в тайники природы с повязкой на глазах. Если в конце концов и ощущение человека находит правильный путь, то сколько шишек набивает он себе, сколькотратит напрасно потерянного труда в поисках верной дороги! Диалектический метод дает ему в руки провектор, освещающий путь и наиболее быстро ведущий к цели. Именно поэтому Энгельс рекомендовал естествознанию диалектику. Современное естествознание стихийно уже заражено диалектикой и поэтому, сколь бы беспечны по части метода ни были его представители,—ему не избежать ее.

И чем меньше будут упираться, коснея в предрассудках механической точки зрения, естествознаниетатели—тем плодотворнее будет путь естествознания.

человека, а также и утопии, он становится «человеком, выдумавшим членов и творца своего учения». Такой социалист с «догматами» оказался лишь на пути к социализму, а не в самом деле, и, следовательно, остался в своем учении, а не в реальности. Вместо этого он остался в своем учении, а не в реальности.

Падение социализма от науки к утопии.

И. Луппол.

1.

Недавно А. Иоффе Крымский высказал мнение, что со смертью И. Поппера-Линкеуса ушел последний утопист, «кто не въльзя себе представить, чтобы в наше время... нашелся еще один мечтатель, который выдумал бы новую программу «социально-экономического переустройства». Но... не оскудеет князь от Чуды и вождь от чреспа его. Есть еще социалисты-утописты и притом, на наш взгляд, сознательные утописты, пытающиеся выдвинуть теоретическое обоснование своих взглядов.

Нет-нет и выдвинет земля, чтобы не сказать буржуазия, такого апостола правды и справедливости, который, будучи одержим самыми прекраснодушными стремлениями, начинает не столько говорить о методах и средствах превращения капиталистического общества в социалистическое, сколько рисовать до мелочей и подробностей устройство будущего общества. Правда, всем этим уже занимался старый, справедливо заслуживающий нашу признательность утопизм, и новый его эпигон не скажет принципиально ничего нового; правда, что после мировой войны и Октябрьской революции слова такого новейшего апостола будут звучать как реплика из фарса, нужды нет—из этих слов по-прежнему составляются обширные тома, претендующие на открытие социалистического строя.

Таким «последним магиканом» утопического социализма (последним по времени, но,—думаем мы,—не последним в истории: ведь давно известно, что старушка история социально ушибленных ничему научить не в состоянии) выступает в наши дни Люсень Делиньер, давний гость Советской России. За последние годы он уже успел выпустить два тома «Реконструктивного социализма»: «Интенсивное производство» (вторым изданием) и «Принципы социалистической экономии»¹⁾. Мало того, за этим последует еще том: «Конец социального зла», а за ним еще несколько, в числе которых уже достаточно осчастливленное человечество получит и изложение тех средств, при помощи ко-

¹⁾ Lucien Deslinières, *Le socialisme reconstrucr. La production intensive*, Paris 1924 (nouvelle édition); *Principes d'économie socialiste*, Paris 1924.

торых оно сможет войти в двери нарисованного Делиньером социализма.

В первом из указанных томов Делиньер рассматривает по преимуществу производство индустриальное, аграрное и колониальное (странным образом, колонии у Делиньера остаются, конечно, спешим добавить, в «осоциализированной» нашим автором форме). Во втором рассмотрению подлежит преимущественно финансовая сторона социализма. Здесь у Делиньера тоже очень много хлопот: нужно толковать о монетном обращении, о кредите, о международных финансовых расчетах, нужно определить функции соответствующих учреждений, подумать о бюджете и т. д. и т. п., чтобы приход социализма не застал человечества врасплох.

Словом, Делиньер оказывается в положении святого Макса: чего не должен он считать своим делом! «На него взвешают дело божие, дело человечества, истину, свободу, затем дело его народа, его государя», и тысячи других добрых дел. Разница лишь в том, что святой Макс разбирал все эти добрые дела на трех страницах, а Люсеньу Делиньеру не обойтись без многих томов.

Несомненно, скучно и неинтересно утомлять нашего читателя изложением мечтаний этого социалистического Манилова; было бы достаточно зафиксировать его имя на каталожной карточке одной—двух библиотек по отделу эпигонов утопического социализма. Но в дело вмешивается еще одно обстоятельство. Между старыми утопистами и их новейшей тенью существует, между прочим, то различие, что первые жили до появления научного социализма, а последний мыслит и существует после него, можно сказать, в самый разгар марксизма в действии.

Указанный момент об'ективно налагает на Делиньера тяжелое обязательство так или иначе посчитаться с марксизмом. Наш автор сознает эту обязанность, и потому прежде чем писать и пропагандировать, прежде чем показать, что такое социализм, он хочет убедить, чем социализм не должен быть. Вследствие этого обстоятельства Делиньеру пришлось еще до перечисленных выше реконструктивных томов написать первый, вступительный том, в котором, как не трудно догадаться, он сводит счеты с марксизмом.

Название этого расчищающего дорогу тома вполне соответствует социалистическим убеждениям и намерениям автора: «Долой марксизм!»—и больше никаких¹⁾. Услужливый издатель

¹⁾ Lucien Deslinières, *Delivrons-nous du marxisme*, Paris 1924 (nouvelle édition). См. сдержанно (ведь все-таки социалист!)—благожелательные (ведь все-таки против марксизма) рецензии в *«Revue des sciences politiques*, tome XLVII, p. 607: *«Revue d'économie politique* 1924, № 2, p. 430.

сопровождает труд лаконической аннотацией: «Грозный и солидно обоснованный иск,—и чтобы французскому филистуру было понятнее в чем же дело, добавляет,—классовая борьба, антишатрантизм и демагогия осуждены здесь начисто». В результате—два издания в течение двух лет.

Долой марксизм!—кричат реакционные силы современного общества. Долой марксизм!—присоединяется к ним свой голос социалист Делиньер. Если у первых это—«естественный крик на болевшей души», крик, который может быть прекращен лишь хирургическим путем, то голос второго должен привлечь внимание не только библиотечного каталогизатора, но и всякого марксиста, интересующегося теоретическими вопросами; и не потому, конечно, что Делиньер является опасным противником, или что его, наоборот, можно в чем-либо убедить, но потому, что интересно же знать, в каком теоретическом вооружении выступают из социалистического лагеря современные критики марксизма, как теории.

К этому нужно добавить и то, что французский социализм в последние годы не баловал нас теоретическими работами, а первая из длинного ряда «реконструктивных» работ Делиньера предполагает быть именно таковой. И как в другом месте мы зарегистрировали новейшего американского теоретика «социализма» М. Уильямса с его «Социальным пониманием истории»¹⁾, так и теперь мы хотели бы «зарегистрировать» новейшего французского «теоретика реконструктивного социализма» Л. Делиньера. Само собою разумеется, что нас интересует делиньеровская критика марксизма, а отнюдь не его воздушные замки, фантазии, думы и догадки.

2.

Уничтожение марксизма для Делиньера своего рода *conditio sine qua non*, т. е. непременное условие, без выполнение которого невозможно построение истинного социализма. Уже это положение чрезвычайно характерно, ибо показывает, что современное социалистическое движение настолько сраслось с марксизмом, что не может быть направлено в угодную Делиньеру сторону без уничтожения теории Маркса.

Однако расчистка пути для самоновейшего социализма, будучи предпосылкой, сама требует известных теоретических предпосылок. С этих последних и начинает Делиньер свой, скажем, забегая вперед, сизифов труд.

¹⁾ См. „Очередное опровержение марксизма“,—„Под Знаменем Маркса“, № 8—9 за 1925 г., и „Die fällige Widerlegung des Marxismus“,—„Unter dem Banner des Marxismus“, 1925, Heft 3.

В чем заключаются причины успеха и развития марксизма? Очень думали, что причины этого коренятся в развитии капиталистического способа производства со всеми вытекающими из него для пролетариата последствиями. Делиньер полагает иначе, он считает, что развитие индустриализма во второй половине XIX века лишь благоприятствовало марксизму, но он никогда не распространился бы столь широко, если бы не разъяснения его интеллигентами. Для этого необходимо была философская и научная культура. Таким образом наука виновата в распространении и развитии марксизма.

Если ограничиваться лишь идеологической областью, то конечно, Делиньер прав в том смысле, что марксизм, как говорил Ленин, «является прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма», что марксизм «есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке». Это—заслуга гордость марксизма, это—то, что в руках Маркса и Энгельса послужило материалом для превращения утопии в науку.

Но последней как раз и не хочет Л. Делиньер. «Если теперь,—говорит он,—доказано (?), что марксизм гораздо более здрав, чем полезен, и что будущее социализма требует отказа от него, то необходимо, чтобы в то же время человечество избавилось от загромождающего и тяжелого багажа ложной науки, который оно тянет за собой и из которого марксизм составляет лишь часть»¹⁾. Если марксизм, диалектический материализм вырос на достижениях науки и сам стал руководящей среди них наукой, то нужно, стало быть, разгромить эту базу и похоронить самий марксизм.

Однако и для этой нелегкой операции нужна точка опоры. Энгельс когда-то говорил, что, как ни стремятся естествоиспытатели избавиться от влияния философии, они продолжают оставаться в ее власти и притом зачастую во власти самой дурной, даже превзойденной философии. Так обстоит дело и с Делиньером. Основное, что он хочет выбросить за борт социализма, это философия. И, однако, сам того не сознавая, он остается в пленах самой дурной философии. Именно в ней он находит точку опоры.

Вместо того, чтобы базироваться на развитии капиталистического общества в его объективных тенденциях, он отправляется от абстрактного самого по себе факта существования на земле не менее абстрактного человека: «Человек существует на земле. Но будем спрашивать, как он пришел сюда и не было ли бы лучше, если бы он вовсе не пришел. Это—вопросы, не имеющие

¹⁾ L. Deslinières, Délivrons-nous du marxisme, p. XII.

практического значения». Таким образом уже отпадает одна ветвь человеческого знания, а путем познания ставится преграда.

Зарекомендовав себя с самого начала агностиком, Делиньеर начинает анализировать своего абстрактного человека. Ясное дело, у него есть потребности; сперва это—чисто физиологические потребности, затем появляются и духовные. «Человек счастлив, если он может удовлетворить свои потребности; он страдает и умирает, если не может сделать этого». Отказываясь от философии, Делиньеर снова не замечает, как он возвращается к исходной точке зрения старых натуралистов на человека и общественные явления. Но то, что было понятно, что было высшей натуралистической точкой зрения для XVIII века, давно преиздано историко-материалистическими взглядами, берущими человека во всей его конкретности.

Самое обоснование оценок у Делиньера исходит из той же натуралистической, антиисторической точки зрения, которая была характерна и для наших народников. Впрочем, у последних была все же, хотя и тощая и абстрактная «формула прогресса», у Делиньера же нет и ее. Все, что способствует удовлетворению потребностей—благо; что мешает—зло. Все, что нейтрально, то бесполезно, а все, что бесполезно—вредно, ибо огниает силы и время.

Эклектик Делиньеर на протяжении нескольких страниц солидаризируется уже с третьей «философией». Теперь он выступает как утилитарист и pragmatik. Что полезно (кому?—человеку вообще!), но нужно, то благо, то—истина; что вредно или нейтрально вообще, то ненужно, то зло, то ложь. Он защищается от упреков в утилитаризме тем, что заявляет, что им учитывается духовные потребности, но ведь в отношении их у него все тот же критерий добра и истины.

Судьба всякого эклектика такова, что, заимствуя справа и слева различные элементы, он бессознательно подбирает и крупицы действительно здравых положений. Так, например, Делиньеर говорит, что среди современных ученых «констатирование заменило рассуждение, анализ заменил синтез, факт—идея». «Абстрактная идея,— пишет он,—т.-е. оторванная от реальности, не имеет никакой практической ценности. Только основанный на фактах идея плодотворна. Но факты, не оплодотворенные идеей, не приносят плодов. Стало быть, нельзя ни отделять факт от идеи, ни,—с тем же основанием,—эlimинировать идею и проглаживать, что факт довлеет себе»¹⁾.

В этих положениях, несомненно, звучит трезвая диалектика, которой следовало бы поучиться нашим эмпирикам, эlimиниру-

шим теоретическое мышление. Но дело в том, что, взяв в порядке работы эклектика указанное положение, Делиньеर фактически идет в другую крайность, противоположную эмпиризму, в идеализм. Он эlimинирует факты и витает в абстрактных идеях, что мы видели уже на его трактовке человека.

Культ факта,—говорит он,—и презрение к идеи приводят к чистому фатализму и не оставляют никакого места для действия. Остается лишь сидеть сложа руки. Это здравое суждение по существу повторяет ленинскую мысль 1895 года об эмпирическом об'ективизме. Об'ективист созерцает факты, видит в них закономерную причинную связь и довольствуется констатированием того, что все, что существует и происходит, существует и происходит необходимо.

Однако, как известно, не прав и суб'ективист, призывающий в действии, но самое это действие основывающий на суб'ективно-идеалистических моментах, на прекраснодушных стремлениях и благих пожеланиях. Именно это имеет место у Делиньера, как он ни пытается теоретически утверждать иное.

Истина лежит в диалектическом синтезе об'ективизма и суб'ективизма, на почве чего и стоит диалектический материализм. Последний, как известно, базируется на фактах, но same факты пронизывает теоретической мыслью, удерживая, таким образом, конкретную фактическую основу и призываая в то же время к практическому действию.

Эклектик Делиньеर на словах приписывает эту точку зрения себе, обвиняя марксизм в фатализме. Этим он не только обнаруживает непонимание марксизма,—что у его противников во всяком случае не ново,—но и вырывает пропасть между своими словами и делами. «Марксистская школа,—утверждает он,—состоила некоторое число последователей, потому что она отрицает всякую ценность идеи и рассматривает будущее как фатальный результат прошлого и настоящего».

В том, что будущее является результатом прошлого и настоящего, очевидно, никакой ереси нет. С тем, что будущее возникает из прошлого и настоящего фатально, не согласится ни один марксист. Фатализм, к которому приводил механический детерминизм XVII века, давно отвергнут диалектическим материализмом, и критику этого последнего следовало бы это знать. Разение одной общественной структуры из другой, более низкой, по принципу естественно-исторического развития, очевидно, нельзя считать слепым и фатальным уже по одному тому, что это есть развитие общества, состоящего из действующих и мыслящих людей. В терминах нашего контекста следует сказать, что идея является достаточно почтенным, хотя и неглавным ингредиентом социального развития. Маркс писал, что идея становится

1) Ibid., стр. XV.

материальной силой, когда она овладевает массами. В этом положении в форме афоризма и дано диалектико-материалистическое решение проблемы. Делиньеру известно приведенное выражение Маркса, но он отмахивается от него так, как и полагается субъективному критику: это, мол, одно из противоречий марксизма. Старые песни «некритической критики»! Забавнее всего то, что он ведь лишь повторяет слова Маркса, говоря: «Из того, что всякая идея имеет источник в среде, где пребывает то, что порождает ее, и в среде предшествующей вовсе не следует, что, раз будучи брошена в обращение, она не может не вызвать действия, изменяющего будущее. Нужно закрыть глаза на историю и отказатьсь от сознания человека, чтобы отрицать силу идеи».

Конечно, в этом есть и существенное отличие от слов Маркса. Последний,—хотя и выдвинул приведенное положение на заре своей деятельности,—указал на условие действенности идеи: овладение ею массами. Последний момент, как увидим ниже, отвергается Делиньером. Для него историю делают отдаленные одаренные личности, в лучшем случае вожди масс. В этом, субъективно, утешение Делиньера: его личная идея «пронесла» им самим в обращение. Ergo она уже должна оказать трансформирующее действие. На наш взгляд, она,—во-первых, потому, что оторвана от фактов развития капиталистического общества в целом, во-вторых, потому, что никогда не овладеет массами,—пройдет бесследно.

Из своих принципиальных положений о благе и зле, о пользе и вреде Делиньер делает вывод, что нужно отбросить те ветви знания, которые не способствуют прямому улучшению положения человека. «На этих нескольких очевидных истинах легко создать новую классификацию наук». И вместо единственно научной их классификации по формам движения материи Делиньер тянет всецель к субъективным системам наук XVII и XVIII веков.

Прагматическая и утилитарная установка приводит его к следующим выводам: математика и все естествознание, а также рядом с ними искусства, сохраняются в неприкосновенности. В археологии, истории, лингвистике и филиологии «нужно ограничить изыскания предметами реальной пользы». Литература должна быть упрощена. То же самое должно быть проделано и с рядом других отраслей знания.

Во всем этом «проекте» характерна не только самая утопичность требований, но и настойчиво проводимое желание упростить знание. Принципиальное «Введение» к книге так и называется: «Необходимость упрощения человеческих знаний». И несомненно это упрощение находится в связи с отношением Делиньера к марксизму. Если последний опирается на достижения наук, то нужно так «упростить» эту базу, чтобы на ней не

могло вырасти ничего, кроме сорной травы «реконструктивного социализма», который корнями своими уходит разве что в «идеи» Делиньера и ему подобных.

Наш упроститель,—соседство с которым, несомненно, должно служить предупреждением и для наших домашних упростителей знаний,—в сожалению, должен констатировать, что пока-что нет надежды на упрощение политической экономии (у него есть и на этот счет проект), финансовой науки и права. Впрочем, в отношении к последнему, где как раз пролетарской революцией открывались соответствующие перспективы по адресу кой-каких институтов, наш реформатор обнаруживает непростительную слабость. При современном режиме,—говорит он,—необходимо сохранить право собственности, потому что оно является единственной гарантией существования ее обладателей¹⁾.

Как же так, товарищ социалист? При режиме собственности не социализма. Нужно, стало быть, уничтожить право собственности, чтобы создать предпосылки для социализма, но при современном режиме сделать этого нельзя, ибо мы отнимаем у собственников гарантию их существования, как собственников! Мы боимся, что «реконструктивный социализм» попадет в circulus vicious, и выхода из этого порочного круга не предвидится. Впрочем, Делиньер обещает указать, как мы говорили, чудодейственные пути к социализму в томе... во всяком случае не раньше пятого тома. Придется ждать!

Но на что Делиньер в своем упростительском угаре обрушивается со всей силой, так это на философию. «Есть такая веть человеческих знаний,—говорит он,—на которую уже сейчас можно было бы занести топор, если бы только захотели». Это—философия со своей неразлучной спутницей метафизикой. «На что годны человечеству все эти философские системы; один факт, что все они противоречат друг другу, достаточен, чтобы доказать ничтожество их всех».

Слов нет, метафизика—вещь дурная. И она уже преодолена, довольно давно, Марксом и Энгельсом в их диалектическом материализме. Этот факт проглядел Л. Делиньер. Однако дело в том, что для него и марксизм есть прежде всего философия. Он не хочет, да по всей вероятности и не может, разобраться в изменениях философских систем и потому, возвращаясь к догегельевскому периоду, замечает в них только то, что одна противоречит другой.

Энгельс, вполне освободившись от метафизики, настойчиво рекомендовал в частности естествоиспытателям изучать историю философии, историю теоретической мысли, хотя бы для того,

¹⁾ Ibid., p. XXIV.

чтобы не попадать впросак в собственных естественно-научных изысканиях. Делинье, так упорно только что отстаивавший силу и значение идеи, взывает не хуже наших доморощенных упразднителей и упростителей: «долой философию». Правда, к его чести и в данном случае последовательности, следует сказать, что этот лозунг у него тесно сплетается с другим: «долой марксизм». В самом деле, марксизм есть между прочими и философия. Этой последовательности нет у наших упразднителей.

Энгельс был прав в отношении естествоиспытателей. Выбрав философию за борт, они оставались в плену худшей эвлагической философии. Это справедливо еще больше в отношении общественников и, в частности, социалистов типа Делинье. Философию долой,—говорит он, и тут же добавляет, однако если ее ограничить несколькими принципами морали, например Канта: «Поступай так, чтобы максимы твоего поведения могли стать всеобщими правилами»,—тогда—о, тогда другое дело!

Уничтожил ли этим Делинье философию? И не есть ли это самый дурной пример непреодолимого противоречия, который может быть у того, кто претендует на звание социального мыслителя? Не вытекает ли категорический императив Канта из всей концепции его «Критики практического разума» и не является ли эта последняя худшей оборотной стороной «Критики чистого разума»? Освободился ли,—спросим еще раз, таким образом Делинье от философии? Не остался ли он в плену буржуазной философии далеко не лучшего пошиба? А ведь при желании можно было бы указать на связь «реконструктивного социализма» делиньеровского пошиба с формальной этикой Канта.

3.

Посмотрим, что же вещает нам Делинье о самом марксизме. Как и следовало ожидать уже из «Введения», марксизм в существенном есть новая философия истории, т.-е. концепция, которая,—не больше, чем всякая другая философская система,—не может внести в умы абсолютной уверенности. И действительно, если она некоторыми была принята с энтузиазмом, то подавляющим большинством была отвергнута¹⁾. Приняв этот количественный критерий определения истинности доктрины, согласно которому истина то, что принимает большинство человечества, Делинье переходит к «качественному анализу» марксизма. «Экономическая эволюция ведет нас к социализму». Но благо ли это

¹⁾ Ibid., p. 2.

или зло? Желать ли этого или бояться? Способствовать ли этому или препятствовать?—недоуменно спрашивает Делинье совершенно так же, как спрашивал и его коллега по критике марксизма М. Уильям¹).

Марксизму, видите ли, не дает на это ответов, и в этом его слабость.

Что касается третьего вопроса, то совершеннейшие пустяки утверждают, что марксизм не дает на него положительного ответа. В конце концов весь марксизм есть руководство к действию, как способствовать возникновению и развитию социалистического строя. На первый вопрос дает ответ та концепция справедливости, которая развита Марксом в III томе «Капитала». Второй же вопрос, очевидно, требует классового анализа тех общественных групп, которым его задают, и без классовой точки зрения он вообще не может получить ответа.

Так рассыпаются в праках «каверзные» вопросы Делиньера. Однако цель его ясна. Навязывая марксизму фаталистическую точку зрения, он прежде всего хлопочет об этической подпорке: так крепче будет социализму. Он ведь не против социализма, он лишь против «дурного способа его представления», против марксизма. Его задачи таким образом в высшей степени благородны: «Вырвать социализм из гнетущего фатализма, воскресить великие мощные идеалы, которые некогда оживляли его и которые Маркс убил, восстановить честь идеи и индивидуального действия, обесцененного им, повторяя и доказывая,—не оспаривая преемственной роли произвольной эволюции, которая в том же работает на нас,—что будущее не определено наперед и что оно является результатом всеобщих усилий,—такова одна из актуальных и необходимых задач», которую хочет выполнить Л. Делинье²).

Насчет «всеобщих» усилий мы, конечно, позволим себе усомниться, равно, как и в убийстве Марксом основ идеалов утилитарных социалистов, но, если, согласно приведенной фразе, Делинье хочет работать на социализм, то что же, лошадь, бегущая в одном направлении с паровозом и привязанная к нему, до поры до времени ему не противоречит и не препятствует. Но дело ведь в том, что Делинье задумал взорвать паровоз и прондвигаться дальше «реконструктивным» всадником.

Марксизм, видите ли, своим материалистическим пониманием развития общества обескураживает и ослабляет социализм, а это показывает, «как неразумно покидать старые основы социализма», т.-е. иными словами основы утопические.

Как будто несколько странно переходить от паровой тяги к

¹⁾ M. William, Die soziale geschichts-Auffassung, Berlin 1924, s IX.

²⁾ Délivrons-nous du marxisme, p. 6.

лошадиной, когда вокруг мчатся уже локомотивы истории, но Делиньер обнаруживает именно это стремление сменить марксистский паровоз на утопическую лошадь. «В самом деле,—раздумывает он,—в наши дни марксизм, это—весь или почти весь социализм. Это положение создало ему громадный престиж, так что всякая попытка, направленная против его гегемонии, может показаться почти смешной дерзостью». Некоторые даже думают, что социализм потеряет всю свою силу, если будет отделен от марксизма. Но игривый конек Делиньера все же собирается проделать эту «тяжелую хирургическую операцию».

Задачи его сводятся к тому, чтобы показать следующее:

«1. Социализм был уже значительной моральной силой до появления марксизма.

2. Он располагал бы и ныне моральной и материальной силой, более высокой, чем обладает в действительности, если бы марксизм не перевернул и не разрушил его прежние методы пропаганды и действия.

3. Нельзя будет завоевать власть, окончательно ее закрепить и выполнить дело нового рождения человечества, если предварительно не будет совершенно отброшен марксизму»¹⁾.

И вот Делиньер на семи страницах дает коротенький очерк развития социализма, кончая утопизмом XIX века и реформизмом Луи-Блана. Он сам принужден признать, что, «несмотря на значительные работы всех мыслителей», социализм в ту эпоху «был еще далек от возможности представить полную, если не определенную, и указывающую способы реализации систему учений. Он искал себя».

Положительных исторических заслуг старых утопистов марксизм не забывает. Никто другой, как Маркс и Энгельс, вели свою родословную именно через Сен-Симона, Оуэна и Фурье. Моральные достижения за утопическим социализмом признаются, но ведь беда старых утопиков в том и заключалась, что их моральная сила поконилась на зыбучем песке, что этот песок нужно было превратить в цемент науки.

Эти азбучные истины ставятся Делиньером на голову. Он хочет «реконструировать» не только современное общество, но и прошлую историю. В слабости утопизма он видит его силу. Становясь на абстрактно-формальную точку зрения модернированного Канта, он восхищен тем, что социализм проник в лучшие умы, «потому что явился миру как реконструирующий, т.е. гуманий, благотворящий, братский, полный обещаний справедливости счастья». Но вот пришел Маркс, и «ясный французский ум исчез в туманах немецкой философии».

¹⁾ Ibid, p. 8.

Итак, утопический социализм как никак обладал моральной силой. То, что социализм обладал бы еще большей силой, если бы не язвы марксизма, доказывается вновь чисто количественными мерами. От марксизма отшатнулись очень многие, если бы они не отшатнулись, социализм, стало быть, был бы сильнее. В чем же причины «неприятия» марксистского социализма? В том, отвечает Делиньер,—что это доктрина исключительно деструктивная, «она исключает всякий благородный идеал» и утверждает «ем угрозой и насилием, в том, что доктрина классовой борьбы порождает ненависть, а это самое отшатнувшееся теперь от социализма большинство,—читай: крупная и мелкая буржуазия,—в силу своих благородных идеалов никак не желает стать на ненавистную точку зрения».

В силу этого,—поспешно заявляет Делиньер,—против социализма теперь не только капиталисты, которые сейчас сильны, как никогда, но и мелкие и средние предприниматели и торговцы, крестьяне, интеллигенты и большая часть самих профсоюзов. Вот если бы изобрести такой социальный строй, который бы был доволен в равной степени и помещики и крестьяне, и капиталисты и пролетари, тогда «в конструировании» такого социализма Делиньер нашел бы свое успокоение.

Делиньер заявлял раньше, что идея не должна отрываться от факта. Как же быть с идеей марксизма, который, по словам нашего автора, «совершенно не способен не только реализовать, но даже и понять лучшее общество», и в то же время с фактом существования Советского Союза? Этот факт, несомненно, является бельмом на конструктивной теории Делиньера. «Нельзя, однако, отрицать,—признается он,—что под управлением большевиков, которые, что бы о них ни говорили, чистые марксисты, социализм приобщился к власти и держит ее вот уже в течение пяти с лишним лет». Как выйти из создавшегося положения? Очень просто: всем этим они обязаны не марксизму, а революционному духу большевиков, их бешеной энергии и высшей разумности (intelligence) их вождей. Этим личным качествам они обязаны всеми победами. Сам же марксизм ничего не сделал за пятьдесят лет, несмотря на благоприятную обстановку.

«Естому французскому уму» Делиньера, конечно, вовсе не обязательно знать историю марксизма в России, но незнание по меньшей мере обязывает воздерживаться от суждений; эта добродетель не числится за Делиньером. Будучи эклектиком и идеалистом, он все исторические факты подгоняет под свою теорию. Исторические предвидения большевиков, их основанная на материалистической дialectике тактика, самый факт Октябрьской революции,—все это для него только «революционный дух» и «бешеная энергия».

Свой третий тезис Делиньер совсем не доказывает. Он лишь призывает назад к утопическому социализму, к тому сокровищу, которое Маркс «выбросил на ветер». «Социалистическая партия, которая бы поставила себе задачу проверить, систематизировать, привести в порядок рассеянные идеи (утопического социализма. И. Л.), заполнить в них пробелы, соединить их в полную и гармоническую систему, могла бы без больших затруднений представить точный план новой общественной организации и мощно действовать согласно убеждению¹⁾.

4.

Переходя к критике марксизма в подробностях, Делиньер не дает никаких новых точек зрения, он лишь развивает свои исходные пункты. Изложение марксизма, которым он предваряет критику, до крайности убого. Содержание «Коммунистического Манифеста» передается голыми цитатами на девяти страницах, о «Капитале», которого Делиньер, очевидно, не читал, мы узнаем, что он не представляет никаких положительных данных о социализме, а ограничивается критическим анализом капитала в современном обществе, что II и III тома не имеют вообще никакого значения и ими можно пренебречь. На эти глубокие мысли уходят еще три страницы.

Делиньер согласился бы, снисходя к фактам, предоставив марксизму кое-какое место внутри социализма, но он протестует против отождествления марксизма и социализма. В известном смысле он прав, ибо марксизм есть теория коммунизма, очевидно, что не это имеет в виду Делиньер.

В особенности он протестует против присвоения марксизму названия научного социализма. Энгельс видел научность социализма Маркса: 1) в материалистическом понимании истории и 2) в теории прибавочной стоимости. Делиньер начинает с установления границ между утопией и наукой. Утопично было бы,—говорит он,—требовать от природы человека то, чего она не в состоянии дать. «Но если, например, мыслитель, учитывая unique состояние и экономические условия своей эпохи, представляет план преобразования общества, возможный в смысле его реализации, то, хотя этот план и будет в противоречии с господствующим мнением, он все же не построен на облажах чистой фантазии. Такой мыслитель не утопист»²⁾.

Наш защитник не видит, в чем центр тяжести вопроса. Очевидно, социализм не утопичен, поскольку он может быть и быть реализован. Одно дело исторически слагающийся социализм

и другое дело план, искусственно составленный и до мелочей называемый будущему социалистическому обществу. Кроме того, не менее важно представление о путях к социализму. У старых утопистов утопична была не идея социализма, а тот путь, идя по которому они думали прийти к социализму.

Все это—азбука, но Делиньер не делает ни шагу вперед от старых утопистов, когда он думает, что достаточно нарисовать план социализма, чтобы прийти к нему. Революционный марксизм не стоит на точке зрения Бернштейна, «для которого движение (или всем, а цель ничем, но, с другой стороны, не придерживается и взглядов утопистов, для которых, по существу, цель (или всем, а движение—ничем... Синтез движения и цели,—это позиция марксизма.

Движение же может привести к цели лишь тогда, когда изучен ход событий, проанализированы тенденции развития, конкретно учтены все особенности движения. К этому и призывает материалистическое понимание истории, или, лучше сказать, применение к истории метода диалектического материализма.

Делиньер не понимает этого и потому парадоксально видит слабую сторону марксизма в том, что последний требует изучать ход событий, следовать за ним, констатировать его смысл, определять общие его законы и т. д. В этом он, не понимая диалектики знания и действия, усматривает пассивность, неподательство марксизма.

Но диалектика мстит за пренебрежение ею. Взывающий к действию Делиньер, не познав законов исторического развития, обращается назад к созерцательному утопизму, созерцающему лишь свои планы преобразования, а «созерцательный» марксизм, познав путем наблюдения исторические законы, получает возможность от знания перейти к действию. Поэтому вывод Делиньера: «Философия истории, изложенная в Коммунистическом Манифесте,—не доктрина, а созерцание движения», является не чем иным, как только парадоксальной игрой слов, эквилибрисом словами и притом в довольно неудобной позе—стоя на голове.

Оказывается, много лет назад Делиньер был инициатором комитета по изучению будущего социализма во французской социалистической партии. С окончанием последней страницы трудов комитета можно было, очевидно, приступить к реализации социализма. Но этому счастливому окончанию помешал, как писал сам Делиньер, маленький досадный факт—вхождение Мильтена в министерство! Среди социалистов начался раскол, поднялась «мертвящая полемика», и проект социалистического кодекса был оставлен навсегда. Так ничтожный, казалось бы, факт из области «движения» разрушил целевую идею Делиньера, а имен-

¹⁾ Ibid., p. 22—23.

²⁾ Ibid., p. 33—39.

и свою работу в комитете он считает за научную, называя Маркса утопистом!

Развенчивая марксизм, Делиньер заявляет, что в общем он принимает материалистическое понимание истории, поскольку уже утописты не отрицали, что факты должны быть основой базой новой социальной доктрины, но самое это понимание он усваивает до невозможности поверхностно, узко и плоско, повторяя старые басни о фатализме исторического материализма.

Нужно опираться не на прошлое, заявляет он, а на настоящее. Ему невдомек, что марксизм столько же опирается на прошлое, сколько и на будущее, к которому так стремится Делиньер, что для марксизма настояще—лишь связь прошедшего с будущим.

«Мы принимаем,—объявляет он,—материалистическое понимание истории как возможное и с определенными оговорками; мы признаем, что оно точно в некоторых частях; мы допускаем, что оно может усилить социалистическую идею, осветив тот факт, что экономическая эволюция развивается в смысле ее осуществления. Что мы отбрасываем в нем, так это его притязание включить весь социализм в один исторический план и исключить из социалистической мысли, из социалистического действия как запятнанное утопией, всякое усилие положительной организации»¹⁾.

На вторую часть этой декларации мы уже ответили: марксизм, очевидно, не отрицает положительной реализации идеи социализма. Что касается первой части, то здесь любопытно то, что и самое материалистическое понимание истории Делиньер принимает, лишь исходя из pragmatизма («оно может усилить идею» и т. д.). Но так как он хочет тоже быть научным и так как, на его взгляд, марксизм все-таки не дает уверенности в окончательном успехе социализма, то он решает подкрепить в этом отношении материалистическое понимание истории другим, еще нигде не опубликованным, которое принадлежит ему самому. Это новейшее понимание истории, подкрепляющее марксистское и окончательно убеждающее в победе социализма, настолько различно, что не требует никаких комментариев. Сводится оно буквально к следующему.

«Для всякого общества порядком является равновесие. Однако равновесие может быть неустойчивым и устойчивым, в котором равновесие проистекает из того, что все элементы находятся на своем естественном месте и никакой из них не может вызвать возмущающей силы». «Тенденция к равновесию есть всеобщий закон». Об этом свидетельствуют следующие авторитеты: В. Гог.

¹⁾ Ibid., p. 52—53.

Гизо и Прудон. «Реализацию социального равновесия можно поставить в ряд научных достоверностей. Во всяком случае за нее можно признать степень достоверности, по крайней мере равную марксистскому пророчеству об экспроприации экспроприаторов. Итак, какова в обществе постоянная причина беспорядков?—Несправедливость». Она производит страдание. Это вызывает соответствующие слова и действия. Недовольство несправедливостью растет и принимает активную форму. Отсюда социальные пароксизмы и бунты, а то и революции. «Поскольку несправедливости будут продолжаться, общества будут в состоянии беспредельных волнений, и это состояние не прекратится до тех пор, пока не исчезнет несправедливость то ли вследствие ряда частных реформ, свободно принятых властью по мирным указаниям угнетенных, то ли посредством насилиственной революции. Так как неустойчивое равновесие не в состоянии длиться неопределенно долго, и так как устойчивое равновесие, без всякого сомнения, должно установиться, то ясно (!), что конечная цель социальных колебаний есть приход такого режима, который на всегда исключит несправедливость. А по определению этот режим есть социализм... Эта теория равновесия, если приведенное выше простое изложение заслуживает этого почетного имени,—как представляется нам,—не менее материалистического понимания истории дает жертвам современной социальной организации уверенность в их конечной победе, без которой они могли бы погибнуть»¹⁾.

Что это—шутка, глупость или лицемерие? Поза Спинозы, з речь Козьмы Пруткова? Так как равновесие рано или поздно должно установиться, то оно рано или поздно установится, а «по определению» это и есть социализм... Пустая игра словами, механическая терминология, экивоки, когда нужно ответить—реформа сверху или революция снизу, ни малейшей попытки конкретного анализа,—и все это должно вселить в рабочих уверенность в окончательной победе социализма!

Все это напоминает нам один анекдот, относящийся ко времени пребывания Дидро в Петербурге. Передавали, что однажды некий академик подошел к Дидро и с важностью заявил: «Милостивый государь, $\frac{a-1-b^n}{z} = x$, докажите же, что бог не существует!». Так и Делиньер заявляет: «Устойчивое равновесие должно быть, докажите же, что это не вселяет в рабочих уверенность в их победе!» Так «дополняет» Делиньер материалистическое понимание истории. И это называется: от утопии марксизма к науке реконструктивного социализма!

¹⁾ Ibid., p. 59—60.

Критика второго основания научного коммунизма, теории прибавочной стоимости, к которой в дальнейшем переходит Делиньеर, может воистину радовать каждого марксиста. Она обнаруживает, до какой глубины убежества пал «немарксистский «социализм», имеющий в качестве теоретических основ требование упрощения знаний.

В понимании политической экономии он исходит из определения, какое дает Французская Академия: «наука, трактующая об образовании, распределении и потреблении богатства». Но и это определение его мало удовлетворяет. Он предлагает заменить его следующим: «наука, которая учит человека лучшим способам создания, распределения и потребления богатств»¹⁾. Тем самым политическая экономия превращается в экономическую политику, при том абстрактную, одинаково годную для всех эпох, ибо у Делиньера нет и попытки подняться до понимания различных экономических, общественных структур. Так как он не проводит такого различия, равно как и не различает отдельных типов государства, то он предлагает уже сейчас воспользоваться буржуазным парламентом его «наукой», а, попросту говоря, субъективными желаниями. Он, видите ли, крайне недоволен теми экономистами, которые думают, что служат человечеству, заставляя его познавать законы «создания и распределения хозяйственных благ». И так как и среди них он не проводит никаких различий, то, натолкнувшись на тот факт, что один из них противоречит другому, он окончательно теряет голову и заявляет, что нет никакой уверенности в их выводах.

При таких теоретических, с позволения сказать, предпосылках, немудрено, что наш новоявленный экономист видит в «Капитале» Маркса лишь голые абстракции и дедукции, при чем сам Маркс, оказывается, «легко заблудился в своих тонкостях». Прежде всего, конечно, ложна теория прибавочной стоимости. Критика ее Делиньером дается на протяжении ровно двух страниц.

Эклектик до мозга костей, у которого идеализм сочетается с самым полезным эмпиризмом, Делиньеर баражает на поверхности видимых и осозаемых фактов и обнаруживает полнейшую неспособность проникнуть путем анализа в те отношения и процессы, которые лежат в основе фактов.

Наблюдая сделку купли-продажи, он «умозаключает»: «При всякой операции продавец извлекает прибыль, создает (съе) прибавочную стоимость в свою пользу». Кем оплачиваются все такие прибавочные стоимости? — спрашивает Делиньеर и отвечает: — потребителем. Все капиталисты выигрывают, и только один по-

требитель теряет. Удивительный потребитель, который,—правда, при невероятной путанице понятий и терминов, фактов и явлений у Делиньера,—один создает прибавочную стоимость. А ведь вывод Делиньера из этих глубокомысленных рассуждений гроэн и сокрушителен: все это разрушает теорию прибавочной стоимости Маркса.

Делиньеर путает,—как нам представляется, умышленно,—стоимость и богатства в самом эмпирическом смысле мешка с деньгами. Так, например, он выдвигает такой замечательный довод против Маркса: «Прибавочный труд не играет никакой роли в финансовых операциях, и тем не менее не известно ли, что именно здесь гораздо больше, чем в нормальном индустриальном производстве, создаются большие богатства». Поэтому он вполне последователен, когда говорит, что не только рабочая сила, но даже и эксплуатация рабочей силы не является «верным и наиболее быстрым способом de faire fortune». Но говорит он это хоть что-нибудь против теории прибавочной стоимости?

Такова критика экономической теории Маркса у Делиньера. Если у него при всем его эклектизме была хоть какая-то мысль, хоть намек на мысль в критике исторической теории Маркса, то в критике экономической теории, при всей нашей скромности, можно отметить лишь одно невежество, ибо чем другим можно назвать едва ли не итоговое заключение его о том, что Маркс, давая алгебраические выражения и формулы, «имел целью сделать ее (свою работу) абсолютно невразумительной»¹⁾.

5.

Общеизвестно, что теория классовой борьбы составной частью входит в марксизм, что диалектический материализм в его применении к истории не мыслится без категорий класса, классового интереса, классовых противоречий, классовой борьбы. Больше того, Ленин был прав, когда, развивая мысль Маркса, утверждал, что марксист лишь тот, кто распространяет теорию борьбы классов до признания диктатуры пролетариата.

Класс, как категория, а также необходимо и все только что перечисленные понятия являются пробными камнями всякой социальной науки. Отсутствие в теории того или иного автора указанных категорий является методологическим источником всяких ошибок, искажений действительности и извращений социализма, если данный автор пытается построить свою социалистическую теорию. Реальное бытие классов и классовой борьбы, не видеть чего в наши дни не может и слепой,—оставленное без отражения в теории такого «социалиста», заранее обрекает

¹⁾ Ibid., p. 65.

¹⁾ Ibid., d. 74.

подобную теорию на неудачу, приковывает его в лучшем случае к безнадежному утопизму.

Если иметь все это в виду,—а иметь это в виду необходимо,—то ясно, что вопрос о борьбе классов и об отношении к ней должен быть первым вопросом, который мы задаем всякому, претендующему на звание социалиста. Вопрос этот необходимо задать и Л. Делиньеру.

Наш критик отвечает на него в специальной главе. Нужно отдать ему справедливость перед другими «марксистами», освобождающими марксизм от классовой борьбы и уверяющими, что от такой операции он только выигрывает. Делиньер понимает, что идея классовой борьбы не отделима от марксизма. Он только существует, что именно она, одна она, из всей доктрины марксизма укоренилась в мозгах рабочих.

Читатель может сказать, что раз Делиньер выдвинул лозунг «долой марксизм», то очевидно, что он будет и против классовой борьбы. Однако теоретически дело обстоит не так просто: ведь Делиньер борется против марксизма, за социализм; во-вторых, субъективно интересны те доводы, которые он выдвигает против марксизма в контексте именно теории классовой борьбы. Дело в том, что Делиньер не отрицает, что «в этих взглядах (Маркса) большая часть истины; социалистическая партия, которая в основном не опирается на силу пролетариата, была бы безжизненной и без будущего». На словах, по крайней мере, он выступает против «сентиментального» социализма.

Чем он прежде всего недоволен, так это недостаточной тщательностью формулировок, кого именно, по Марксу, следует считать пролетариатом. Приводя мнение по этому вопросу В. Либкнехта, который чрезвычайно расширял понятие пролетариата, он считает, и, конечно, правильно, что у Маркса речь идет только о настоящих рабочих.

Борьба классов для Делиньера факт, но мы помним, что сам он отдает предпочтение «идеи». Факт борьбы должен уступить место идеи солидарности! Печально, говорит Делиньер, что из слов классовая борьба, констатирующих экономический факт, сделали воинственный крик, так что теперь многие испытывают перед этими словами страх. Интеллигенцию, например, отпугивают от социализма насилистенные методы. «Маркова форма современного социализма для них тем более ненавистна, что она дополняется другой концепцией, по происхождению также марксистской, концепцией диктатуры пролетариата».

Делиньер, мягко говоря, впадает здесь в противоречие.

Только что он отмежевывал себя от сентиментального социализма, а теперь слезливо моргает глазами перед неизбежной пропагандой социалистического общества—диктатурой пролетариата

и перед «насилистенными методами». Не так давно он говорил о пассивном, созерцательном характере марксизма, а теперь заявляет, что «тактика социализма, основанная на идеи борьбы классов, приобретает характер насилистенный, агрессивный, беспокойный».

И подумать только, что все эти противоречия внесла в «ясный французский ум» Делиньера беспокойная идея классовой борьбы! Действительно, без нее куда как было бы спокойнее. Без нее вся интеллигенция немедленно записалась бы в социалисты, а там, глядишь, в него уверовали бы и капиталисты; и—в единении сила—все осталось бы по старому в капиталистическом обществе, в этом лучшем из миров. И вдруг такой мир и во чловещех благоволение разрушается «идеей»,—не фактом, о фактах Делиньер уже забыл,—марксистской идеей классовой борьбы. То ли дело делиньеровская идея всеобщей солидарности!

Утопист Делиньер беспомощно мечется между фактом классовой борьбы и идеей всеобщего братства, хочет их примирить, но не хочет понять, что единственное «примирение» их возможно только тогда, когда не будет самой классовой борьбы, этого упорного и упрямого обективного факта, а не будет ее только тогда, когда не будет классов, для чего не обходима эпоха диктатуры пролетариата.

Если на минуту отнести к Делиньеру серьезно, то нужно понять, что он, не признавая необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата и желая еще в классовом обществе «усстановить» идею братства, по существу, отходит на позиции утилитарного социализма самой наивной разновидности.

С одной стороны, братство в классовом обществе химерично, с другой стороны, братство в классовом обществе должно проповедоваться,—такова та антиномия, в которой безнадежно зачутался Делиньер. Так, он говорит: «Социализм до Маркса призывал к братству людей, братству, конечно, химеричному при режиме с взаимно противоположными интересами, но идеалу высокому, который будет никогда реальным, который облагораживал действие и создавал вокруг социалистической партии атмосферу всеобщей симпатии. Ныне безжалостная догма борьбы классов заменила братство ненавистью». Как некогда Кант выходил из своих теоретических антиномий напел в практическом разуме: поступать так, как если бы бог существовал, так и теперь «практический разум» Делиньера находит выход из его антиномий: закрыть глаза на факт классовой борьбы и поступать так (проповедывать идею братства), как если бы борьбы классов не было.

Но Делиньеру хочется обосновать отказ от тактики классовой борьбы и эмпирическим путем. Прошло, видите ли, уже до-

столько времени, и пролетариат не оправдал того доверия, которое Маркс оказывал ему в столь исключительных размерах. Пролетариат доказал этим свою неспособность к самостоятельному движению в направлении нового общества. «Стало быть, тактика классовой борьбы ошибочна. Нужно возобновить социалистическое действие на лучшей основе».

Делиньеर делает отсюда вывод, что система солидарности выше системы борьбы, между тем вывод напрашивается только один: если бы Делиньеर всяких национальностей всех мастей не мешали пролетариату делать свое дело, то столь любезная им сердцу идея солидарности, действительно, воплотилась бы в бесклассовом обществе будущего, которое пока что остается, хотя и неизбежным, но все еще будущим.

Но Делиньеर не так наивен, как можно было бы думать. Он знает куда метит. Мы видели, в каком нежно розовом свете представлял он буржуазной интеллигенции свой социализм. Далее он заигрывает и с капиталистами—нужно же и их склонить к «социализму». «Этим последним (капиталистам),—говорит он,—можно было бы доказать неустойчивость их состояний, всегда подверженных крушениям в буре экономических кризисов, и преимущество социализации, которая не ограбила бы их, но консолидировала бы их приобретения, положив при этом конец их эксплуатации в будущем»¹⁾. Одним словом, господа капиталисты, страхуйте ваши капиталы,несите их в наши сберегательные кассы, мы вас не ограбим. «Развортьивание пропаганды на этих дальних,—продолжает Делиньеर,—показало бы благодетельный и обновительный характер социализма и заинтересовало бы все классы в его установлении. Вот именно, заинтересовало бы... И вдруг вместо такого рая, где и овцы и волки синт, какая-то борьба классов, агрессивная, насилиственная, разрушительная, сеющая, как выражается Делиньеर, одну демагогию. Наслушавшись такой демагогии, рабочий начинает считать себя выше хозяина (так и написано!) и не желает ничему учиться, а марксисты смотрят и потакают этому!

Все это звучит оплошной иронией, а ведь Делиньеर не шутит; таковы его глубочайшие убеждения социалиста. Всякий сверчок должен знать свой шесток,—вот в переводе на конкретный язык практики кантовский категорический императив, от которого отправлялся Делиньеर.

Один рабочий, один крестьянин,—глубокомысленно поучает Делиньеर,—взятые изолированно, не способны охватить общие вопросы социализма, стало быть и масса в миллион таких элементов будет не более способна. «Миллион нулей—не больше, чем

один нуль»¹⁾. Все, что можно требовать от массы рабочих и крестьян, это—то, чтобы они, кое-как усвоив элементы социализма, предали себя в руки вождей, которые не будут им льстить. И вот вдали уже вырисовывается фигура вождя нелъстивого, судьи непредприятного, для которого отдельный рабочий—нуль, рабочий класс в целом—нуль, а социализм отнюдь не «ограбление», но верная консолидация «приобретений» капиталистов. Такова суть «реконструктивного социализма», изложенная словами одного из его теоретиков.

6.

Мы проследили, поскольку позволяло место, теоретические основы реконструктивного социализма Делиньера. В остальном он или повторяется или берет частные проблемы и пытается проиллюстрировать свои положения. В отношении первых он продолжает обнаруживать свое невежество по части собственного объекта критики—марксизма. Так, не ставя принципиально вопроса о завоевании власти и отсылая по этому случаю к одному из следующих томов, он, например, заявляет, что из произведений Маркса и Энгельса не видно со всей ясностью, стоят ли они на точке зрения реформы или революции, есть, мол, и то и другое. Так же точно, говорит он, неизвестно, были ли они за экспроприацию капиталов с выкупом, или за безвозмездную конфискацию их. Очевидно, в нашем очерке не имеет смысла останавливаться на этих азбучных вопросах.

Чего Делиньеर не может простить марксизму, так это его, как он выражается, космополитизма и антипатриотизма; последний, кстати сказать, по крайнему разумению нашего социалиста, «глубоко противен французскому образу мыслей». Зная уже общую концепцию Делиньера, удивляться этому совершенно не приходится. Патриотизм «реконструктивных социалистов» тесно связан с их фактическим отрицанием классовой борьбы и идеей общей солидарности. Лишь только мы выбрасываем за борт категорию классовой борьбы и заменяем ее категорией общности интересов, мы неизбежно скатываемся к идеологии буржуазного патриотизма. Это было особенно заметно у Г. В. Плеханова, который в указанной нами форме и пытался в свое время дать теоретическое обоснование оборончества. Спорить в данном случае не имеет смысла, ибо исключение факта классовой борьбы уже исключает, как следствие, и общий язык. Говорить же на разных языках, значит не договориться.

Несмотря на всю «теорию» Делиньера, которая в основных чертах прошла перед нами, мы квалифицируем его довольно

¹⁾ Ibid., p. 89.

¹⁾ Ibid., p. 94.

мягко, именно как утопического социалиста, субъективного социалиста, конечно, не коммуниста. И дело не в том, что он сам себя называет социалистом. Нет, для нашей оценки имеется иное основание. Делиньер несколько лет назад был в Советской России. Конечно, то, что он пишет о нас, в высшей степени легкомысленно и наивно¹⁾. Сюда относится его рассуждения о том, что у русских нет вообще «организаторского духа», что Россия всегда держалась этим самым «духом» прибалтийских немцев и немцев из Германии, которые исчезли из России после войны и революции; сюда же относится его неспособность понять принципы и систему Советской власти, профессиональных союзов, принципы нашей экономической политики и т. д., и т. п.

Но при всем том у него есть понимание того, что большевики и советская власть ведут страну к социализму. Несомненно, пусть субъективной, симпатией звучат те страницы Делиньера, которые посвящены героической борьбе страны советов с белогвардейскими бандами и армиями интервентов.

«Автор этой книги,—пишет Делиньер,—прожил почти год в Советской России. Важные функции, которые он выполнял, позволили ему видеть все. Будучи только доволен тем приемом, который был оказан ему братьями по идеалу, он сохраняет, вместе с трогательными воспоминаниями, живое восхищение их верой, их самоотверженностью, их неукротимой храбростью. Он знает, что если их действия не всегда были счастливы, то их намерения были чисты: ради освобождения человечества бросились они в то горнило, в котором столько их погибло и сколько, быть может, еще погибнет в свою очередь. Не может быть никакого сравнения между столь возвышенными людьми и несчастными барышниками, господствующими над остальным миром и богатеющими на нищете».

В другом месте он пишет о тех жестокостях, которые производили «банды Колчака, Деникина, Юденича, затем Врангеля и польская армия, все снаряженные и предпринятые союзами державами», о тех их разрушениях шахт, фабрик, железных дорог и зданий, «которые все еще почти неизвестны во Франции». Он указывает на то, что Советы вместо деятельности по экономическому восстановлению страны вынуждены были направить все силы на то, чтобы противостоять нападению; вместо того, чтобы ремонтировать фабрики и железные дороги и производить сельско-хозяйственные орудия, должны были снаряжать армию. Рисуя картины классовой войны и борьбы Советов с голодом, он взыскивает к «беспристрастной истории». Несомненно, что эти страницы, напечатанные во Франции в 1923 и 1924 г.г., кое-чего стоят.

¹⁾ Ibid., Chap. XI: «Le socialisme marxiste en Russie», p. 183—203.

Единственно, что не может просить Делиньер большевизм и всей Советской России в целом, это—марксизма. В этом последнем он видит корень всех бед страны. И как только он возвращается к теоретическим вопросам, вновь начинается путаница, невежество, постепеновщина, соглашательство, утомленный.

Он не хочет и не может понять, что именно в марксизме и что для нашей эпохи завершении—в ленинизме была сила всей страны Советов, руководимой этими, как он выражается, «несомненно чистыми марксистами», большевиками.

Как только он возвращается к марксизму, так снова называется критика, критика пустая, бесодержательная и развитая из совершенно ложной исходной точки зрения. Долой материалистическое понимание истории, долой теорию прибавочной стоимости, долой в особенности классовую борьбу; долой «грубую и агрессивную форму революционного духа, который представляет социализм скорее как угрозу, чем как благодеяние», долой критическую и негативную почву марксизма,—вот что срывается тогда с языка Делиньера¹⁾.

Что же остается в таком случае от социализма?—спросим мы. Если и остается что, так это утопия—таков единственный возможный ответ. И Делиньер, при всех своих субъективных, быть может, положительных чертах остается безнадежным утопистом. Субъективные стороны характера Делиньера не могут, да и не должны, нас интересовать. Мы имеем дело лишь с горе-теоретиком-реформистским социализмом, который оказывается, как мы видели, несколько запоздалым горе-теоретиком социализма утопического.

Но известно, что если какое-либо явление может повторяться дважды, то, выступив в первый раз как трагедия, при вторичном своем появлении оно представляется как фарс. Однако в данном случае дело обстоит еще хуже. Утопический социализм, выступающий со своими претензиями в эпоху империализма и пролетарских революций, уже не простой веселый фарс, а трагифарс, герой которого неизбежно должны уйти со сцены под оглушительный и презрительный свист истории.

¹⁾ Ibid., p. 211—212.

Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции.

(Социологическое учение Дюркгейма).

Ф. Тележников.

Мы мало, непомерно мало знаем об умственной жизни заграничных стран. Заняты строительством социалистического общества, мы следим за перипетиями в области экономической и политической, и чрезвычайно слабо уделяем внимание тем идеологическим течениям, которые представляют умственную жизнь буржуазной Европы. Явление это нельзя считать нормальным на исходе девятого года существования пролетарской республики. Нельзя уже потому, что сами задачи, стоящие перед воинствующим материализмом, усложнились, расширились. Вопрос о задачах воинствующего материализма наиболее яро был поставлен Лениным еще в 1922 году. Марксистская мысль следует его заветам. Разработка вопросов диалектического метода, борьба за революционную диалектику стоит в центре работ марксистов-исследователей. Здесь есть шаг вперед. Не то нужно сказать относительно других предложений Ленина: касательно религии, естествознания. В этом пункте сделано в осуществлении заветов вождя—очень мало, если не сказать—ничего. И поэтому попрежнему задачи, формулированные в 1922 году, остаются действенными и для сегодняшнего дня. Но было бы последним ограничить ими рамки нынешней работы. Усложнение обстановки жизни Советской страны, усложнение задач коммунистического движения—все это, несомненно, сказывается определяющим образом и на круге тех проблем, которыми должен заняться воинствующий материализм. К числу намеченных Лениным жизнью прибавляются и другие. Из многих не уступающих друг другу в важности—отметим лишь две. Мы до сих пор при преподавании в вузах таких дисциплин, как исторический материализм, история культуры и т. п., пользуемся исследованиями буржуазных ученых. Многое в этих исследованиях ценно, но многое подлежит переоценке, ибо явилось результатом применения субъективного, мало надежного метода. Это одна сторона вопроса. Помимо этого целый ряд сторон общественной жизни—особенно жизни ранних эпох—мало изучен, мало освещен. Сюда может быть отнесен: вопрос о первобытном мышлении, происхождении и развитии религии, морали, государства и т. д. Все это в значительной степени затрудняет педагогическую работу, оставляет открытыми целый ряд вопросов, не дает возможности иллюстрировать правильность марксистского метода в применении к первобытным обществам. Следовательно, жизнь требует, чтобы марксистская мысль сделала только что

отмеченную область предметом своего длительного внимания. Это одна задача. Другая,—сознание которой заставило нас взяться за перо,—состоит в большем ознакомлении с идеологическими течениями Западной Европы. Эта область в загоне. Если просмотреть коммунистическую заграничную прессу, наши марксистские журналы, то, может быть, за исключением мелких статей, мы не найдем критики умственных направлений. Знаем ли мы, чем живет, дышит философская, социологическая мысль во Франции, Англии, Германии? Нет. Знаем ли мы, что молодежь в этих странах окутывается туманом буржуазных теорий, который не в состоянии рассеять ростки марксистской коммунистической мысли? Догадываемся. Так вот очевидно, что борьба за социальную революцию на Западе предполагает также и борьбу оружием критики с различными идеологическими направлениями буржуазии. Если эта борьба не под силу местным отрядам воинствующих материалистов, то она должна стать делом других, более сильных. Революционный марксизм в Советской России, имеющий все возможности в ней развиваться, должен поставить перед собой задачу: дифференцировать работу среди имеющихся сил, выделить часть для освещения тех вопросов, которые им мало затрагиваются, выделить другую для борьбы с идеологическими течениями зарубежной буржуазной мысли. Первое внимание в этой борьбе должно быть обращено именно на те теории, которые претендуют быть единственными научными при объяснении общественных явлений, которые многими сближаются с марксизмом, которые, наконец, получают широкое распространение среди различных слоев населения. К числу таких «одных» течений нужно отнести социологическое учение одного из крупнейших французских мыслителей—Е. Дюркгейма. Об учении Дюркгейма, о школе его современная русская читающая публика не имеет какого-либо ясного представления. Нет марксистских разборов, статей, посвященных изложению и критике этого оригинального течения. А по немногочисленным статьям наших отечественных буржуазных публицистов, социологов и т. д., уделивших на страницах различных журналов некоторое внимание направлению Дюркгейма, едва ли можно составить себе ясное понимание последнего. Между тем послевоенная философская и социологическая литература не только во Франции, но и в других странах продолжает помещать статьи, посвященные творчеству Дюркгейма. Учение Дюркгейма и его школы получило право гражданства во французских университетах и находит себе приверженцев среди различных кругов населения. Поэтому познакомить современную советскую общественность с этим интересным умственным течением буржуазной Франции, приоткрыть один уголок ее интеллектуальной жизни—задача важная и необходимая.

I. Условия возникновения учения Дюркгейма.

Война не внесла каких-либо существенных изменений в группировку социологических направлений во Франции. Как и до нее, основные социологические течения могут быть сведены к трем. Одно—связанное с именем Вормса, другое—возглавляемое Дюркгеймом и его учениками: Бугле, Факонэ и др. и, наконец,

третье, мало влиятельное, растерявшее своих adeptов,—поддователей Тарда. Мы не будем касаться других направлений, имеющих место в современной Франции, мы не будем останавливаться на характеристике первого и третьего. К этому мы постараемся вернуться в другой раз. Сейчас будет достаточно сказать, что все эти три направления насчитывают десяти лет своего существования и ведут свое начало от последних десятилетий прошлого века. В настоящее время течения Вормса и Дюркгейма в мирном соревновании поделили, так сказать, сферу своего влияния в высших и других школах Франции, получили официальное утверждение третьей республики, пустили корни в широкие слои учащейся молодежи. Особенно нужно сказать это про направление Дюркгейма. Что касается течения, связанного с Тардом, то оно, вспыхнув ярко в конце прошлого столетия, подвергнувшись решительной критике со стороны Дюркгейма и др., как явно беспомощное при обяснении общественных явлений,—со смертью основателя потеряло и своих сторонников и свою привлекательность. Оставаясь в стороне на этот раз учение Вормса, обратимся к Дюркгейму.

«Дюркгейзм»—думаем, что так можно выразиться—появился к концу XIX столетия. Он вырос, оформился в определенных общественных условиях как экономических, социальных, так и идеологических. Эти условия определили круг проблем, поднятых им, а также и способы их разрешения.

Напомним кратко эти условия.

К концу второй империи Франция переживает промышленный расцвет. Рост производительных сил идет быстрее, чем когда-либо. Увеличивается сказочным темпом железнодорожная сеть, число предприятий с паровым двигателем. Растет количество добываемого угля и чугуна, железа и стали. Торговый договор с Англией еще в большей степени усиливает этот рост. Процесс концентрации, захватывая одну область за другой, простирается и на банки. Франция не довольствуется своим внутренним рынком и бросается на путь колониальной политики, проводит ряд военных операций с целью расширения своего влияния. Погоня за наживой, за сверх-прибылями охватывает промышленные и финансовые круги. Создается ряд анонимных акционерных компаний, увеличивающих и без того биржевую горячку. Она охватывает самые широкие круги, сопровождается жесточайшими крахами предприятий, приводит к разорению мелких держателей и скоплению богатств в руках немногих биржевыхмагнатов. Соц. кризис 1871 г. не действовал умеренно на финансовую горячку. Она продолжалась с новой силой, вызвала организацию массы новых финансовых синдикатов для выполнения различных проектов, повлекла к новым крахам и разорениям. На этот период жизни Франции блестящее отозвалась Золя. Он в одном из своих произведений—«Деньги»—нарисовал картину обуявшей всех биржевой страсти, сопровождавшейся крахами надежд, он мастерски изобразил обще-экономическое лицо тогдашней официальной Франции, нападшее себе символическое отражение в панамском деле. В панамском деле финансовый ажиотаж нашел себе высшее выражение, в нем оказались замешаны руководящие политические круги, в нем

больше чем когда-либо свили гнездо грандиозные подкусы, мошенничества и растраты. Такова была экономическая деятельность—далекая от того, чтобы быть по духу либеральной буржуазии. Не менее безотрадными были и политические условия. Социальный кризис 1871 г. поставил у власти в течение десяти лет крупный капитал, в лице партии «мудрых и умеренных». Умеренно-республиканская не была способна на общественные реформы, и всю свою деятельность построила на компромиссе со старым порядком. Начавши с провозглашения необходимости борьбы с клерикализмом, она постепенно пришла к отриятию отделения церкви от государства, т. е. к фактическому поощрению клерикального движения. В области образовательной политики—предоставление широких возможностей для деятельности католических организаций, непримиримых противников республиканского режима. И это на фоне мелких уступок в области социального вопроса, широко развитого идолопоклонства перед военницей, поощрения идеи реванша, приведших позже к делу Дрейфуса. Все содержание политической деятельности умеренных—оппортунистов, как их называли тогда—определяло установившийся режим, как реакционный, оправданный на правые элементы страны. Ответом ему была волна самоубийств, анархистских покушений, гулко отравившихся в стране и показавших в подчеркнутой форме кризис, переживаемый буржуазным режимом. Подобное экономико-политическое положение, очевидно, должно было вызвать протест среди широких слоев Франции. К нему присоединились мелкая и либеральная буржуазия в лице радикальной партии и рабочий класс, руководимой партиями Жореса и Гэда. Началась упорнейшая борьба с клерикализмом, военницей и старым режимом за демократизацию общественного строя. Эта борьба заполонила общественно-политическую жизнь тогдашней Франции (80—90-х годов), она возлеяла интеллигенцию и поставила ее в ряды сражавшихся. Начавшись с знаменитого «Я обвиняю» Золя, борьба с клерикализмом и реакцией в конце XIX и начале XX столетий привела к разгрому последней. Но на этом она не окончилась, отзвуки ее мы найдем в современной борьбе двух политических блоков. Бурный социально-экономический пульс страны с потрясшими ее кризисами не мог не вызвать отклика в ее идеологической жизни. Возникает целый ряд проблем—жгучих, вызывающих страсти, раскалывающих единомышленников и бросающихся их в разные стороны. Снова встает проблема народонаселения вообще и Франции в частности. Вызванная сокращением численности населения страны, она занимает то или иное место в теориях почти всех социологов. Не менее остро висит вопрос о самоубийстве, его причинах и мерах борьбы. Но в центре общественного внимания—проблема моральная. Ибо моральное разложение, кризис буржуазного общества выявляется резче, чем когда-либо. Он упирается в вопрос о кризисе современного общества в целом. Устон старые рухнули, а новые не создались,—говорит один из современных социологов. Положение нетерпимо: необходимы меры к его ликвидации. Отсюда бесчисленная цепь попыток с разных точек осветить больные вопросы современности, отсюда возрождение различных социологических направлений для построения новых теорий общества. Прекращается сплин.

Наступает оживление во всех сферах умственной жизни Франции, оно коснулось и социологии.

Буржуазно-социологическая мысль во Франции пережила несколько этапов своего развития. Первый этап связан с именами С.-Симона и Канта. На них по существу развитие социологии и обрывается. Следует длительный этап, когда вопрос об обосновании позитивной общественной науки отходит на задний план. Ее место занимают разновидности метафизических учений Куэна, М. де-Бирана и других. В высшей школе господствуют новый и старый спиритуализм Равессона, Ляшелье, Жана. Равессон становится властителем дум. Его миросозерцание, по выражению одного русского философа, представляло «резульят своеобразной переработки идей перипатетической философии с точки зрения Лейбница-Бирановского динамизма и под косвенным влиянием шеллингианства». Философия в его понимании полна мистицизма: она упиралась в признание бога, раскрытие которого «служит пониманию души и душа пониманию природы. Не менее сильным влиянием пользовался неокритицизм Ренувье (1805—1908), в котором феноменализм Юма восполнен и исправлен априоризмом и морализмом Канта». Рядом с ними удерживаются различные виды теологической философии: традиционизм Бональда и др., философия здравого смысла Лямин, онтологизм и полурационализм Морэ и Гратри. Все эти метафизические системы заполняют умственную обстановку Франции и представляют почву, на которой неопозитивистическое течение Литре и др. не в состоянии укрепиться и получить распространение.

Социальный кризис 48 и 71 г.г., бурное развитие капитализма, успехи в естествознании не могли не отразиться на интеллектуальной жизни страны. Открытие в 1842 г. Майером закона сохранения энергии, появление в 50-х годах теории Дарвина о сохранении видов, открытие Клода Бернара и др. вызвали интерес к психологии, антропологии, а позднее и в социальной науке. В Германии появляется естественно-научный материализм Бюнхера, Молешотта, течение Вундта, Яцаусса и др. В Англии развертывает свой многосторонний талант Спенсер. Во Франции появляются попытки обосновать науку об общественной жизни на различных основаниях. Одни ее обосновывают на индивидуальной психологии, другие — на биологии, иные — на антропологии. Иначе говоря, возникают психологическая теория общества Тарда, биологическая — Вормса, Эспинаса, антропологическая школа Леббона. Особенностью всех этих течений было то, что они не выделяли специального объекта социологии с особыми ее методами, но строили теории общества на данных какой-либо другой науки. Подобное положение, когда в качестве закона развития общества выдвигается психологический фактор — подражание, или когда законами развития животного организма по аналогии переносятся на общество, подобное положение даже с точки зрения буржуазных общественников подрывало авторитет социологии, превращало ее в бессильную, метафизическую дисциплину. Очевидно, что должны были появиться попытки превратить социологию в самостоятельную науку об обществе, в науку, которая имела бы своим предметом социальные факты, а

не абстракции, которая вывела бы законы, далекие от того, чтобы быть остроумными аналогиями или простыми описаниями наличной действительности. Необходимость таких попыток обуславливалась самой обстановкой. Социальный кризис и война 1871 г. показали, наиболее проницательным слоем буржуазии, что нельзя оставаться при положении, когда наука об обществе не в состоянии помочь разобраться в сложном клубке социальной действительности и наметить пути для изживания ее болезненных сторон, мешающих спокойному существованию буржуазного общества. Нужна была и для буржуазии наука, которая бы пыталась опереться на природу вещей, а не вымыслов. В попытке за нее радикальная буржуазная мысль пытается углубиться в сущность социальных явлений, в построении теории общества встречается с положениями различных школ, в том числе и марксизма, но ограниченная своей социальной сущностью буржуазия становится марксовых выводов и, наконец, находит свое выражение в социологической системе Дюркгейма. Прежде чем перейти к анализу учения французского социолога, еще несколько слов о его биографии.

Дюркгейм родился в 1858 г. в Епинале. В 1879 г. поступил в нормальную высшую школу, где господствовали идеи Равессона и Лашелье. С появлением опытов всеобщей критики Ренувье молодой Дюркгейм делает решительно выбор в его сторону. Работа в дальнейшем в школе под руководством Фюстель де-Кулланса привлекает Дюркгейма к вопросам религии, проблеме солидарности и знакомит с методом исследования. Поездка в Германию включает Дюркгейма в круг вопросов, поднятых Вундтом, Шмольлером, Марксом и школой народной психологии — Яцаусса и Штейнталя. Каждый из немецких мыслителей оказывает на Дюркгейма некоторое влияние, которые, сочетавшись, способствовали образованию своеобразной социологической концепции. По возвращении из-за границы Дюркгейм (1887 г.) привлекается к чтению курса социальных наук и педагогики в Бордо, являвшимся в то время крупным научным центром. Здесь он знакомится с Дюги, Хамелин, Эспинасом. Совместная работа с последним вдохновляет в Дюркгейме мысли о соотношении и разграничении общественных и биологических явлений и дает толчок к обоснованию собственной теории социальной жизни. Дюркгейм, думавший посвятить себя с одной стороны науке, а с другой — политике, находит себя в социологии. В 1893 г. он выпускает первую свою работу «О разделении общественного труда», где, развивая свои основные социологические взгляды, вместе с тем пытается обосновать науку морали. Необходимость обоснования социологии, как науки с определенными методами, побуждает в 1895 г. к новым работам «Метод в социологии» и «Правила метода». А в 1897 г. Дюркгейм применяет эти правила к частной области, к изучению природы и причин самоубийств. Своегообразие взглядов Дюркгейма, его большая эрудиция привлекают к нему внимание со стороны молодых социологов. Это в свою очередь приводит в 1896 г. к созданию журнала: — «Социологический ежегодник». В качестве основной задачи журнал ставил себе: теоретическое обоснование возможности и необходимости социологии; как науки, применение выработанных методов к изучению от-

дельных сторон социальной действительности и, наконец, обобщение издалий, имеющих отношение к социологии. Журнал собрал большую группу исследователей — в нем принимали участие Бугле, Хуберт, Симианд, Факониэ и др. — и содействовал образованию школы, занявшей виднейшее место во французской социологической мысли. За все время существования журнала — вплоть до 1913 г. — Дюркгейм оставался его руководителем. Помимо своей научной работы, выразившейся в массе статей, заметок, разбросанных по различным журналам, Дюркгейм уделял большое внимание педагогической деятельности. В высших школах он читал курсы: о воспитании, о морали, о социологии и т. д. Высшего развития научная деятельность Дюркгейма достигла в 1912 г., когда он выпустил работу о религии, вызвавшую большой отклик как внутри страны, так и за границей. С началом мировой войны Дюркгейм, увлекаемый шовинистическим угаром, пишет несколько патриотических статей и брошюру и посвящает себя деятельности в различных связанных с войной организациях. Военные годы расщепляют его организм и приводят в конце 1917 г. к могиле.

Оставшаяся после его смерти школа, продолжая в лице его учеников работу Дюркгейма, издает неопубликованные его произведения, в 1925 г. возобновила «Социологический Ежегодник» и представляет, как об этом мы уже говорили, сильнейшее социологическое направление современной буржуазной Франции.

Выяснив условия возникновения учения Дюркгейма, мы теперь можем перейти к изложению и анализу его учения и, прежде всего, к его теории познания.

II. Теоретико-познавательные элементы учения Дюркгейма.

Каким-либо существенным изменениям взгляды Дюркгейма в течение долгой его ученои деятельности с 1893 года, когда появилось первое его большое произведение об «общественном разделении труда», до 1917 года — не подвергались. В основном его воззрения остались те же. Намеченные сначала в контурах, они подверглись позднее разработке, детализации-проверке на анализе различных проблем и вопросов. Поэтому-то все оставленное им литературное наследство может быть разобрано под двойным углом зрения. Во-первых, с точки зрения основного, что имеется в философско-социологической системе Дюркгейма, и затем частного, т. е. тех отдельных проблем, которые привлекли внимание социолога. Останавливаться на последней из указанных сторон мы не будем. Ибо наша задача заключается в том, чтобы представить учение Дюркгейма в главном. А это может быть сделано по линии выяснения его теории познания, далее взглядов на социологию как науку, ее объект и методы, и, наконец, его теории общества в собственном смысле слова. Анализ этих сторон вполне достаточен для того, чтобы получить отчетливое представление о теории Дюркгейма, о месте ее в ряду других социологических систем, о степени близости ее к марксизму.

Обратимся прежде всего к выяснению теоретико-познавательных элементов учения Дюркгейма. Это необходимо потому, что оно (выяснение) покажет лицо Дюркгейма, как философа, его

родство с представителями определенных основных философских течений.

Дюркгейм не занимался специально теорией познания. Теоретико-познавательные вопросы решались им мимоходом, при трактовке проблем социологического характера. Тем не менее было бы неверным предполагать, что Дюркгейм не имел собственной теории познания. В процессе научной деятельности, как нам уже выше отмечалось, ему приходилось сталкиваться с различными идеологическими направлениями, определявшими свое философское следо. Им следовать должен был и Дюркгейм. Но помимо этого сама логика разработки отдельных проблем приводила французского социолога к теоретико-познавательным вопросам и требовала от него выработки собственной теории познания. Философские взгляды Дюркгейма носят печать своеобразия и проникнуты духом «социологии», который является характерным для всего социологического направления, связанного с его именем. Разрешение Дюркгеймом отдельных вопросов теории познания нужно было для того, чтобы подкрепить основные социологические выводы. Это было им сделано, с одной стороны, в статьях, разбросанных в философских и социологических журналах, позднее частично собранных в сборнике «Социология и философия», а с другой — в отдельных главах фундаментального труда: «Об элементарных формах религиозной жизни и системе тотемизма в Австралии».

Каковы его теоретико-познавательные взгляды? Какой вопрос познания является предметом внимания Дюркгейма? Вопрос о категориях и их происхождении. Эта проблема его больше интересует, разбору ей он посвящает свои статьи и отрывки. Всякая наука — это мы можем начать изложение взглядов Дюркгейма — оперирует понятиями. Среди последних мы отмечаем некоторые, главные, которые «являются как бы основными рамками, заключающими в себе мысль»¹. Они составляют «костяк», без которого невозможна никакая мыслительная деятельность как современных, так и первобытных людей. Таковы понятия времени, пространства, рода, числа, причины и т. д. Чем характерны эти понятия-категории? В противовес чувственным представлениям, находящимся «в постоянном течении и приливе», концепты обладают «относительной неизменяемостью». «Система понятий», — говорит Дюркгейм, — посредством которой мы мыслим в обыденной жизни, уже содержитя целиком в словаре нашего литературного языка, ибо каждое слово выражает концепт (там же, стр. 47). На ряду с этим признаком концепт обладает общезначимостью. Он может быть сообщен множеству горожан. Категории воздействуют необходимо. Возникает вопрос об источнике этой необходимости, распространяющейся на индивидуальные сознания. История философии дала два ответа. Один — выдвигаемый эмпиризмом, другой — кантианством. Оба Дюркгейм разбирает. Но решение обоих его не удовлетворяет. Почему не верен — по Дюркгейму — тезис эмпиристов: категории являются в результате сочетания, совокупности массы индивидуальных опытов в течение очень длительного времени. Не

¹) Новые идеи в социологии, сб. № 2: Дюркгейм, «Социология и теория познания», стр. 28.

верен потому, что, основываясь на нем, нельзя об'яснить необходимости категории и их всеобщей применимости. Ибо «ощущение и образное представление относятся всегда к определенному об'екту или к совокупности об'ектов определенного рода; они выражают преходящее состояние отдельного сознания: они в существе своем, индивидуальны и субъективны» (ibid., 35). Вводить при этих условиях разум, состоящий из совокупности категорий, из опыта—равносильно «сведению всеобщности и необходимости, характеризующих разум, к простым видимостям, к иллюзиям, которые могут быть практическими удобами, но которые не имеют под собой никакой реальной почвы» (ibid., 35).

Эмпиризм забывает, что категории и чувственные восприятия составлены из различных элементов, он отрицает реальность логической жизни. Последовательный эмпиризм—по Дюркгейму—приводит к иррационализму. Точка зрения эмпиризма, как несостоятельная, должна быть отброшена. Не может согласиться Дюркгейм по вопросу о категориях и с априоризмом. В учении последнего о категориях есть доля истины. Кант и его ученики не смешивают чувственных восприятий и категорий. Априористы—суть рационалисты. Они верят, что мир имеет и логическую сторону или грань, находящую свое выражение в разуме (ibid., 36). Разум в состоянии выйти за пределы опыта и присоединить нечто к тому, что дано непосредственно. На этом согласие Дюркгейма с Кантом оканчивается. Дюркгейм даже не считает достаточной ссылку априористов на присущую самому разуму способность творить категории. Эта ссылка лишь отодвигает решение задачи. К тому же она опасна, ибо ставит разум «вне природы и вне науки». Вопрос об обосновании необходимости категорий остается не решенным. Попрежнему перед мыслителями стоит задача выявить источник способности разума находить в вещах отношения, не могущие быть результатом деятельности непосредственного наблюдения. Дюркгейм предлагает своеобразное решение проблемы. Оно возможно при перенесении вопроса на социальную почву, при условии доказанности социального происхождения категорий. Показать происхождение категорий в результате социального опыта—это значит по Дюркгейму остаться на почве кантовского дуализма, а, с другой стороны, устранить тупик, к которому привела теория априоризма. Для осуществления этой задачи Дюркгейм предпринимает попытку обосновать различие природы категорий и чувственных восприятий. Это он делает своим учением об индивидуальных и коллективных представлениях. Распространенное мнение среди французских и других социологов и психологов устраивает принципиальное различие между этими двумя родами представлений. Коллективные представления есть результат сочтания индивидуальных и сводимы к последним. Такого мнения придерживается Тард, некоторые представители неопозитивизма и т. д. Против общепринятой концепции и выступает Дюркгейм. С его точки зрения анализ индивидуальных и коллективных представлений выявляет их различную природу, приводит к убеждению в своеобразном происхождении коллективных. Для большей наглядности Дюркгейм останавливается на выяснении отношения между деятельностью нервных клеток и представлениями—эффектом—ощущением и представлением. Что в результате дея-

тельности нервных клеток в мозгу человека получается ощущение или представление—против этого Дюркгейм не возражает. Вопрос не в этом. Разногласие в том, могут ли считаться правильными попытки, распределяющие ощущение по мозговым нервным клеткам. Эти попытки, по мнению Дюркгейма, приводили в неудачу. Именно потому, что забывали, что sensation представляет из себя новое качество, своего рода химический синтез, где молекулярные изменения, вступая как элементы, трансформируются путем взаимопроникновения, плавления. И этот полученный синтез не может быть об'яснен через изменение частей или молекул.

«Новые опыты»,—говорит Дюркгейм,—показали, что ее (психическую жизнь. Ф. Т.) необходимо скорее понять как обширную систему реальностей *sui generis*, составленную из большого числа умственных (mentales) пластов, слишком глубокую и сложную для того, чтобы простое размышление (*reflexion*) могло проникнуть в ее тайны, слишком специальную для того, чтобы быть в состоянии в ней разобраться физиологическим рассмотрением¹). Подобно тому, как изменения в клетках мозга не дают ключа к пониманию ощущений индивида,—так же и понимание индивидуального сознания не раскрывает тайны коллективных представлений. Чем являются коллективные представления? Результатом синтеза множество индивидуальных представлений в течение длительного времени. Целым, которое по отношению в своих частях уже есть нечто большее, чем простая их сумма. И нельзя стать на сторону тех, кто пытается об'яснить целое частью, как это, по мнению Дюркгейма, делали «материалистические метафизики». «Остается,—заключает он,—об'яснить явление целого свойствами, характерными для целого, сложные стоящими, социальный факт через общество, жизненные и интеллектуальные через комбинацию *sui generis*²). Коллективные представления качественно отличаются от индивидуальных. Первые не могут быть об'яснены вторыми. Коллективные представления обладают особым авторитетом, благодаря которому они принудительно усваиваются индивидами. Источником этого авторитета является общество. К числу коллективных представлений и относятся Дюркгеймом категории. Самый факт, что концепты отличаются характером общезначимости и безличности, говорит о том, что они не могут быть результатом деятельности индивида, но только коллектива. И как таковые они не являются общими идеями, а именно коллективными представлениями, которые привносят еще нечто в том, что индивид извлекает из своего единичного опыта. Для каждой данной эпохи общества имеется определенная система коллективных представлений, а следовательно и категорий, которые принудительны для составляющих общество единиц. «Мыслить концептами,—говорит Дюркгейм,—не значит просто видеть реальное с наиболее общей стороны... понимать вещь—значит в одно и то же время схватить или определить ее существенные элементы и отнести их к известной совокупности вещей, ибо каждая цивилизация имеет характеризующую ее организованную систему концептов³). Так, теорией коллек-

¹) Sociologie et philosophie, Paris 1924, стр. 46.

²) Там же, стр. 41.

³) Новые идеи в социологии, № 2, стр. 50—51.

тивных представлений предвосхищается решение вопроса о социальном происхождении категорий. Категории, как коллективные представления, получились в результате длительного социального опыта, они имеют социальное происхождение. Выход чрезвычайно любопытный в устах буржуазного социолога. Но этого мало. Категории не только обязаны своим происхождением обществу, но и их содержание отражает в себе различные стороны общественного бытия. Категория причинности, например, имеет прототипом коллективную силу общества, категория пространства — пространство, занятое племенной или какой-либо другой группой, категория времени — ритм совместной жизни, категория целостности представляет абстрактную форму понятия общества. Все эти категории не есть отображение индивидуальной жизни и ее опыта. Индивидуальное переживание не может дать «идею целого времени», идею класса, идею целостного. Только общественное время, необходимое для согласования сроков празднеств, общих охот и т. д., только общественное пространство, общественная причинность, общественные классы лежат в основе соответствующих категорий. Полученные в результате длительного существования и опыта всего общества категории получают распространение и на всю остальную природу. Через них познается природа, через них она мыслится. «Основные отношения между явлениями, выражаемые категориями, не могут быть существенно различными в различных царствах»¹⁾, потому что социальная область есть лишь область, отличающаяся от других большей сложностью. «Если общество и представляет специфическую реальность, однако, оно в то же время не есть государство в государстве; оно составляет часть природы, ее наивысшее проявление»²⁾. Особые причины привели к тому, что общество их впервые выявило и распространило на всю остальную природу. Каковы же причины? Вчера было уже отмечено, что индивидуальное сознание не в состоянии подняться до понимания отношений, выражаемых категориями. Оно вращается лишь в сфере эмпирического времени, пространства и т. д., которые вполне достаточны для его повседневной жизни. Индивидуальному сознанию не под силу познание мира в целом. Это познание доступно лишь коллективному сознанию, обществу, которое может выразить мир полной системой концептов. «И так как,— говорит Дюркгейм,— в своей целостности она (вселенная. Ф. Т.) мыслится только обществом, то она и становится элементом его внутренней жизни, а само общество родовым понятием, вне которого не существует ничего» (ibid., str. 59). Отсюда для Дюркгейма вполне логично, что пространство, занимаемое обществом, должно совпадать с понятием о «всем» пространстве. Внутреннее движение общественных групп определяет безличное время и устанавливаемые в нем подразделения. Итак, отношения, выраженные категориями, сознаются лишь в обществе и через общество. Налицо своеобразная теория познания, «обновленная», как выражается Дюркгейм, тем, что общество и его коллективное сознание являются в ней исходным пунктом. Эта концепция пронизывает все его построения. Ее мы встретим при трактовке

¹⁾ Там же, стр. 42.

²⁾ Там же, стр. 42.

Дюркгеймом вопроса о морали. Не менее четко различимы в Дюркгеймовской теории суждения. Остановимся в двух словах на последней. Два вида суждений существуют по Дюркгейму. Суждение реальности и суждение ценности. Когда мы говорим: я люблю охоту, этим выражается лишь то, что есть,—известное состояние. Когда же: « эта картина обладает большой эстетической ценностью», этот человек имеет высокую моральную ценность, то этим высказывается некоторый обективный характер суждения. Эта оценка независима от личной и, может быть, даже противоположна ей. И Дюркгейм спрашивает: «Как возможно, чтобы чувства не были зависимы от субъекта, их испытывающего? »¹⁾ Для того, чтобы дать ответ, Дюркгейм разбирает существующие на этот счет теории. Не может быть правильным мнение, отрицающее различие между двумя родами суждений и утверждающее, что ценность содержитя в каком-либо конкретном характере вещей. Вещам самим, по Дюркгейму, не присуща ценность. Не верен также тезис и Каата, приписывающий суждениям ценности сверхэкспериментальное происхождение. Это обстоятельство заставило немецкого мыслителя отказать в истинной ценности вещам экономического порядка. «Чтобы облечь суждения ценности, не является необходимым,—говорит Дюркгейм,— ни свести их к суждениям реальности, заставляя тем самым исчезнуть понятие ценности, ни отнести их к какой-либо способности, благодаря которой человек вошел бы в отношения с миром трансцендентным»²⁾. Что такое суждения ценности? Они «выражают отношение вещи к идеалу». Идеал же есть создание индивида, он продукт общества. Следовательно, суждение ценности, относясь к будущему, извлекая свой материал из настоящего или прошедшего, имеет источником общество. Помимо сообщает им силу и авторитет. Мы изложили теорию познания Дюркгейма. «Она,—по его выражению,—сохраняет все основные начала априоризма, но в то же время вдохновляется духом того позитивизма, которому пытался служить эмпиризм. Она не лишает разум его специфической способности, но одновременно обясняет ее, не выходя за пределы наблюдаемого мира. Она утверждает, как нечто реальное, двойственность самой умственной жизни, но сводит ее к естественным причинам»³⁾.

Один из последователей Дюркгейма на вопрос, обращенный к нему, дал совершенно недвусмысленный ответ: Дюркгейм был философом. Несомненно, при всех своих склонностях иметь дело лишь с социальными фактами, Дюркгейм не мог совершенно отрешиться от теоретико-познавательных вопросов и от попытки решения их. Нужно лишь иметь в виду, что он не уделял им особого внимания. Это-то обстоятельство делает понятным тот факт, что мы не найдем ясных, вполне и всюду согласованных формулировок, ответов на различные философские вопросы. Тем не менее, вскорь брошенные мысли, различные утверждения—дают возможность выявить философское лицо французского социолога. И выяснение этого лица должно быть начато с основного вопроса, разделяющего философов, вопроса, касающегося понимания действительности. Дюркгейм хочет иметь дело лишь

¹⁾ Sociologie et philosophie, стр. 119.

²⁾ Там же, стр. 187.

³⁾ Новые идеи в социологии, № 2, стр. 43.

с вещами, об'ектами. Но само понимание их, исследуемое и действительности не идет дальше позитивизма. Об этом Дюркгейм сам неоднократно свидетельствует. По собственному его утверждению, его теория познания «вдохновляется духом того позитивизма, которому пытался служить эмпиризм». Это означает, что при исследовании действительности мы стоим на почве фактов. Факт же — явление, предмет нашего опыта. И все позитивистические системы, начиная от Конта, ограничивали опыт субъективным пониманием факта, т. е. не выходили за пределы субъективного состояния и не возвышались до понимания сущности вещей. С таким пониманием действительности марксизм не имеет ничего общего. Известно резкое замечание, сделанное Марксом по адресу контизма, как определенной точки зрения на действительность. Марксизм, диалектический материализм, утверждает определенно существование об'ективной действительности и возможность познать ее. Все разновидности позитивизма, как и сам контизм, в конечном счете мало чем отличаются от отвергнутого субъективного или всякого другого идеализма. Не составляет исключения и точка зрения Дюркгейма, как разновидность неопозитивизма. Мы видели, что Дюркгейм хочет иметь дело с фактами, хотя он и говорит об об'ектах, вещах, природе — как бы внешних индивидуум. Но у него индивид не в состоянии сам при помощи своего индивидуального опыта познать их. Ему приходит на помощь система логических категорий, называемых обществом. Вне этого сознающего субъекта, каковым является общество, Дюркгеймом ставится под сомнение и факт существования природы. Говорит же он в одном месте, что «сознания существуют лишь постольку, поскольку она мыслится». Т. е. точка зрения субъективного идеализма получает признание в смыслах французского социолога. Мы не были бы справедливы к ней, если бы стали утверждать без всяких оговорок его идеализм. Но идеализм Дюркгейма позитивистический, скрытый, нерешительный, часто высказывающий правильные мысли. Эта нерешительность выражается и в его рассуждениях о роли понятий. «Понятие, — говорит он, — которое вначале считалось за истинное, потому что оно было коллективным, постепенно делалось коллективным лишь под условием признания его истинным» (Новые идеи социологии, № 2, стр. 58). И далее: «Коллективное представление потому уже, что оно коллективно, заключает в себе достаточную гарантию об'ективности». Едва ли можно считать за истинные понятия только в силу их коллективности. Особенно это надо сказать про первоначальные коллективные представления понятия. Единственной гарантией истинности понятия может служить его соответствие с об'ектом. Об этом соответствии Дюркгейм упоминает, но для того, чтобы в последующей фразе верное положение обесцветить и разрушить. Таков Дюркгейм в важнейшем философском вопросе. Тесно связан с ним вопрос о составе знания, о процессе нашего познания. Этот момент его учения характеризуется наибольшим своеобразием. Оно заключается в попытке со стороны Дюркгейма устраниТЬ кантовский априоризм на почве признания историчности категорий. Казалось бы, это верная постановка! Она могла привести к правильному решению вопроса о составе знания. Но, взяв верное направление, в конечном счете Дюркгейм пришел к странному положению, где

единство модифицировано, сохранив свои основные черты. Дюркгейм, как мы уже видели, говорит о двойственности умственной жизни индивида. Индивид, сам в своем опыте, далее эмпирической действительности пойти не может и не мог. Не может он прийти в образование концепта. Поэтому для того, чтобы познать, он должен приобщить к своему опыту систему категорий, выработанных обществом. Иначе, говоря по Дюркгейму, наше «знание состоит из двойного рода элементов, не сводимых друг к другу» (ibid., стр. 37). Кантовский тезис о двойственности знания остается, только с той разницей, что у Канта чувственному опыту противопоставляется вносящая порядок система категорий разума индивида, а у Дюркгейма опыта (эмпирическому) отдельного человека противопоставляется система категорий общественного разума, разума общества. Общество у Дюркгейма есть своего рода трансцендентальная апперцепция кантовского индивида. Говорят же он, что общество есть «сознание сознаний», что его физический разум есть лишь другое имя, данное коллективной мысли» (ibid., стр. 65). Общество у него превращается, по правдивому замечанию одного из критиков, в мистическое существо, господствующее над индивидуальным сознанием. Об этом характере общества говорит брошенное им замечание: «в конечном итоге три понятия — целого, общества и божества — составляют может быть возможные стороны одного и того же понятия» (ibid., стр. 59). Несмотря на историческую, генетическую точку зрения, с которой подходит к обществу Дюркгейм, общество у него гипостазировано, метафизично, оторвано от индивидов, превращено в себя сознающую систему, которая упорядочивает индивидуальный опыт и приводит его к согласованию с общезначимыми положениями коллективного опыта. Вслед за Контом он повторяет, что мыслить рационально — значит мыслить согласно законам, общеобязательным для всех разумных существ; действовать правдивенно — значит поступать согласно с правилами, которые без противоречия могут быть распространены на всю совокупность воли (ibid., стр. 64). Пытаясь исправить Канта учением об историческом происхождении категорий, Дюркгейм, по существу, не выполнил до конца своей задачи и остался на почве кантовского формализма, лишь значительно исправленного и переработанного. Можно ли в этих условиях говорить о правильном разрешении теоретико-познавательных вопросов Дюркгеймом? Конечно, нет. Все возражения, которые делались классиками марксизма кантианству в части его учения об априоризме, двойственности нашей умственной жизни, не могут не быть обращены и против Дюркгейма. Повторяя их здесь было бы скучно и едва ли целесообразно. Есть ли надобность напоминать, что познание на самом деле едино, что оно совершается на почве опыта, что оно заключается в рациональной обработке данных опыта. Категории представляют из себя отражение в мыслях «общих форм», законов бытия и движения, образованные путем абстрагирования от действительности индивидуальной и коллективной мысли. Разум наш не пересекает границы опыта, вопреки мнению Канта, а за них и Дюркгейма. Следовательно, между ощущением предмета, представлением, категорией нет той пропасти, о которой говорят они. Нет необходимости противопоставлять индивидуальный опыт

коллективному разуму просто уже потому, что познание индивида включает как получаемые ощущения, так и их рациональную обработку. Находить лишь «зародыши рациональности» в индивидуальном сознании, это значит извратить истинное положение вещей, которое заключается в том, что процесс познания происходит в индивиде, и при помощи индивидов, а не вне их. Совершенно другой вопрос—почему содержание этого познания получается таким-то, а не другим. Это зависит от социальной обстановки каждого индивида, его групповой, классовой принадлежности, его производственной деятельности. Правильное решение вопросов теории познания возможно не через исправление идеалистических концепций, а путем полнейшего отказа от них. Этого Дюркгейм не сделал. Он отдал дань мега-физике, несмотря на свою неприязнь к ней, несмотря на твердое стремление изгнать ее из всех областей социальной науки. Подобному результату многое содействовало его учение об индивидуальных и коллективных представлениях. Оно нужно было ему, во-первых, для разграничения области психологии и социологии и затем для доказательства необходимости категорий. Мы выше уже ознакомились с существом этой теории. Прежде всего обращает внимание несколько иная постановка вопроса о коллективных представлениях, чем мы это можем видеть у Леви Брюля. У последнего коллективные представления вместе с законом пар-тиципации представляются характерными чертами первобытного мышления, логического. Для Дюркгейма нет общества без соответствующей ему логической системы. Логическая мысль, — говорит он, — «всегда существовала». Поэтому, если для Леви Брюля коллективные представления — это принадлежность первобытных эпох, то для рассматриваемого нами социолога коллективные представления существовали и существуют в обществе различной ступени развития.

Центральным местом учения Дюркгейма о коллективных представлениях является его утверждение, что коллективное представление, составленное из индивидуальных, представляет собой не просто их сумму, а новый синтез, новое качество. В этом пункте Дюркгейм следует за Контом, хотя сам он в числе своих предшественников отмечает Ренувье. Подобная постановка вопроса дала, как известно, Конту возможность построить классификацию наук, а Дюркгейму разграничить об'ект социологии и психологии. Против самого методологического подхода к различным явлениям жизни — констатирования их единства и в тоже время разнообразия отдельных областей — возражать не приходится. Ударение на качественное различие явлений физических, химических, биологических, несомненно, является сильной стороной Дюркгейма. Но тем не менее, как и в других моментах его учения о коллективных представлениях, есть слабые стороны. идеалистические, обесценивающие его построения. Дюркгейм рассуждает о коллективных представлениях по аналогии с процессом возникновения индивидуальных психических актов в мозгу человека. Он выказывает знакомство с различными направлениями в психологий и устанавливает свою точку зрения на них. Он против старой субъективной психологий (интроспективной), но он против и школы Гексли, Мордлей. Дюркгейм признает, что психические явления происходят в мозгу, зависят от деятельности

летов последнего. Но в то же время, раз образовавшиеся, они получают автономию и развиваются по собственным законам, вне зависимости от материального субстрата. Поэтому то невозможно объяснить их исключительно физиологически. Что мы видим в подобном рассуждении? Несомненно, остатки старой субъективной психологий. Развитие науки за последние десятилетия настолько подвинулось вперед, что оно решительно поставило под сомнения выводы различных идеалистических систем в психологии. Не может быть уже речи об автономии психических процессов. Психические явления — это свойство организованной материи. Объяснения им нужно искать не в них самих, а, во-первых, в физиологических и физических процессах организма, а, во-вторых, в социальной обстановке жизни индивида, определяющей его поведение. Дюркгейм в своих положениях, касающихся психических явлений, не был на материалистической точке зрения, он отдал дань идеалистическим заблуждениям. Подобное же заключение можно сделать и о его теории коллективных представлений. Что понимал Дюркгейм под коллективным представлением — мы уже знаем. Переводя на марксистский язык — это идеология и психология в целом или частях той или иной группы, общества. Так вот верно, что коллективные представления определяющим образом действуют на индивидуальные. Верно, что они представляют из себя новое качество, объяснение которого не может быть достигнуто сведением к индивидуальным представлениям. Но не верно, идеалистическим является утверждение, что Дюркгейм говорит о их самостоятельности, о том, что, «раз только первое основание представления образовалось, они становятся реальностями частично автономными, живущими собственной жизнью... определенными своими собственными свойствами, а не состоянием среды, в которой они развиваются» (Sociologie et philosophie, стр. 43). Как умственная жизнь индивида, так и идеология групп определяется содержанием общественной жизни, уровнем развития производительных сил, положением классов и групп в обществе и производственном процессе. Дюркгеймовская постановка вопроса приводит к замкнутости в себе идеалистических процессов, самостоятельности их развития, к отрыву от конкретных людей, работающих, мыслящих в конкретной обстановке. Следствием ее было указанное выше своеобразное исправление выводов Канта о доказательности познания, о теории суждений.

В трактовке Дюркгеймом теории суждений мы наблюдаем тот же отмеченный выше скрытый идеализм. Последний налицо в самом делении суждений на два рода. Свое деление Дюркгейм основывает на том, что в одних суждениях высказывается оценка, в других нет. На самом деле всякое суждение предполагает отношение к чему-либо человеку, во-вторых, оно не может пройти мимо конститутивных свойств вещи, об'екта, факта. Наличие этих двух моментов делает излишним какое-либо деление суждений, хотя бы по образцу Дюркгеймовского. Ну, разве есть различия по существу в тех двух примерах суждения, которые приводит Дюркгейм. Как в том, что «я люблю охоту», так и в другом — эта картина имеет большую эстетическую ценность — выражаются и объективные свойства вещи и отношение к ней человека, при чем, конечно, человека общественного, в своих поступках определенного условиями окружающей его среды. Это-

то обстоятельство делает сомнительной теорию суждений Дюркгейма.

Наличие идеалистических моментов в теории познания Дюркгейма обесценивает во многом то положительное, что им было внесено в разработку вопроса о категориях. Это положительное касается его попытки доказать социальное происхождение и содержание категорий. На многих страницах своего труда о социализме, в совместно с Моссом написанной статье и др. Дюркгейм иллюстрирует этнографическими и пр. данными выставленные положения. Мы не будем сейчас касаться всей развитой Дюркгеймом аргументации. Мы вернемся к этому вопросу позднее. Сейчас лишь отметим, что предпринятая Дюркгеймом попытка освещения вопроса о категориях с этой стороны единственна в своем роде. Она заслуживает самого пристального внимания, особенно со стороны современной марксистской мысли. Весь арсенал доводов в пользу социального происхождения категорий, обожженный от идеалистических остатков, сможет служить ценнейшим орудием в борьбе с разновидностями идеализма, в том числе и кантовским априоризмом. Подведем итоги.

Всеполо себя посвятив изучению социальных явлений, Дюркгейм в целях укрепления своих взглядов предпринял переоценку выводов философских направлений. Возражая против метафизики, априоризма, желая утвердить социальную науку на позитивных основаниях, рассматривая социальные явления в их генезисе,—Дюркгейм тем не менее не был последовательным и отдал дань идеализму. Его философия, проникнутая социализмом, представляет своеобразное сочетание континуума с реформированным кантовским априоризмом. Она в substance своем не отделалась от метафизичности. Ее нельзя, даже по утверждению учеников Дюркгейма, сближать ни с материализмом, ни с априоризмом.

Она, по выражению Бугле, «есть усилие укрепить и оправдать новым способом спиритуалистические направления»¹⁾.

Такова философия Дюркгейма. Выяснив ее, мы можем перейти к его социологическим взглядам, в частности взглядам на социологию, как науку.

Принципиальные вопросы современной психологии¹⁾.

А. Лурия.

Современная психология переживает период усиленного строительства, пересмотра самых основных своих положений.

Можно сказать, что первая часть работы—расчистка почвы для новых направлений и систем—уже проделана, и в области психологии мы сейчас уже сталкиваемся с выросшими и окрепшими школами, спаянными внутренней дисциплиной и ведущими оживленную дискуссию друг с другом.

Уже сравнительно давно классическая «школьная» психология стала лишь предметом, излагавшимся с университетских кафедр; актуальность ее проблем была совершенно утеряна. Описание состояний сознания, процессов ощущения, восприятия, представления, умозаключений и т. д., детальный анализ субъективной стороны «воли»,—все это перестало интересовать наиболее живых и идущих в ногу с развитием науки психологов. Психология, как наука о сознании, «внутреннем мире переживания»—отжила и уступила свое место новым направлениям.

Потребности жизни, вызвавшие эти новые направления, были прежде всего практические: с расгущим овладением разными сферами жизни, необходимо стало научиться овладевать и человеком, уметь понять и регулировать его поведение. Именно это последнее—поведение человека, живущего в вполне определенных условиях общества—стало основным предметом новой психологии. Развивающиеся требования практической жизни отеснили далеко на задний план задачи углубленного самосозерцания, изучения собственного сознания и т. п.; вместо них выдвинулась задача понять механизм человеческих действий, их мотивы, силы, организующие ответы человека на требования, которые ставит ему среда, короче—понять всю механику приспособления человека к среде. Задачи эти совершенно отличны по своему характеру от философски-созерцательных задач, на которые старалась ответить старая психология, проникнутая духом идеализма.

Эти новые жизненные задачи станут нам совершенно ясны, если мы укажем на отдельные практические течения в психологии, вызванные к жизни за последнее время; они существуют, подные сил, и сами по себе предъявляют к теоретической психологии серьезные требования. Психотехника, практически использующая данные психологии, прилагая их к организации полезной человеческой деятельности, медицинская психология, из-

¹⁾ Примечание редакции. Редакция помещает статью тов. Лурия, как выдвигающую ряд интересных проблем по применению диалектического метода к области психологии.

Под Знаменем Марксизма.

¹⁾ Sociologie et Philosophie, предисловие, 15.

учающая механизмы поведения у больной личности и строящая на этом основании систему психического воздействия на больного; педагогическая психология, изучающая особенности поведения ребенка и строящая рациональную систему педагогического воздействия; наконец, криминальная психология, психология коллектива, учение о поведении животных—все эти области становятся актуальнейшими областями приложения науки к практике.

С таким расширением об'ема психологии, с включением в нее новых об'ектов—ребенка, душевно- и нервно-больного, преступника, наконец, коллектива,—конечно, падает и основная установка и основной метод старой психологии. Теперь нас интересует не сознание человека и его состояния, но механизмы человеческого поведения; на задний план отходят попытки изучать субъективные «явления человеческой психики», выдвигается задача объективного познания основ человеческого поведения, ведущего не только к описанию, но к об'яснению, пониманию этих процессов.

Вокруг этих основных проблем и располагаются главнейшие течения современной психологии.

Перестройка и горячее обсуждение основных вопросов психологии развиваются особенно горячо вокруг проблем: чем является поведение человека и какие принципы должны положить в основу его изучения?

Как мы должны изучать поведение человека, чтобы изучить его объективно?

Первая проблема стала основным принципиальным вопросом в психологии последнего времени и, особенно—в новой немецкой психологии, вторая—актуальнейшим ядром психологии американской и русской. Остановимся пока на первой из них.

Современные психологи в общем и целом все согласны с тем, что психология изучает поведение человека и его отношение к среде. Психическая деятельность с этой точки зрения отвечает задачам организации человеческого поведения и является системой, приводящей в порядок и руководящей приспособлением человека к среде.

Если это так, то на первый план выдвигаются вопросы: как же изучить эту организованную систему поведения? Какие принципы должны лежать в основе этого изучения? Как сконструирована эта система поведения? Распадается ли она на отдельные мелкие элементы или же составляют цельную, неразложимую систему? Организована ли она по принципу механическому, или же принцип ее организации приближается к органическому?

Эти вопросы стоят сейчас в центре психологических дискуссий Германии и занимают видное место среди спорных вопросов новой психологии вообще.

Направление, выдвинувшее их на первый план и создавшее совершенно новый и своеобразный подход к ним, сформировалось в Германии 6—7 лет тому назад под именем «Gestaltpsychologie»¹⁾.

¹⁾ Первый том журнала этого направления «Psychologische Forschungen» появился в 1922 году. Отдельные работы основоположников этого направления появлялись, конечно, гораздо раньше.

Старая школьная психология решала эти вопросы совершенно определенно. Для нее психика складывалась из отдельных элементарных психических процессов. Она знала такие отдельные элементы психики, как ощущение, чувство, волевые импульсы и т. д. Из них путем их ассоциаций (соединений) складывались более сложные единства восприятий, представлений, понятий, настроений и т. п. Сложные психические процессы являлись таким образом механическим соединением простых элементарных единиц. Так, например, представление о яблоке, по мнению старых психологов-ассоциационистов, складывалось из представления круглого — представления красного — вкусового ощущения определенного вида — словесного представления — обозначения яблока и т. д. Точно так же рассматривались и акты поведения. Так, любой акт поведения рассматривался, как представление, связанное с волевыми импульсами, связанное с чувственным тоном и т. д. Если два каких-либо процесса, например, восприятие красного цвета и неприятное чувство совпадали несколько раз, то такого одновременного сосуществования их было, по мнению психологов этой школы, достаточно, чтобы они тесно связались друг с другом, несмотря на то, что связь эта была чисто-механической, внешней и лишней всякой внутренней целиности, всякого биологического или иного смысла. Даже к самому понятию личности ассоциативная психология подходила также механически, определяя ее, как систему связанных между собой чисто механической связью психических элементов.

Конечно, эти крайние выводы ассоциативной психологии вели к тому, что уже давно начались попытки исправить эту систему, избежать бессмысленной механическости соединений, положенной в ее основу. Вудт ввел для этого понятие апперцепции, как силы, которая является активной в личности и определяет направление этих механических соединений. Однако это не спасло положения, так как поправка оказалась сама очень сомнительного и непринципиального характера: при ближайшем рассмотрении оказалось, что так универсально поставленная апперцепция реально не существовала, что это было лишь новое название для некоей активной сущности—воли, души и т. д., и самое здание психологии оставалось попрежнему висеть в воздухе.

Несмотря на такие неудачи ассоциативной психологии, и в последнее время всплывали системы, которые оперировали другим материалом, чем психологи-ассоциационисты, но заимствовали от нее целиком все ее принципы и все ее построение.

Типичным примером может служить современная рефлексология, не признающая никаких иных видов поведения, кроме рефлексов и созданных на их основе условных образований (исходящих опять-таки из совпадения в одновременности двух явлений-нибудь, хотя бы совершенно чуждых и не имеющих отношения друг к другу агентов), и пытающаяся из них построить не только первый простейший этаж, но и все здание психологии. В результате получается, что рефлексология доводит до логической крайности положения старой ассоциативной психологии, утверждая, что все поведение человека может быть сведено к механическим соединениям механически создавшихся условных

рефлексов, т.е. того, что в старой психологии было хорошо известно под именем ассоциации по смежности.

Эти положения явились исходным пунктом для резкой критики со стороны нового направления немецкой психологии.

Новые немецкие психологи — мы укажем здесь на W. Коэльгера¹⁾, M. Wertheimer²⁾, K. Koffka³⁾, к которым — независимо от них — присоединились некоторые американские авторы⁴⁾ — исходят из того, что мы должны прежде всего заняться целевой личностью, как органическим единством, и не только потому, что таковы требования жизни, но и потому, что психика представляет собой целостный и неразложимый процесс, целостную и несводимую к элементам систему поведения.

Конкретный пример покажет нам основную точку зрения этих авторов. Как они полагают, делая подобное утверждение, мы вовсе не впадаем в витализм или родственное ему положение, говорящее, что такая органичность, цельность и неразложимость являются специфическими признаками жизни и психики⁵⁾. Нет, оказывается, что этот характер свойственен и не только жизненным и психическим процессам, но и широкому классу физических явлений.

Возьмем, например, простой мыльный пузырь. Сколько бы мы ни пробовали разложить его на части, вырезать из него кусочки, разрезать его пополам и т. д. — это нам не удается. Мыльный пузырь оказывается «замкнутой системой». Он или существует как он есть, или лопается и превращается в брызги, если мы неосторожно прикоснемся к нему. Любое химическое соединение, состоящее из определенных количественных соотношений веществ, представляет собой такую же систему, недопускающую механического привлечения или убавления какого-нибудь вещества без того, чтобы не была изменена качественная сторона системы.

Возьмем любые естественные процессы; взглянувшись в них с этой точки зрения, мы должны будем признать, что здесь мы встречаемся с конкретным проявлением глубоко формулированного диалектической философией положения: с нарастающей сложностью того или иного процесса, на каждой новой ступени мы получаем новую замкнутую систему, новое качественное единство.

Точно то же мы видим и в явлениях, связанных с деятельностью психики.

Возьмем для примера форму треугольника. Можно ли сказать, как сделали бы это представители ассоциативной психологии, что форма треугольника состоит из восприятия трех

¹⁾ W. Koehler. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. 1921.—Die Physische Gestalten. 1920.—Gestaltprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie. Jahresbericht d. ges. Physiologie. 1922.

²⁾ M. Wertheimer. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. 1925.—Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt. Psychol. Forschungen, II, IV.—Über die Gestalttheorie, Symposium, I, 1925.

³⁾ K. Koffka. Grundzüge der psychischen Entwicklung. 1921, и статьи в Psychologische Forschungen.

⁴⁾ Cp.-W. White. Foundations of Psychiatry, книга которого построена целиком на этом принципе. Cp. также M. W. Calkins. Critical comments on the "Gestalt-Theorie". Psychological Review, 1926, vol. 33, № 2.

⁵⁾ Об отмежевании от витализма см. особ. работу Koehlera—«Die Physische Gestalten» и «Gestaltprobeem»... цит. изд.

линий, линии А, линии В и линии С? Очевидно, нет, так как при удалении одной линии распадается весь треугольник, и остаются две линии, ничего общего с треугольником не имеющие. Попробуем взять какой-нибудь мотив, самый простой, и удалим из него какую-нибудь часть, — и мы потеряем самий мотив, как целое. Оказывается, эти психические процессы так же мало складываются из элементов, как и указанные выше физические процессы: и те и другие образуют некоторые замкнутые системы, некоторые индивидуальные, органические единства.

Значит ли это, что здесь нарушается закономерность этих явлений? Как раз наоборот: только с признанием такой структуры этих явлений можно говорить об их полнейшей закономерности, имеющей категорический характер и, видимо, подчиняющейся каким-то, наиболее основным законам, руководящим структурой материальных процессов.

Если мы подобно психологам-ассоциационистам мыслим себе психический процесс, как результат ассоциации, соединения любых элементарных актов, — мы должны будем с необходимостью допустить возможность любых случайных комбинаций; исходя из положения, что любой психический (как и физический) процесс оформлен соответственно определенным необходимостям (немецкие психологи называют их «Gestaltfaktoren»), мы должны будем признать полнейшую закономерность и детерминированность этих процессов. Если мы представим себе три линии, расположенные по типу незамкнутого сверху треугольника (пример Кофка), то мы воспримем их не как три отдельные линии, но как неоконченный треугольник, при чем последний угол его с необходимостью должен быть не таким удобно, но равным двух нижних углам, если те равны между собою. Если мы рас-

положим пять точек по дуге определенного радиуса, то шестая точка, присоединенная к ним, должна лежать не где угодно, но опять-таки в сфере этой, детерминированной данной системой, дуги. Не механическое, но закономерное «органическое» соединение является, по мнению ученых этой школы, принципом, по которому строится наша психическая жизнь и наше поведение.

К чему же сводятся, в конечном счете эти «факторы формы», чем определяется этот органический принцип оформленности в приложении к человеческому поведению?

Мы определили уже выше предмет психологии, как изучение человеческого поведения или, иначе говоря, отношения человека к среде. Это отношение человека к среде и является фактором, определяющим те формы, в которые выливается его поведение. В наиболее глубоких случаях эти найденные формы поведения человека и среды откладываются в виде изменения структуры организма (это обосновал еще Hertwig в своем биогенетическом законе), в менее глубоких случаях мы не получаем изменения анатомических форм, но получаем вполне определенное оформление функций, иначе говоря, вполне определенное оформление психики.

И в этом случае в построении психологии личности мы должны идти не от элементарного к сложному, не путем меха-

нического соединения элементов к сумме-целому, но скорее наоборот—от взаимоотношения организма, как целого, и среды к отдельным частным процессам поведения. Этую мысль прекрасно формулировал американский биолог Child,—после длительных экспериментов пришедший к выводу: «не клетки создают организм, но организм создает клетки»¹⁾.

Итак, немецкие психологи приходят здесь к выводу, который парадоксально можно было бы формулировать, чтобы «сложное было раньше простого», т. е. что сложная система, представляющая собой цельный организм, оформившаяся в своем взаимоотношении со средой—уже в дальнейшем, при наличии соответствующих условий, может дифференцироваться и развивать частные, элементарные функции. И второй вывод, к которому склоняются новые немецкие психологи, нет и не может быть ничего в организме, что не имело бы определенного жизненного смысла, т. е. что не было бы необходимым следствием сохранения равновесия организма и среды, что не отвечало бы раньше или теперь требованиям приспособления к жизненным условиям. Мы должны отметить здесь же, что этот последний вывод новых немецких психологов только по виду может нам напомнить наивную телеологию: на самом же деле, утверждение это сводится к тому, что цельная замкнутая система, в которую входит человек, система «организма-среда» требует сохранения равновесия отдельных частей, точно так же, как фигура незамкнутого треугольника требует угла в 60°, если сумма двух и имеющихся равна 120°; такое сохранение равновесия совершается с полной закономерностью и лишь имеет внешне вид «целесообразности», телеологичности. На самом же деле этот процесс, будучи насквозь закономерен, так же далек от примитивной телеологии, как и от примитивной «механическости».

Остановимся на примере анализа поведения человека с этой точки зрения. Уже давно одним из наиболее спорных вопросов был вопрос об отношении инстинкта и рефлекса и их месте в организации поведения человека. Одна группа ученых полагала, что инстинкт вполне разложим на сумму рефлексов, что он составляет лишь цепь рефлексов и что в конечном итоге из таких рефлексов состоит и все поведение организма. Сторонниками такого взгляда выступил, напр., американский ученый Thorndike²⁾, основавший теорию, сводившую инстинкт к «цепному рефлексу»; к этой же точке зрения присоединяются и русские физиологии школы И. П. Павлова. Тот характер цельного действия, который мы привыкли приписывать инстинкту, складывается, по мнению этих ученых, из цепи частичных ответных движений: биологически целесообразное действие инстинкта разлагается на ряд механических рефлексов, из которых каждый может и не иметь такого характера целесообразности. Так, животное, охотящееся за добычей, по мнению этих ученых, представляет собой цепь рефлекторных движений: запах добычи возбуждает движения подкрадывания; эти движения подготовляют движения прыжка и разрывания на части и т. д. Пробы и неудачи, много-

¹⁾ Child. The Basis of Physiological Individuality in Organisms. Science, April 1916.—Individuality in Organisms, 1915 и др.—Ср. Ritter W. E. The Unity of the Organisms or the organismal Conception of Life. Boston 1919.

²⁾ Thorndike. Educational Psychology.

кратные повторения, вырабатывают все новые и новые реакции, делающие инстинкты пластичными.

Другая группа ученых—и к ней принадлежит и новая немецкая целостная психология—не удовлетворяется таким разрешением вопроса. Эти ученые констатируют, что в то время, как рефлексы являются механическим ответом, движением какой-либо определенной части организма,—инстинктивная деятельность имеет сложный и целостный характер. Ее трудно разложить на какие-то отдельные куски, части. Характерной для нее является не выполнение тех или иных движений, но выполнение определенной задачи, определенное приспособление организма к среде в указанном выше смысле. Такое «осмысленное» приспособление организма, как целого, является, по мнению этих ученых, первичным потому, что первичное могло возникнуть лишь, как организованый ответ на нарушенное равновесие организма и среды, имеющее целью восстановить это равновесие. Такая жизненная форма приспособления быть может и совпадала у простейших организмов с рефлексом или тропизмом; у более же сложных организмов первичным и основным является именно такое целостное поведение, приспособление всей системы, отдельные же рефлексы могут появиться, как «рудименты», части, отложения этой системы, точно так же, как из произвольной деятельности могут при повторении получаться автоматические действия¹⁾. Именно эти «спонтанные» и имеющие биологический смысл в жизни организма, а не искусственно воспитанные действия составляют важнейшие виды поведения.

Итак: сводятся ли инстинкты к рефлексам? И да, и нет. Да,—в том смысле, что при искусственном анализе всегда можно разложить инстинктивное действие на ряд отдельных его частей, но тогда мы потеряем самое своеобразие этого действия; нет—в том смысле, что усложняющая среда, образуя новую сложную «замкнутую систему»—требует у высших организмов таких видов поведения, которые по своей целостности являются качественно новыми образованиями, совершенно своеобразными видами приспособления, соответствующими именно данной ступени живых организмов.

К подобным выводам новые немецкие психологи пришли после ряда наблюдений, сделанных особенно с целью выяснить вопрос, сводится ли сложное организованное поведение к простой механической комбинации простых движений, или же оно руководится иными принципами. Выяснению этого вопроса посвящены классические опыты Коэхлерса с исследованием сложной психической деятельности у шимпанзе. Они еще раз покажут нам основные принципы новой целостной психологии и помогут нам разобраться в ее методах.

Коэхлер поставил себе целью исследовать, является ли сложное поведение обезьяны, решение ей каких-либо новых для нее ситуаций, простой комбинацией ранее приобретенных привычек и рефлексов, результатом механического и случайного их соединения,—или же сложное поведение обезьяны представляет собой своеобразную цельную систему приспособления, не сводимую к простой комбинации привычных реакций.

Опыты были задуманы Коэхлером очень своеобразно. Он не

¹⁾ Koehler. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen, цит. место.

исходил из простых раздражений каких-нибудь частей первичной системы и не ставил животное в положение искусственного опыта, с искусственно выделенными рефлексами; он решил использовать биологически естественную, целостную установку, вызвать у обезьяны какое-нибудь сложное спонтанное действие, поставив, ее в трудные, но руководимые определенной целью условия. Так, например, он подвешивал к потолку клетки, где находилась обезьяна, пучек бананов, которые обезьяна не могла достать. В клетке, однако, находились ящики, при помощи которых, поставив их один на другой, обезьяна могла достать плоды. Можно было ожидать, что после долгих «шагов и ошибок», путем совпадения, обезьяне удастся достать плоды и, нарастающие по своей успешности сочетания реакций, наконец, дадут удачное решение задачи. Подкрепляясь затем безусловным раздражителем—эта комбинация закрепится в новое привычное действие.

Опыт показал, однако, что в данном случае мы получаем совсем иные результаты. С начала опыта обезьяна проявила большое беспокойство, сильное возбуждение и массу беспорядочных и бессмысленных движений («типеркинг»), абсолютно не помогавших ей. Она десятки раз прыгала вверх, срывалась и не достигала цели. Однако она затем обычно застыла, оставалась некоторое время в неподвижном состоянии и затем прямо, без дальнейших проб шла к ящикам, ставила их друг на друга и доставала плод. То же самое повторялось и в других подобных же опытах. Характерно, что в дальнейшем уже никогда не требовалось подкрепления этого нового вида поведения, раз полученное решение задачи уже не забывалось.

В этом опыте характерно, что решение получается отнюдь не случайно, что с предъявлением более трудной задачи мы получаем у обезьяны как бы принципиально, качественно новую форму поведения, отнюдь не получаемую комбинацией и настройкой прежних простых и привычных форм, но достигающую как бы «взрыва» с предварительной задержкой всей деятельности. Этот новый вид поведения оказывается до того устойчивым, что уже не подчиняется законам привычных действий, не забывается и не угасает, но продолжает непрерывно существовать как раз достигнутая новая система поведения.

С усложнением ситуации мы получаем таким образом новый вид поведения, возникающий как бы скачкообразным переходом и характеризующийся некоторой видимой «смысленностью», своеобразием и цельностью своих форм.

Сложное организованное или—как говорят немецкие авторы—«интеллектуальное» поведение—как оказывается отнюдь не может быть построено из механического сочетания простых низших форм поведения. Объясняет сложное интеллектуальное поведение из простой комбинации «рефлексов высших порядков» или «суперрефлексов», как это пытаются делать некоторые авторы у нас,—оказываются биологической наивностью, полнейшим игнорированием элементарных принципов диалектического развития.

Каковы же методологические выводы, которые делают авторы новой немецкой школы? Как нужно нам ставить наш психологический эксперимент для того, чтобы мы не подходили с неправильными принципами к своеобразию нашего материала—человеческому поведению?

Ответ, даваемый на это со стороны «Gestaltpsychologie», вполне определенный. Он исходит из того, что в старой экспериментальной психологии мы, обычно, привыкли выделять какую-нибудь элементарную функцию, которая сама по себе не имеет ни биологического, ни какого-нибудь иного смысла—и исследовать ее, как таковую. Так, например, хорошего тона психологическим экспериментом считалось исследование памяти по методу бесмысленных слов. Для того, чтобы исследовать способность испытуемого к запоминанию как к таковому, не осложненная ее какими-либо «посторонними процессами» (интерес, эмоциональный тон и т. д.)—психологи брали бесмысленные слоги, как напр.:

пум-ляц

мок-гух

рен-сиц, и т. д.

Предполагалось, что запоминание их дает нам действительный уровень «способности» испытуемого к запоминанию; больше того: думали, что достаточно несколько раз повторить эти слоги вместе, как они отложатся в привычных сочетаниях, и что эти сочетания будут моделью всех естественных видов поведения, привычек и т. д. испытуемого. Нужно ли говорить, что исследование такого бессмысленного поведения, как сочетание «пум-ляц», абсолютно не дает характерного материала для понимания естественной психики человека. Человек может быть плохо приспособлен к бессмысленной работе, но при известных условиях, когда ему это нужно, он сможет прекрасно осилить важные для него задачи. С другой стороны, в естественных жизненных действиях, ему приходится обычно следовать совсем другим принципам, чем бессмысленное, механическое сочетание «пум-ляц».

В основу психологического эксперимента должны быть положены совершенно другие принципы.

Психологический эксперимент должен прежде всего быть более естественным. Это значит, что он должен изучать не искусственно отделенные и реально в жизни несуществующие функции, но поставить в центр внимания такие действия и в тех условиях, как они бывают в естественной жизни. Это выдвигает на первый план исследование «смысленных действий», вовсе не в том смысле, что они сопровождаются сознанием или не сопровождаются им (этот вопрос совершенно не интересует новую немецкую школу), но в том смысле, что эти действия имеют для испытуемого вполне определенное значение, направление на осуществление определенной биологической или социальной задачи, ибо именно из таких действий и состоит действительное поведение человека. Ясно, что с этой точки зрения на первый план выдвигается исследование спонганных и цельных кусков поведения, в противоположность искусственным и отрезанным, изолированным кускам, которыми занималась старая психология.

Перед психологическим экспериментом стоит, таким образом, задача—поставить испытуемого в такие условия, не выходящие, однако, за пределы естественных, чтобы он незаметно для себя дал нам характерные отрезки своего поведения, и чтобы эти отрезки поведения были даны именно в тех комбинациях и наложениях, которые нам интересно исследовать.

Несколько примеров покажут нам, как может строиться экспе-

римент, отвечающий этим задачам. Конечно, человека труднее поставить в условия, позволяющие изучать естественные отрезки деятельности, чем обезьяну или другое животное. Однако с некоторыми оговорками это можно сделать.

Попробуем задать себе вопрос, как ведет себя человек, предоставленный сам себе? Какие механизмы поведения он обнаруживает и какие типы поведения мы можем наблюдать здесь? Человек обычно окружен массой вещей, составляющих вместе ту ситуацию, в которой он находится. Каждая вещь сама по себе является для него стимулом, падающим на определенные навыки и побуждающим его к действию. Так, если мы видим телефон и этот стимул падает у нас на почву прошлого опыта — пользования телефоном — у нас возникает тенденция пойти к нему и взять трубку; вид пищи вызывает такую же аппетитивную тенденцию и т. д. Каждая из этих тенденций, в зависимости от характера силы и психической почвы, на которую стимул падает, — имеет определенную силу; тенденции могут бороться и, побеждая друг друга, определять равновесную поведения и переход от одной тенденции к другой. С другой стороны, долгое «употребление» одной тенденции может привести к «пресыщению» данным стимулом и к ослаблению тенденции; задержка тенденции, наоборот, может поднять ее действенность и остроту. Для изучения всех этих отношений психологи новой немецкой школы поставили ряд очень остроумно задуманных опытов, большинство из которых было проведено в самое последнее время. Опишем один из них, поставленный в берлинском психологическом институте¹⁾.

В пустой комнате, где стоит лишь стол и пара предметов, помещается испытуемый. На столе — зеркало, в углу — мантия, на стене — картина. Экспериментатор, задав испытуемому задачу, незаметно уходит из комнаты, сказав испытуемому, что он вернется через несколько минут, а сам проходит незаметно в расположенную рядом кабинку, откуда через перископ или через простое отверстие в перегородке наблюдает за действием испытуемого. Поставленный в ситуацию «ожидания» испытуемый, кончив задачу, оказывается предоставленным самому себе и действию окружающих вещей. Сразу обнаруживаются два противоположных типа испытуемых. Одни погружаются в «себя» и проводят «ожидание» в раздумьях, занятые самим собой (чистка ногтей, насиживание, письмо, чтение газеты или книги), при чем ведут себя более или менее неподвижно; другие — сразу же ориентируются на окружающее, сразу же «заявывают отношения» с окружающими предметами: они берут зеркало, смотрятся в него, затем видят мантию и трогают его, подходят к картине, рассматривают телефон и т. п.; борьба стимулов, пресыщенние ими, переход от одного к другому, смена тенденций и ее условия, — все это обнаруживается здесь с достаточной четкостью. Еще одна интересная деталь: оказывается, вещи влияют на человека не всегда одинаково, но опять-таки в зависимости от того, в какую «ситуацию» они были включены; зеркало, будучи положено на стол, вызывает тенденцию взять его, чтобы посмо-

¹⁾ Опыты с приложением основных точек зрения «Gestaltpsychologie» к вопросам психологии поведения проходят теперь под руководством талантливого исследователя д-ра K. Lewin'a в Берлинском Психологическом Институте. Приводимый опыт взят из исследования д-ра Fränkel'а.

треться; то же зеркало, будучи включено в задачу: направить «зайчика» в определенное место стены, приобретая функцию рефлектора, уже никогда не вызывает этих первоначальных тенденций, оно психологически приобретает совершенно новый смысл.

Мы могли бы привести еще несколько примеров, поставленного с точки зрения целостной психологии эксперимента, однако не хотим затруднять читателя лишними примерами. Для всех этих опытов характерен прежде всего этот характер «ловушки»: испытуемому дается определенное задание, с тем расчетом, что во время исполнения его выявится, незаметно для испытуемого, какой-нибудь механизм поведения, который можно было бы наблюдать в желаемых условиях; прессыщая им испытуемого, обрывая тормоза его, содействуя ему или ставя ему препятствия, помагая его на изменения и вызывая новые комбинации, — мы получаем возможность прослеживать и изучать эти целостные, встречающиеся в жизни, формы поведения и их соотношения¹⁾.

Каковы, однако же, трудности, которые встречаются на пути такого метода, исходящего из принципов целостного и естественного исследования личности? Конечно, мы должны здесь же признать, что он не лишен существенных недостатков, которые, правда, скорее следует обяснить новизной задач и молодостью самой методики.

Ведь в самом деле, приведенные нами опыты допускают, прежде всего, «описание наблюдаемых действий и лишь констатирование их самых общих взаимоотношений». Целостный подход пока не допускает количественного выражения наблюдаемых явлений и оставляет пока проблему далеко от ее точного разрешения. Анализ очень остроумно и правильно вызванных отрезков естественного поведения остается пока почти так же труден, как и анализ отрезков непосредственно наблюдаемой жизни. Именно поэтому на такой почве возникает возможность самых разнообразных толкований наблюдаемых явлений.

Однако мы говорим, что эти недочеты являются пока характерными для такого целостного подхода к человеческой психике; можно думать, что с дальнейшим развитием метода мы подойдем к возможности по-новому, объективно анализировать естественные отрезки поведения и, анализируя, вскрывать их количественную сторону, не нарушая этим цельности и своеобразия изучаемых нами систем. Можно думать, что на помощь в этой задаче придет к нам диалектический подход к явлениям, который учитывает, что каждая новая ступень развития дает новые и совершенно своеобразные формы, новые виды поведения и реакций организма, но который в то же время понимает, что эти новые и своеобразные формы при умелом анализе можно вынести из лежащих в их основе количественных изменений.

Новая немецкая психология дает нам блестящие иллюстрации первой части этого положения; будем надеяться, что науке удастся со временем подтвердить на материале поведения человека правильность и второй части диалектической тезы.

¹⁾ Мы считали бы необходимым отметить, что этот тип эксперимента близко подходит к «естественному эксперименту» Лазурского.

ТРИБУНА

Марксизм в современной психологии.

[Окончание]¹⁾.

В. Струминский.

в). Как для защиты идеалистических позиций могут быть использованы марксистские авторитеты? Для обоснования одной из основных своих позиций, выражавшейся в трактовке психики, как свойства, как субъективной стороны материи, проф. Корнилов ссылается на целый ряд выдающихся марксистов, которые дали авторитетный пример такого именно понимания психики. Этот очень важный момент в аргументации проф. Корнилова нуждается в тщательной проверке.

Действительно, в марксистской литературе психика по давней традиции является свойством высокоорганизованной материи, при чем такая характеристика упрочивается в противовес тенденции трактовать психику, как движение. Так, В. И. Ленин в своей polemике с эмпириокритицизмом определенно утверждал, что взгляды материалистов состоят «не в том, чтобы выводить ощущение из движения материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (изд. соч., стр. 39). А незадолго до этого Плеханов в своем предисловии к «Фейербаху» Энгельса столь же решительно разъяснил, что материалисты вовсе не пытаются во что бы то ни стало свести психику к движению материи. «Если Прислей умел, что материя имеет свойство ощущать и думать,—писал Плеханов,—то уже из этого видно, что материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи, как это говорят за него его противники. Для материалиста ощущение и мысль, сознание, есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознания к движению и не обяснял одного другим. Если материалисты утверждали, что материя способна ощущать и мыслить, то эта способность материи им казалась таким же основным, а потому и необъяснимым ее свойством, как и движение» (стр. 9—10). К аналогичным утверждениям и справкам Плеханов неоднократно возвращался в ряде других своих работ. Таким образом, традицию определять психику, как свойство организованной материи, нужно считать выраженной совершенно определенно и с нею необходимо считаться. Но в то же время ясно, что необходимо подойти к ней диалектически: а) уяснив ее полинный смысл и б) учитывая те условия и обстоятельства, при которых она установилась. Нельзя представлять себе дело так, что, раз сказано, хотя бы и величайшим авторитетом, что мысль есть свойство организованной материи, то это утверждение в такой именно форме должно оставаться на все века, как оконч-

¹⁾ См. № 3, 1926 г.

тельное достижение, исключающее другие возможные формулировки и определения того же. Не следует забывать, что любая формулировка может изменяться и совершенствоваться, не отступая в то же время от духа данной доктрины. Кроме того, следует иметь в виду, что если та или иная формулировка была достижением в одну эпоху, то сохранение ее в неизменном виде на будущее время очень часто может означать уже не прогресс, а застой мысли и даже движение назад, особенно в тех случаях, когда, как в настоящем, материалистическую формулу пытаются использовать для обоснования идеалистического уклона в психологию. В виду этого необходимо уяснить, в чем заключается действительная ценность формулы, определяющей психологию, как свойство организованной материи, и при каких условиях эта формула обращается в свою противоположность.

Рассматриваемая формула, как это хорошо показал Плеханов, может считаться общепринятой формулой философов-материалистов XVIII и XIX ст. ст. Нужно признать бесспорным, что она представляла собой ясный и четкий материалистический лозунг, выдвинутый в противовес другому идеалистическому лозунгу, рассматривавшему бытие, природу, как продукт сознания его свойства, а также в противовес дуалистическому представлению, мыслившему материю и дух, как две различные субстанции. Для теоретической мысли того времени представлялись следующие возможности: а) признание раздельного существования материи и духа (дуализм); б) утверждение их тождества, дававшее в одинаковой степени выход как к идеализму, так и к материализму; в) утверждение их единства при условии сохранения первичного значения за духом (идеализм); то же утверждение единства при условии признания первичного значения за природой (материализм). Только раскрытие этой последней возможности дало надежную материалистическую точку зрения. Первая и третья для материализма были абсолютно неприемлемы. Но большой соблазн могла представлять третья возможность—возможность признания тождества материи и духа, их идентичности. Объявляя тождество материи и духа, можно было как-было легко разрешить проблему дуализма. На самом деле это было скорее ее неловкое разрушение, чем решение. С одной стороны, тождество могло быть истолковано и в пользу идеализма, так как можно было мыслить материальный мир процессом, совершающимся в абсолютном духе, как это мыслил, напр., Гегель, представлявший природу и событием абсолютной идеи. С другой стороны, самому материализму такое безоговорочное отождествление духа и материи не давало ничего положительного, так как ровно ничего не объясняло в сложной цепи явлений, начинавшихся простейшими материальными процессами и кончавшихся высшими проявлениями духовной жизни. Поскольку материализм выливался в форму только что указанного признания тождества материи и духа, поскольку это обстоятельство давало легкую возможность для торжества над материализмом со стороны его противников. Последние всегда могли сказать и говорили, что материализм, вместо подлинно научного обяснения процессов природы, дает чисто словесные «челки» на тождество материи и духа, за которыми не скры-

вается реального понимания, в чем именно выражается это тождество, на какие именно материальные движения может быть разложена высшая духовная деятельность. Таким образом, применение второй формулы, провозглашавшей тождество материи и духа, грозило большими опасностями для материализма как в чисто философском, так и в естественно-научном смысле. Вот почему, пытаясь отгородиться от этих опасностей, они и утверждают, что материализм не сводит психики к движению, что эту тенденцию приписывают ему его противники. В действительности материализм осторожнее: он всего только и утверждает, что сознание есть свойство организованной материи. В свою очередь материю представители материалистического миросозерцания рассматривают, как первичную реальность, которая в процессе своего развития порождает то, что мы называем духом. Этого вполне достаточно, чтобы мыслить мир монистически и не переворачивать его вверх ногами в своей мысли, как это делают идеалисты. Что же касается вопроса о том, как к ощущение возникает из материи, каким образом то, что мы называем психикой и что представляется необъяснованно сложным и уточненным по своим проявлениям, заложено в простейших материальных формах,—объяснить это пока ни один материалист не берется по той простой причине, что для этого нужен материал, еще не добывший наукой. Таким образом, выражение о психике, как свойстве материи, является пока что только актом научной осторожности, а вовсе не декларированием окончательного мнения материализма о том, как следует мыслить сознание, психику. Это выражение очень удачно подчеркивает принадлежность сознания к материальному миру, к природе, его единство с природой. В этом его бесспорное достоинство. Для целей декларации материалистического монизма оно подобрано как нельзя лучше. Но оно ничего не дает для понимания того, как к природе производят из себя сознание, психику. И в этом давали себе полный отчет мыслители материалисты. Так, В. И. Ленин пишет: «Мах ставит в вину материализму нерешенность вопроса о том, откуда возникает ощущение. Это образчик опроверганий материализма философами и их прихвостнями. Разве какая-нибудь другая философская точка зрения «решает» вопрос, для решения которого собрано еще недостаточно данных?» Именно поэтому материализм, не пытаясь решать на свой страх то, что еще не решено в общенаучном масштабе, для чего нет данных, пока что «в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материи, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи» (цит. соч., стр. 36—37). Аналогично этому оправдывается от введенных на материализм обвинений и Плеханов: «Идеалисты и неокантинцы,—пишет он,—упрекают материалистов в том, что те сводят психические явления к явлениям материальным. Фр. А. Ланге говорит, что для материализма всегда останется непреодолимым препятствием объяснить, как из вещественного движения может получиться сознательное ощущение. Но Ланге, как историк материализма, обязан был бы знать, что материалисты никогда и не обещали дать ответ на этот вопрос. Они только утверждают, что по чрезвычайно удач-

ному выражению Гекслея,—помимо субстанции, обладающей пружинением, нет никакой другой мыслящей субстанции и что подобно движению сознания есть функция материи. Ламеттри, которого считают «грубейшим материалистом», отказывался обяснять, откуда происходит способность материи к ощущению. Он принимал эту способность, как факт, он считал ее в той же мере принадлежащей материи, как и способность к движению» (Предисловие к кн. Деборина «Введение в физиологию мат-зма», Пгр. 1916 г., стр. 32—33).

Итак, называя сознание свойством организованной материи и отказываясь непосредственно свести его к движению той же материи, материалисты: а) делали шаг вперед, найдя выход из дуалистического мировоззрения, б) проявляли величайшую научную осторожность, не спеша с конкретным разрешением вопроса о том, как именно психические процессы могут быть сведены на движения, а предоставляя разрешение этого вопроса времени. Ограничивааясь характеристикой психических процессов, как только свойства организованной материи, материализм обобщал в этом выражении совокупность обнаружений, которые подлежат дальнейшему изучению с материалистической точки зрения, но в значительности самого термина еще не заключало никакого запрета к тому, чтобы мыслить означенные этим термином процессы сводимыми к движению так же, как в значительности термина теплота, которым также означается определенное свойство материи, не заключается препятствий к тому, чтобы мыслить теплоту, как род движения материи, а сам термин, как уже сослуживший свою роль, оставить в стороне. Разница только в том, что теплота, как род движения, уже исследована, между тем как психика, как род движения, только еще должна быть так исследована. Таким образом, термин свойство в применении к психике означает в употреблении материалистов эмпирически еще недостигнутую ступень знания, но не то, что эта ступень не будет достигнута и что на нее не нужно подниматься. Именно поэтому у Плеханова мы нигде не встречаем категорических заявлений о том, что психика не сводима к материи: он дает только исторические справки о том, что материалисты отказывались объяснить, откуда в материи берется сознание, что они считали сознание, как и движение, необъяснимым свойством материи. Эти справки могли говорить только о том, что есть определенные эмпирические границы в процессе объяснения природы, которых не могли перейти даже материалисты, а также о том, что, не имея данных, эти материалисты не пытались их выдумывать и предпочитали сознаться в своем незнании по некоторым вопросам. Но если ставить вопрос принципиально, то разве можно назвать хоть одного выдающегося материалиста, который бы когда-нибудь сказал, что движение и сознание, эти необъясенные свойства материи, так и останутся необъяснимыми? Разумеется, нет. Поэтому В. И. Ленин на вопрос о происхождении ощущения так и отвечает, что материалисты не могут решить вопроса, для решения которого собрано еще недостаточно данных. Собрано недостаточно данных — значит, данные собираются и с каждым днем их количество увеличивается. Таким образом, если эмпирически, за недостатком данных,

териалисты не сводили сознания к движению, а та, кто поспешно и некритически это пытался делать, они обличали в последности и необоснованности их работы, то принципиально перед материализмом все же стоят задача свести психические процессы к материальным. Как скоро эта задача будет осуществлена, об этом ничего нельзя даже гадать, но отказываться от этой задачи—значит изменять материализму. Вот почему, когда Ленин защищается от упреков Маха, что материализм не умеет объяснить ощущений из материи, то он совершенно резонно разясняет, что «не в том состоят вреды материализма, чтобы выводить ощущение из движения материи, или сводить к нему, а в том, что ощущение является одним из свойств движущейся материи» (стр. 39). Но, когда ему же пришлось возражать против идеалистических понятий в естествознании, которые выражались в поспешном упразднении понятия материи, как обективной реальности, и в попытках мыслить движение без материи, он энергично встал на защиту положения, что все в природе есть движение материи. «Мир есть движущаяся материя и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория—по отношению к движениям быстрым... Это (т.-е. движение электронов) много мудрее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени» (стр. 337). И непосредственно за эти сочувственно отзываются о Больцмане, который «не отказывается от идеала науки представить дух и волю, как сложные действия частиц материи». Равным образом, когда Ленин приходится говорить о вульгарных материалистах, он вместе с Энгельсом высказывает им порицание за то, что «они сбивались на тот взгляд, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь» (стр. 39). Но, когда ему приходится защищать принципиальные позиции марксизма, он в признании психики выделением животного организма не видит ничего нематериалистического. Так, Дюринг называл «ощущение, как и вообще всякое проявление сознания и разума, выделением, функцией, высшим цветком, совокупным эффектом и т. п. животного организма». Приведя эти слова Дюринга, Ленин спрашивает: «За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. В этом он в полне сходился с Дюрингом, как и со всяkim другим материалистом» (стр. 285). Таким образом, вульгарность некоторых материалистов заключалась не в том, что они представляли себе мысль выделением материи, а в том, что это выражение они грубо сближали с выделением желчи печени. Очевидно, мозг выделяет мысли иначе, чем печень желчь.

Итак, термин «свойство» в применении к психике ограничено употреблением материалистов эмпирически еще не достигнувших ступеней знания, но не то, что эта ступень не будет достигнута и что на нее не следует подниматься. Но здесь-то и заключается обратная сторона медали. Термин, который продиктован научной осторожностью, может быть сознательно или бессознательно употреблен с целью раз навсегда закрепить то состояние научной мысли, которое этот термин породило. В таком случае самый термин делается уже термином реакционным. И можно очень отчетливо наблюдать ту разницу, которая имеется

между употреблением этого термина у В. И. Ленина и Плеханова, с одной стороны, и проф. Корнилова, с другой стороны. Если для первых этот термин является, как видно из вышеприведенных цитат, только проявлением их научной осторожности, то для проф. Корнилова этот термин звучит, как «научное определение понятия психики». «С точки зрения материализма,— пишет он,— свойство материи обладать психическими особенностями, это—такое же основное и первично-данное, а потому ближе и необъяснимое свойство, как и всякое другое свойство материи» (стр. 14). В сущности это означает, что термин «свойство» употребляется в том же смысле, в каком не так давно употребляли термин способность, предполагая, что применение этого термина к той или иной группе явлений уже и есть объяснение и избавляет нас от дальнейших попыток научного их изучения. В таком случае мы имеем налицо простое злоупотребление термином свойство, влекущее за собой в данном случае проникновение в область психологии старых идеалистических представлений! Группа явлений, не сводимая к основной форме материальных процессов и обозначаемая глухим термином «свойство», производит впечатление чего-то гаинственного и в сущности возвышающегося над явлениями материального мира. По поводу аналогичного злоупотребления термином «свойство» в отношении к организации животного, К. Тимирязев, когда-то удачно заметил: «Целесообразность не свойство, а крайне сложный факт. Синхронно рано произносится слово «свойство» и на деле загораживает науке дальнейший плодотворный путь развития» («Исторический метод в биологии», стр. 35). Позволительно поэтому спросить, не является ли таким же нецелесообразным термин «свойство» в только что разъясненном смысле и в психологии, ставшей на путь марксизма? Ведь, за этим термином в том употреблении, какое из него делает проф. Корнилов, скрывается простой отказ от дальнейшего об'яснения совокупности явлений, обединенных в наименовании «психики». Если классики-материалисты вполне основательно по условиям своего времени и своей борьбы употребляли этот термин и доказывали, что материя «стремится к движению», то обращение этого факта в принцип, устанавливаемый на вечные времена (что было совершенно чуждо марксистам), является немотивированным отказом от научного об'яснения психики, об'явлением ранее всякого исследования ее несводимости к материальным процессам, декларированием своего рода ignorabimus. В лагере буржуазных учёных это декларирование было понятно и когда Дюбуа-Реймон в свое время обнародовал знаменитые семь мировых загадок, в числе которых была и загадка о возникновении сознания из материи, причем разъяснял в своей речи, что решить эти загадки человечеству не удастся никогда, так как их познание недоступно для человеческого разума, то буржуазный мир почувствовал в этих мировых загадках большую отраду для себя, так как понял, что есть еще кой- какие опоры, на которых можно строить мировоззрение, предназначение для одурманивания народных масс. Но спрашивается, по каким побуждениям могут держаться тоже принципа необъяснимости в вопросе о психике мыслившие марксистского лагеря? Мы имеем все основания утверждать, что вполне допустимый, целесообразный и законный тер-

мин свойство в применении к психике превращается при известных условиях в свою противоположность. Иное дело говорить, что психика пока не может быть сведена к процессам движения; иное же дело говорить, что она не сводима к этим процессам. Первое — проявление научной осторожности, второе — общеизвестный идеалистический предрассудок, ничего общего с марксизмом не имеющий. Еще Дицгейн указывал на этот «общераспространенный идеалистический предрассудок, который функцию интеллекта превращает в мистическую и чудодейственную вещь мира. И на самом деле, — продолжает этот автор, — эта вещь, если и стала с течением времени яснее, все же остается еще достаточно тайной. Свободомыслящий проповедник Иероним пишет об этом следующее: «Известнейшие естествоиспытатели современности, как Дуба-Реймон, которые в то же время являются и мыслителями, признали уже, что они не знают, что такое ощущение, жизнь и самосознание и каким образом все это возникает. Итак, мы можем сохранить и впредь свое благоговение, с которым мы до сих пор дивились миру, рассматривали и постигали его... Высшее бытие, самосознание не об'ясняны, таким образом они остаются чудом, единственным, пребывающим абсолютным чудом». Так говорит поп, по отношению к природе являющейся невеждой и превративший удивление и веру в свое ремесло, между тем как у нас речь идет о понимании и знании» («Аквизит философии», стр. 150).

Заканчивая настоящую справку об использовании марксистских авторитетов для идеалистических целей, необходимо отметить, что, поскольку речь идет не о фактической возможности свести психику в данный момент к движению, а о принципиальной стороне дела, для марксиста методологически гораздо целесообразнее утверждать не то, что процессы сознания представляют собой какое-то таинственное свойство, не сводимое к материальным движениям, а наоборот, — что, в конце концов, они должны быть сведены к этим движениям, как явления материальные. Ведь еще Энгельс писал, что «движение есть форма существования материи и именно универсальная форма, так что никогда и нигде не было и не могло быть материи без движения. Материя без движения так же не мыслима, как движение без материи» («Анти-Дюринг», М. 1922 г., стр. 25). Спрашивается, каким образом та самая психика, которая является продуктом материи, может быть мыслима обособленной от основной формы материи — движения? Логически оторвать психику от движения для материалиста немыслимо и именно так подходил к этому вопросу Энгельс. Мысля механическое движение, как частный случай Энгельса. Мысля движение вообще, и утверждая, что «мышление есть то же движение» («Архив К. Маркса и Энгельса», т. 2, стр. 143), он писал, что «мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу» (ib., стр. 29). Возвращаясь к этому вопросу в другом месте, он писал: «Всякое движение включает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частиц материи; познать эти механические движения является первой задачей науки» (ib., стр. 143). Правда, он прибавлял дальше, что решением этой первой задачи не исчерпывается сущность мышления, но это значило

только то, что на первой задаче не нужно останавливаться и продолжать углубление работы. А между тем наши психологи-марксисты отказываются от выполнения даже этой первой задачи, считая ее вульгаризацией материализма. Конечно, в свое время научная осторожность предписывала особую осмотрительность в выражениях и научных построениях, пристекавшую из опасения скомпрометировать основные принципы материалистической доктрины. Об этой осмотрительности не мешает помнить, конечно, и в настящее время, но нужно принимать во внимание и то обстоятельство, что за последние годы и наука все же by-стрыми шагами продвигается к материализму. И если на проявлении всего XIX века говорили о душе, как особой энергии, или на смену этому метафизическому представлению с большими, правда, трудностями пришло эмпирическое представление о непространственных душевных процессах, то сейчас и то и другое уже устарело. Если процесс мысли для всех, кто раньше рассуждал о нем, представлялся чем-то непространственным и бессмертным, то сейчас мы все прекрасно знаем, что мысль есть не что иное, как задержанный рефлекс, а всякий рефлекс есть движение. Если еще в XIX ст. перед психологом стоял неразрешимый вопрос о сознании, как нематериальном факторе, который вторгался в нашу повседневную жизнь, в работу нашего организма, и тогда легко можно было оскальзить себя, утверждая, что сознание сводимо к движению материальных процессов, то сейчас вероятность того, что процессы сознания будут сведены за процессы движения, так же велика, как и вероятность того, что живое будет об'яснено из процессов неорганического мира в среде сотрудников проф. Корнилова интереснейшие сообщения по этому вопросу высказывает Л. С. Выготский). В обоих случаях сделано еще очень мало, но это не основание к утверждению, что ничего не будет сделано, потому что это не может быть сделано. Всякое утверждение в этом роде должно быть безусловно признано реакционным. Первая и основная задача марксистской психологии должна быть мыслима, как задача свести психические процессы к движению материи и еще В. И. Ленин словами Больцмана формулировал «идеал науки предсагивать дух и волю, как сложные действия частиц материи». Всякая попытка задержать движение в этом направлении будет означать только то, что мы идем вспять от марксизма, а не на встречу к нему.

г) Борьба с вульгарным материализмом или отмежевание от друзей слева. Задача отмежевания от врагов справа проф. Корнилов свел, как выше показано, к своеобразной эклектической смеси из марксизма и идеализма, благодаря чему получилась видимость марксистского построения. Он в точности следовал при этом тому рецепту, который чисто эмпирическим путем был выведен для всех подобных случаев еще Плехановым. Плеханов писал: «Что марксизм можно соединить с чем угодно, даже со спиритизмом, это не подлежит ни малейшему сомнению: весь вопрос в том, как можно это сделать. А на этот вопрос всякий мало-мальски толковый человек не может ответить иначе, как указанием на эклектизм. С помощью эклектизма можно «соединить» все, что угодно, со всем, что в голову взбредет. Но эклектизм никогда не приводил ни

к чему хорошему ни в теории, ни на практике» (Из предисловия к «Фейербаху» Энгельса).

Кроме этой, крайне неблагодарной, хотя и представляющей ему сравнительную легкую, задачи, перед проф. Корниловым лежала другая, гораздо более трудная, по его сознанию, задача — отгородиться от друзей слева. Задача эта вызывалась тем, что «материализм, по словам нашего автора, имеет два основных течения: наивный материализм, называемый иногда естественно-научным, механическим, вульгарным, и диалектический материализм, лежащий в основе марксизма. Смещение положений этих двух материализмов вполне легко и возможно, а между тем оно сплошь и рядом ведет к выводам, которые диаметрально противоположны. Наблюдающиеся сейчас такие явления, как полное отрицание каких бы то ни было психических состояний, замена их процессами нервной системы, обектирование этих психических состояний до полного их отождествления с физическими процессами, — все это покоится на сплошном недоразумении и является тем «чересчур-материализмом», который так отчетливо выявил Енчмен» (стр. 91—92). Не будем пока касаться вопроса о том, насколько целесообразно возводить наивный материализм в особое течение в области материалистической мысли. Самое наименование показывает, что здесь нельзя видеть какое-либо сознательное противопоставление, сознательное отклонение от линии диалектического материализма. Нужно думать, что это кажущееся направление является — или результатом недостаточной отчетливости, недостаточной выявленности материалистического мышления, как это имело место в XVIII веке, который все же нельзя мыслить абсолютно не-диалектическим, или результатом вольного или невольного упростительства, которое сознательно никто, конечно, в принципе возводить не станет. Так или иначе то, что называют наивным материализмом, естественно всего рассматривать, как уже превзойденную в настоящем ступень материалистического мышления, превзойденную не в том смысле, что она отменена, а в том, что на новой ступени снята свойственная старому материализму ограниченность, при чем не устранено ни одно его положительное достижение, так что новый, диалектический материализм является только органическим продолжением и развитием прежних форм материалистического мышления. Не о двух течениях, а скорее о двух этапах должна быть речь. Сочиняя однако же два течения в материализме, проф. Корнилов получает выгодную возможность некоторых неприемлемых для него чисто материалистических положений отнести всецело на счет вульгарного материализма, а все те идеалистические пережитки, которые ему желательно удержать и в «марксистской» психологи, рассматривать, как требование нового, диалектического направления в материализме. Уже из только что приведенного отрывка видно, что нашего автора больше всего тревожит перспектива замены психических состояний процессами нервной системы, перспектива полного отождествления этих состояний с физическими процессами. По его взгляду это уже «чересчур-материализм» и ему желательно рассматривать все это, как проявление вульгарного материализма, от которого, как само собой понятно, марксист-диалектик должен возможно тщательнее отгородиться. Отгораживание это проф.

Корнилов производит так: «Наивный материализм, признавая только материю и ее движение (спрашивается, что еще сверх этого признает материализм диалектический? В. С.), всецело сводит в этой материи и движению психику. Наивный материализм дает двоякую формулировку психики: во-первых, — психика есть свойство организованной материи, и, во-вторых, психика есть движение материи. Таковы воззрения на психику наивного материализма... Диалектический материализм всецело принимает первую из двух вышеуказанных формулировок наивных материалистов, что психика есть свойство организованной материи, настолько же резко он отрицает вторую, что психика есть движение материи. Всего отчетливее это можно видеть в трудах наших русских представителей диалектического материализма — Плеханова, Ленина, Бухарина и др.» (стр. 96). Далее идут ссылки на уже разобранные выше цитаты о том, что материалисты не сводят психику к движению, а считают ее необъяснимым свойством материи. Отсылая читателя к этому разбору, мы приведем для сопоставления с заявлениями проф. Корнилова только одну цитату из Плеханова, чтобы видеть, как понимал психику этот бесспорно авторитетный представитель диалектического материализма. «Поскольку мы становимся на монистическую точку зрения, — писал Плеханов, — сам опыт должен решить, какая из двух теорий: идеализм или материализм, лучше обясняет явления, с которыми мы встречаемся при изучении природы и человеческих обществ. И не трудно убедиться, что даже в области психологии, науки, занимающейся фактами, которые могут быть названы преимущественно явлениями духа, мы работаем с большим успехом тогда, когда принимаем в качестве первичного момента природу, а проявление духа рассматриваем в качестве необходимых следствий движения материи». «В наши дни, — говорит агностик Гексли, — ни один человек, понимающий дело и знающий факты, не может сомневаться в том, что принципы психологии содержатся в физиологии нервной системы. То, что называется духовными проявлениями, есть сумма мозговых функций и материальные элементы сознания суть продукты деятельности мозга. Может быть, Кабанье невольно и неизвестно выразился, говоря, что мозг выделяет мысли так же, как печень выделяет желчь, но, тем не менее, взгляд, выражавший эту часть подвергавшуюся осмысливанию формулу, гораздо более соответствует фактам, чем популярное представление о духе, как метафизическом единстве, имеющем, конечно, местопребывание в голове, но столь же независимо от мозга, как телефонист независим от аппарата, на котором он работает» («Очерки по ист. мат.», М. 1922 г., стр. 126—127). Нужно заметить, что все это написано еще задолго до того, как получил блестящее развитие метод обективного изучения высшей нервной деятельности в школе Павлова и, тем не менее, как все это далеко от того идеала, который возводит на диалектический материализм проф. Корнилов, утверждая, что «отождествление психических состояний с физиологическими процессами стоит в прямом противоречии с диалектическим материализмом, являясь выражением взгляда наивного материализма» (стр. 97).

Отгораживаясь от «друзей слева», а с ними вместе и от материализма, проф. Корнилов твердую опору для себя находит в

том обстоятельстве, что наивные материалисты подверглись основательному обстрелу еще со стороны Энгельса. Вслед за Энгельсом и как будто в союзе с ним ведет свою атаку против наивного материализма и проф. Корнилов, что наружно придает видимость обоснованности этой атаке. К этому вопросу следует однако же внимательно присмотреться, так как в процессе рассуждений проф. Корнилова сущность позиции Энгельса все время остается скрытой и оставляет читателя в заблуждении. Действительно, в «Фейербахе» Энгельс достаточно резко, а вместе с тем и обстоятельно говорит о том опошленном, вульгарном виде, который принял материализм XVIII в. в головах врачей и естествоиспытателей и в котором он проповедывался Бюхнером, Фохтом и Молешоттом в пятидесятых г.г. XIX века» (стр. 36 и сл.). Опошленность и вульгарность материализма этих врачей, словно по молчаливому договору, почти всеми принималась и принимается в том смысле, что они сводили психику к материи, к грубым формам обнаружения последней. Не нужно забывать, что есть сорт мыслителей, для которых всякий вообще материализм характеризуется, как мировоззрение грубое и которые готовы видеть вульгарность везде, где только речь ведется о материи, а не о вечных идеалах, неземной красоте, абсолютной истине и т. п. Нет сомнения, что здесь мы имеем дело с одной из разновидностей тех филистерских предрассудков о материализме, которые описывал тот же Энгельс. Материализм известному сорту мыслителей вообще представляется грубым и вульгарным учением, раз он разбивает некоторые идеальные, духовные ценности. Неудивительно, что сведение духовного к материальному давно уже казалось им резким проявлением этого рода грубости со стороны материализма: почему бы не отнести к «бессмертной и «непространственной» душе несколько терпимее и не так уж резко и решительно низводить ее к группе материи? Характеристика «вульгарных материалистов», адресованная Энгельсом Фохту и К°, подоспела кстати. И незаметно сложилось у известной группы мыслителей убеждение, что сводить психику к материи, к движению есть признак вульгарности в материализме, что против такой вульгарности протестовали будто бы сами классики материализма—Маркс и Энгельс. Понятно, что, когда поднялся вопрос о психологии и ее отношении к марксизму, то сторонники перехода психологии на новые позиции, опираясь якобы на Энгельса, определенно заявили, что марксизм-де встает на другую точку зрения, что он не хочет заодно с вульгарным материализмом сводить психику к движению материи.

В виду всего изложенного, было бы крайне интересным присмотреться к тому самому упреку, который в свое время Энгельс послал по адресу вульгарных материалистов в лице Фохта и др. За то ли он их упрекал, что они сводили психику к материи и движению, или за что-либо иное? оказывается, Энгельс совсем и не думал протестовать против основного положения материализма о сведении психики к материи и, значит, к движению. Напротив, это положение очень согласовано с его основной предпосылкой о том, что движение есть форма существования материи. Спрашивается, за что же он обрушивается на материалистов XVIII и XIX в.в., называя их материализм опошленным? Вовсе не за то, что они сводят психику к материи и

значит, к движению (это сведение к движению, как мы выше видели, Энгельс мыслил, как первую задачу научного исследования), а за то, что они были грубо механичны, что находят для себя естественное обяснение в том, что «изо всех естественных наук к тому времени достигла известной степени законченности только механика и именно только механика твердых тел (земных и небесных)—короче, механика тяжести... Химия имела еще детский вид... Биология была еще в пеленках... Исключительное приложение мерила, заимствованного у механики, к химическим и органическим явлениям,—т.е. к таким явлениям, в области которых механические законы хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими, высшими законами,—составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма» (стр. 36—37). Вторая причина, почему Энгельс называет упомянутых материалистов вульгарными,—в том, что они еще не знали диалектики и не понимали исторического материализма внизу, они не двигали поэтому материализма вперед; принимая материализм внизу, они сохраняли его на верху. Все особенности того упрека, который Энгельс направляет по адресу материалистов XVIII и XIX в.в., подробно выясняет В. И. Ленин и к его доводам небезинтересно прислушаться всем, кто ведет речь о вульгарном материализме.

«Энгельс ясное ясного говорит,—пишет В. И. Ленин,—что Бюхнер и К° «не вышли ли в чем за пределы учений их учителей», т.е. материалистов XVIII в., не сделали ни шагу вперед. За это и только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К°, не за их материализм, как думают невежды, а за то, что они не двигали вперед материализма, «не помышляли раньше о том, чтобы развивать дальнешнюю теорию материализма. Только за это упрекает Энгельс Бюхнера и К°. И тут же по пунктам перечисляет Энгельс три основных «ограниченности» французских материалистов XVIII в., от которых избавились Маркс и Энгельс, но не сумели избавиться Бюхнер и К°. Первая ограниченность: «воззрение старых материалистов было механическим в том смысле, что они «применили исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы»... Вторая ограниченность: метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «антидиалектичности их философии»... Третья ограниченность: сохранение идеализма вверху, в области общественной науки, не понимание исторического материализма. Перечислив и обяснив с исчерпывающей вопрос ясностью эти три «ограниченности», Энгельс тут же добавляет: «За эти пределы не вышли Бюхнер и К°. Исключительно за эти три вещи, исключительно в этих пределах отвергает Энгельс и материализм XVIII в., и учение Бюхнера и К°! По всем остальным, более изобличенным вопросам материализма никакой разницы между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, всеми этими старыми материалистами, с другой стороны, нет и быть не может» (стр. 283—285). Дюринг, которого так беспощадно критиковал Энгельс, называет «ощущение, как и вообще всякое проявление сознания и разума, выделением, функцией, высшим цветком, совокупным эффектом и т. п. животного организма. За это ли критиковал Дюринга Энгельс? Нет. В этом он вполне сходился с Дюрингом, как и со всяkim

другим материалистом» (стр. 285). «И Маркс с Энгельсом, и Дицген, — поясняет несколько ниже свою мысль В. И. Ленин, — выступили на философское поприще, когда в передовой интеллигенции вообще, в рабочих кругах в частности, царил материализм. Совершенно естественно поэтому, что не на повторение старого обратили свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т.е. на достраивание здания материалистической философии до-вверху. Совершенно естественно, что они ограничивались в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера, подчеркиванием того, что этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям особенно недоставало, именно: диалектики. Об азбучных истинках материализма, о которых в десятках изданий кричали разносчики, Маркс, Энгельс и Дицген не беспокоились, направляя все внимание на то, чтобы эти азбучные истины не вульгаризировались, не упрощались черезсур, не вели к застою мысли («материализм внизу, идеализм вверху»), к забвению ценного плода идеалистических систем, гегелевской диалектики — этого жемчужного зерна, которого петухи Бюхнера, Дюринга и К° не умели выделить из навозной кучи абсолютного идеализма. Если представить себе сколько-нибудь конкретно эти исторические условия философских произведений Энгельса и Дицгена, то совершенно ясным станет, почему они больше отгораживались от вульгаризации азбучных истин материализма, чем защищали эти самые истины» (стр. 287—288).

Бесспорно установленным нужно считать, таким образом, то положение, что упрек в вульгаризации, направленный Энгельсом по адресу материалистов XVIII и XIX ст. ст., вовсе не означает того, что Энгельс считал их «чересчур материалистами» в смысле проф. Корнилова. Материальность психики и, следовательно, наличность в ней основных свойств материи — это та азбучная истина материализма, в которой как Энгельс и Маркс, так и все материалисты должны в «одинаковой степени сходиться». Тут не может быть никаких градаций между материалистами в степени признания материальности психики. Нельзя устанавливать между ними разницу в том смысле, что одни признают психику материальной в большей степени, другие в меньшей. Одни — «чересчур-материалисты», а другие в надлежащей мере — с соблюдением приличной для благовоспитанного материалиста умеренности и аккуратности. Для всякого подлинного материалиста обязательно полное и безраздельное признание материальности психики со всеми отсюда вытекающими последствиями, потому что основное положение материализма, отличающее его от идеалистических уклонов мысли, как раз к тому и сводится, что кроме материи и движения не существует ничего. Всякая попытка подвергнуть сомнению эту азбучную истину, всякая попытка представить дело так, что психика материальна, но не сводится к движению; что она пространственна, но не в том смысле, что она обладает протяжением; что она есть необъяснимое свойство материи, уже не обладающее общепризнанными признаками материальности, ее субъективная сторона, — всякая такая попытка будет неизбежно играть на руку

идеализму, оставляя для него очень удобные лазейки в той системе, которую современные психологи пытаются подвергнуть реvisioni с точки зрения марксизма. И если в эпоху Энгельса она особенно чувствительной и грозной опасность идеализма верху, то со второй половины XIX ст. дает себя чувствовать выше и опасность идеализма снизу. Этую опасность отметил, между прочим, В. И. Ленин. «Фейербах, — писал он, — был материалист внизу, идеалист вверху», то же относится в известной степени и к Бюхнеру, Фохту, Молешотту и к Дюрингу с тем существенным отличием, что все эти философы были пигмеями и малыми кропотелями по сравнению с Фейербахом. Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропотелями, естественно обращали наибольшее внимание на досгранение философии материализма до-вверху, т.е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали диалектический материализм, чем диалектический материализм, больше настаивали на историческом материализме, чем на историческом материализме... Наши машисты не поняли марксизма, потому что им довелось подойти к нему, так сказать, с другой стороны, и они усвоили — иногда не столько усвоили, сколько заучили — экономическую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т.-е. философского материализма. Получилось то, что Богданов и К° должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они должны бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от дутаного идеализма внизу! «Наверху» у Богданова — исторический материализм, правда, вульгарный и сильно попорченный идеализмом, «внизу» — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» (стр. 398—400). Вот эту опасность идеализма внизу необходимо учитывать всякий раз, когда мы встречаемся с заявлениями вроде тех, которые делает проф. Корнилов, утверждая, что психологу-материалисту необходимо отгородиться от «чересчур-материалистов», поскольку последние идут к отождествлению психических состояний с физиологическими процессами.

Мы не исчерпали бы, однако же, всей суммы доводов, используемых проф. Корниловым для обоснования своей ложной марксистской позиции в психологии, если бы прошли мимо столь явственно подчеркнутого им требования учтывать качественное отличие психики от движения материи, не допускающее самой возможности сведения одной к другому. Сводя психику к материи и ее движению, мы тем самым теряем из виду те ее качественные особенности, которые выделяют ее из ряда других процессов, как именно психику. Вопрос этот требует особыго рассмотрения.

Д) Особая качественность психики и движение материи. Вопрос об особой качественности психических процессов, препятствующей сводить эти процессы к движению, приобретает в настоящее время все признаки злободневности в связи с не так давно прошедшей дискуссией по вопросу о так называемом, механическом понимании природы, как искаженном выражении диалектического материализма. Для нашей цели важно поставить следующие вопросы: 1) как проф. Корнилов

использует учение о качественности психики в смысле аргумента для защиты своего утверждения о несводимости ее к движению; 2) является ли психика особой качественной реальностью и какова роль категории движения в применении к психике.

И. Основная позиция проф. Корнилова по вопросу о качественности психики и ее несводимости к движению в значительной степени уяснена уже в предыдущем. Марксистская на словах эта позиция сводится к тому, чтобы под покровом марксистских идей отстоять прежние позиции субъективной психологии. Проводя точку зрения Плеханова на взаимоотношение сознания и движения, как свойств единой материи, проповедуя вместе с ним их единство и отрицая их тождество, проф. Корнилов в то же время пытается приспособить эту точку зрения для своих надобностей, и если Плеханову было важно, устанавливая единство двух свойств материи, констатировать монизм бытия, то проф. Корнилов, повторяя Плеханова, делает ударение не столько на единстве, сколько на том, что это единство д в у х сторона бытия.

Из аргументов Плеханова следовал вывод о материалистическом монизме бытия, из тех же аргументов в изложении Корнилова следует вывод об электическом дуализме. И учение о качественности психики, и диалектический материализм в целом проф. Корнилов в своем изложении «бернули на защиту позиций субъективной психологии». Разумеется, это могло быть достигнуто только путем искажения и извращения тех самых марксистских доктрин, которые постоянно фигурируют в его изложении. Попытаемся коротко рассмотреть основные аргументы проф. Корнилова, построенные им на основе учения о качественном отличии психики от движению материи.

Первый из этих аргументов представляет своего рода доказательство от противного. Выступая вместе с Плехановым, противником учения о тождестве психики и движения, проф. Корнилов пытается доказать, что, если мы признаем, хотя бы на мгновение, учение о тождестве, мы неминуемо скатимся к идеализму. «Почему диалектический материализм отрицает сведение психики к движению материи? Это отрицание зиждется на том, что свести психику к движению материи это значило бы отождествить психику с другими свойствами материи, это значило бы прийти к учению о тождестве сознания и бытия, что стояло бы в прямом противоречии с основной теоретико-познавательной предпосылкой диалектического материализма, которая сводится к признанию единства субъекта и объекта, а вовсе не тождества их» (стр. 96—97). Проф. Корнилов пугает нас страшными словами о тождестве сознания и бытия. Но от этих слов делается страшно только на один момент. Оглядываясь, читатель сразу же сообразит, что для представителя субъективной психологии, конечно, очень нежелательно терять так скоро самостоятельный объект своего исследования и сливать его с бытием. Поэтому тождества сознания и бытия он боится не столько из-за диалектического материализма, сколько из-за тех печальных перспектив, которые это тождество открывает перед психологией, как самостоятельной наукой. И уже Плеханов констатировал, что не всякое тождество ведет обязательно к идеализму.

шому. Относительно немецкого физиолога, А. Фореля, который назвал свою теорию «психо-физической теорией тождества», Плеханов заметил, что «тождество в смысле Фореля не имеет ничего общего с тождеством в идеалистическом смысле» («Основные вопросы марксизма», М. 1922 г., стр. 27). Тождество тождеству, таким образом, ровно. Если бы кто-нибудь стал говорить, что те вещи, которые мы воображаем в своей мысли, совершенно тождественны с вещами, существующими в действительности, или общее — то бытие вещей в мысли равносильно бытию их в действительности, — это тождество между мыслями и бытием было бы действительно признаком идеализма. Но когда говорят, что мысль, отражающая действительность, имеет ту же природу, что и сама эта действительность, то пока что в таком признании тождества ничего идеалистического нет. А ведь вопрос о сведении психики к движению материи никаких других целей не преследует, кроме как показать единство природы тех материальных вещей, которые нас окружают, и того аппарата психики, который эти вещи отражает. Представим себе, что речь идет о зеркальном отражении какого-либо предмета и о самом отражаемом предмете. Мы ни на одну минуту не упускаем из виду, что отражение имеет вторичный и обусловленный характер, что его нельзя по содержанию отождествлять с отражаемым предметом, что этот последний есть подлинная реальность, отражение же — связанные с целым рядом условий фикция. Несмотря на все это, если бы был поставлен вопрос о природе отражения и отражаемого, едва ли бы кто стал возражать против утверждения, что и то и другое можно свести к одному и тем же общим для всего мира физическим законам, что и то и другое по своей природе тождественны. Точно так же, когда психику сводят к движению, то этим вовсе не желают дать тождество каким бы то ни было идеалистическим взглядам, а желают только обосновать ту мысль, что тот психический механизм, который имеет своим назначением отражать окружающий нас материальный мир, имеет одну с ним природу, так как само отражение возможно только при условии тождества отражаемого и отражающего аппарата. Разумеется, такое тождество ничего общего не может иметь с тождеством мысли и бытия, которое проповедывал идеализм. С другой стороны, при таком утверждении ни на одно мгновение не пускается из виду тот основной признак материалистического мировоззрения, который установил еще Энгельс, а именно, что первичное значение принадлежит природе, вторичное — ее отражению в человеческой голове, духу. Таким образом, проф. Корнилов совершенно напрасно и, пожалуй, преждевременно пугает нас перспективами идеализма.

Целый ряд новых аргументов почертает наш автор из другой идеи — о единстве сознания и движения, как свойств материи. Нельзя отрицать, что идея эта в тех условиях, в которых она была создана, является наиболее целесообразной и наиболее в научном отношении осторожной. Нельзя, однако же, признать правильным то употребление, которое из нее делает проф. Корнилов. Если идея создана для подчеркивания единства двух свойств материи, то Корнилову наиболее ценным в идеи представляется возможность осознать через ее посредство «различие в единстве», разумеется, под предлогом — «строгой верности основ-

ным требованиям диалектического материализма». Он пишет: «Частичное различие психики от движения материи и других ее свойств, наряду с единством и неразрывной связанностью этой психики с материей, и приводит к тому положению, которое со временем Фейербаха стало основным в диалектическом материализме для понимания того, что именуется психикой». «То, что для меня субъективно,—говорит Фейербах,—есть чисто духовный, нематериальный, нечувствительный акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный, чувственный. Тут не устраивается ни одна сторона антиономии. И тут раскрывается истинное единство этих сторон»... «О чем конкретно говорит это «различие в единстве»? Это говорит о том, что если психика является своим материи, то, следовательно, психика—есть свойство *sui generis*, а потому всякое отрицание психических состояний, как таковых, или отождествление их с физиологическими процессами,—все это стоит в прямом противоречии с диалектическим материализмом, являясь выражением взглядов наивного материализма» (стр. 97). Опять-таки не видно, почему нельзя отождествлять психику с движением, раз они мыслятся свойствами единой материи? Ведь, речь идет не о том тождестве, которое влечет за собой идеализм в качестве естественного последствия. Речь идет не о том, чтобы содержание мыслей, которым располагает психика, без дальнейших соображений отождествить с обективной действительностью, провода между ними знак равенства. Напротив, вопрос ставится о том, чтобы сделать дальнейшие логические выводы из признания психики свойством материи. Раз психика неотделимо свойство материи, то она должна быть мыслима имеющей некоторые общие свойства с материй. Проф. Корнилов воображает, что мыслители, стремящиеся свести психику к материи, настолько вульгарны и наивны, что, установив родовой признак психики, как материального бытия, так на этом и останавливаются, при чем в этом родовом признаком должны будут потонуть и стушеваться те специфические различия, которые отличают психику от других видов и проявлений материи. Доказывать обратное едва ли есть надобность, так как бесспорно, что и так называемые наивные, по условиям своего времени, материалисты общечеловеческой логикой расположают в достаточной степени. Разумеется, весьма возможно, что от противоположения сознания и движения, как навесной эпохой спиритуализма, придется отказаться, хотя отдельные материалисты, даже авторитетные, и вынуждены были в свое время широко пользоваться этим противоположением. В самом деле, ведь движение в свое время было для мыслителей полномочным представителем всей материи, а не только одним из ее свойств, а сознание и мышление такими же представителями духа. Сохраняя это противоположение целиком и признавая сознание несводимым к движению, не стоим ли мы еще всецело на почве старого дуализма, от которого никаколько не спасает нас то соображение, что и сознание и движение мыслятся оба свойствами материи? Повидимому, для настоящего материализма гораздо более подходящим является вместе с Энгельсом представлять себе движение, как «форму существования материи». При таких условиях все материальное должно быть мыслимо только в пределах этой всеобщей формы существования и раз

психика признается материальной, то и она должна подчиняться этой всеобщей форме. Все это, в конце концов, не так уже страшно, как предполагает проф. Корнилов, и ни в каком противоречии не стоит с диалектическим материализмом. Если не придираться к отдельным мыслям и даже оттенкам мыслей, которые могут быть выгодными для того, чтобы в той или иной форме с их помощью отстаивать некоторые пережитки дуалистических взглядов на психику, то в целом вовсе не получается впечатления, усиленно муссируемого проф. Корниловым, будто диалектический материализм решительно запрещает отождествлять психику и движение. В самом деле, выше процитированное Корниловым место из Фейербаха в сущности означает следующее, если выразить его простым языком: то, что кажется нематериальным, на самом деле есть материальное. Как отсюда можно вывести заключение, что материализм запрещает отождествлять психику с материй, это ведомо только проф. Корнилову. Но целый ряд других мест из того же Фейербаха, приводимых Плехановым, что яснее говорит о том, что Фейербах никак нельзя использовать для тех целей, которые поставил себе проф. Корнилов. «Мое тело, как целое,—говарит Фейербах,—и есть мое я, моя истинная сущность. Думает не отвлеченное существо, а именно то действительное существо, это тело» (Плеханов, «Основные вопросы марксизма», М. 1922 г., стр. 19). Тело есть субъект, мышление предикат, мышление есть деятельность мозга (ib., стр. 19, 29). Излагая своими словами взгляды Фейербаха, Плеханов пишет: «Человек есть лишь часть природы, часть бытия; поэтому нет места для противоречия между его мышлением и бытием. Пространство и время существуют не только для мышления. Они также—формы бытия. Они—формы моего сознания. Но они таковы единственно потому, что я сам—существо, живущее во времени и пространстве, и что я ощущаю и чувствую лишь как такое существо. Вообще законы бытия суть вместе с тем и законы мышления. Так говорил Фейербах. И это же иногда другими словами, говорил и Энгельс» (ib., стр. 20—21). На то противоположение сознания и движения, психики и физиологических процессов, к которому отсылает нас проф. Корнилов, здесь и намека нет. Напротив и Фейербах и Плеханов совместно говорят, что места для противоречия здесь нет. А несколькими строками ниже, излагая взгляды Фореля, главная мысль которого сводится к тому положению, что сознание есть внутренний рефлекс мозговой деятельности, Плеханов прибавляет: «а это уж чисто материалистический взгляд» (стр. 24). Материализм, таким образом, не боится того отождествления психики с физиологическими процессами, от которого предостерегает нас проф. Корнилов.

Ту же идею о единстве сознания и движения проф. Корнилов пытается использовать и в другом отношении. Не только для того, чтобы подчеркнуть «различие в единстве» и таким образом от имени диалектического материализма положить запрет на отождествление психики и физиологических процессов, но также и с тою целью, чтобы под предлогом единства психики и движения, как равноправных и несводимых друг к другу свойств материи, выдвинуть в качестве обязательной для науки задачи заключение психики, как таковой, в состав материальных обек-

тов, изучаемых наукой. Если ранее, путем ссылок на Фейербаха, доказывалась несводимость психики к физиологическим процессам, то теперь психика, как таковая, в качестве материального объекта, трактуется, как предмет обязательного изучения науки. Получается типичная диалектическая эклектика, столь характерная для того переходного периода, который переживает психология на пути к марксизму. Для обоснования этой эклектической путаницы, по-прежнему используется Плеханов. Порядок использования такой. Охарактеризовав два борющиеся в настоящее время направления в психологии—*суб'ективное и объективное*, проф. Корнилов производит их оценку с точки зрения диалектического материализма в такой форме. «Так, единий, цельный, конкретный человек, у которого, мы видели, с точки зрения диалектического материализма, «всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление» (Плеханов. В. С.), этот органически цельный человек был раз'ят на две части, на рефлекс и душевные способности. При чем чрезвычайно любопытны претензии того и другого направления на то, что каждое из них изучает цельную человеческую личность, у одних мозаично складывающуюся из рефлексов, у других—из способностей. Надо ли говорить, что с точки зрения диалектического материализма оба эти направления являются односторонними: одни игнорируют *суб'ективную* сторону, другие—*объективную*, тогда как только оба эти ряда в своем единстве (но не тождестве) дают действительно цельного человека. И не физиологический рефлекс и не психическое переживание лежат каждое порознь в основе поведения человека, а лишь то, и другое вместе, не разрывно слитое в акте реакции, как основном проявлении живого организма на раздражение окружающей среды. Тем-то и отличается акт реакции от рефлекса и психического состояния, что тогда как рефлекс есть лишь узко-физиологическое, а психическое состояние—узко-психологическое понятие, абстрагированные из проявлений живого организма, реакция есть акт биологического порядка, как выявление всех функций организма во всей их целокупности; реакция есть уже не абстракция, а целый кусок поведения человека» (стр. 102). Вот этого и есть нетерпимая с точки зрения марксизма эклектика, которую проф. Корнилов в оперении красивых слов (вроде—органически цельный человек, цельный кусок поведения и т. п.) желал бы пропагандировать в марксистскую психологию под покровом Плеханова. Конечно, Плеханов написал те самые слова, которые выше процитировал (вернее, привел, так как цитаты не указано) проф. Корнилов. Но он должен был бы протестовать против такого их использования. Ведь Плеханов как раз направил выше приведенные свои слова против тех людей, которые распространяются о влиянии «психики» на «физику». По их адресу он разъяснил, что всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона, другую сторону которого составляет физиологическое явление. Поэтому, когда говорится, что то или иное психическое состояние повлияло определенным образом на физиологические отражения данного организма, то это надо понимать так, что указанное влияние было причинено тоже чисто физиологическими явлениями, *суб'ективную* сторону которых составляет данное псих-

ическое состояние («От обороны...», стр. 137). Эти разъяснения Плеханова совершенно не совпадают с эклектической мыслью Корнилова, что в основе поведения человека лежит не физиологический рефлекс и не психическое переживание, а то и другое вместе. Плеханов говорил о психическом состоянии, как только одной стороне акта поведения, не для того, чтобы привлечь эту сторону в качестве причины, обясняющей поведение, а как раз наоборот—для того, чтобы показать, что эту причину следует искать в другой стороне, в физиологических процессах. Несколько материалистическую мысль Плеханова проф. Корнилов извергнул и вся его пышная декламация о неразрывном слиянии в человеке *суб'ективного и объективного моментов в сущности* водится к попытке внести *суб'ективные моменты* и в науку, использовав их, хотя бы наполовину, в качестве причин, лежащих в основе поведения человека. Конечно, это не точка зрения марксизма, это эклектика из марксистских цитат и идеалистической похлебки.

Для подкрепления этой в высшей степени сомнительной и недолжной позиции проф. Корнилов привлекает, наконец, и Бухарина. Ведь, и Бухарин повторял известную формулу, что психика есть свойство организованной материи и именно за последнее время им повторено определение психики, как интроспективного выражения физиологических процессов. Это последнее определение проф. Корниловым комментируется так. «Что *суб'ективные состояния*, как «интроспективное выражение физиологических процессов», по характеристике Бухарина, действительны существуют, этого, кажется, не отрицают никто: ни представители диалектического материализма, ни представители рефлексологии. А раз это так, то ясно, что эти *суб'ективные состояния* должны быть *объектом* науки и изучения, ибо, если вступить на точку зрения Павлова, что на основе *суб'ективных состояний* можно жить, но их нельзя изучать, это значит безнадежно впасть в агностицизм, признавши эти *суб'ективные состояния* чем-то непознаваемым для науки. А так как агностицизм есть самый злой враг диалектического материализма и науки, ибо за то «непознаваемое» укрывается всякая метафизика, поэтому допустить непознаваемость *суб'ективных состояний* диалектический материализм никак не может» (стр. 103). Чрезвычайно эффектно звучит этот протест против непознаваемости психики в устах автора, который на первых же страницах своей книги во имя же диалектического материализма требовал признания психики первично данным и «необъяснимым» свойством материи (стр. 14). Но это характерная позиция для всякого идеалиста: тогда ему нужно забаррикадироваться от науки, разрушающей идеалистические ценности, он непрестанно твердит, указывая на эти ценности—это необъяснимые свойства, это специфические особенности духа, никакому дальнейшему анализу и разложению не подлежат, иначе нарушится и потеряется весь их аромат; но когда наука, не прельщаясь идеалистическим ароматом, разрушает эти идеологические ценности и отыскивает скрытое под ними реальное зерно, идеалист из оборонительной переходит в наступательную позицию и обличает представителей науки в противоречиях—существования идеалистических ценностей вы отрицаете, а познавать их не хотите, но вы и не подозреваете,

что это есть агностицизм, самый заклятый враг диалектического материализма. Все это ситуации—давно знакомые и страшные слова, которыми кого-то пытаются таким образом запугать, по-жалуй, уже недействительны. Что кроме улыбки могут вызвать обвинения Павлова в агностицизме, Павлова, который только и открыл нам путь к познанию механизма поведения живого существа, дотоле вуалируемого всякого рода психологическими терминами и понятиями? Не объективная, а именно субъективная психология повинна в агностицизме. И весь смысл обличительной тирады проф. Корнилова сводится именно к тому, что психические процессы должны быть познаваемы, как специфические процессы, как состояния *sui generis*, несводимые к общей форме существования материи—движению. Но это и есть идеалистическая точка зрения в психологии и поэтому все дальнейшие оговорки проф. Корнилова, что самонаблюдение он мыслит использовать только под объективным контролем и в форме словесного отчета не вносят поправок по существу в его позиции. В сущности всякое самонаблюдение только и может быть использовано, как словесный отчет, и никто и никогда не отказывался от его учета, но с точки зрения марксизма всякий такой отчет последнюю свою интерпретацию должен найти с точки зрения того основного принципа диалектического принципа, который гласит, что сознание определяется бытием. Соглашаясь с этим на словах, проф. Корнилов не согласен следовать этому на деле и потому проф. Павлова, который находит обяснение так называемым субъективным состояниям в физиологическом механизме нервной системы, обвиняет в агностицизме. Крайне характерно, что к этому обвинению он ухитряется привлечь и Бухарина, который дал авторитетное разъяснение, как представитель марксизма, что именно учение Павлова об условных рефлексах «целиком льет воду на мельницу диалектического материализма». Конечно, это возможно сделать, только механически извлекая цитаты из книг и статей Бухарина. Действительно. Бухарин характеризует психику, как свойство известных образов организованной материи, но он сейчас же поясняет, что термин «свойство» он употребляет в смысле—функция, функция же какой-нибудь величины—это значит другая величина, которая зависит от первой: исправь часы—они заходят; восстанови человеческий организм—он начнет мыслить («Ист. мат.», стр. 47). Психика, как функция организма, —это нечто такое, что вопреки проф. Корнилову как раз и должно быть отождествлено с физиологическими процессами и познано, как физиологический процесс. «Понятие функции (в физиологическом смысле), писал еще Геффинг,—указывает на нечто такое, что является для нас предметом созерцания в пространственной форме. Понятие функции (в физиологическом смысле) не выводит нас за пределы протяжения и движения. Сокращение, напр., есть функция мускула. Сокращение мускула главным образом состоит в перемещении молекул, следовательно, в изменении формы, которое является следствием химического изменения мускульной ткани. Нечто подобное происходит также при функциях мозга. Как сказал Гете, «функция есть существование в деятельности». Но функционирующий мозг точно так же телесен, как и мозг в покое, и то, что не имеет телесных свойств, не может быть перемещением

чего-нибудь телесного» («Психология», 68 стр.). Другое выражение Бухарина, что психические состояния суть интроспективное выражение физиологических процессов, точно так же мало поддерживает проф. Корнилова. Это выражение употреблено Бухарином в его полемике с Енчменом. Енчмен полагает, что материализм удвоет мир. Он воображает, что с точки зрения материализма существуют, с одной стороны, физиологические процессы, а с другой—их психические выделения, данные сверх этих процессов. На самом же деле, материализм Маркса под психическими явлениями подразумевает не какую-то сверхданность, а другую сторону физиологических процессов с особой качественной характеристикой... Мои психические явления не есть нечто второе, сверх и помимо этих процессов данное, а лишь интроспективное выражение того же самого, интроспективное выражение моих физиологических процессов» («Атака», стр. 137, 147). Но если психические состояния являются интроспективным выражением того же самого, то вытекает ли отсюда тот вывод, который делает Корнилов, что они должны быть изучаемы, как таковые, как субъективные состояния? Не следует ли, наоборот, что необходимо изучать в первую очередь то самое, выражением чего являются психические состояния? Изучать интроспективное выражение того или иного процесса, хотя бы и в форме словесного отчета, это значит изучать субъективно то, что в действительности дано объективно. С основными предпосылками марксизма в гораздо большей степени согласована тенденция искать обяснения субъективного в объективном, чем наоборот. Психология в течение последних лет пользовалась интроспекцией, и совершенно беззрепенно. Так же безуспешно в течение веков пытались найти обяснение истории человечества, исходя из его субъективных переживаний. Только материализм впервые выдвинул принцип, согласно которому ключ к познанию человеческой истории заключается в изучении материальных основ жизни, которые выражаются в структуре общества, с одной стороны, структуре организма, с другой. Этот ключ упраздняет все другие пути познания, в том числе и путь субъективной психологии, который так своеобразно пытается соединять проф. Корнилов с марксизмом.

2. То своеобразное употребление, которое у сторонников субъективной психологии получает категория качества в применении к психике, как таковой, заставляет нарочито поставить для обсуждения два вопроса: с одной стороны, является ли психика, как таковая, особой качественной реальностью (не просто качественностью, а именно качественной реальностью, качественным бытием), с другой стороны, какова роль категорий количества и движения в применении к психике?

Что психика, «как таковая», психика, как совокупность субъективных состояний, выступает перед нами, как явление, имеющее особую качественную характеристику, в этом сомневаться нельзя, об этом не может быть и спора. Именно эта своеобразная качественность и была причиной того, что психика с ее качественной характеристикой с давних пор противополагалась, как особое нематериальное, духовное бытие, бытию протяженному, материальному. Это противоположение—исходная точка и опорный пункт дуалистического мышления. Преодолевая дуалистическую взглыд, материализм провозглашает единство психики и

материи и примат материального бытия. Что в таком случае должно статься с качественностью психики, как таковой? Исто, что отвергнуть качественность нельзя, так как она есть факт, но ее можно объяснить, как производное от других, более первичных фактов. И вот здесь именно в среде материалистов имеется две тенденции: или то, что мы называем психикой, трактуется, как материальный процесс, который должен быть понят, исходя из основных форм движения материи (наивный вульгарный материализм—по терминологии проф. Корнилова, «бюхнеровский материализм»—по терминологии проф. Челпанова), или психика только на словах обявляется как нечто единое с матерью, на деле же мыслится как особое, необъяснимое свойство материи наряду с движением и не сводимое к нему (диалектический материализм—по Корнилову, спинозовско-фейербаховский материализм—по Челпанову). Субъективные психологи, ставшие в своей научной работе на точку зрения «марксизма», с необыкновенным единодушием ополчились против вульгарного материализма, разясняя, что этот последний вовсе не является тем диалектическим материализмом, на точке зрения которого должен стоять всякий марксист. Для марксиста, по их взгляду, наоборот, характерна точка зрения спинозовско-фейербаховского материализма, согласно которой мышление и протяжение должны быть рассматриваемы, как два несводимые друг к другу атрибута одной субстанции. И вот, когда группа психологов-марксистов, вставшая на защиту диалектического материализма от его вульгаризации, сделала все необходимые выводы из своих предпосылок, оказалось, что эти выводы буквально совпадают с теми же требованиями, которые формулирует мужественно отстаивающий свою идеалистическую точку зрения проф. Челпанов, от которого они с самого же начала попытались отгородиться несколькими забралами. В самом деле, реальность психики, как таковой, ее непространственность, ее несводимость к движению—вот те основные формулы, в которых так изумительно совпадают между собою и «марксист» Корнилов и идеалист Челпанов. «Для Маркса неприемлем дуализм онтологический, он остается исключительно на почве эмпирического дуализма»,— пишет Челпанов («Психология или рефлексология», стр. 32, 34),—но эту же мысль в качестве основной предпосылки для марксистской психологии разясняет проф. Корнилов. Для названных двух психологов, из коих каждый по-своему пытается реставрировать психологию в духе «марксизма», характерно не только это совпадение в отрицании ими всякой научной значимости за так называемым вульгарным материализмом и в формулировке идеалистических предпосылок для марксистской психологии, характерно, что оба апеллируют к марксизму в оправдание своих позиций, из коих одна является явно, а другая скрыто идеалистической. Эта апелляция заключается в указании на тот замечательный факт, впервые установленный Плехановым, что материализм Маркса—Энгельса был разновидностью спинозизма. Через посредство этого спинозовско-фейербаховского материализма с его концепцией двух атрибутов субстанции, или двух параллельных и друг к другу несводимых рядов явлений, названные психологи пытаются проглатить в марксистскую психологию старую идею параллелизма физического и психического, которая является только разновидностью

идеалистического мировоззрения. Таким образом, бесспорная качественность психики трактуется, как самостоятельная и независимая ни к чему другому реальность. Естественно возникает вопрос, насколько такая точка зрения может быть признана действительно марксистской. Что марксизм Маркса—Энгельса был разновидностью спинозизма; это неоспоримо, но заставляет ли нас на разновидность реставрировать в марксистской психологии старый параллелизм, признавая психику несводимой ни к чему другому качественной реальностью—вот вопрос, который нуждается в тщательном обсуждении. Далее,—если Маркс и Энгельсы стали на точку зрения спинозовско-фейербаховского материализма, то значит ли это, что тем самым они отказались совсем от материализма бюхнеровского? Выше мы уже имели возможность показать, что, если они и осуждали представителей так называемого вульгарного материализма, то не за то, что они были материалистами (в этом, по словам Ленина, они были вполне согласны с ними), а за отсутствие диалектики и тому подобные естественные несовершенства их мышления, по существу материалистического. Между тем, наши психологи-«марксисты» пытаются представить дело так, как будто вместе с критикой вульгарного материализма мы должны разрушить и тот элемент, на котором основывается всякий материализм и, под чрездом того, что марксизм был разновидностью спинозизма, привлечь ему взгляд, будто психика есть качественная реальность, не сводимая ни к чему другому и существующая лишь как свойство материи наряду с другими ее свойствами, в том числе и с движением. Спинозовско-фейербаховское влияние в материализме Маркса—Энгельса вовсе не означает на наш взгляд то, что в систему марксистского мировоззрения в качестве основной его предпосылки должно войти признание параллелизма физических и материальных явлений. Параллелизм вещей и идей, параллелизм субъективного и объективного действительного выражены весьма отчетливо как у Спинозы, так равно и у Фейербаха, а вслед за ним и у Маркса—Энгельса, но этот параллелизм вовсе не тождествен с тем параллелизмом физических и идеальных явлений, который желают восстановить наши психологи-марксисты под флагом марксизма. Действительный смысл спинозовско-фейербаховского параллелизма, вошедшего составной часть в мировоззрение Маркса—Энгельса, мы и попытаемся сейчас выяснить.

Есть все основания думать, что представление о параллелизме психического и физиологического рядов является совершенно чуждым самой по себе психологии, как науке о поведении, проникнутое в нее извне, из сферы чисто философской, из того разделения опыта на мир вещей и мир идей, которое оказалось особенно популярным в истории философии вообще и в частности в философии марксизма, и которое так легко может быть опровергнуто с разделением живого существа на дух и материю, как две качественно различные его половины. Это смешение тем не менее могло произойти, что ведь идея души первоначально имела именно философской, а не эмпирической идеей. Впервые же время уже у Декарта, этого отца новой философии, мы встречаем разграничение бытия и сознания, протяжения и изменения: материальный мир—это мир протяженный; ему про-

ти встоит мир сознания, мир напротяженных образов, идей, мир психический. У Спинозы этот параллелизм двух миров—мира вещей и мира идей—ложится в основу его системы: порядок идей соответствует порядку вещей и обратно, потому что протяжение и мышление—это два атрибута единой субстанции. Плеханов в целом ряде статей основательно доказывал, что французский материализм XVIII в. был в сущности не более, как видоизмененным спинозизмом и что материализм Фейербаха, а вслед за ним и Маркса—Энгельса, был только разновидностью спинозизма (*Критика наших критиков*, стр. 138). С этой точки зрения явилась возможность к удивлению противников Плеханова утверждать, что Спиноза был материалистом, что его единная субстанция одновременно и вещественна и духовна (ib., стр. 139), т. е. имеет два аспекта. Это представление о двух аспектах бытия—материальном и духовном—воспринял от Спинозы Фейербах, утверждая, что то, «что для меня или субъективно есть духовный акт, то само в себе, т. е. об'ективно, есть акт материальный, чувственный» (ib., стр. 163—164). От Фейербаха это представление о двух аспектах бытия перешло в систему марксизма, для которого «идеальное есть не что иное, как первоначально материальное» (ib., стр. 163—164). От Фейербаха эта надобность доказывать, насколько жизненно важны для материалистического мировоззрения является это различие бытия в его двух аспектах—материальном, вещественном, с одной стороны, и идеальном, духовном, с другой стороны. Только строго проанализировав разграничение между этими двумя аспектами, марксизм сумел стать тем, что он есть, разобраться во всей массе человеческих суждений и выделить из этой массы то, что отвечает действительному порядку вещей, что составляет ядро действительности. С другой стороны, совершенно ясно, что это разграничение мира вещей и мира идей имеет известную аналогию с разделением психики и материи. Параллелизм вещей и идей легко отождествляется с параллелизмом психики и материи. Органическая связь первого с материалистическим миром, превращение в утверждение, что марксизм неизбежно связан также и с психо-физическим параллелизмом. Это утверждение и делают на основе данной Плехановым справки о спинозизме Маркса—Энгельса наши психологи—Корнилов и Челпанов: первый—для того, чтобы доказать, что марксистская психология неизбежно должна иметь в своей основе психо-физический параллелизм, разумеется, трансформированный, второй—чтобы доказать, что психология, исходящая из психофизического параллелизма, есть психология, наиболее отвечающая духу марксизма. Нужно ли доказывать, что противоположение вещей и идей, с одной стороны, и противоположение материи и психики, с другой стороны, совершенно не совпадают из необходимости первого совершенно не вытекает необходимости второго. Параллелизм вещей и идей—это чисто гносеологическое противоположение, имеющее огромное значение в философии и являющееся лучшим средством для выяснения позиций материалистического мировоззрения, его ориентации на вещи в противоположность идеям, которые в отношении к вещам являются вторичными и зависимыми от них. Гносеологическая несопоставимость вещей и идей—это исходный пункт, с которого

начинается твердое разграничение материализма и идеализма. Только с момента признания этой несопоставимости, материализм начинает опушивать твердую почву под ногами. Отказаться от этой своей исходной точки зрения материализм, разумеется, не может: он все время будет вращаться в сфере этого параллелизма вещей и идей и все время будет подчеркивать эту несопоставимость противополагаемых членов—пространственность вещей и непространственность идей, первичность материи и вторичность духа. В качестве гносеологического это противоположение имеет универсальный характер и охватывает собой решительно все в мире: каждая вещь может быть мыслима в любом из двух аспектов—реально и идеально. Вещь в идее, в мысли не то же самое, что вещь в действительности. Для материализма это различие имеет жизненно важный характер. Но это различие ничего общего не имеет с тем противоположением физического и психического, которое делала прежняя психология. Необходимость для марксизма первого вовсе не делает неизбежным для него второе противоположение. Различие вещей и идей всегда проводилось и будет проводиться материализмом, но противоположение физического и психического в том же смысле, в каком противополагаются вещи и идеи, есть полная нелепость. Достаточно только припомнить, что понятие психики, как чего-то материального, было создано для обяснения еще неисследованного механизма высшей нервной деятельности. По мере того, как этот механизм постепенно открывается и исследуется, делается все более ясным, что он так же материален, как материальные низшие формы работы организма и самая надобность в противоположении психики и материи устраивается. Несовпадение этих двух видов противоположений, из коих первое можно назвать гносеологическим, а второе онтологическим, легко видеть из ряда примеров, взятых из других областей. Так, например, можно ставить вопрос о соответствии зеркальных отображений тех объектов, которые ими отражаются, при чем так же, как и в случае с противоположением вещей и идей, можно говорить, что зеркальное изображение ни в коем случае не может быть отождествляемо с об'ектом, который им отображается: даже при полном их сходстве, зеркального изображения нельзя обнять, и нему нельзя прикоснуться, его нельзя разрезать, разбить, удашить и т. п. Это противоположение—гносеологическое. Но можно вопрос поставить не в плоскости соответствия или несоответствия между отображением и об'ектом, а в плоскости природы обоих явлений, и здесь мы должны будем установить, что при всем различии об'екта и зеркального изображения они имеют одну и ту же физическую природу, подчиняются одним и тем же законам. Это противоположение—онтологическое. Точно так же картина, изображающая какую-нибудь вещь, даже при полном ее сходстве, может быть трактуема, как не та самая вещь, которая изображена, так как изображенные на картинах люди не ходят, огонь не жжет, море не бушует, лаваз не пахнет и т. п., и тем не менее в плоскости онтологического сравнения картина может быть рассматриваема, как такая же реальная вещь, как и те вещи, которые на картине изображены. Таким образом гносеологическая несопоставимость вещей и идей не заставляет нас признавать столь же несопоставимыми—вещи и

тот психический аппарат, при помощи которого эти вещи находят себе отображение. Если это делается, то только в силу словесной аналогии, которую легко установить между противоположениями—вещей и идей, с одной стороны, материи и психики, с другой. Не вдаваясь в более детальные исследования, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что так называемый психо-физический параллелизм является только отражением параллелизма идей и вещей и вовсе не диктуется действительным отношением тех явлений, которые традиционно обозначаются, как тело и душа, организм и психика. Эти два вида противоположения должны быть разделены и обособлены друг от друга, не должны быть смешиваемы. Первое для марксизма обязательно, как исходный пункт всей материалистической системы, но никуда не видно, чтобы было обязательным второе, хотя в этом с удивительным единодушием пытаются уверять нас психологи—как «марксисты», так и не-марксисты.

Если присмотреться ближе к конкретному смыслу тех мест, где Маркс—Энгельс и вслед за ними их ученики употребляют как-будто психологические термины—мышление, дух, идеи и т. п., то легко видеть, что в наиболее характерных случаях они имеют в виду именно гносеологическое противопоставление вещей и идей, а не онтологическое—материи и психики, хотя герминология и может иногда давать повод думать последнее. Общеизвестно, напр., противоположение бытия и сознания у Маркса в его формуле, гласящей, что бытие определяет сознание, а не сознание бытие. Спрашивается, о чем идет здесь речь? Что чему противополагается—психика материи, или идеи вещам? Термины сознание и бытие легко могут быть истолкованы в том смысле, что они имеют отношение к психике и материи, но бесспорно, что не о психике ведет речь Маркс, а о совокупности идей, как отражений материального мира. Сознание берется в данном случае Маркском, как гносеологическая категория, и только как таковая противополагается бытию, но не как психологическая категория. Равным образом, если взять всем известное место из «Фейербаха» Энгельса, где последний дает ответ на вопрос о первоначальном смысле терминов идеализм и материализм, то получается аналогичное впечатление. Энгельс пишет: «уже в средневековой схоластике игравший большую роль вопрос о том, как относится мышление к бытию, что чему предшествует: дух природы или природа духу, этот вопрос на Западе принял более резкий вид вопроса о том, создан ли мир богом, или он существует от века? Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существует пред самим миром, следовательно, так или иначе, признавали существование мира,—составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма. Ничего другого и не заключают в себе выражения: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле». Спрашивается, о чем идет здесь речь? Употребляются психологические термины—мышление и бытие, дух и материя—и тем не менее ясно, что вопрос идет о первенстве природы, вещей над духом, идеями, а не об отношении организма и психики. Поскольку вопрос идет о материализме и идеализме, вопросы, связанные с психо-физической проблемой, подыметь не было надобности.

В этой плоскости вопрос мог решаться только таким образом, что первенство утверждается за миром вещей, за природой, мир сознания, мир идей признается вторичным и зависимым от первого. Словом, Энгельс разъяснял гносеологическую проблему. Но нельзя утверждать, что его разъяснение по этой проблеме есть одновременно и решение проблемы психофизической. К сожалению, по содержанию этой последней проблемы Энгельс почти не высказывался, но есть все основания думать, что Энгельс не представлял себе отношение психики к материи по аналогии отношения идей к вещам. Во всяком случае, если природу он считал основным началом в отношении к духу, то психику в смысле высшей нервной деятельности он считал изначально присущей материи. В своем старом введении в диалектике природы он пишет: «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, ни один из ее атрибутов не может погибнуть и поэтому с той же самой железной необходимости, с какой она некогда истребит на земле свой высший дух—мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» («Арх.», II, стр. 177). Крайне любопытную иллюстрацию к интересующему нас вопросу о двух видах параллелизма мы имеем в «Теории исторического материализма» Н. И. Бухарина. «Мы подошли,—пишет автор,—к самому важному вопросу, который в течение тысяч лет мучил человеческую мысль,—к вопросу об отношении между материяй и духом. В просторечии часто говорят о «душе» и «теле». Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами—их можно видеть, слышать, осязать, пробовать на вкус и т. д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя защупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение. Что они существуют, всякий знает лично по себе... Однако в то же время мысль человека нельзя защупать или понюхать; она не имеет цвета и ее нельзя непосредственно измерить ни аршинами, ни метрами. Такие явления называются психическими, в просторечии духовными. Возникает вопрос, что же за отношения существуют между этими двумя родами явлений? Есть ли дух «начало всех вещей» или материя? Что первичное? Что основное? Материя рождает дух, или дух рождает материи? «Выяснения данные для решения этого вопроса, автор так характеризует данные на него ответы: «материализм считает за первичное, за основное—материю, идеализм— дух. У материалистов дух есть продукт материи; у идеалистов, наоборот, материя есть продукт духа» (стр. 45, 48). Читаясь в этот замечательный отрывок, легко заметить, как тесно сплелись в нем психологические и гносеологические понятия и трудно с первого раза сказать, о чем ведет речь автор—о психике в ее отношении к организму, или об идеях и их отношении к природе? Если первое, то автора следует трактовать, как dualista в вопросах психологии. Но это нелепо. Вчитываясь внимательно в отрывок, нельзя не видеть, что, употребляя термины, имеющие отношение к психофизической проблеме, автор ведет речь о другом—о совокупности идей в их противополо-

жении вещам, т.-е. ставит и решает все ту же основную для материализма гносеологическую проблему, которая только в силу чисто терминологической путаницы иногда приобретает видимость психофизической проблемы. А между тем оба психологи—Корнилов и Челпанов—настойчиво пытаются опереться на авторитет Бухарина, пользуясь этим и аналогичными местами для подкрепления своих утверждений о том, что психика есть обладающее специфической качественной характеристикой свойство материи, только один из ее атрибутов, не сводимое к движению, и что психофизический параллелизм есть точка зрения диалектического материализма. Чтобы закончить эту серию справок о параллелизме в его двух видах, приведем только небольшую цитату из сочинений В. И. Ленина. Отвечая на вопрос, как мог И. Дицген покраинуться реакционным философам, В. И. Ленин указывает, между прочим, на то, что противопоставление материи духу имеет гносеологический характер и что главным образом в этих пределах гносеологии и имеет свой основной смысл это противопоставление. «Что это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличением, метафизическим, это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга диалектического материалиста Дицгена). Предель абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать противоположность материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» («Материализм и эмпириокритицизм», стр. 291).

Мы имеем, таким образом, основание считать бесспорным то положение, что там, где представители марксизма рассуждают о природе и духе, они имеют в виду гносеологический вопрос о степени соответствия между тем, что мы называем вещами, и тем, что называется идеями, о степени относительной достоверности того и другого. Вопрос этот имеет основное значение для материализма и его правильное решение есть предпосылка для установки основ марксистского мировоззрения. Но есть ли это в то же время вопрос психологический о взаимоотношении тех реальностей, которые традиционно именуются, как психика и материя? Нет, конечно, и нет потому прежде всего: что обе пары понятий (вещи и идеи, физическое и психическое) суть пары, только перекрещивающиеся между собой, но вовсе не совпадающие друг с другом и, следовательно, стоящие в разных плоскостях. Так, когда мы говорим о взаимоотношении вещей и идей, то совершенно ясно, что психика в качестве реальности, выражаяющейся в актах поведения, может в разных случаях выступать перед нами—или как действительная вещь или как только идея. С другой стороны, когда речь идет об идее, то эту идею мы можем рассматривать прежде всего, как нечто психическое, как психический процесс в смысле определенного акта поведения живого существа, создающего эту идею,—в этом случае идея есть одна из вещей, одна из реальностей, осуществляемых организмом в процессе его поведения; но ту же самую идею, как именно идею какой-нибудь вещи, а не саму вещь, нет никаких оснований трактовать в качестве реаль-

ности. Таким образом, обе проблемы совершенно разные и совпадать не могут. Нельзя поэтому думать, что, решая гносеологическую проблему и устанавливая первичность природы, как реального ряда, которому сопутствует ряд идеальный, марксизм тем самым решает и вопрос о психике в том смысле, что она есть только идеальная параллель, а не продолжение реального ряда. Гносеологическая несопоставимость вещей и идей не побуждает еще марксиста признавать одновременно с этим и несопоставимость материального движения, с одной стороны, и органического поведения, с другой стороны, выставляя это последнее, как продукт какого-то особого свойства материи, не сводимого к движению. Как раз наоборот, оперирование противоположностью физического и психического за пределами гносеологического исследования есть с точки зрения марксизма, как об этом засвидетельствовал В. И. Ленин, огромная ошибка. И вот эту-то ошибку и пытаются протащить в марксистскую психологию, опираясь на то обстоятельство, что Маркс и Энгельс держались спинозовско-фейербаховской точки зрения на параллелизм вещей и идей. Спешат поскорее, опираясь на авторитетные имена, зафиксировать психику, как качественную параллель, не сводимую к основной форме существования материи, движению. Но это—только одна и притом чисто формальная сторона допущенной ошибки, выражаяющаяся в том, что гносеологический параллелизм смешивается с психофизическим.

Другая сторона в том, что специфическую качественную характеристику, с которой выступает в нашем представлении психика, как таковая, как совокупность субъективных переживаний, словом психика, как эмпирическое явление, спешат зафиксировать не просто как качественно отличную параллель, но как своеобразную качественную реальность, совершенно равноправную с другим рядом параллели—физическими. Другими словами, восстанавливается полностью спинозовский параллелизм, мыслящий единую субстанцию, с бесчисленным количеством свойств, из коих нам известны два—мышление и претяжение, каждое с одинаковым правом притязающее на изображение сущности единой субстанции. Нужно думать однако же, что Маркс и Энгельс, усвоившие точку зрения Спинозы на претяжение и мышление, как два свойства, два проявления единой субстанции, не были вполне последователями спинозовистами, иначе мы не имели бы основания проводить различие между спинозовизмом и марксизмом. Спинозовско-фейербаховское признание параллелизма вещей и идей, об'екта и субъекта Маркс—Энгельс не просто усвоили, а переработали в духе основ марксизма и в этом переработанном виде оказалось, что один из рядов параллели является основным, первоначальным, другой—производным, вторичным. Природа и дух в системе марксизма являются членами параллели, но не совсем в том же смысле, как вещи и идеи в системе Спинозы. Параллелизм заимствован из спинозовизма, но он преобразован. Поэтому и отношение к той качественной характеристике, с которой выступает в нашем сознании психика, будет несколько иным, чем то кажется сначала. Во всяком случае трактовка этой качественности в качестве реальности на том основании, что она является параллелью к физическому ряду, была бы преждевременная с точки зрения мар-

клизма. Что психика, как совокупность субъективных состояний, на какое-то бытие намекает, что она является выражением какой-то реальности, это ясно и в этом смысле материалисты с давних пор трактовали ее, как свойство материи, как интроспективное выражение того же самого. Этим самым предполагалось, что психика не есть реальность особого рода, что она только субъективное выражение на своеобразном языке той реальности, которая уже известна нам и другим способом. В этом смысле самый термин психика указывает на комплекс особенностей, которые должны быть изучены, раскрыты, как выражение основной реальности, но не то, что саму психику, как таковую, как эмпирическое явление, нужно мыслить, как особую качественную реальность, и ставить в ряд с основной реальностью. Есть масса мнимых реальностей, уже отвергнутых научным мышлением в качестве объектов науки, несмотря на то, что их качественные особенности выступают очень ярко в нашем эмпирическом опыте. Научное мышление отвергло эти мнимые реальности потому, что их удалось понять, как производные от других качественных реальностей, которые имеют все основания считаться основными. Как раз против этих мнимых качественных реальностей и воссоставляет материалистическое мировоззрение. Оно требует, чтобы реальные отношения, извращенные благодаря смешению реальностей мнимых с реальностями настоящими, были полностью восстановлены в научном мышлении. «Исключительный эмпиризм», — пишет Энгельс, — воображает себе, будто он оперирует только бесспорными фактами. В действительности же он оперирует преимущественно традиционными представлениями, устаревшими большую частью продуктами мышления своих предшественников» («Архив», II, стр. 323). Поэтому, напр., «у Гегеля в диалектике наблюдается извращение всех реальных отношений, как и во всех прочих частях его системы. Но, как замечает Маркс... нужно перевернуть ее, чтобы найти рациональное ядро в мистической оболочке. Но и в самом естествознании мы достаточно часто встречаемся с теориями, в которых реальные отношения поставлены на голову, в которых отражение принимается за «объективную реальность и которые нуждаются поэтому в подобном перевертывании. Такие теории довольно часто господствуют довольно долгое время. Подобный случай представляет нам учение о теплоте, которая почти в течение двух столетий рассматривалась, как особая гаинстенная материя, а не как форма движения обыкновенной материи: только механическая теория теплоты произвела здесь необходимое перевертывание» (ib., стр. 133). «Как известно, электричество и магнетизм принимались первоначально, подобно теплоте и свету, за особые невесомые материи» (ib., стр. 295). Не находится ли в аналогичном положении и психика, «как таковая»? Не является ли она той качественностью, которая подобно теплоте должна быть сведена на другие более простые и понятные качественные реальности? Качественность теплоты, как таковой, конечно, никто не станет отрицать, но качественность эта чисто субъективная. Мысли ее в качестве особой реальности, мы только извращаем реальные отношения. Настоящий научный подход к теплоте заключается в том, чтобы свести ее к определенным формам движения. Конечно, и движение, вернее — простейшие формы движе-

ния — не обясняют целиком теплоты, как об этом говорит Энгельс. Но это не значит, что мы должны вернуться к старинным теориям тепловой материи. Это значит, что сведение теплоты к движению — только первый научный шаг, за которым должны последовать другие. И если этот первый шаг обясняет нам очень многое и лучше, чем предыдущие теории, то это не значит, что уже нечего больше обяснять в теплоте и что на этом первом шаге следует остановиться. В этом только смысле Энгельс и сделал свое замечание, что лучше замолчать, если относительно теплоты нечего больше сказать, чем только то, что она есть движение. Выше уже приведено глубокомысленное замечание В. И. Ленина, обясняющего позицию Маркса — Энгельса в том смысле, что в своей работе они больше были заинтересованы продвижением вперед, чем обоснованием уже достигнутых позиций. Теплота, как движение, — это уже достигнутая позиция, и тех, кто полагал, что на этой позиции можно застыть, Энгельс звал вперед. Нельзя поэтому представлять себе дело так, будто сведение теплоты к движению представлялось Энгельсу ошибочной позицией и он звал назад от уже достигнутой ступени. Нет, он звал вперед, но вперед можно пойти только с уже достигнутой первой ступени, каковой является обяснение теплоты, как движения. По аналогии с этим нужно сказать, что тот первый шаг, который должна сделать научная психология, заключается не в том, чтобы отказаться от всякого сведения психики к движению, а, наоборот, в том, чтобы сделать этот первый шаг, как необходимое условие последующих шагов. Психика, как таковая, как эмпирическое явление, есть только субъективное выражение объективного факта поведения, сводящегося к физиологическим реакциям, как особой форме организованного движения. Как движение и должна быть понята психика в первую очередь. Это тот первый шаг, без которого нет научной психологии и за которым должны последовать остальные шаги на его основе. В этом смысле Энгельс писал: «движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.-е. понимаемое, как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением. Само собой разумеется, что изучение природы движения должно было исходить из низших, простейших форм его и обяснять их, прежде чем могло дать что-нибудь для обяснения высших и более сложных форм его... Таким образом, в то время, как механика уже давным давно умеет сводить к господствующим в неодушевленной природе законам все действия костных рычагов, приводимых в движение сокращением мускулов, физико-химическое обоснование прочих явлений жизни все еще находится в зачаточном состоянии» («Архив», II, стр. 231). Такова точка зрения подлинного марксизма по вопросу о качественной реальности психики, как таковой: качественность психики не есть особого рода реальность, а только своеобразное выражение единой и основной реальности природы, к основным формам которой и должна быть сведена психика. Но если бы психолог-марксист желал занять ту позицию, к которой зовет нас проф. Корнилов, т.-е. стал бы признавать психику совокупностью реакций и в то же время старался бы совместить с этим изучение субъек-

тивных переживаний, как необходимой составной, органически неразрывной части поведения, то он уподобился бы тому химику, который, познав сущность горения, как химического процесса, обозначаемого научным термином—окисление и выражаемой точной химической формулой,—в то же самое время продолжал бы утверждать, что процесс горения имеет и качественные особенности, не выражаемые в химической формуле, напр., своеобразные языки пламени, субъективные ощущения тепла и т. п. и что химия будет очень односторонней наукой, если она ограничится только выведением абстрактных формул, но не займется учетом тех своеобразных форм, которые принимают языки пламени в момент горения. Конечно, на такой точке зрения может стоять только какой-нибудь огнепоклонник, дикарь, который впервые переходит к изучению химии. Совершенно аналогично этому и психолог-субъективист, становящийся впервые на материалистическую точку зрения, испытывает непреодолимую тоску по той бесследно исчезающей качественности психики, которую он когда-то так бесплодно изучал в качестве подлинной и настоящей реальности. Отсюда этот своеобразный рецидив субъективизма в марксистской психологии, который, конечно, ничего общего с марксизмом не имеет.

Но если психика, как таковая, психика, как совокупность субъективных состояний, только указывает на какую-то реальность, но еще не является в своей качественности этой реальности, как не является ею и субъективное ощущение теплоты, то совершенно ясно, что и изучение психики должно встать не постольку, поскольку она выступает, как мнимая реальность, а в формах подлинной реальности. Такой подлинной реальностью, выражением которой является психика, нужно признать поведение живого существа. Это и есть подлинный об'ект психологии. Так понимаемый этот об'ект не увеличивает количества известных нам качественных реальностей новой разновидностью. Поэтому ни у кого из материалистов мы и не встречаем указания на психику, как на особую разновидность реальности. Так, Энгельс, рассматривая различные формы движений, реально данных в мире и изучаемых отдельными науками, ни о психике, как особой форме реальности, ни о психологии, как науке, изучающей эту особую реальность, не упоминает. «Мы видим, — пишет он, — что в историческом развитии естествознания раньше всего была создана теория простого перемещения, механика небесных тел и земных масс; за ней следует теория молекулярного движения, физика, а тотчас же вслед за последней, почти наряду с ней, а иногда и раньше ее, наука о движении атомов. химия. Лишь после того, как эти различные отрасли познания формы движения, господствующих в области неорганической природы, достигли высокой степени развития, можно было приступить к об'яснению явлений движения, представляющих процесс жизни, при чем успехи его шли параллельно прогрессу науки в области механики, физики и химии» («Архив», II, стр. 231). Итак, механика, физика, химия и физико-химическое объяснение жизни,—это основные научные отрасли, дающие нам представление о движении материальных масс, молекул, атомов. Отмечая в другом месте, что переход от одной формы движения к другой всегда является скачком, решаяющим поворотом, Энгельс при-

казывает, что «уже в пределах жизни скачки становятся все реже и незаметнее» («Анти-Дюринг», М. 1922 г., стр. 29). Сама жизнь мыслится, как своеобразная разновидность физико-химических процессов, вслед за которыми особую качественную разновидность движения дает только социальная жизнь. Поэтому В. И. Ленин, характеризуя различные формы движения, изучаемые отдельными науками, «устанавливает, следуя Гегелю и Энгельсу, градацию: механика, физика, химия и социология» (А. Деборин, «Под Знам. Марксизма», 1925 г., № 5—6, стр. 9). Таким образом, для психологии, как особой науки, в системе марксизма места не находится. И это служит лучшим подтверждением того, что психика не мыслится марксизмом, как особая качественная реальность, но сводится к основной форме существования материи, которая выступает перед нами в разных видах движения. Определяясь, с одной стороны, химизмом белковины, с другой стороны, материальными условиями общественной жизни, поведение живого существа и должно быть изучено в этой двойной своей обусловленности, как определенная форма материального движения, а не в той качественной характеристики, которая является только субъективным отражением этого движения.

Но если та подлинная реальность, которая так своеобразно предстает в нашей интроспекции и дает иллюзорную видимость особой качественной реальности, именуемой психикой, есть в действительности не что иное, как только поведение живого существа, то, спрашивается, применимы ли к этой, уже настоящей качественной реальности, категории количества и движения? Не уничтожается ли качественность поведения сведением его к движению? Те, кто высказывают такого рода опасения, повидимому, не отдают себе отчета в том, что количество не есть нечто отдаленное от качества. Оно неразрывно с ним связано, есть его другая сторона. Учесть меру проявления того или иного качества возможно лишь в количественной форме и именно в форме движения, как общей форме существования материи. Всякое различное бытие, по словам Гегеля, есть качественная величина, а всякая величина должна быть сосчитана. Каждующееся равнодушие количества к качеству, кажущееся их противоречие—обманчивый призрак. Нельзя поэтому говорить о качестве и количестве, как отдельных категориях, находящихся друг с другом в каком-то антагонизме. Наоборот, всякое количества есть количество определенного качества и всякое качество есть качество, взятое в определенном количестве. Как говорит Энгельс, «в природе могут происходить качественные изменения точно определенным для каждого отдельного случая способом лишь путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения» («Архив», II, стр. 221). Таким образом, количества есть только способ учета тех форм, в которых проявляется данное качество. Трактовка поведения живого существа, как определенной формы движения, есть неизбежное для науки средство изучить это поведение. В этой трактовке может быть только одна опасность, которую отметил Энгельс,—это «яростное стремление свести все к механическому движению, чем смахивает специфический характер прочих форм движения» (ib., стр. 27). Это не значит, однако, же, что необходимо отказаться

от задачи сводить поведение вообще к движению, это значит только, что необходимо не ограничиваться одним механическим движением, а изучать и другие формы движения, имеющие место в данной реальности, так как механическое движение есть только одна из многих форм движения и, «чем выше форма движения, тем мельче те перемещения», которые выполняются частичами вещества (ib., стр. 231). «Всякое движение заключает в себе механическое движение и перемещение больших или мельчайших частиц материи; познать эти механические движения является первой задачей науки, однако лишь первой» (ib., стр. 148). Поэтому тот, кто не идет дальше этой первой ступени науки, так же грешит против научного мышления, как и тот, кто на эту первую ступень не поднимается под тем предлогом, что стоящий на этой первой ступени еще не вполне охватывает изучаемую реальность.

Заканчивая эти, несколько затянувшиеся, справки по вопросу о материалистической установке на объект психологического исследования, необходимо констатировать в заключение, что этой материалистической установки на объект, отражающейся в нашем сознании, как психика, у проф. Корнилова нет. Уже это одно делает сомнительной с марксистской точки зрения ценность тех камней, которые кладутся проф. Корниловым в основу для построения «грядущей системы марксистской психологии». Однако же проф. Корнилов в качестве марксиста-психолога пытается быть не только материалистом, но материалистом-диалектиком. Как диалектик, он пытается применить диалектический метод к изучению психических процессов. Выше мы уже имели возможность наблюдать, как проф. Корнилов пользуется диалектическим методом с той целью, чтобы определить пути построения той марксистской системы психологии, которая предносится его творческому сознанию. Попытаемся теперь присмотреться к тому, как этот диалектический метод применяется нашим автором на живом конкретном материале, который, по его словам, дает нам современная психология» (стр. 52—53).

III. Диалектический метод в «марксистской психологии».

Диалектика есть орудие познания и метод революционного действия марксизма. Вопрос о применении этого орудия к изучению поведения живых существ, конечно, является очень животрепещущей темой для марксистской психологии, которая по существу своему должна быть марксистской наукой о поведении. Ревизия старой психологии с точки зрения марксизма и должна выразиться—в установке материалистической точки зрения на изучаемый объект, с одной стороны, и в применении к этому объекту диалектического метода, с другой стороны. Этому последнему вопросу, вопросу о применении диалектического метода в психологии, и посвящает проф. Корнилов специальный очерк в своем сборнике.

Уже с самого начала должно быть ясно, что необходимой предпосылкой для надлежащего осуществления диалектического

метода в психологии должна быть предварительная материалистическая установка на объект психологического изучения. Ведь, диалектика по самой природе своей материалистична. Как блестящее орудие познания и незаменимый метод революционного действия, она проявляет себя только будучи применяема к реальным процессам, к конкретной действительности. В противном случае она вырождается в простую схоластическую формалистику. Как раз этой необходимой предпосылки для применения диалектического метода у проф. Корнилова нет: материалистическая установка на психику им не сделана в полной мере. Как показало все предшествующее изложение, об'ект психологии в представлении проф. Корнилова все же остается не той реальностью, которую должна исследовать наука, а старым мифологическим представлением о «психике, как таковой». Поданный объект психологии есть поведение живого существа. Дляяснения этого конкретного факта поведения старые психологи придумали мифологическое, ненаучное понятие психики, психических процессов. Вот к этому мифологическому понятию и относится проф. Корнилов приложить диалектический метод. Ясно с самого начала, что его диалектика будет не материалистической диалектикой. Ее нужно еще поставить на ноги для того, чтобы ее могла дать что-нибудь. Конечно, и идеалистическая диалектика может многое сделать, как об этом свидетельствует пример диалектики Гегеля, о котором с такой благодарностью всегда поминали основоположники марксизма. На добрую половину диалектика Гегеля была уже материалистической диалектикой, зерно которой только по традиции облекалось в идеалистические формулы, которые оставалось только отбросить или превратить. Такова ли идеалистическая диалектика проф. Корнилова?

Проф. Корнилов ставит себе задачей доказать, что все принципы диалектического метода в той или иной форме находят свое применение в психологии: и принцип непрерывной изменчивости всего сущего, и принцип всеобщей связи явлений, и принцип скачкообразного развития процессов, и принцип прогрессивного развития по известной гегелевской триаде. Некоторые из этих принципов, напр., первые два, «стали элементарными тренажерами всякой научной дисциплины и потому исследовательское их применение не возбуждает, по словам Корнилова, сомнения» (стр. 59). Другим—только блестящее пособие для применения на почве психологии. Так или иначе, психология уже обеими ногами стоит в пределах диалектического метода и некоторые принципы последнего наилучшую иллюстрацию для себя находят именно в области психологии. Конечно, если старый вопрос так абстрактно, то, пожалуй, нет даже необходимости доказывать, что все процессы об'ективного мира подчинены так или иначе закону диалектического развития. И лишь вопроса должна заключаться не в том, диалектична ли психика, а в том, как извлечь из наблюдения за ее конкретными выражениями те диалектические законы, которым она подчинена, в чем выражается эта диалектика и как она осуществляется. «Мы все согласны,—пишет Энгельс,—с тем, что в любой научной области—безразлично в естествознании или в истории—надо выходить из данных фактов, т.-е. что в естествознании надо

исходить из различных об'ективных форм движения материи, и что, следовательно, в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказать их, поскольку это возможно, опытным путем» («Архив», II, стр. 181). В применении к тому, что называют психикой, также важно показать, как в формах поведения осуществляются законы диалектического развития. Это очень важная задача и к осуществлению ее психология должна приступить, если желает сделаться настоящей наукой. Проф. Корнилов однако же не столько показывает то, что в данном случае требуется, сколько доказывает, что на примерах психологии можно иллюстрировать абстрактно взятые законы диалектики. Но само собой понятно, что такие иллюстрации еще не представляют применения диалектики к психологии. Они являются скорее вульгаризацией диалектики, конструированием психической действительности по упрощенным схематическим формулам, придумыванием диалектики для психологии вместо того, чтобы открывать ее в самой этой психологии. Такое пользование диалектическим методом, конечно, не дает тех плодов, какие может давать настоящая диалектика, даже в том случае, если она имеет идеалистическую оболочку. Попытаемся ближе присмотреться к тем иллюстрациям, которые делает проф. Корнилов.

Принцип непрерывной изменчивости,—по словам проф. Корнилова, «находит свою лучшую иллюстрацию именно в области психологии, где именно нет предметов, а есть только процессы, где все динамично и актуально и нет ничего статического» (стр. 53). Поэтому целый ряд психологов, в том числе—Бундт, Джемс, Тиченер и многие другие, являются сторонниками принципа изменчивости в области психологии. Применение этого принципа представляется ему слишком очевидным, чтобы на рассмотрении его следовало останавливаться дольше. Так ли однако же? Не будем уже упоминать о том, что речь идет о психике, как таковой, психике в субъективном смысле. Сам проф. Корнилов несколько позже дал другую характеристику тем самым представителям психологии, в которых он только что видел сторонников диалектического метода в психологии. Надо ли говорить,—писал он, приблизительно год спустя,—что философские воззрения этих представителей не только не согласуются с воззрениями Маркса и Энгельса, но они радикально противоположны. Спенсер, как известно, агностик, Бундт—представитель научной метафизики, Джемс—прагматист, Фехнер—метафизик, Тиченер и Бэн—эклектики. Есть ли тут хотя члобо общего не только с диалектическим материализмом Маркса и Энгельса, но и с материализмом вообще? Абсолютно ничего общего» (стр. 77). Таким образом, самому проф. Корнилову представляется очевидным обратное тому, что он первоначально утверждал. Даже самые бесспорные сторонники принципа изменчивости могут, абсолютно ничего общего не иметь с диалектическим материализмом. В самом деле, достаточно ли признания изменчивости, чтобы на этом основании иметь право говорить о применении диалектического метода? Диалектический метод сложнее. Признавать наличие изменчивости еще не значит владеть диалектическим методом. Факт изменчивости, принудительно навязывающейся нашему сознанию, является только внеш-

ним признаком определенного процесса развития, совершающегося в природе и жизни. Задача заключается в том, чтобы уловить этот процесс в целом, и понять отдельные факты изменчивости, как его закономерные выражения. Только в этом последнем случае мы будем иметь диалектическое понимание действительности. Таким образом, простое признание наличия изменений в природе—это одно, а диалектический метод их изучения и исследования—это другое. Поэтому, хотя в области психологии факт изменчивости и непрерывной текучести процессов и навязывался сознанию принудительно, за всем тем это не представляло психологам видеть в этих процессах разрозненные, текущие явления и ни один из них не возвысился до того, чтобы понять и представить поведение человека или животного, как целостный процесс развития, обусловленный рядом других процессов и определенным образом с ними увязанный. Джемс, больше других психологов высмеивавший статическую психологию и живо чувствовавший всю необходимость динамического понимания психики, ограничивался тем, что представлял последнюю в виде «потока сознания», но куда течет этот поток, какова в нем его картина, общее направление его движения, этот вопрос оставался незадетым. Как будто психологи боялись ставить его во всей широте и довольствовались наблюдением отдельных деталей и мелочных зависимостей, в каких находились психические процессы, как друг от друга, так и от процессов физических. Не было, словом, той широкой философской подпочвы, которая одна могла бы обеспечить правильное применение диалектического метода. Не только важно было признать наличие изменчивости, важно было другое: дать картину этой изменчивости, понять ее принципы. А для этого требовалось нечто гораздо большее, чем простое формальное признание факта изменяемости, что сделать, конечно, очень нетрудно. Вот почему нельзя думать вместе с проф. Корниловым, будто применение диалектического принципа изменчивости старой психологии является фактом очевидным.

Другой принцип диалектического метода—принцип всеобщей связи явлений—сводится в представлении проф. Корнилова к тому, «что нет необусловленных явлений, все находится в непрерывной связи, являясь и причиной и следствием» (стр. 53). Подходя с этим принципом к психическим процессам, проф. Корнилов вынужден признать, что в психологии этот принцип признается представителями всех психологических направлений включительно до умозрительной психологий. Даже больше, наблюдается подчас тенденция к «крайней детерминированности» психических процессов, так что с этой стороны психологи проявляли как будто даже чрезмерную диалектичность. Очень сомнительно, конечно, чтобы в вопросе о детерминированности явлений можно было проявить какую бы то ни было крайнюю тенденцию: раз принцип выражен ясно в том смысле, что все должно быть обусловлено и все имеет свою причину, то ни о какой крайности не может быть и речи. Тем не менее, нужно признать преждевременным зачисление в состав сторонников диалектического метода всех представителей старой психологии на том основании, что они признают причинную связь явлений. Не всякая причинная связь является связью диалектической. Дело вовсе не

в причинной обусловленности, а в той всеобщей связи, которая одна показывает нам действительное место и значение изучаемого объекта. Диалектическая логика и требует от нас изучения этой всеобщей связи явлений. В природе все изменяется, но, вместе с тем, все неразрывно связано. И вот, «чтобы действительно знать предмет, надо,— по словам Ленина,— охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования» (т. XVIII, ч. 1, стр. 60). «Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии... Будучи последним словом научно-эволюционного метода, она запрещает именно изолированное, т.-е. однобокое и уродливо-искаженное рассмотрение предмета... Чистых явлений ни в природе, ни в обществе нет и быть не может—об этом учит именно диалектика Маркса, показывающая нам, что самое понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания, не охватывает предмет до конца во всей его сложности» (Сб. «Против течения», стр. 143, 157, 168). Таким образом, диалектический метод далеко еще не совпадает с признанием причинной обусловленности явлений. Признание последней вполне совместимо с изолированным, т.-е. недиалектическим изучением предмета. Совершенно естественно поэтому, что те психологи, которых проф. Корнилов признает диалектиками на том основании, что они не отрицают детерминированности психических процессов, на самом деле были очень далеки от диалектики и диалектического метода. Ведь те требования, которые диалектический метод предъявляет к психологии, заключаются в существе дела в том, что объект этой науки, психика, должен быть изучаем не изолированно, как самодовлеющая сфера бытия, а в связи с общим жизненным процессом. Между тем, психология как раз тем и грешила до сих пор, что, не отрицая детерминированности психических процессов, мыслила в лице большинства своих представителей психическую жизнь каким-то особым, самозамкнутым царством, имеющим свои специфические черты и развивающимися по своим собственным законам. Этот недочет в старой психологии, как, впрочем, и в других науках, удачно отмечал и подчеркивал И. Дицген, которому принадлежит бесспорная заслуга выявления особенностей и задач диалектического метода,— работа, проделанная им очень плодотворно, хотя и независимо от Маркса и Энгельса. «Известный ограниченный материализм,— писал Дицген в своих цитатах о логике,— думает, что все выполнено, если он констатирует связь между мышлением и мозгом... Известно, что непонимание национальной экономии заставляет проглядеть тот факт, что деловые люди ведут свои дела не обособленно, но что, равным образом, и все члены общества находятся в социальной связи между собой; это непонимание затемняет тот факт, что всякая работа наряду с личной деятельностью представляет собой также и часть общей работы,— и одинаково как экономическое, так и логическое непонимание проглядывает эту мировую связь... Человеческий дух живет и действует лишь в связи с другим материальным миром— и это вызывает признание органического единства всякого бытия... Мысль, интеллект дан фактически, он существует и его бытие однородно связано, как часть общего бытия, со всем миром. Вот кардинальный пункт трезвой логики» (стр. 110, 105—107). «Формальные логики трактуют об интеллекте, как о вещи в себе.

меж тем как я переворачиваю вещь с различнейших сторон, чтобы показать, что она существует не для себя, но в связи со всем и во всем. Формальная логика не понимает парадоксальной и диалектической природы вещей, которые существуют не только раздельно, но также и связано» (стр. 125). «Если хоть раз отказаться от привычки чрезмерно разделять вещи и пожелать видеть, как должно быть принимаемо во внимание не только различные вещи, но равным образом и их нераздельная связь, тогда легко уясняется, что знание о сердечной функции есть эмоцическое знание, связанное со всеми другими знаниями» (стр. 38). Обращаясь, в частности, к психологии, Дицген отмечает преобладание в ней формально-аналитических методов, благодаря которым живая связь психических процессов теряется в массе достигнутым анализом отдельных подразделений. «Подобно тому, как Геккель жаловался по отношению к музейной зоологии и кабинетной ботанике, так психологи жалуются в отношении первой регистратуры, господствующей в этой специальности. Здесь человеческая душа состоит из бесчисленного числа единичных способностей: познавательной, чувствующей, воспринимающей и т. д. без конца. Кто внес живую струю в этот хаос? Куда девается общая связь? Здесь же в человеческой душе находится явление и чувство прекрасного. Прекрасное в свою очередь распадается на художественно-прекрасное и нравственно-прекрасное и каждое в свою очередь на многие другие родственные виды. При чувстве прекрасного находится также чувство красивого, звездного, грациозного, достойного, благородного, торжественного, великолепного, патетического, трогательного. Так же говорят психология и о смешном, забавном, остроумном, о сатирическом, ироническом, юмористическом, о тысячах тонкостей и различий, над умственным разделением которых она трудится в своей области, как справедливо трудится в своей области ботаника, зоология, минералогия, каждая наука» (стр. 90). За этой первой регистратурой исчезает живая и непосредственная психическая действительность. Это давно отмечалось наилучше чуткими из старых психологов. Уже Джемс подвергал психологические подразделения жестокому осмеянию, утверждая, что приятнее слушать перечисление горных хребтов Нью-Гэмпшира, нежели описание и перечисление различных видов эмоций у Бэна. Джемс вполне основательно отмечал, что все аналитические подразделения, в пределах которых вращается старая психология, не отрывают собой психической действительности так же, как эта не исчрпывается бочками, кружками, квартами и т. п., потому что река есть нечто сплошное. На этом основании он предложил говорить о психике, как о потоке сознания, как о цельном и нераздельном процессе, обнаруживая тем самым изумительную диалектическую интуицию. Тем не менее и этот замечательный психолог диалектиком в полном смысле этого слова не был. Тем менее возможно видеть сторонников диалектического принципа всеобщей связи в представителях других психологических направлений, «включительно до представителей умозрительной психологии», как это желательно проф. Корнилову.

Третий принцип диалектического метода—принцип скачкообразного развития процессов с переходом от количественных определений к качественным. Согласно этому принципу «развитие

любого процесса совершается постепенно, а производимое им качественное изменение возникает внезапно» (стр. 54). Оказывается, что и этот принцип находит свое «наиболее очевидное и крайне плодотворное применение» именно в психологии, «во премуществе в той ее части, которая является наиболее точно обоснованной, именно в экспериментальной психологии, имеющей дело как раз именно с количественными определениями» (стр. 54). Иллюстрация применения этого принципа в психологии проф. Корнилов дает такие: количественное нарастание колебаний звуковых волн отражается в качественно различном восприятии цветов, количественное нарастание колебаний воздушных волн выражается в качественном различии воспринимаемых нами тонов; количественное нарастание раздражения в области света, звука, тишины дает ощущение прироста данного качества при известных пропорциональных условиях этого увеличения. Принцип скачкообразного развития параллельно росту количественных упражнений подчиняются и такие сложные процессы, как—утомление, упражняемость, запоминание, забывание. Ту же тенденцию к переходу в качественно иные ступени развития обнаруживает в связи с количественными изменениями жизнь эмоций и, наконец, взятое в целом все поведение человека, в котором нарастание определенных изменений остается незаметным до тех пор, пока не приведет к ступени, на которой достаточно незначительного впечатления, чтобы положить начало резкому скачку в изменении поведения. Этот третий принцип, по мнению проф. Корнилова, может иметь в психологии наибольшее значение в исследовательском смысле, разрешая многие проблемы, как теоретического, так и практического характера. Так, спор между Павловым и Вагнером о том, отличается ли чем-либо инстинкт от рефлекса, был бы давно решен, если бы был принят во внимание этот принцип, «ибо часто то, что кажется принципиально различным, на самом деле есть лишь не больше, как только качественная форма иного количественного определения того же самого объекта» (стр. 60). Пожалуй, что в применении проф. Корниловым к психологии этого третьего принципа диалектики мы имеем наиболее изумительный пример вульгаризации диалектики и конструирования психической действительности по упрощенным, якобы диалектическим формулам. В самом деле, диалектический принцип скачкообразного развития проф. Корнилов предстаёт как использовать, в качестве обяснения, на самом краине сомнительном, чтобы что бы то ни было уяснялось в сгущенном им споре о рефлексах и инстинктах простой ссылкой на то, что инстинкт есть качественная форма количественного изменения. Это только кажущееся словесное обяснение, на самом деле ничего не обясняющее и с диалектикой ничего общего не имеющее. Действительный смысл принципа скачкообразного развития заключаются не в том, чтобы видеть обяснение непонятного явления в наименовании его новым качеством, а в том, что кажущуюся непонятной для нас смену качественных определений мы имеем возможность понять путем сведения ее к колебанию, мы имеем возможность понять путем сведения ее к количественным определениям. «Всякий процесс,—как говорит Сабабьянов, можно и должно рассматривать и как количественный и как качественный... Линия количественного развития есть линия абсолютного, беспрерывного движения, линия же

вещественного развития есть линия, образованная из плоскостей или из качественных плоскостей» («Основное в едином», стр. 114, 116). Первая непрерывна, вторая прерывиста. Только при наличии точного учета количественных изменений процесса мы делаем для себя понятной качественную сторону этого же процесса, воспринимаемую нами в форме ряда необъяснимых скачков. Не скачки сами по себе являются обяснением; а, наоборот, скачки являются ссылкой на предшествующие количественные изменения, подготовившие скачок. Переход количества в качество, заранее, появление нового качества есть закономерно подготовленная предшествующим ростом количества новая ступень в развитии данного явления. Новые качества мы познаем, как скачки, и закономерность мы можем констатировать, только исследуя развитие в их основе количественные изменения этих качеств. Количественная прерывистость, воспринимаемая нами в форме скачков, является результатом—или недифференцированности организма чувств, недостаточно приспособленных к восприятию данного качества или других причин. Изучение лежащих в основе данного качества количественных отношений восполняет этот естественный недочет в нашей познавательной работе. В этом заключается явное методологическое значение принципа. Во что превращает проф. Корнилов? Он превращает его в простое словесное и ничего не дающее обяснение, что инстинкт есть качественная форма количественного изменения рефлекса. Это не мешает ему также в только что вышедшем учебнике психологии разъяснять в полной противоположности с только что приведенным обяснением, что «с точки зрения диалектического метода инстинкт есть не простое усложнение и совокупность рефлексов, а качественно совершенно отличное новообразование, возникшее за почву этих рефлексов» (стр. 25). Аналогично, путем чисто словесного применения диалектической формулы, обясняет проф. Корнилов и другие психические процессы. Так, переход из беспредметного состояния в сознательное «могло, по его словам, быть только диалектически, т.е. таким образом, что бессознательные состояния поведения человека, повышаясь в своей сложности до определенного предела, сразу в виде скачка дают нам эту качественную форму—сознательного поведения, и обратно» (стр. 12). Здесь понятно только одно, что ссылка на диалектический метод превратилась в употребление проф. Корнилова в какой-то талисман, помощью которого неясное должно сделаться ясным, вернее,—казаться таким. —Употребление понятия скачка в качестве обяснительного принципа—это только одна сторона в вопросе об использовании проф. Корниловым третьего принципа диалектического метода. Другая сторона заключается в том, что принцип скачкообразного изменения слишком внешним образом применяется к психологии. Впечатление получается такое, как будто бы преследовалось наличие только схемы скачка, независимо от того, что в эту схему войдет. Фактически проф. Корнилов берет для изучения с помощью диалектического метода не поведение, этот подлинный объект психологии, а схему старой объективной психологии (раздражение—ощущение) и пытается подогнать ее под форму принципа скачкообразного изменения. В результате то, что является субъективным переживанием, выступает у проф. Корнилова, как качество, между тем как внеш-

ная причина, обусловившая это переживание, характеризуется, как количество. И вот параллельно количественному росту внешней причины скачкообразно вырастает качество, субъективное переживание. Разумеется, нам нет надобности указывать, на то, что в мнимо-диалектическом наряде здесь оказалась чистейшей воды старая субъективная психология. Необходимо только подчеркнуть одну несообразность: внешняя причина, обусловившая субъективное переживание (колебания волн эфира, волны воздуха, тяжесть и т. п.), не может быть трактуема, как чистое количество, рост которого имеет своим последствием качественные скачки в форме субъективных переживаний, как и, наоборот, эти последние не могут быть рассматриваемы, как чистые качества. Всякое качество есть величина, имеющая свою определенную количественную меру, равно как и всякое количество есть количество определенного качества. Поэтому, когда мы имеем возрастание определенного количества, то мы должны рассматривать его лишь как другую сторону изменения соответствующего качества, хотя бы последнее и не делалось заметным для нас параллельно всем количественным изменениям. Количественные и качественные изменения суть, таким образом, моменты роста одной и той же величины. Проф. же Корнилов, сохранив параллелизм старой психологии, характеризует внешнюю причину, как количество, субъективное переживание, как качество. Ни материалистической, ни диалектической психологии от этого, как само собой понятно, получиться не может.

Четвертый принцип диалектики — принцип прогрессивного развития, выражаящийся в известной триаде Гегеля. Примеры применения этой триады проф. Корнилов приводит такие: сознание, погружение в бессознательное и новое возвращение в сознание в более богатой по содержанию форме: восприятие и осознание раздражения, реагирование и возвращение к начальному моменту следующей реакции и т. п. Сам автор усматривает однако же некоторые трудности применения триады к психологии и оговаривается, что не во всяком психическом акте возможно ее усмотреть. Вопрос, конечно, не в том, что трудно применить триаду, а в том, что она неправильно применяется, поскольку общая постановка вопроса о психике неправильна. Если уже применять формулу прогрессивного развития к поведению, то прежде всего нужно иметь перед собой само это поведение. Но где оно? Тезис — сознание, другой тезис — восприятие и т. д. Это вращение в пределах субъективной психологии. Ни тезисом, ни антитезисом сознание быть не может. Нужно брать бытие, но проф. Корнилов на бытие в области психологии не ориентируется. Поэтому и его попытка применить принцип диалектического материализма к психологии, принцип по преимуществу материалистический, не может быть признана удачной. Между тем, стоит только взять действительный объект психологии — поведение живого существа, чтобы сразу же почувствовать его диалектическую сущность. Всякий акт поведения есть восстановление нарушенного равновесия организма со средой. Если взять организм в момент, когда равновесие восстановлено (тезис), то уже в следующий момент мы столкнемся с новым нарушением этого равновесия (антитезис) и с новой задачей его восстановления (синтезис). Такова должна быть диалектическая схема прогрессивного

развития в области науки о поведении. Если эту схему наполнить живым и конкретным содержанием современности, если связать ее с нашей текущей боевой практикой, она станет не только орудием познания, но и орудием революционного действия. На такие задачи диалектического метода в применении к науке о поведении, науке, которая по существу дела должна быть революционной наукой, нет и намека в постановке этого вопроса проф. Корниловым.

IV. Вместо заключения.

Несколько длинный и, конечно, утомительный путь проверки тех позиций, которые пытаются занять современные представители марксистской психологии, нами пройден небезрезультатно. В той форме, в какой эти позиции выявились в работах проф. Корнилова, мы видим ясно, что марксизм здесь имеет место пока что только по имени, а те камни, которые кладутся в основу грядущей системы марксистской психологии, суть камни, зачастую заимствованные из старой субъективной психологии. В целом это не означает того, что делается продвижение со стороны психологии вперед, в направлении к марксизму. Напротив, это означает скорее шаги назад, так как марксизм используется для обоснования явно реакционных позиций в психологии.

На протяжении всего очерка мы имели возможность видеть, что ни материалистической установки, ни диалектического подхода в вопросах поведения наша «марксистская» психология пока еще не намечает. Объявляя с именем марксизма на устах войну врагам справа, она на самом деле все время борется против врагов слева, используя все возможные спорные пункты и вопросы как в марксизме, так и в психологии, чтобы тем легче укрепить под знаменем диалектического материализма основные позиции старой субъективной психологии, разумеется, «в трансформированном виде».

В конечном итоге это означает, что задачу пересмотра вопросов психологии с точки зрения марксизма нельзя считать законченной и что к ней придется возвращаться не один раз, проявляя уже занятые позиции. Принципиальные подходы к вопросам психологии, изложенные в настоящем очерке, автор пытается в несколько иной форме изложить в другой своей работе, написанной еще в 1922 г. под заглавием «Психология. Опыт изложения основных вопросов психологии с точки зрения диалектического материализма». Вып. I. Введение в психологию. Оренбург 1923 г.. Громадные недочеты этой работы, написанной несколько спешно и неряшливо и в условиях неблагоприятных, конечно, не подлежат сомнению. В этом смысле был прав т. Троцкий, встретивший ее своим суровым отзывом в журнале «Под Знаменем Марксизма» 1923 г., № 12 (см. также ответ на сделанную мной попытку антикритики — «Под Зн. М.» 1924 г., № 3). Но, пожалуй, не был неправ и другой критик, Гр. Баммель, который, минуя формальные недочеты работы, пыгался учесть ее положительные стороны («Печать и Революция» 1924 г., № 5). К сожалению, оба эти отзыва были даны со стороны философской. За то

психологи обошли полным молчанием работу, как будто ее не появлялось в свет. Правда, в первое время ее усиленно приводили в качестве материала для студенческих докладов и рефератов, трактуя ее содержание, как возвращение к вульгарному материализму. Но в печатном виде никто не поделился своими замечаниями и не дал своих советов. То направление, которое приняли за истекшие три года работы по «марксистской психологии», говорит определенно, что делаются шаги не вперед, а назад. Это и дало повод автору настоящего очерка выступить с критикой тех позиций, которые в настоящее время занимаются группой психологов-«марксистов» во главе с проф. Корниловым.

Механический материализм в современной психологии.

(Ответ В. Струминскому).

К. Корнилов.

I.

Всякий, кто внимательно следит за развитием марксистской науки в СССР, знает, что за последнее время, главным образом среди представителей естествознания, наметился уклон от позиций диалектического материализма к механическому материализму. Уклон этот прежде всего выражается в том, что делаются попытки рассматривать биологические явления, как только механическое соединение физико-химических элементов, не только простое механическое перемещение частиц движущейся материи, не учитывая того, что в живом организме это единение физико-химических элементов дает нам новые синтетические качества, которыми организованная материя и отличается от неорганизованной. Сторонникам этого механического материализма кажется, что признание этих новых качеств материи, которые диалектически появляются в результате количественного возрастания организованности материи, есть измена материализму, это есть витализм, или, как выражаются некоторые, «черносотенство» в науке. Воссматривать все качественное многообразие живой материи, как только непрерывное универсальное движение, познать все через призму законов физики и химии, а это значит и неизбежно механики,— вот первая характерная черта этого механического понимания природы.

А так как эта точка зрения не укладывается в рамки ортодоксального марксизма и входит в прямое противоречие с основоположниками марксизма, поэтому естественным следствием этого является ревизионизм, критика и пересмотр воззрений Маркса, Энгельса и их прямых продолжателей.

Таким образом, антидиалектичность в понимании природы и ревизионизм в отношении к основоположникам марксизма,— вот те две характерные черты, присущие сторонникам этого наметившегося уклона от позиций ортодоксального марксизма.

Спор этот пока что идет в пределах понимания явлений природы, т.-е. не выходит за пределы естествознания. Но ясно, что разногласия имеют более широкий характер и рано или поздно они будут переброшены и на область обществознания.

А так как соединительным звеном между естествознанием и обществоведением, между явлениями природы и поведением общества является поведение человека, то ясно, что и психология, как наука о поведении этого человека, должна быть захвачена этими принципиальными разногласиями.

Как раз именно это и делает В. Струминский в своей статье, направленной против позиций, занятых Московским Психологическим институтом и в частности мной в вопросе об отношении психологии к марксизму. Следуя в своей статье шаг за шагом за механистами в естествознании, В. Струминский по существу повторяет их аргументацию в применении к психологии, вот почему две отмеченные выше характерные черты — антидialektичность и ревизионизм, — присущие механистам-сторонникам, составляют основное ядро и принципиальных взглядов В. Струминского.

II.

Следует отметить, что эта попытка осветить вопросы психологии с точки зрения механического материализма В. Струминским делается не в первый раз. Три года тому назад он выпустил свою книгу — «Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма». В этой книге обе выше названные тенденции автора — механичность и ревизионизм — нашли свое яркое выражение, помимо исключительных претензий автора и его «развязности» в трактовке материала, а также «варварского языка, которым была написана книга. Именуя свою книгу «принципиальным методическим введением в изучение психологии», В. Струминский ставил своей задачей — «выяснить принципиальные предпосылки, основные контуры и упоры новой психологии»¹⁾, «дать принципиально исчерпывающий ответ, какая реальность такое бытие та психика, которая нашему сознанию открывается как ряд мыслей, чувств, желаний и т. п.»²⁾. При чем дальнейшлось, что «психология будущего есть наука о психическом бытии», что «психика — есть вещественный процесс в организме, совершающийся по законам органической жизни»³⁾, что «психика должна быть мыслима, как род движения» и т. д. А так как все эти положения автору никак не удалось согласовать с эрдоксальным марксизмом, то он очень развязно признался за ревизию его. Так, автор говорит, что «по условиям своей работы, вожди марксизма психологией заниматься не могли, но дали руководящие указания, на основании которых их ученики не раз брались за нее, но все поголовно были извратителями чистоты греческой постановки»⁴⁾, что Плеханов стремится закрепить дуализм, «как совершенно нормальное явление, и обосновать его ссылкой на авторитет великих основоположников марксизма»⁵⁾, что у Бухарина «не только дуалистическая терминология,

но и некоторая невыработанность и неустановленность монистической точки зрения»¹⁾ и т. д.

В таком виде книга В. Струминского подверглась уничтожающей критике со стороны журнала «Под Знаменем Марксизма» (№ 11—12, 1923 г.), в лице тов. Троцкого. Заключение тов. Троцкого о книге Струминского было таково: «Во-первых, она написана с какой угодно точки зрения, но не с точки зрения диалектического материализма; во-вторых, она может представлять все, что угодно, но не «пыт систематического изложения основных вопросов диалектического материализма», и, в-третьих, она написана языком варварской тарабарщины»²⁾. «Струминский мыслит себя не метафизиком, а диалектиком. Получился метафизик в психологии, не революционер в психологии»³⁾.

В. Струминский пробовал было неудачно возражать против этой рецензии⁴⁾, но теперь, как мы видим из его статьи, он признает, что «громадные недочеты этой работы, написанной несколько спешно и неряшливо и в условиях неблагоприятных, конечно, не подлежат сомнению. В этом смысле, конечно, был прав тов. Троцкий, встретивший ее своим суровым отзывом в журнале «Под Знаменем Марксизма».

Таким образом, как будто бы все данные налицо, что В. Струминский сознал свои недочеты, пересмотрел свои позиции и теперь выступает с этими обновленными взглядами.

Но верно ли это? Действительно ли В. Струминский отказался от своих чисто механистических взглядов на психику и вернулся на точку зрения диалектического материализма? Ничуть не бывало! В этой своей статье он показал, что не только не отказался от позиций механического материализма, но еще более закрепил из за собой, как это будет видно из последующего изложения.

III.

Перейдем к рассмотрению центральной проблемы, при разрешении которой происходит принципиальное расхождение между сторонниками механического и диалектического материализма в психологии, — к проблеме — что такое психика? и каково ее отношение к движению материи?

Из ортодоксальных марксистов наиболее четкое определение того, что такое психика и можно ли ее свести к механическому движению материи, мы находим у Плеханова, Ленина и Бухарина. Плеханов в своем предисловии к «Л. Фейербаху» Энгельса, вскрыл, как относится материализм к психике и сведения психических явлений к движению материи, определенно говорит, что если Пристлей учил, что материя имеет свойство ощущать и думать, то уже из этого видно, что материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи, как это говорят за него его противники. Для материалиста ощущение и мысль, сознание есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов,

¹⁾ В. Струминский, Психология, стр. 359.

²⁾ Ib., стр. 58.

³⁾ Ib., стр. 369.

⁴⁾ Ib., стр. 168.

⁵⁾ Ib., стр. 73.

¹⁾ Ib., стр. 70.

²⁾ «Под Знам. Марксизма» № 3, 1924 г., стр. 255.

³⁾ № 11—12, 1923 г., стр. 804.

⁴⁾ См. «Под Знам. Марксизма», № 3, 1924 г.

оставивших заметный след в истории философской мысли, не «водили» сознания к движению и не обясняли одного другим. Если материалисты утверждали, что для объяснения психических явлений нет надобности придумывать особую субстанцию—душу; если они утверждали, что материя способна «ощущать и мыслить», то эта способность материи им казалась таким же основным, а потому и необъяснимым ее свойством, как движение¹⁾ (Разгадка наша. К. К.). И в другом месте Плеханов не менее определенно говорит, что «противникам материализма, имеющим о нем по большей части самое нелепое представление, кажется, что Энгельс неправильно определил сущность материализма, что на самом деле материализм сводит психические явления к материальному»²⁾. Я считаю нужным привести эту справку полностью потому, что В. Струминский препарирует ее не как выражение собственных взглядов Плеханова, а как только даваемую Плехановым «историческую справку», что так думали материалисты XVIII века. Надо ли говорить, что для всякого, кто вчитается в смысл рассуждений Плеханова, станет ясно, что В. Струминский прибег здесь к искажению содержания мыслей Плеханова. Сынок Плеханова на Энгельса говорит о том, что по этому вопросу и Энгельс и Плеханов держались одних определенных взглядов на этот вопрос. И это со всей ясностью вскрывает Ленин, цитату из которого В. Струминский хотя и привел, но урезал ее в той части, которая говорит, что и Энгельс запрещает сводить или выводить психику из движения материи. Вся цитата у Ленина гласит следующее: «Мы на примере Дидро видели настоящие взгляды материалистов. Не в том состоит эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи. Энгельс в этом вопросе стоял на точке зрения Дидро»³⁾, добавляет Ленин. Итак, и Энгельс, и Плеханов, и Ленин держатся на этот вопрос одних взглядов, что психика есть свойство движущейся материи (по Плеханову, «основное и необъяснимое, как и движение»), что «ни сводить, ни выводить психику из движения материи» нельзя.

Бухарин всецело разделяет эти взгляды, когда он говорит, что ««дух» есть особое свойство особо организованной материи»⁴⁾. Но наряду с этим Бухарин дает второе определение психики. Он говорит: «Материализм Маркса под психическими явлениями подразумевает не какую-то сверхданность, а другую сторону физиологических процессов с особой качественной характеристикой... Моя психические явления не есть нечто второе, сверх и помимо этих процессов данное, а лишь интроспективное выражение того же самого, интроспективное выражение моих физиологических процессов»⁵⁾.

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 9—10.

²⁾ Ibid., стр. 8.

³⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 39.

⁴⁾ Бухарин, «Исторический материализм», стр. 55.

⁵⁾ Бухарин, Атака, стр. 137, 147.

Таковы воззрения ортодоксальных марксистов на вопрос, что же такое психика и в каком отношении она находится к движению материи.

Обратимся теперь к рассмотрению моих взглядов на психику и ее отношение к материи и движению материи для того, чтобы наглядно видеть, что эти взгляды ничуть не расходятся с вышеупомянутыми воззрениями ортодоксальных марксистов, и что вся ожесточенная критика В. Струминского построена, с одной стороны, на передержках и подмене моих положений другими, близкими к ним, или же на его собственном коренном расходжении с ортодоксальными марксистами.

Уже и прежде в своей «Психологии» и затем в полемике со своим рецензентом тов. Троицким В. Струминский утверждал, что «психика есть вещественный процесс в организме», «психика должна быть мыслима, как „род движения“». Теперь красной чертой через всю его статью проходит мысль, стоящая в коренном противоречии со взглядами вышеупомянутых ортодоксальных марксистов, что «необходимо психику свести к движению материи». Это исходный пункт и заключительный аккорд всей его статьи. Вот почему и вся атака его направлена на то, чтобы если не опровергнуть, то хотя бы как-нибудь подорвать положение диалектического материализма, что психику нельзя свести к механическому движению материи. Поэтому он и обращивается на меня и мою книжку за то, что я так отчально и твердо настаиваю на том, что психика не может быть ни сведена, ни выведена из механического движения материи, как это особенно четко, мы видели, подчеркнул Ленин.

Не имея возможности опровергнуть это положение и сдвинуть вас с этой позиции, В. Струминский старается всеми силами подменить эту позицию, стремясь доказать, что если вы не хотите «свести психику к движению материи», то это равнозначно тому, что вы не хотите «свести психику к материю». Для всякого понятно само собой колоссальное различие по содержанию этих обеих формулировок: тот, кто не желает сводить психику к механическому движению материи, не делает потому, что он диалектик, потому что при этом теряется «качественная характеристика» психики. Тот же, кто не желает сводить психику к материю, есть идеалист. И вот, ловко сконглируя этими близкими по форме, но диаметрально противоположными по смыслу «сведениями», В. Струминский и думает «свести» вас на позицию чистого идеализма. Не даром же первый упрек, который бросает он мне, заключается в том, что я идеалист.

«Оказывается,— пишет В. Струминский,— что с точки зрения диалектического материализма, согласно разъяснению проф. Корнилова, вовсе нет надобности как бы то ни было сводить психику к материи»¹⁾,— вот одна из передержек В. Струминского. Посмотрим, что я говорю по этому поводу в действительности. Если В. Струминскому кажется мало того, что я говорю в своей книжке «Современная психология и марксизм», что «марксизм в корне порывает с дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному», как свойство этой материи, и что «то, что мы называем психикой,

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1925 г., стр. 227.

есть не нечто противоположное материи, а есть лишь свойство наиболее организованной материи¹⁾), — тогда, спрашивается, почему он, ссылаясь на мой «Учебник психологии», ни одним словом не упомянул о том, что весь второй параграф так и озаглавлен: «Психические явления материальны? А в этом параграфе имеются две следующие формулировки, которыеуж, казалось бы, должны были в корне устранить какие бы то ни было упреки в идеализме. «С точки зрения современной психологии психика есть ни в коем случае не какая-то обособленная и самостоятельная сущность и не нечто отличное по самой своей природе от материи, а это есть не что иное, как только свойство высоко-организованной материи. Значит, в живом организме нет ничего нематериального, и живая материя эта есть не больше, как тольк она выращивающая форма организованной материи²⁾. И в другом месте: «Таким образом то, что называется сознанием, психикой, это есть субъективное выражение тех же самых физиологических и физических процессов, которые происходят в организме и которые внешне объективно выражаются в движении»³⁾. Пусть теперь читатель судит, насколько же В. Струминскому надо было исказить смысл высказанных мной по этому вопросу мыслей, для того, чтобы утверждать, что я «идеалист», что «такой строй мыслей (Корнилова) должен быть в особенности отраден для субъективного психолога, который в свое время вместе с богословами не мало поработал над тем, чтобы очернить эту грубую материю, которая так полюбилась низменным материалистам». Развязано В. Струминского в извращении и подмене мыслей своего оппонента настолько велика, что еще т. Троицкий, в своей полемике с В. Струминским, должен был отметить эту присущую черту⁴⁾ В. Струминского, сказавши о нем, что «развязность, если и фигурирует где-нибудь, как достоинство, то только в науке о страсти нежной, но никак не в научной работе»⁴⁾.

Те же передергии повторяются и в дальнейшей аргументации В. Струминского. Давая качественную характеристику психики, я называю ее «основным, первично-данным и ближе необъяснимым свойством, как и всякое другое свойство материи, например, движение». В. Струминским это сейчас же в корне извращается. Взамен «качественной характеристики», о чем говорит уже одно сравнение с движением, В. Струминский тотчас же подставляет понятие сущности и бытия и начинает доказывать, что психику я считаю столь же первичным бытием, как и материю, хотя в предисловии к критикуемой книжке в качестве лозунга мной выставлено: «Всегда сознание и никогда материя», — говорит идеалист. «Всегда материя и никогда сознание», — говорит наивный материалист. «Сперва материя, затем сознание», — говорит диалектический материалист⁵⁾. Но В. Струминский не считается ни с чем: ему хочется раскритиковать «мо-

ковских психологов» во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами.

Изобразивши, таким образом, вопреки очевидности, меня идеалистом, который запрещает сводить психику к материи и признает эту психику таким же первичным бытием, как и материи, В. Струминский приступает теперь к критике обоих даваемых мной определений психики: «Психика есть свойство организованной материи», и «психика есть субъективная сторона физиологических процессов, интроспективное их выражение». Несмотря на то, что эти положения я беру целиком, как это видно, у вышеизвестных ортодоксальных марксистов, В. Струминский неумолим. А так как непосредственно критиковать представителей ортодоксального марксизма не совсем ловко, а желание устроить «ревизию» их взглядов у В. Струминского имеется, поэтому он «ревизию» эту устраивает косвенно, критикуя меня. С точки зрения В. Струминского оказывается, что «к термину свойство прибегали всегда, когда не умели, или по тем или иным соображениям не желали дать наглядного научного объяснения явлений: имит обладает свойством притягивать, а чудотворная икона — свойством исцелять и т. д.». «К этим и аналогичным германиям, — продолжает В. Струминский, — прибегали всегда, когда нужно было или маскировать название какого-либо явления, или контрапункт протащить в сознание то, что не может быть проташено явно¹⁾. Таково значение этого определения, что психика есть свойство организованной материи, по Струминскому. И вот за то, что я держусь этого определения, В. Струминский предъявляет мне целый ряд обвинений: помимо того, что я хочу «протащить хлам субъективной психологии», я, оказывается, пойман в том, что признаю «психику, как таковую, со всем своеобразием явлений», за что я попадаю вновь в «психологи-спиритуалисты».

Со вторым определением психики, как субъективной стороны физиологических процессов, дело обстоит не лучше. Оказывается, что это определение дал не Бухарин, а Корнилов, который тоже «подменил» подозрительное понятие «свойства» еще более подозрительным — «субъективная сторона», которая и оказывается по интерпретации В. Струминского, тем самым яйцом, в котором гранится «кашевра душа», предмет страстных исканий «психологи-спиритуалиста» — Корнилова. Вот где оказывается весь костье вециш!..

Разбивши вдребезги оба определения психики, и как «свойства материи», и как «субъективной стороны», и попутно приписав мне за это и идеализм, и субъективизм, и эклектизм, и всякие такие только есть на свете отрицательные «измы», В. Струминский не мог, конечно, забыть, что все эти определения психики даны марксистами и потому нужно как-то примирить свои «марксистские» взгляды со взглядами Энгельса, Плеханова, Ленина и Бухарина. И вот тут начинается обычная эквилибристика мелкого ревизионаста с большими претензиями.

Теперь, после ожесточенной критики, В. Струминский не прочь, видите ли, признать, что «действительно, в марксистской

1) «Соврем. психол. и марксизм», стр. 6—7.

2) Корнилов, Учебник психологии, изложенный с точки зрения диалект. материализма, стр. 10.

3) Ibid., стр. 10.

4) «Под Знам. Марксизма» № 3, 1924 г., стр. 258.

5) Корнилов, Совр. псих. и маркс., стр. 4.

1) «Под Знам. Марксизма», № 3, 1926 г., стр. 228.

литературе психика по давней традиции именуется свойством высокоразвитой материи, при чем такая характеристика упрочивается, в противовес тенденции трактовать психику, как движение». И далее, приводя соответствующие выражения из Ленина и Плеханова, В. Струминский пишет: «Таким образом, традицию определять психику, как свойство организованной материи, нужно считать выраженной совершенно определенно и очевидно».

Но... и тут-то вот и начинается тот «обход марксизма», в котором В. Струминский обвиняет нас, но в чем он повинен сам больше всего. Прежде всего, оказывается, по В. Струминскому, к этой «традиции» (считать психику свойством материи) необходимо подойти «диалектически»: а) уяснив ее подлинный смысл и б) учитывая те условия и обстоятельства, при которых она установилась». Но, заранее чувствуя, что никакая «диалектика» тут не поможет, В. Струминский хочет предварительно вызвать некоторое недоверие у читателей к «традиции» «всемчайших авторитетов». Он говорит: «Нельзя представлять себе дело так, что раз сказано, хотя бы и величайшим авторитетом, что мысль есть свойство организованной материи, то это утверждение в такой именно форме должно оставаться на все века, как окончательное достижение, исключающее другие возможные формулировки и определения того же рода». Какие «другие формулировки и определения» выдвигает В. Струминский взамен тех, которые дали ортодоксальные марксисты, мы увидим, пока не приходится всецело согласиться с отзывом тов. Троцкого: В. Струминский, что последний «скромно считает себя членом семейства Маркса—Энгельса» по части психологии.

Но этого мало. Второй не менее трафаретный аргумент каждого ревизиониста сводится к тому, что «если та или иная формулировка была достижением в одну эпоху, то сохраненное в неизменном виде на будущее время очень часто может означать уже не прогресс, а застой мысли и даже движение назад». Теперь вы окончательно ожидаете, что наш «член семейства Маркса—Энгельса» выдвигнет свою формулировку или определение психики в его современном значении, взамен устаревшего определения, данного основоположниками марксизма. Но прежде, чем дать эту формулировку, посмотрим, как же «диалектически» устанавливается В. Струминским «подлинный смысл» определений данных материалистами. Оказывается, что, «называя сознание свойством организованной материи и отказываясь непосредственно свести его к движению той же материи, материалисты делали шаг вперед (и, повидимому, два назад, по выражению В. Струминского. К. К.), найдя выход из дуалистического мировоззрения, и проявили величайшую научную осторожность, не спеша с конкретным разрешением вопроса о том, как именно психические процессы могут быть сведены к движению, а предоставив разрешение этого вопроса времени».

Таким образом, защита своему положению, что «психика должна быть сведена к движению», В. Струминскому не приходится искать у материалистов XVIII и XIX веков. Оказывается, они «проявили величайшую научную осторожность» (не в пример некоторым материалистам, живущим в XX веке!). Но В. Струминский—ловкий «диалектик». Он и тут нашел себе

утешение, что «в наличии самого термина (т.-е. «свойства») еще не заключалось никакого запрета к тому, чтобы мыслить означенные этим термином процессы, сводимыми к движению». Ну, что ж, посмотрим далее, может быть кто-либо из современных материалистов-диалектиков проявит меньшую научную осторожность и займется этим «сведением».

В. Струминский переходит к «диалектической» обработке взглядов Плеханова. Доказательство начинается от обратного. Вместо того, чтобы опираться на то, что говорил Плеханов, мы предлагаем опираться на то, что не говорил Плеханов. У Плеханова,—говорит Струминский,—мы нигде не встречаем категорических заявлений о том, что психика не сводима к материи». А если Плеханов говорит в предисловии к «Л. Фейербаху» Энгельса, что «никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не «сводил» сознания к движению и не объяснял одного другим», то, по Струминскому, это «только историческая справка».

А если вас это не удовлетворит, то у В. Струминского в его «Психологии» есть распространенное доказательство того, что с Плехановым вообще не стоит много считаться, так как он «стремился закрепить дуализм, как совершенно нормальное явление»¹⁾. Итак, оказывается, и Плеханов не берется за сведение психики к движению материи.

В. Струминскому приходится хотя бы утешаться тем, что Плеханов не делает «никаких категорических заявлений о том, что психика не сводима к движению». Остается обратиться к последней надежде—Ленину, авось, он не проявит «величайшую научную осторожность» и «сведет», наконец, психику к движению материи. Увы! Этот оказался круче всех: материалисты XVIII века, по интерпретации В. Струминского, если сами не бились за «сведение» психики к движению материи, в виду их «величайшей научной осторожности», то хотя не запрещали заниматься этим «сведением» другим. Плеханов, тот на счет этого «сведения» будто бы смотрел сквозь пальцы, не делая «никаких категорических заявлений». Зато В. И. Ленин,—пишет В. Струминский,—на вопрос о происхождении ощущений так и отвечает, что «материалисты не могут решить вопроса, для решения которого собрано еще недостаточно данных». Последняя надежда В. Струминского лопнула; и этот, оказывается, проявил «величайшую научную осторожность».

Но В. Струминскому все же неизменно. «Собрano недостаточно данных?» Не моргнув, отвечает он: «Значит, данные собираются и с каждым днем их количество увеличивается». Вот это уж действительно называется просунуть хвост туда, где голова не ждет!.. И в заключение всей своей бесплодной критики и «ревизии» В. Струминскому приходится утешаться тем, что «если эмпирически, за недостатком данных, материалисты не сводили сознания к движению, а тех, кто поспешно и не критически (вроде В. Струминского! К. К.) это пытались делать, они обличали в поспешности и необоснованности их работы, то принципиально пред материализмом все же стоит задача свести психические процессы к движению материи».

¹⁾ Струминский, Психология, стр. 73.
Под знаменем марксизма.

Что же осталось от всей этой шумихи В. Струминского? Что он выдвинул взамен раскритикованных им формулировок и определений «величайших авторитетов»? Если бы ровно ничего кроме страстного стремления механистов понять весь материальный мир через призму законов механики, это было бы только наличием антидиалектическими в мышлении человека, неспособного понять, что кроме механического движения материи имеются качественные изменения материи, «свести» которые к механическому движению это значит «смазать», по выражению Энгельса, «специфические особенности высших законов», ту «качественную характеристику», которая присуща этим законам. Но В. Струминский во-время не остановился. Он продолжил эти свои рассуждения и закончил их «оригинальной», прямой до умопомрачения фразой, столь характерной для всей позиции В. Струминского. Он говорит: «Таким образом, вульгарность некоторых материалистов заключалась не в том, что они представляли себе мысль выделением материи, а в том, что это выделение они грубо сближали с выделением желчи из печени. Очевидно,—говорит В. Струминский,—мозг выделяет мысли иначе, чем печень желчь».

Вот, по моему, мысль, поистине достойная... механиста!..

IV.

Но тот, кто является механическим материалистом, всегда является и антидиалектиком. Механический материализм антидиалектичен по самой своей природе. Не даром поэтому Энгельс перечисляя недостатки материалистов XVIII века, говорит, что первый недостаток этого материализма заключается в их механичности, а второй в антидиалектичности. «Материализм прошлого (XVIII в.) был преимущественно механическим. Исключительное приложение мерила, заимствованного у механики, к химическим явлениям, т.-е. к таким явлениям, в области которых механические законы хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими высшими законами (разрядка наша. К. К.), составляет первую специфическую, неизбежную тогда черту ограниченности классического французского материализма». «Вторая специфическая черта ограниченности этого материализма заключается в неспособности его взглянуть на мир, как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии. Эта черта соответствовала тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, т.-е. антидиалектическому методу философского мышления»¹⁾.

Обе эти черты всецело остаются присущими воззрениям В. Струминского как в прошлой его книге «Психология», так и в настоящей его статье. В самом деле, надо ухитриться написать книгу в 412 страниц, «с точки зрения диалектического материализма», не отведя ни одной главы диалектическому методу, и лишь вскользь коснувшись этого в одном из своих параграфов. Поэтому совершенно прав был тов. Троицкий, ко-

гда в своем отзыве о книге Струминского сказал: «Марксова диалектика подвела... Струминский мнил себя не метафизиком, а диалектиком. Вышло на деле... получился метафизик в психологии¹⁾. Таковым метафизиком В. Струминский остался и в своей статье. Это механическое стремление «свести» все к движению материи, к механическим законам, которые мы видели по Энгельсу, «хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими высшими законами», и свело В. Струминского с диалектических рельсов. В. Струминский всюду и везде подчеркивает азбучную истину марксизма, что, кроме материи и движения, не существует ничего, но он намеренно игнорирует при этом не менее основное положение, что это движение материи при своем диалектическом развитии в природе и человеческом обществе принимает различные качественные формы, которые и приводят к тем «высшим законам», при которых механические законы, «хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план», как говорит Энгельс. В самом деле, возвьмем из этих «высших законов», положим, принцип классовой борьбы. Кто будет спорить, что классовая борьба осуществляется через живых людей, в основе деятельности которых, конечно, имеют место законы механики, но сказать, что классовая борьба есть только движение материи, это значит, не сказать ничего. Вот почему Энгельс так настоятельно подчеркивает, что «если я не имею ничего другого сказать о яйце, кроме того, что она представляет собой известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать»²⁾. Вот почему Энгельс осуждает естествоиспытателей, у которых «движение всегда занимается, как механическое движение, перемещение... Из этого недоразумения вытекает яростное стремление свести все к механическому движению..., чем смазывается специфический характер прочих форм движения... Химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы, несомненно, видим когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу, но исчерпывается ли этим сущность мышления?»³⁾.

Итак, мы видим, что Энгельс всюду и везде подчеркивает множественность качественных изменений материи, сведение которых к механическому движению материальных частиц «смазывает специфический характер прочих форм движения».

Перейдем теперь к рассмотрению критики В. Струминского. Сам В. Струминский так характеризует мою позицию. Она сводится, по словам В. Струминского, «к настоячивому подчеркиванию им (Корниловым) требования — учитывать качественное различие психики от движения материи, не допускающее самой возможности сведения одного к другому: сводя психику к материи и ее движению, мы тем самым теряем из виду ее

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 37.

²⁾ «Под Знам. Маркса», № 3, 1924 г., стр. 304.

³⁾ Архив К. Маркса и Энгельса, кн. 2, стр. 143.

³⁾ Архив Маркса и Энгельса, кн. 2, стр. 27.

качественные особенности, которые выделяют ее из ряда других процессов, как психику». В. Струминский немного передернул, характеризуя мою позицию. Нельзя психику сводить не к матери и, а нельзя сводить к движению материи, потому что этим «смазывается» ее качественная характеристика,— вот моя мысль, четко выраженная во всех моих книгах и статьях. Вот почему я так настойчиво подчеркиваю эту качественную характеристику психики, когда я говорю, что психика обладает такой же степенью реальности, как и всякое иное свойство материи, например, движение¹⁾, что «психику надо рассматривать, как таковую, со всем своеобразием ее явлений»²⁾, что «свойство материи обладать психическими особенностями— это такое же основное и первично-данное, а потому ближе и необъяснимое свойство, как и всякое другое свойство материи, например, хотя бы движение»³⁾. Вот почему я всюду и везде именно «настойчиво подчеркиваю»—качественную характеристику этого свойства материи, которое стоит только свести к механическому движению материи, как «смажется специфический характер» психики.

Этот целый ряд даваемых мной качественных характеристик психики, в своем большинстве заимствованных у ортодоксальных марксистов, В. Струминский препарирует по-своему, прибегая к излюбленному им приему подмены одного понятия другим, близким к нему по форме, но коренным образом отличающимся по содержанию. Так, если мы выше видели, что В. Струминский подменил мое отрицание возможности сведения психики к движению материи отрицанием сведения психики к матери, то теперь он производит ту же самую операцию с понятием «реальности психики». Всякий понимает, что реальность психики может быть интерпретирована двояко: или эта реальность психики понимается идеалистически, как сущность, стоящая на ряду с материи, или же эта реальность психики понимается материалистически, как одна из «качественных характеристик» материи. Как раз именно об этом втором понимании психики я и говорю в своей книжке: «Марксизм, признавая психические процессы не чем иным, как свойством высокого организованной материи, не только не уничтожает этих психических процессов, но считает их обладающими такой же степенью реальности, как всякое иное свойство материи, например, движение». Что психика есть такое же свойство материи, как движение, мы видели выше это у Плеханова, который говорил, что для материалистов психика является «таким же основным, а потому и необъяснимым ее свойством, как и движение». Извращая в корне смысл моей фразы о такой же реальности психики, как и движения, В. Струминский интерпретирует это таким образом, что «само собой понятно, что речь идет уже о психике во всем ее своеобразии, т.-е. о всей той совокупности явлений, которые для старой психологии составляли реальность особого рода». Передержка В. Струминского очевидна.

¹⁾ Современная психология и марксизм, стр. 8.

²⁾ Ibid., предисловие к 1-му изданию.

³⁾ Ibid., стр. 14.

Такой же характер носит интерпретация В. Струминским другой характерной черты психики, которую я заимствую у Плеханова, подчеркивающего, что для материалистов «способность матери (ощущать и мыслить) казалась таким же основным, а потому и необъяснимым свойством, как движение». Относительно этого «необъяснимого» свойства В. Струминский говорит во многих местах своей статьи, интерпретируя всюду это, как «немотивированный отказ от научного обяснения психики, обявление ранее всякого исследования ее несводимости к материальным процессам, декларированием своего рода ignorabimus», и т. д. А для того, чтобы усилить свое утверждение, В. Струминский давно уже приписал мне и признание «непространственности психических процессов», что, по его словам, является столь характерным для «спиритуалистических психологов».

Посмотрим, так ли все это? Действительно ли отказ от сведения психики к движению материи есть «немотивированный отказ от научного обяснения психики»? И действительно ли я признал непространственный характер психических явлений? Надо ли много говорить, что научное обяснение психики ни в коем случае не есть только сведение психики к движению материи, т.-е. к законам механики. И что это действительно так, это нагляднее всего можно доказать на конкретных попытках подобного рода, которые уже делались не один раз в психологии, но, кроме призрачного обяснения, не давали решительно ничего и потому встречали всегда резкий отпор со стороны марксистов. В самом деле, В. Струминского пленили, повидимому, лавры В. М. Бехтерева, который в своей «Коллективной рефлексологии» дал поразительно яркий образчик подобного рода «сведения» «высших законов» к законам механики, а тем самым яркий образчик антидialektичности в мышлении. Ну, что толку из того, что в основе жизни коллектива лежит закон сохранения энергии, как утверждает Бехтерев, а в основе движения людей к экономическим, торговым и научно-литературным центрам лежит закон притяжения, или что в основе конкуренции и соперничества лежит закон отталкивания, а в основе классовой борьбы—закон противодействия, равного действия? и т. д., и т. д. Что же, вы думаете, что подобного рода «сведением к движению материи» дается «мотивированное обяснение» всех этих явлений в поведении коллектива? Вот, по-моему, наилучшие образчики действительно «немотивированного отказа от научного обяснения», присущие сторонникам механического материализма, да еще к тому же по недоразумению претендующим на звание марксиста, вроде В. Струминского. Глубоко прав Энгельс, когда говорит, что «совершенное рабочество подводить все многообразие исторического развития» и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьба за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше⁴⁾.

Таким образом, этот эпитет психики, что она является «необъяснимым» свойством материи, означает не что иное, как именно то, что она необъяснима с точки зрения движения материи, т.-е. механических законов, а не «необъяснима» вообще. Объяснение психики состоит в анализе социальных и биологических факторов.

⁴⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 2, стр. 63.

обусловливающих поведение человека, а тем самым и его психику, а не в сведении или выведении ее из движения материи, как это настаивает, вопреки Ленину, В. Струминский. Следовательно, все обвинения Струминским меня в том, что я признал какие-то по самой своей природе «необъяснимые», «тайственные» свойства материи, зиждутся на коренном непонимании В. Струминским сущности диалектики, что и приводит его к механическому материализму.

Что же касается утверждения В. Струминского, что я признаю непространственный характер психических явлений, то поскольку все это является сплошным вымыслом нашего критика, это видно из следующих моих рассуждений, изложенных в сборнике «Психология и марксизм». Вот сущность этих рассуждений: «С моей точки зрения, психические процессы должны быть признаны пространственными, конечно, не в смысле их протяженности, что мысли, например, являются квадратными или треугольными, толстыми или тонкими, ибо этого нельзя сказать о таких физических явлениях, как магнетизм, теплота и т. п.. При условии непространственности психических явлений я не мог бы сказать, что боль локализуется в ноге, а представления возникают в голове, что мои мысли принадлежат именно мне, как определенному пространственному телу, и т. п. Да и, кроме того, если признать психические явления непространственными, то возникает вопрос: каким же образом пространственная материя может обладать непространственными свойствами? И обратно, каким образом непространственное свойство, т.-е. психика может быть свойством пространственной материи? Во всяком случае, с моей точки зрения, этот вопрос вовсе не является еще окончательно разрешенным, хотя за непространственность психических явлений высказываются и столь авторитетные лица, как Бухарин и Сарабьянов, и этот вопрос заслуживает того, чтобы его продолжить до конца»¹⁾.

Если эти мои взгляды, по выражению В. Струминского, есть «давнишний прием спиритуалистических психологов», то, спрашивается, принадлежностью каких психологов является прием не только извращать мысли своих оппонентов, но приписывать им то, чего те никогда не говорили? Повидимому, психологов, которые не только «неряшливо» пишут книги, но и «неряшливо» критикуют.

В. Струминский выбивается из сил, чтобы опровергнуть мое утверждение, что основное гносеологическое положение марксизма — «единство, но не тождество бытия и сознания» — сохраняет свое значение и в области психологии, где психика качественно не тождественна движению материи. Прочитав мне длинную механическую лекцию азбучного порядка, что гносеология не есть психология, В. Струминский приходит к основному своему выводу, что «психика, как функция организма,—это нечто такое, что, вопреки проф. Корнилову, как раз и должно быть отождествлено с физиологическими процессами и познано, как физиологический процесс»; и что «если не придиаться к отдельным мыслям и даже оттенкам мыслей, которые могут быть выгодными для того,

чтобы в той или иной форме с их помощью отстаивать некоторые пережитки дуалистических взглядов на психику, то в целом все не получается впечатления, усиленно муссируемого проф. Корниловым, будто диалектический материализм решительно запрещает отождествлять психику с движением». Итак, с точки зрения В. Струминского, значит, диалектический материализм не запрещает отождествлять психику с механическим движением. Ну, что ж, тем ясней выступает противоречие позиции В. Струминского диалектическому материализму.

Но В. Струминский «диалектик»! Подобно тому, как это мы видели выше, он, раскритиковавши определения «психики, как субъективной стороны» и «психики, как субъективной стороны», в заключение пришел к выводу, что, к сожалению, это есть мнение фронтальных марксистов, и единственное, что он мог прибавить к этому, состояло в его глубокомысленном заключении, что, «очевидно, мозг выделяет мысли иначе, чем печень желчь», так и теперь оказалось, что от фактов никака не уйдешь. Тем более, то на защиту Энгельса от «смазывания специфических особенностей» психики подоспел Бухарин, цитата которого, приводимая В. Струминским, бьет не в бровь, а прямо в глаз всяческому механисту, начиная с Енчмена и кончая самим В. Струминским. Бухарин говорит: «Енчмен полагает, что материализм извращает мир. Он воображает, что с точки зрения материализма существуют, с одной стороны, физиологические процессы, а с другой,—их психические выделения, данные сверх этих процессов. На самом же деле, материализм Маркса под психическими явлениями подразумевает не какую-то сверхданность, а другую сторону физиологических процессов, с особой качественной характеристикой»¹⁾. Здесь все и насквозь против В. Струминского и как механиста, и как антидиалектика. В самом деле, если мы вспомним умопомрачительный вывод В. Струминского, что «мозг выделяет мысли иначе, чем печень желчь», то мы увидим, что он не далеко ушел от признания тех «психологических выделений», о которых говорит иронически Бухарин. А заключение Бухарина относительно особой качественной характеристики психики коренным образом противоречит основному положению В. Струминского, что «психика, как функция организма, должна быть отождествлена с физиологическими процессами».

Вот почему в заключение всей своей ожесточенной критики—настойчиво подчеркиваемого им (Корниловым) требования учиться качественное отличие психики от движения материи—наш антилодный критик вдруг неожиданно заявляет, что, конечно, психика, как совокупность субъективных состояний, выступает перед нами, как явление, имеющее особую качественную характеристику, в этом сомневаться нельзя, об этом не может быть спора». Так, к чему же, спрашивается, тогда было сражаться с «странными мельницами»?

Но вы думаете, что, признавши психику, как другую сторону физиологических процессов с особой качественной характеристикой, вопреки своему положению, что «психика, как функция

¹⁾ «Психология и марксизм», сборник статей сотрудников Психологического института, 1925 г., стр. 21.

) Бухарин, Атака, стр. 137.

организма, должна быть отождествлена с физиологическими процессами», В. Струминский стал диалектиком? Увы! Подобно тому, как раньше, признали психику, как свойство материи, он «смазал» своим заключением, что, «очевидно, мозг выделяет мысли иначе, чем печень желчь», как и теперь, признавши качественную характеристику психики, он «смазывает ее заключительным аккордом всех его рассуждений, что «как движение и должна быть понята психика в первую очередь». Мундир диалектики надевается для того, чтобы под этим мундиром можно было пронести аршин механика. Апти-диалектическость взглядов В. Струминского очевидна.

V.

Анти-диалектическость сторонников механического материализма, стремящихся «смазать» качественные характеристики «внешних форм движения», естественным путем приводят их к «смызыванию» и тех областей научного знания, которые имеют своим предметом изучение этих «качественных характеристик». И, как механисты-естественники пришли к отрицанию философии, отождествляя ее с современным естествознанием, так механист-психолог В. Струминский пришел к отрицанию психологии, отождествляя ее с физиологией. Повидимому, и здесь в его прежней книге, которая не отрицала психологию, как самостоятельной дисциплины, был тот «громадный недочет», который он спешит теперь исправить. В. Струминский так определял раньше предмет психологий: «Психология должна изучать не душу, как объект, обособленный от организма, но душу, как функцию организма¹⁾. «Психология будущего» должна быть мыслами, «как наука о психическом бытии»²⁾. И место, которое В. Струминский отводил психологии, было между биологией и социологией. «Психология есть завершительная или центральная часть биологической науки, и она в свою очередь находится в самых тесных отношениях к социологии, и есть в то же время неразрывная составная часть последней»³⁾. Для того, чтобы обеспечить психологию в ряду дисциплин соответствующее место, В. Струминский находил, что в классификации наук О. Конта, где, как известно, психология не нашла себе места, «имеется некоторая непоследовательность, уяснение которой должно в конце концов привести к изменению классификации науки»⁴⁾. Тогда В. Струминский объявил, что он собирается выпустить три тома своей «Психологии»...

Но... «то было раннею весной!.. Правда, всего только немного более полугода тому назад В. Струминский посетил наш Психологический институт и просил меня дать положительный отзыв о его «Психологии», которую он думает переиздать; и на вопрос, а как же быть с принципиальными расхождениями, категорически отвечал, что он остается при прежних своих воззре-

¹⁾ Психология, стр. 305.

²⁾ «Под Знам. Марксизма» № 3, 1924 г.

³⁾ Психология, стр. 336.

⁴⁾ Ibid., стр. 337.

ниях. Но... ведь это было полгода тому назад!.. Теперь он понял «ромадные недочеты» своей книги и стремится исправить их. Теперь, оказывается, исправлять классификацию Конта не надо. Теперь, после того, как книга В. Струминского была заброшана с точки зрения того самого диалектического материализма, на который она претендовала, теперь с точки зрения того же самого «диалектического материализма» В. Струминский нащел, что «для психологий, как особой науки, в системе марксизма места не находится». И в доказательство этого В. Струминский ссылается на Энгельса и Ленина. И если мы видели, что В. Струминский не останавливается ни перед чем в искажении моих взглядов, то теперь он не останавливается перед коренным исказением взглядов Энгельса и Ленина. Вот это место, исключительно интересное по интерпретации В. Струминского. Приводя цитату из Энгельса, В. Струминский говорит: «Итак, механика, физика, химия и физико-химическое объяснение жизни,—вот основные научные отрасли, дающие нам представление о движении мат., молекул, атомов. Отмечая в другом месте, что переход от одной формы движения к другой всегда является скачком, решающим поворотом, Энгельс прибавляет, что «уже в пределах жизни скачки становятся все реже и незаметнее» («Анти-Дюринг», М. 1922 г., стр. 21). Сама жизнь,—продолжает В. Струминский,— числитася, как своеобразная разновидность физико-химических процессов, вслед за которыми особую качественную разновидность движения дает только социальная жизнь. Поэтому В. И. Ленин, характеризуя различные формы движения, изучаемыедельными науками, «устанавливает, следуя Гегеля и Энгельсу, традицию: механика, физика, химия и социология» (А. Деборин, «Под Знам. Марксизма» 1925 г., № 5—6, стр. 9). Таким образом,—заключает В. Струминский,—для психологий, как особой науки, в системе марксизма места не находится».

Итак, если поверить В. Струминскому, Энгельс не признавал никаких наук, кроме механики, физики, химии и физико-химического объяснения жизни, порукой чему ссылка В. Струминского на 21 страницу «Анти-Дюринга», а Ленин—тот тоже не признавал других наук, кроме четырех—механики, физики, химии и социологии,—для чего используется ссылка на Деборина. Ну, а зададим вопрос В. Струминскому, как же быть с теми науками, о которых Энгельс говорит на 81—85 страницах «Анти-Дюринга», где, кроме названных наук, Энгельс говорит о науках исторических, философии, включительно до логики и диалектики, которые составляют содержание современной, если так можно выразиться, марксистской философии? Ну, а как быть с положением Энгельса, что «движение материи не сводится к одному только грубому механическому движению, к простому перемещению; движение материи, это—так же теплота и свет, электрическое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и, наконец, сознание»¹⁾? Ну, а Ленин, зачем это Ленин так усиленно занимался философией, которая так же, как психология, не нашла себе места в перечисленном списке? Ну, а почему это так много о психологии говорят Плеханов и

¹⁾ Архив, кн. 2, стр. 173.

Бухарин, если психология нет места в системе марксизма? О чем говорят эти выше приведенные В. Струминским цитаты? О том, что указанные там научные дисциплины являются основными главными этапами в системе научного знания, как это подчеркивают Энгельс и Ленин, а вовсе не о том, как делает вывод В. Струминский, что все дисциплины, которые не вошли в эту четверку, подобно психологии, и не должны иметь места «в системе марксизма». Таким образом, налицо еще одна «качественная характеристика» всей критики В. Струминского...

Подобно тому, как мы показали выше, В. Струминский все время подменяет употребляемое мной понятие качественной реальности психики понятием реальности, как бытия, наряду с бытием материи, дабы представить меня идеалистом, точно так же он старается теперь доказать, что предметом психологии я считаю изучение вот этой именно психики, в силу чего я являюсь субъективистом в психологии. В. Струминский говорит: «Если бы психолог-марксист пожелал занять ту позицию, к которой нас зовет проф. Корнилов, т. е. стал бы признавать психику «совокупностью реакций», и т. д. Значит, по В. Струминскому, я признаю психику совокупностью реакций. Наученный горьким опытом не доверять В. Струминскому ни в цитатах, ни в интерпретации, посмотрим, как ловко он проделал¹ и здесь операцию, подменяя термин «поведение» термином «психика». Буквально в первых строках предисловия к моему «Учебнику психологии» значится: «Психология рассматривается, как наука о поведении человека, при чем под поведением разумеется совокупность всех реакций человека на раздражения окружающей среды». Это положение, что поведение есть совокупность реакций, я повторяю бесконечное количество во всех своих книгах, начиная с «Учения о реакциях человека» и кончая всеми своими статьями. Это положение стало основным как для теоретических, так и экспериментальных работ всего Психологического Института, так что подменить нащу позицию, утверждая, что мы изучаем не поведение, как совокупность реакций, а «психику, как совокупность реакций», значит утверждать заведомо ложь.

Но, может быть, изучая поведение, мы под этим поведением мыслим психику? Читаем в моем «Учебнике психологии»: Для психологии имеется «таких задач—три: во-первых, выяснение системы тех раздражителей, которые воздействуют на человека; во-вторых, вскрытие тех механизмов, которые имеются в человеческом организме и которые регулируют различные формы человеческого поведения, и, наконец, в-третьих, описание тех ответных движений, которыми человек реагирует на воздействие окружающей среды»¹.

Принимаем ли мы при этом изучении поведения во внимание и психику, как «субъективную сторону физиологических процессов, с особой качественной характеристикой ее», как это подчеркивает Бухарин? Да, принимаем, должны принять во внимание, если не хотим по Энгельсу «смазать» этой качественной характеристики. Критикуя нас за это, В. Струминский говорит, что качественность психики не есть особого рода реальность, а только своеобразное выражение единой

¹⁾ Учебник психологии, стр. 14.

основной реальности природы, к основным формам которой и должна быть сведена психика». Из всего этого его вывода для нас приемлемо только то, что психика есть «свообразное выражение единой и основной реальности природы», раз это так, ясно, что это «свообразное выражение» не может быть «смазано», по Энгельсу, никаким «сведением к движению», ибо мы видели, у Ленина, что ни выводить ощущение из движения материи, ни сводить к движению материи нельзя, ибо ощущение признается одним из свойств движущейся материи¹). Итак, поскольку В. Струминский вновь и вновь настаивает на «сведении психики к движению материи, он всецело входит в противоречие с Энгельсом и Лениным и стоит, таким образом, на антимарксистской позиции.

Пример В. Струминского о том, что психолог, который «старался бы совместить изучение субъективных переживаний, как необходимой, составной, органически неразрывной части поведения, уподобился бы химику, который, изучая горение, как окисление, продолжал бы утверждать, что процесс горения имеет и качественные особенности, не выражаемые в химической формуле, напр., своеобразные языки пламени, субъективные ощущения тепла и т. п.», —этот пример в корне неудачен, и говорит за нас, а не против нас. Конечно, химику нет никакого дела о качественных особенностях пламени, но зато физику есть большое дело. И, изучая пламя, физик устанавливает «качественные особенности», вскрывая, например, какая часть пламени является наиболее высокой по температуре и т. д. Об этом по крайней мере говорит любой курс физики.

Теперь возникает вопрос, как же мы учтываем эту «качественную характеристику психики? Путем признания за методом самонаблюдения известной роли,—отвечаю я и критикуемый В. Струминским книжке говорю: «Наш окончательный ответ о роли этого метода самонаблюдения или метода словесного отчета будет сводиться к тому, не разъясненному мной, положению, что в науке о поведении человека только объективный метод является единственно строгим научным методом. Что же касается метода самонаблюдения, то он играет лишь вспомогательную роль, находясь всецело под контролем объективного метода, без которого все эти данные самонаблюдения не имеют никакой научной ценности и являются лишь не большие, как только материалом для художественного воплощения их в литературе, поэзии, музыке и т. п.»².

В силу этого признания мной «вспомогательной роли» за методом самонаблюдения В. Струминский приходит к выводу, что, «отказываясь по видимости от идеализма, проф. Корнилов, на самом деле, служит своим очерками делу упрочения позиций субъективной психологии». И далее идет упрек, что я отрицаю «общепризнанные достижения» в рефлексологии и, следовательно, являюсь субъективистом, метафизиком и т. д. и т. д.

Вы думаете, что В. Струминский искренне мечет гром и молнии против меня, доказывая, что метод самонаблюдения нужно, как он говорит, «совсем отбросить, не трансформируя», и

¹⁾ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 39.

²⁾ Современная психология и марксизм, стр. 104.

отказаться от «мифического приданого», броде психики» и т. д.? Давайте заглянем в его «Психологию», написанную «с точки зрения диалектического материализма». Там мы читаем: «Как один из приемов установки психических фактов, самонаблюдение может совершенствоваться и изощряться в высокой степени и оказывать значительные услуги психологии. Изощренное самонаблюдение давало возможность психологам делать подчас очень тонкие наблюдения, подмечать в области духовной жизни массу интересных фактов», поэтому В. Струминский предлагает «использовать данные самонаблюдения, как указание на наличность определенного рода психических процессов, пытаясь затем проследить эти процессы об'ективно»¹⁾.

Что поделаешь! Повидимому, это был тоже один из тех «громадных недочетов» его книги, о которых он упоминает в своей статье. А по-моему—это есть прямой вывод из всего предыдущего. Ну, в самом деле, как можно признать хотя какую бы то ни было роль за самонаблюдением, если общая установка механиста такова: материя обладает одним основным свойством—механическим движением, все «качественные характеристики» «высших форм движения», в том числе и психика, «смазываются» путем «сведения к движению материи», чем ясно устраняется предмет психологии, а тем самым и признание какой бы то ни было роли за методом самонаблюдения. Все это очень стройно и хорошо, но только, спрашивается, какое отношение все это имеет к диалектическому материализму, на согласие с которым так усиленно претендует В. Струминский? По-моему решительно никакого. И если В. Струминский упрекает меня в том, что у меня «нет установки на материализм», от которого я хочу «всими силами отгородиться», в расчете на что и написана моя книжка, то он прав! Установки на механический материализм у меня нет; от этого «чересчур-материализма», как я называю его, я стремлюсь несомненно отгородиться, и одной из задач моей книжки и является борьба против этого направления, стоящего в прямом противоречии с диалектическим материализмом. В этом принципиальное различие наших позиций.

VI.

В заключение затянувшегося моего ответа, я остаюсь на критике В. Струминского моих попыток конкретного применения диалектического метода в психологии. Надо ли говорить, что подобного рода конкретное применение диалектики к психологии дело исключительно трудное. И если в области естествознания и обществоведения мы имеем конкретные примеры применения диалектики в трудах Маркса и Энгельса, и тем не менее сейчас возник горячий спор о применении этой диалектики к биологии, то в области конкретного применения диалектики к психологии мы не имеем абсолютно никаких данных. Поэтому трудность такого применения диалектики к психологии становится для нас вполне очевидной. Вот почему, как я указывал выше, В. Струминский, написавший свою «Психо-

¹⁾ Струминский, Психология, стр. 347—348.

логию, как опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма», совершенно обошел молчанием вопросы диалектики в самом их об'еме, затронувши кратко лишь один момент о динамическом понимании психики. Все это говорит о том, что критиковать, конечно, легче, нежели созидать. Но и критиковать нужно и должно, если только эта критика наука и об'ективна, а не продиктована одним суб'ективным стремлением раскритиковать во что бы то ни стало.

Прежде всего надо решительно отбросить обвинение меня В. Струминским в том, что диалектика в моем понимании не есть «материалистическая диалектика», что я—суб'ективист, оперирующий только с «психикой, как таковой», оторванной от своих реальных процессов» и т. д. Этим своим обвинением в идеализме и суб'ективизме В. Струминский начинает свою статью, тем же самым он и кончает ее. Насколько это соответствует действительности, это всякий может видеть из самых первых слов моего предисловия к «Учебнику психологии», где значится: «Совокупность реакций (человека) охватывает, как нечто единое и цельное, все жизненные проявления организма. Психические состояния не составляют никакого исключения из этого и не могут рассматриваться, как нечто обособленное от материальных явлений, с которыми они составляют единое целое и вне которых они не существуют». И В. Струминский отлично это знает, но, как и во всех других местах, он намеренно перегибает палку в одну сторону, подрывая тем самым всякое доверие к своей критике.

Правильным во всем этом выступлении В. Струминского является одно положение, напоминать о котором нам, казалось бы, надо менее всего, что принципы диалектики надо изучать на фактах, добытых психологией поведения человека, а не добытых субъективной психологией. Все это мы очень хорошо знаем, но достаточно ли тех фактов, которые добыты этой нарождающейся психологией, и надо ли выбросить за борт все, что доброю прежней экспериментальной психологией? Я думаю, что не надо, да и нельзя все это выбросить, ибо громадная доля этих фактов сохраняет и сохранит свое значение и для психологии поведения. И как раз в приводимых мной фактах я и беру из них те, которые, несомненно, сохраняют свое значение и сейчас. Весь отдал восприятия раздражений—зрительных, слуховых, осознательных и др., с установлением порогов этих раздражений и т. д., заимствован целиком психологией из физиологии органов чувств и потому сохраняет свое значение. Экспериментально изученные факты «сложных психо-физиологических процессов: утомления, упражненности, запоминания», на которое я ссылаюсь, сохраняют свое значение, ибо над этими фактами работали одинаково как психологи, так и физиологи (стоит хотя бы упомянуть о школе Крепелина).

Фактами, заимствованными собственно из этих областей, я и оперирую, доказывая, что именно из этих фактов вытекают сами собой основные принципы диалектического метода. Что эти факты не так, может быть, убедительны, как факты произрастания ячменного зерна или превращений гусеницы в ба-

бочку, приводимые для примера Энгельсом, это верно, но, прав, тут уж я не при чем, ибо такова пока наша наука психологии.

Однако перейдем к конкретному рассмотрению отдельных принципов диалектики, применяемых мной к психологии. Я говорю о четырех таких принципах: 1) принципе непрерывной изменчивости всего существующего, 2) принципе всеобщей связи явлений, 3) принципе скачкообразного перехода от количества к качеству и 4) принципе противоречия в развитии, согласно триаде Гегеля. Казалось бы, ясно само собой, что только совокупное признание этих принципов и обусловливает право на то, чтобы человека можно было назвать диалектиком. Тот, кто признал бы только принцип, положим, всеобщей связи явлений, но отрицал бы скачкообразное образование «качественных характеристик», еще не стал бы диалектиком. Казалось бы, ясно. Но В. Струминский, изолируя один первый принцип—непрерывной изменчивости—от других, утверждает, что диалектический процесс будет только тогда, когда мы представим «поведение человека или животного, как целостный процесс развития, обусловленный рядом других процессов и определенным образом с ними увязанный». Надо ли говорить, что подобное понимание В. Струминского этого принципа пока только обеспечивает нам эволюционизм в развитии, а вовсе не диалектическость этого развития. Вот почему нельзя этот принцип рассматривать изолированно от других, как это делает В. Струминский.

То же самое он проделывает и со вторым принципом: рассматривая этот принцип о всеобщей связи явлений изолированно от других принципов, он находит случай обвинять меня в абсурдной мысли, что я признаю ученых диалектиками на том только основании, что они не отрицали детерминированности психических процессов. Надо ли доказывать абсурдность подобного изолированного рассмотрения этих принципов, при котором выходит, что всякий механист, признающий и принцип непрерывной изменчивости и принцип всеобщей связи явлений, становился бы диалектиком, что, конечно, было бы не верно. Вот почему зачислять всех, кто признает детерминированность психических явлений, в диалектики я не собирался.

Что касается третьего принципа—скачкообразного перехода от количественных изменений к качественным, то здесь ярче всего обнаруживается у В. Струминского механическая точка зрения в трактовании этого принципа.

Он обязательно требует, чтобы каждое качественное изменение, каждый скачок был обоснован соответствующим ему количественным изменением.

«Не скачки сами по себе являются об'яснением, а, наоборот, скачки об'ясняются ссылкой на предшествующие количественные изменения, подготовившие скачок»,—говорит В. Струминский.

Иначе говоря, качество ничего не может об'яснить, об'ясняет только переход от количества в качество. И вот за то, что я привожу целый ряд примеров, где качество имеется налицо, а количества являются пока не вскрытым, В. Струминский обвиняет меня в «вульгаризации диалектики», в «простых словесных, ничего не дающих об'яснениях», и т. п. Таков приводимый мною пример о том, что в споре Павлова с Вагнером в

природе инстинкта, по-моему, Вагнер стоит на более диалектической точке зрения, утверждая, что инстинкт не есть простое усвоение рефлекса, как думает Павлов, а есть качественное новообразование на почве об'единения этих рефлексов и т. д. Другой пример, приводимый мной, касается поведения человека при переходе его от бессознательного состояния в сознательное и обратно. Верно ли, что мы должны признать только переход от количества к качеству, но никак не обратно—от качества к количеству? Механисты, в том числе и В. Струминский, усиленно замалчивают этот последний переход от качества к количеству, в то время как у Энгельса мы находим определено выраженное мнение, что как не существует количества без качества, так одинаково не существует и качества без количества. Вот что говорит Энгельс: «Механическая концепция сводится именно к тому, что она об'ясняет всякие изменения из изменений места, все качественные различия из количественных и не замечает, что отношение между качеством и количеством взаимно, что качество так же переходит в количественно, как количества в качество, что здесь имеется взаимодействие»¹). Если мы к этому прибавим, что, по Энгельсу, диалектика есть не только метод доказательства, как это подчеркивает В. Струминский, но и метод исследования, метод отыскания новых результатов при переходе от известного к неизвестному, нам станет понятным, что принцип диалектическости, особенно в психологии, играет роль не только при переходе от количества к качеству, но и обратно, ибо, как говорит Энгельс, «приходится также рассматривать множество изменений качества, относительно которых совершенно не доказано, что они вызваны качественными изменениями».

Таким образом, сведение этого принципа перехода количества в качество и качества в количества только к одностороннему его применению В. Струминским стоит в прямом противоречии с взглядами Энгельса и характеризует В. Струминского, как типичного механического материалиста.

Что же касается упрека, сделанного мне В. Струминским в том, что, при рассмотрении зависимости между ростом ощущения и раздражения, я рассматриваю не одну, а две величины, тогда как «количественные и качественные изменения суть моменты роста одной величины», это вполне правильное указание является не больше, как придиркой, ибо каждому само собой понятно, что если вместо первого возбуждения, о котором следовало бы собственно говорить, приходится брать раздражение, то это делается только потому, что первое возбуждение мы не умеем еще точно количественно измерять, в то время как соответствующее ему раздражение всегда есть определенная количественная величина.

Наконец, что касается последнего принципа диалектики, по-лучающего свое выражение в известной триаде Гегеля, где фундаментом одна стадия (тезис) путем отрицания переходит в другую (антитезис) и получает свое завершение в третьей (синтезе), то, откровенно говоря, как примеры, которые привожу я, показывая это на «протекании основного акта поведения челове-

¹) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 2., стр. 145.

века,—акте реакции» или на принципе однополюсной траты энергии, так одинаково и пример, приводимый В. Струминским, о нарушении и восстановлении равновесия со средой, не дают никакой иллюстрации гегелевской триады, а дают только дихотомию, как взаимное отрицание двух положений, и только. Поэтому все красивые слова В. Струминского о том, что «если эту схему наполнить живым и конкретным содержанием современности, если связать ее с нашей текущей боевой практикой, она станет не только орудием познания, но и орудием революционного действия»,—все эти красивые слова найдут дальше бледных пожеланий—«если сделать», в то время как решение вопроса состоит не в «если сделать», а в том, «как это сделать». К сожалению, раскритиковавши нас и давши один неудачный пример триады, наш суровый критик еще раз подтвердил на своем собственном примере, что критиковать далеко легче, нежели создавать что-либо вновь.

В заключение остановимся на применении той же самой триады к решению вопроса о том, является ли, как я утверждал, марксистская психология синтезом по отношению к двум борющимся сейчас во всех странах психологическим направлениям: тезиса, каковым является эмпирическая субъективная психология, и антитезиса, каковым является объективная психология (бихевиоризм, рефлексология). В. Струминский, критикуя это положение, говорит, что это есть «спекулятивная комбинация «идеалистического типа», так как я, во-первых, игнорировал те реальные процессы, ту диалектику бытия, которая обуславливает эти психологические направления, и, во-вторых, устанавливаемый мной синтез не есть органический вытекающее следствие, а простое соглашательство и компромисс между двумя противоположными течениями.

Посмотрим, насколько прав наш критик в своих обвинениях.

Прежде всего надо отметить, что В. Струминский, говоря о том, что «материалистическая диалектика есть диалектика бытия, но не диалектика идей», интерпретирует эту мысль односторонне, указывая только на то, что идеи в своем развитии определяются бытием, в то время как для нас в данном случае важна другая сторона, что и мышление, идеологии отражают в себе диалектический процесс, совершающийся в материальном бытии. Иначе зачем бы Энгельсу надо было определять диалектику, как «весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления», да еще подчеркивая, что, «раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений и подвергает ее дальнейшей переработке; иначе она не была бы идеологией, т. е. не имела бы дела с мыслями, как с независимыми существами, которые самостоятельно развиваются из самих себя и подчиняются своим собственным законам»¹⁾. Что эта независимость идеологий является относительной, определяясь в конечном счете материальным бытием, в этом нет никаких сомнений, для нас важно было отметить одно, что, наблюдая борьбу между различными идеологическими течениями,

¹⁾ Энгельс, Л. Фейербах, стр. 60.

мы можем говорить о диалектике, поскольку эта диалектика имеет свои корни в тех «реальных процессах», которые ее обуславливают. Вот почему, начиная свою статью о борьбе различных психологических течений, я говорю: «Для того, чтобы верить, что должна представлять собой психология с марксистской точки зрения, лучше всего по-моему, воспользоваться основным методом марксизма—диалектическим. А так как диалектика по своему существу есть учение о формах развития реальной действительности, то из этой-то реальной действительности и необходимо исходить в данном вопросе»¹⁾.

Касаясь ли я в своем анализе этой реальной действительности или «игнорирую» ее, как утверждает В. Струминский? Ответ на это мы находим у самого же В. Струминского, где, приводя мои слова, что «эмпирическая психология есть типичнейший идеологический склон с тех индивидуалистических тенденций, которые являются столь характерными для отжидающего общественного строя»²⁾ и что «психология поведения—это есть первый проблеск зарождающихся в этих капиталистических условиях колективистических тенденций жизни»³⁾, В. Струминский должен был признать, что «проф. Корнилов, правда, вскорь говорит о тех реальных процессах, которые составляют предпосылки развития и смены психологических течений, но будто он не предполагает их использовать для выяснения этой эволюции, которой должна подвернуться в ближайшем будущем психология» (разработка моя. К. К.). В этой фразе В. Струминского любопытны обе части: сначала он меня раскритиковал, что я «игнорирую» реальные процессы, с тем, чтобы теперь констатировать, что все это, хотя бы и «вскользь» (об этом «вскользь» я скажу ниже), но все же у меня имеется. Но особенно любопытна вторая часть вышеупомянутой фразы, где, желая оправдать необходимость своей критики, он говорит, что я «как будто» «не предполагаю использовать эти реальные процессы для выяснения эволюции психологических течений. Это «как будто» и ссылка на мое «предположение», сведения о которых неизвестно откуда позаимствовал В. Струминский, по-моему яснее всего говорят о том, что там, где не хватает аргументации, там начинается чистый вербализм».

Значит, В. Струминскому надо было критиковать меня не за то, что я «игнорирую» и «как будто не предполагаю использовать реальные процессы», а за то, что я говорю о них, по его словам, «вскользь». Вот такое обвинение, предъявленное мне, было бы совершенно правильно, и я не отказываюсь от того, что в этом я виноват. Но разберемся в том, почему это я о реальных процессах говорю «вскользь», а не так простиранно, как это делает В. Струминский. В. Струминский любит эти анализы «реальных процессов», иначе говоря социологические анализы, и производит их уже не «вскользь», а вполне. Вот, например, взять его социологический анализ, который он произвел в своей «Психологии», вскрывая «главные вехи на пути к формулировке задач

¹⁾ Соврем. психол. и марксизм, стр. 76.

²⁾ Ibid., стр. 6.

³⁾ Ibid., стр. 70.

«психологии», где, наряду с Сократом, Декартом и Марксом, попал в число психологов и... Христос¹⁾. Тов. Троицкий совершенно прав, когда он по этому поводу говорит, что «включение господа нашего Иисуса Христа в разряд психологов... очень оригинально, прямо до умопомрачения...». Автор думает, что, сдобрив такую историю психологии рассуждениями о Христе и средневековом производстве, он написал ее с точки зрения диалектического материализма. Думать так, разумеется, вам не возбраняется, но зачем же вы обижаетесь, когда это отвергается в качестве понимания психологии «с точки зрения доктрины диалектического материализма». С чего вы взяли, что ежели истории рассказываются на манер той скотницы, что этим делом занималась у г-жи Простаковой, то это и выйдет «история с точки зрения диалектического материализма?»²⁾ Вот, видите, до него доводят эти социологические анализы, когда за них берется не «вскользь», а вплотную, психолог! Пускайте сами, что было бы с нашей марксистской психологией, если бы такими анализами «реальных процессов» занимались не «вскользь», а вплотную, кроме В. Струминского, все другие психологи. Я убежден, что тогда не только Христос попал бы в числе психологов, но и все психологи были бы причислены «к лицу святых». В. Струминский полагает, что заниматься социологическими анализами — это значит оперировать общими фразами о технике, производстве, классовых традициях и т. п., время от времени пересыпая это выдергиванием из Маркса, как это вновь делает в своей статье В. Струминский. Ведь такими социологическими анализами можно доказать все что угодно. Так, если бы проф. Челпанов задумал заниматься такими социологическими анализами (но он достаточно умен, чтобы не делать этого), то он не с меньшим искусством, чем это делает В. Струминский, несомненно бы доказал свое основное положение, что эмпирическая психология как по своему предмету, так и по методу, должна оставаться до сих пор неизменной, ибо буржуазный строй пока что еще существует. В. Струминский в своем анализе доказывает, что «материализм буржуазии пока что имел возможность беспрепятственно раскрыться только в низах идеологии, т. е. в пределах физики, химии, физиологии, да и то с известными ограничениями». И, заимствовав, повидимому, отсюда свой буржуазный аршин, он начинает им мерить психику, доказывая свое основное положение, что в системе материализма психика должна быть мыслима, как механическое движение. Я также мог бы доказать свою основную, «вскользь» брошенную фразу, что «психология поведения это есть первый проблематический источник в капиталистических условиях колективистических тенденций жизни». Выходит так, что социология — это дама, прятанная во всех отношениях, у которой чего хочешь, то и простишь. По-моему такого рода социологические анализы — это не наука, а что-то вроде... научной проституции. Маркс и Ленин, производя свои социологические анализы, имели дело с конкретными фактами, а не отделявались одним звоном общих фраз, которые можно повернуть куда и как хочешь. И если В. Струминский

¹⁾ Струминский, Психология, стр. 42.

²⁾ «Под Знаменем Марксизма» № 3, 1924 г., стр. 259.

делает мне упрек в «спекуляции» за то, что я «вскользь» коснулся «реальных процессов», то он этой спекуляцией занимается уже не вскользь, а вплотную.

Что касается теперь того, прав ли я, утверждая, что марксистское направление в психологии является синтезом, органически вырастающим из двух борющихся сейчас во всех странах течений — субъективной и объективной психологии, зародившихся в недрах буржуазного общества, то в этом меня решительно убеждает социологический анализ Маркса и его последователей (только не В. Струминского!), что на смену уходящему классу буржуазии идет класс пролетариата, для которого марксизм, а тем самым и приложение этого марксизма к психологии, является наилучшим идеологическим выражением.

VII.

Подводя теперь результаты всей критики В. Струминским наших позиций, занятых в вопросе о так называемой марксистской психологии, я должен сказать, что здесь мы имеем налицо принципиальное расхождение двух течений: одного, которого держится Московский Психологический Институт, стремящийся всегда стоять на позиции диалектического материализма, и другого, которого держится В. Струминский, стоящий всецело на позиции механического материализма. Поскольку здесь имеется противоположность занятых позиций, поскольку имеется налицо идеологическая борьба. И эта борьба должна быть самой непримиримой, ибо все это направление механического материализма не приемлемо не только с теоретической точки зрения, но оно является неприемлемым прежде всего практическим. Оно грозит марксизму, как революционной практике, поскольку «смазывает» специфическое особенности основных принципов марксистской социологии и «сводит» их, а тем самым и растворяет в точном естествознании. Это есть глубоко реакционная попытка, один раз уже неудачно проделанная Енчменом, стремившимся растворить социологию в биологии. И как реакционная попытка Енчменизм и был опроверг по существу и потому так быстро был ликвидирован. Теперь этот Енчменизм возрождается в новой форме механического материализма, ярким представителем которого в психологии и является В. Струминский. Для нас эта борьба не нова: три года тому назад мы ее уже вынесли с последователями Енчмена, при чем вся аргументация и агрессивность, которую мы находим у В. Струминского, в поразительно сходных формах была налицо и у Енчменистов. Те же обвинения в идеализме, субъективизме, эклектизме, реакционности и пр., и пр., мы уже слышали и они нас никак не беспокоят: это обычный полемический прием, который потеряли способность объективно оценивать положение вещей. Не беспокоят нас это потому, что при не менее ожесточенной критике справа, со стороны субъективистов, мы оказываемся уже не «идеалистами», а «вульгарными материалистами», не «субъективистами», а «объективистами-рефлексологами» и т. д. и т. д. А так как естественно, что одновременно мы никак не мо-

жем занимать эти взаимно исключающие друг друга позиции, то все это является лучшим показателем того, насколько «обективной» является эта «критика» наших позиций. Такая «критика» нам не нужна, ибо она не указывает нам того, как нужно строить марксистскую психологию; особенно же не нужна нам такая «критика», которую дал В. Струминский: она бесплодна уже по одному тому, что, начавши с задач построения марксистской психологии, она в заключении привела ее автора к академическому самоубийству, ибо «в системе марксизма» не оказалось места даже и для марксистской психологии. Пожалеем же автору этой «самоубийственной» критики «успокоения» и... пройдем мимо.

От примечания к предисловию.

(Ответ тов. Степанову).

А. Удальцов.

В предисловии к 4-му изданию (1925 года) I тома своего совместного с А. А. Богдановым «Курса политической экономии», тов. Степанов резко отрицательно отзывается о моей статье «К теории классов у Маркса и Энгельса» (по поводу книги Солищева «Общественные классы»), помещенной в I томе «Архива Маркса и Энгельса». По его мнению, «доводы и выводы тов. Удальцова таковы, что едва ли какой-нибудь марксист признает их убедительными». «Тов. Удальцов подменяет историко-материалистическую концепцию Маркса—Энгельса своей собственной идеалистической концепцией. От Маркса и Энгельса он фактически возвращается к Дюрингу».

Бедный тов. Удальцов! Мир его марксистскому праху!

Однако в действительности дело обстоит вовсе еще не так плохо. Смею заверить товарищей, что слухи о моей марксистской смерти несколько преждевременны.

В самом деле, при ближайшем ознакомлении с посвященным мне отделом «Предисловия» тов. Степанова и при сравнении его утверждений с разбираемой им моей статьей невольно напрашивается два предположения: 1) или тов. Степанов, когда пишет критику моей статьи, не имел под руками самой статьи, восстанавливая ее содержание лишь по памяти, и потому сделался жертвой ряда досадных недоразумений, или 2) тов. Степанов в пылу полемики весьма значительно исказил мысли моего противника, придав им абсурдную форму и нарисовав перед читателем созданный им самим образ воображаемого тов. Удальцова, весьма наивного и невежественного в основных вопросах марксизма, одержал, таким образом, над ним блестящую победу¹⁾. Впрочем, возможно предположить, что имели место и оба эти случая разом.

Прежде всего, тов. Степанов думает, будто моя упомянутая выше статья представляет собою критику, направленную против тех воззрений на образование сословий (и классов), которые изложены в «Курсе политической экономии» Богданова и Степанова. Если бы тов. Степанов имел под рукою мою статью, он с первого же взгляда убедился бы, что статья, как ясно пока-

¹⁾ У дикарей есть такой магический прием—делают из какого-либо материала изображение противника и, подвергая это изображение всяким вредоносным операциям, верят, что и сам противник испытывает страдание и даже смерть. Нечто подобное, повидимому, проделал по отношению ко мне и напарник тов. Степанов.

зывает, хотя бы ее подзаголовок, посвящена критике взглядов Солицера, высказанных им в его книге «Общественные классы», а не взглядов тов. Степанова. Поэтому тов. Степанову совсем незачем было излагать в своем «Предисловии» легенду о том, будто статья моя является ответом на его примечание, оброненное им в его полемике с тов. Покровским (по вопросу о происхождении религии) еще в 1922 году.¹⁾ В этом примечании тов. Степанов, выступая в роли замбогданова, возражал против моей критики взглядов тов. Богданова на общественные классы²⁾. Напомню тов. Степанову, что ответ на его примечание я дал уже давно, еще в 1923 году, в своей статье «К теории общественных классов (по поводу одного примечания)³⁾, и поэтому снова возвращаюсь теперь к нему не имея ни поздней, ни охоты.

Перейдем к существу дела.

Что же инкриминируется мне тов. Степановым в его «Предисловии»?

«Каким образом возникли феодальные сословия (сеньеры и жрецы), торговая буржуазия, промышленная буржуазия?» — спрашивает т. Степанов и пишет далее: «Да таким образом, — не возмущимо отвечает тов. Удальцов, — что часть членов общества захватила в свои руки собственность на средства феодального производства, капиталистической торговли, капиталистического производства». Приведя далее цитату из «Немецкой идеологии» о том, что «каждая ступень разделения труда определяет и взаимоотношения индивидов по отношению к материалу, орудию и продукту труда», тов. Степанов пишет: «В своих рассуждениях тов. Удальцов заменяет слово «определяет» словом «определяется». Тем самым тов. Удальцов подменяет историко-материалистическую концепцию Маркса—Энгельса своей собственной идеалистической концепцией»...

Если читатель поверит тов. Степанову и будет серьезно думать, что я действительно пишу в своей статье, будто отношения индивидов к средствам и продуктам производства определяют ступени разделения труда, то он очень ошибается. По этому вопросу я ничего не пишу в своей статье, кроме разве следующего: «Как правильно указывает Солицер, для Энгельса такое общественное разделение труда является лишь необходи́мой предпосылкой...⁴⁾ для появления обмена и частной собственности, составляющих основу для развития в обществе имущественной дифференциации (неравномерного распределения средств производства)». Кажется, ясно, что разделение труда изображается здесь «необходимой предпосылкой», т.е. именно «определяет» (а не наоборот) распределение средств производства. Зловредный тов. Удальцов, который утверждает обратное, представляет собою всецело продукт воображения тов. Степанова.

Так же точно обстоит дело и с моими якобы «невозмутимыми ответами» на возмущенные вопросы тов. Степанова о происхо-

¹⁾ В журнале «Под Знаменем Марксизма» № 11—12 (статья «Страх смерти против исторического материализма» (ответ тов. М. Н. Покровскому)).

²⁾ В моей статье «К критике теории классов у А. А. Богданова» («Под Знаменем Марксизма», № 7—8 за 1922 год).

³⁾ В журнале «Под Знаменем Марксизма» за 1923 год, № 8—9.

⁴⁾ Курсив в самой статье (стр. 420 «Архива»).

ждения сословий и классов. Я нигде в своей статье не говорю (и не мог говорить), что классы образуются в результате простого захвата частью общества средств производства.

В чем же дело? Почему тов. Степанов приписывает мне чужие мне взгляды?

Вот как излагает тов. Степанов мою основную точку зрения: Для него (г.-е. тов. Удальцова) первоначальная основа классообразования — «распределение всякого рода средств производства», т.е., говоря проще¹⁾, отношения собственности на средства производства. И вслед за этим, говоря еще проще, тов. Степанов приписывает мне теорию происхождения классов из простого захвата частью общества средств производства!

(очень хороший метод полемики! Излагая по этому способу (говоря проще) взгляды других лиц, можно привести их вонце концов к такому абсурду, что действительно победа оказывается очень легкой). Только не будет ли это Пиррова победа?

Ведь в результате такого способа возражений остается неясным, различает ли сам тов. Степанов распределение средств производства, по словам Маркса, включенное в сам процесс производства и обуславливающее организацию этого последнего, от отношений собственности, которые можно рассматривать в данном случае, по выражению того же Маркса, как различные титулы, на основании которых происходит самое присвоение, — или, другими словами, различает ли тов. Степанов экономическую сторону этого явления от юридической его оформления? Повидимому, не различает. Если бы тов. Степанову было ясно это весьма элементарное различие, он бы, мне кажется, не мог выражаться так: «распределение средств производства или, говоря проще, отношения собственности на средства производства», а далее говорить еще проще, «захват частью общества в свои руки собственности на средства производства».

Тов. Степанов прав, когда приписывает мне утверждение, что, согласно Марксу и Энгельсу, в основе общественных классов лежит то или иное распределение средств производства. Но то распределение средств производства, о котором говорю я в своей статье, и которое, по словам самого Маркса, включено в процесс производства, обуславливает характер самого способа производства, лежит в основе «подведения индивидов под определенные производственные отношения», другими словами, в основе классообразования²⁾, — такое распределение средств производства не всякий марксист смеет, как это делает тов. Степанов, с юридическими отношениями собственности или с помощью «захвата» отдельными лицами собственности на средства производства, в духе наивных, с нашей точки зрения, социальных теорий XVIII века!

Что этот вопрос неясен самому тов. Степанову, — а этим и выясняется тот как будто парадокс, что тов. Степанов приписывает мне ошибку как раз в силу того, что сам ее делает, — видно из последующих его замечаний, когда он хочет «серьезно поставить этот вопрос».

¹⁾ Курсив мой.

²⁾ См. стр. 403—407 моей статьи в «Архиве».

Какова же эта «серьезная постановка вопроса»? «Буки-аз-ба», — получает тов. Степанов: «Развитием производительных сил определяется способ производства (производственные отношения — феодальные, рабовладельческие, капиталистические); каждый данный способ производства закрепляется в отношении собственности (а не создается им, как уверяет тов. Удальцов, перевертывая действительные отношения вверх тормашками)». И далее тов. Степанов старательно убеждает читателя, что именно таково понимание Маркса и Энгельса.

Да кто же в этом сомневается, тов. Степанов? Конечно, юридические отношения собственности, правоотношения, лишь закрепляют производственные отношения, экономику, — но разве я когда-нибудь и где-нибудь говорил или писал обратное? Приходится еще раз повторить, что образ идеалист-дорингианца тов. Удальцова представляет собой исключительно продукт воображения тов. Степанова.

Возможно, что исходным пунктом для умозаключений тов. Степанова послужило мое указание на то, что Маркс применяет иногда к производственным отношениям термин «имущественные отношения», считая их лишь юридическим выражением (*nur ein juristischer Ausdruck*) первых (стр. 406 «Архива»). Но отсюда, конечно, не следует, будто я вообще не различаю производственных отношений от правоотношений, а тем более, будто я считаю вторые основой для первых. Это было бы явным искажением моих мнений. Возражая против утверждения Солницева, что Маркс не видел основы классов в факте владения или нивелиации средствами производства, я вовсе не хочу сказать, будто Маркс кладет в основу классов отношения собственности именно в их юридическом выражении, будто правоотношения лежат в основе производственных отношений. В основе классов лежит, по Марксу, распределение средств производства, как элемент самого процесса производства¹⁾.

В этом-то и лежит источник наших разногласий! Суть дела в том, что тов. Степанов не хочет признать, что, согласно учению Маркса, распределение средств производства является элементом самого производства, элементом экономики, а не лежит вне производственных отношений, как это думает тов. Степанов.

Постараемся возможно «проще» показать это на одном из приводимых самим же тов. Степановым примеров, — на примере рабовладельческих производственных отношений.

Согласно «серьезной» постановке вопроса, развитием производительных сил определяется рабовладельческий способ производства (рабовладельческие производственные отношения), а рабовладельческий способ производства закрепляется в соответ-

¹⁾ Другим исходным пунктом для умозаключений тов. Степанова могло послужить следующее место из приводимого мною определения классов, которое делает тов. Ленин в своей статье «Великий почин»: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда» и т. д. Но в таком случае следовало бы тов. Степанову направлять свои громы и молнии по правильному адресу.

ствующих отношениях собственности. Но как определить тов. Степанов рабовладельческий способ производства, рабовладельческие производственные отношения?

Можно ли ограничиваться при таком определении только одним указанием на существование разделения труда между организаторами и исполнителями? В чем заключаются специфические признаки этого способа производства? Я «серьезно» предлагаю тов. Степанову дать искомое определение, не прибегая к такому элементу экономики (а не юридической настройки, как думает тов. Степанов), каким является в этом процессе производства распределение рабов (в качестве средства производства).

Впрочем, на практике тов. Степанов вовсе не является таким последовательным замбогдановым, каким он мыслит себя в теории. Прочтите в его «Курсе политической экономии», — в предисловии к которому он подвергает мои писания такой строгой критике, — главу IV, посвященную рабовладельческим системам, и вы увидите, что не так страшен тов. Степанов, как он сам себя малют.

«Рабовладельческая группа представляет индивидуальное хозяйство, во главе которого стоит свободный человек, собственник труда и материалов труда, вообще всего «имущества», включая рабов», — говорит тов. Степанов на стр. 199 своего «курса». И, изображая происхождение и эволюцию античного общества, тов. Степанов дает картину превращения раба в простое средство производства и в товар, картину распределения этих средств производства внутри античного общества, — образования, с одной стороны, «крупно-рабовладельческого производства», с другой стороны — постепенного обеднения сохранившихся еще мелкого ремесла и крестьянства, лишенных рабов и не могущих конкурировать с первым, и, наконец, образования лишнего всех средств производства античного пролетариата.

Тов. Степанов сам, таким образом, в основу рабовладельческого способа производства (рабовладельческих производственных отношений) кладет распределение такого специфического средства производства, как рабы, — но разве прав был бы тот же тов. Степанов, если бы назвал за это самого себя идеалистом, дорингианцем и вообще немарксистом? Конечно, нет!

Таким образом его возражения против того, что характер распределения средств производства определяет собою тип производственных отношений (классовых отношений), основаны, как мне кажется, на простом недоразумении.

* * *

Основной пункт моих разногласий с тов. Богдановым и, быть может, с выступающим в его защиту тов. Степановым (этот вопрос постараюсь разобрать в другом месте) лежит в вопросе о взаимоотношениях между формами распределения средств производства и различного рода организаторскими функциями. Как утверждал я ранее¹⁾, «организаторская функция» принимает

¹⁾ См. мою статью «К теории общественных классов» («Под Знаменем марксизма» за 1923 г., № 8—9).

в каждой общественной формации особый, специфический характер, в связи с особым, специфическим способом распределения средств производства, свойственным данной общественной формации,—что не учитывается тов. Богдановым, который придает понятию «организаторская функция» слишком абстрактный, а потому однородный характер, стирающий своеобразие, которое придает этой функции каждая новая формация¹⁾. В первобытном обществе, обществе бесклассовом, организаторская функция (управление общественным хозяйством) может носить общественно-трудовой характер, тогда как в обществах классовых функция эта (управление частным хозяйством) приобретает и характер эксплоататорский. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, она есть в то же время функция эксплуатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустранимым антагонизмом между эксплоататором и объектом его эксплуатации... Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,—наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала подобно тому, как в феодальное время высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»²⁾.

Хотя тов. Степанов и утверждает, что в этом вопросе я «окончательно застygиваюсь», однако, одновременно, он вынужден признать «правильность моего толкования Маркса». «Ясное дело,— пишет в своем «Предисловии» тов. Степанов,— раз феодальные отношения уже даны, сеньер не потому является сеньером, что он организует феодальное производство,—наоборот, он становится руководителем в феодальном обществе потому, что он—сеньер». Правда, в формулировке тов. Степанова мысль Маркса несколько потеряла именно в своей «ясности» (замена выражения «земельный собственник» термином «сеньер»), но не будем спорить; важно установить, что по отношению к эпохе, когда феодальные отношения уже даны, между нами, как, повидимому, следует из слов тов. Степанова, нет принципиальных разногласий. Но тогда в чем же именно я «окончательно застыла»? Повидимому, в своем понимании дофеодальных отношений,—но ведь раз феодальные отношения еще не даны, а

¹⁾ Я сказал бы, кроме того, что вообще понятие «общественной функции» приобретает у Богданова характер почти биологический и, таким образом, процесс разделения общественных функций (отделения «организаторской функции» от «исполнительской») в его изображении как бы идентифицируется с аналогичными процессами дифференциации физиологических функций в организмах.

²⁾ Капитал, т. I, гл. XI (Кооперация), стр. 296—298 (перев. Степанова и Базарова, изд. 1909 года).

О совершенно своеобразном, отличном от Маркса, понимании тов. Степановым понятия «эксплоатации» (не в смысле присвоения чужого прибавочного труда или продукта, а в смысле господства, основанного на голоде насильствии в духе Дюринга) я поговорю другом месте. Здесь я ограничусь лишь ответом тов. Степанову на его нападки на меня лично, а не на других критиков, фамилии которых он, по совершенно загадочным причинам, не решился назвать.

следовательно, еще нет ни феодальных сеньеров, ни зависимых от них населений,—нет, конечно, и специфических феодально-организаторских функций, а потому и нет места для спора по вопросу о взаимоотношениях между феодальным типом распределения средств производства и феодально-организаторскими функциями.

«Но ведь это не дает никакого ответа на вопрос, как возникли сеньеральные отношения, и как впоследствии возникли капиталистические отношения»,—пишет тов. Степанов.

Совершенно верно. Однако вопрос о происхождении феодализма и капитализма, который в моей статье в «Архиве Маркса и Энгельса» и не затрагивался специально, во всей своей исторической конкретности и сложности,—этот вопрос требует для своего освещения привлечения большого конкретно-исторического материала, который, конечно, не мог бы уложиться в рамках имеющейся беглой заметки, вызванной сердитым репризмандом со стороны тов. Степанова. К тому же вопрос о происхождении капитализма уже вполне разрешен К. Марксом в его «Капитале» (обенно в главе о первоначальном накоплении капитала) с невразумительной убедительностью. Что же касается вопроса о происхождении феодальных отношений, то этому вопросу, в связи с рассмотрением соответствующих взглядов тов. Степанова и Богданова, я готов посвятить особую статью в более или менее близком будущем.

* * *

В заключении своей статьи 1923 года, явившейся ответом за «примечание» тов. Степанова, я указывал на то, что, выступив в роли замбогданова и направив против меня это свое «примечание», тов. Степанов сам сделался, как мне казалось, жертвой досадного недоразумения. Отвечая теперь на его «Примечание» к новому изданию «Курса политической экономии», я могу не указать, что и данное выступление тов. Степанова «нововано», как мне кажется, все так же на целом ряде досадных недоразумений и ошибок.

И это в предисловии к учебнику, рассчитанному на массовое распространение среди учащейся молодежи!

БИБЛИОГРАФИЯ.

Библиография.

221

С. Ю. СЕМКОВСКИЙ. Диалектический материализм и принцип относительности. ГИЗ. 1926 г. Стр. 225.

Работа тов. Семковского вызывает целый ряд серьезных возражений, касающихся как некоторых важных принципиальных определений автора, так и его оценки соотношения теории относительности и диалектического материализма,—оценки, которая является непосредственным следствием того, как т. Семковский трактует основные понятия материализма. Мы полагаем, что эта трактовка в корне ошибочна и ведет к ошибочной интерпретации теории относительности.

Самый крупный промах тов. Семковского делает в защите энергетической философии и понятия пустоты. Ссылаясь на В. И. Ленина, который указал, что «единственное свойство материи, с пониманием которого связан философский материализм, есть свойство быть об'ективной реальностью, существовать вне нашего сознания», т. Семковский защищает тот тезис, что энергетическая философия не противоречит материализму.

Тов. Семковский подкрепляет свой ошибочный тезис еще цитатой из Плеханова, который говорит, что «можно противопоставлять энергетическое миропонимание механическому, но никак не материалистическому». С первого взгляда может показаться, что тезис т. Семковского нашел надежных защитников, но это только простая видимость. Прежде всего т. Семковский не обратил достаточно внимания на то, что Ленин разумеет под словами «существовать вне нашего сознания». Вне—означает в реальном пространстве. Если энергия, как об'ективная реальность, существует вне нашего сознания и если это вне об'ективно реальное пространство, то энергия протяжна и, следовательно, не что иное, как движение материи. На это элементарное логическое рассуждение многократно обращали внимание энергетиков, на него указал Больцманн в своих возражениях Остwaldу, но энергетики до сих пор не обращали на это указание никакого внимания. Почему? А потому, что «энергетическая физика есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи» (В. И. Ленин, «Эмпириокритицизм и материализм», стр. 277, изд. 1920 г.).

В этом именно и заключается об'ективный смысл энергетического мировоззрения, а не в суб'ективных взглядах какого-нибудь непоследовательного естествоиспытателя, вроде Остwaldа, недодумавшего до конца своих положений. Плеханов поэтому и говорит, что «энергетическая теория познания запутывается по-моему в нераразрешимых и, можно сказать, постыдных противоречиях». На это постыдное противоречие и указал Больцманн Остwaldу, а т. Семковский до сих пор не услышал себе его, ратуя за энергетическую философию и неправильно истолковывая Плеханова. Это неправильное истолковывание обусловлено тем, что т. Семковский не обратил внимания на то, что Плеханов противопоставляет энергетическое миропонимание энергетической теории познания. Если кто-либо в понятиях движения материй

делает ударение на движении, т.-е. энергии, то такое энергетическое миропонимание не есть еще антиматериализм, ибо скрыто признается объективно протяженная материя, как носительница энергии, но если такое миропонимание возводится в теорию познания, получается или постыдное противоречие, или идеализм.

Еще более серьезную ошибку делает т. Семковский в своей защите понятия «пустоты». Тезис т. Семковского таков: «даже полное отрижение эфира и признание только материи и пустого пространства есть материализм». Здесь налицо то «постыдное противоречие», о котором говорят Плеханов. В самом деле, если «пустота» т. Семковского реально протяжна, то по собственному определению т. Семковского «пустота», как об'ективная реальность вне нашего сознания, есть материя (в философском смысле). Но если «пустота»—материя, то какой смысл противопоставлять ее (философски) какой-то другой материи и называть «пустотой». Если же «пустота» не имеет реального протяжения и не является, следовательно, матерней, то что же это такое? И с какой стати, вообще, считать тогда реальностью протяженность того, что т. Семковский называет матерей? Одно из двух—либо та форма бытия материи, которую мы называем пространством, есть ничто вне этой материи и, следовательно, то, что мы называем «пустотой», заполнено эфиром или же полагать вместе с идеализмом, что формы могут об'ективно существовать вне материи, хотя бы в том смысле, как это принимает Кант. Когда т. Семковский напечатал уже 10 глав своей книги, появилась в свет «Диалектика природы», в которой имеется следующее положение, цитируемое в одиннадцатой дополнительной главе т. Семковским: «разумеется, обе формы существования материи без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую только в нашей голове».

Как согласовать это положение со всем тем, что т. Семковский говорит в первых десяти главах своей работы? Для этого необходимо частично переделать и написать заново всю работу. Тов. Семковский не мог фактически этого сделать, да, быть может, и не желал, так что работа его осталась с зияющей пустотой, не заполненной матерей.

Напрасно т. Семковский считает спор о пустоте спором внутри материализма. Защита энергетического миропонимания плюс защита пустоты ведет т. Семковского на очень опасный путь, ибо энергетизм плюс абсолютная пустота дают в совокупности стопроцентный идеализм.

Ошибка трактовки основных понятий приводит т. Семковского к неправильной оценке теории относительности. Неудивительно, например, что т. Семковский, считающий вопрос о пустоте спором внутри материализма, проглядел тот факт, что эта именно пустота образует идеалистический стержень специальной теории относительности, что благодаря имени этой пустоте теория эта имела неслыханный дотоле в annals науки успех в буржуазном мире.

Проглядев это обстоятельство, т. Семковский неправильно формулирует сущность теории, которая будто бы заключается в том, что «понятие абсолютного покоя не соответствуют никакие свойства явлений, другими словами, понятие абсолютного покоя лишено всякого реально-физического смысла, или, что то же самое, абсолютного покоя нет» (стр. 271).

Составляет ли это тощее положение основу теории Эйнштейна? Ничего подобного—оно слишком обще и не может служить основой теории. Сущностью теории является нечто иное, выраженное в следующей, при-

надлежащей самому т. Семковскому, формуле: «нет привилегированного, абсолютно покоящегося сверху наблюдателя, а есть только движущиеся друг относительно друга (в абсолютной пустоте) наблюдатели» (стр. 30). Мы прибавили слова в скобках: «в абсолютной пустоте» и подчеркнули слово «наблюдатели». Если к этому постулату относительности прибавить постулат постоянства скорости света в абсолютной пустоте, постулат, который по существу является простым следствием постулату относительности в данной нами формулировке, то мы и получим специальную теорию относительности Эйнштейна. Логическая структура теории до очевидности прозрачна: если материя представляет собою силовые или энергетические скопления в абсолютной пустоте, то всякий наблюдатель, отделенный от другого абсолютной пустотой, т.-е. метафизически изолированный, имеет полное право рассматривать себя в покое и скорость света считать постоянной и равной (с) «пустоте своей системы координат».

Отсюда немедленно получаются простым математическим расчетом трансформации Лоренца и математическое выражение Лоренц-Эйнштейновского закона видимости. В то время как этот закон обосновывается у Лоренца об'ективной причиной—именно связующим всем мировые тела эфиром, обоснование Эйнштейна зиждется на абсолютной пустоте, т.-е. на метафизической изоляции «наблюдателей». Эта метафизическая изоляция и образует релятивизм теории Эйнштейна. Как правильно указывает Вихерт, эта именно связь теории с релятивизмом и только эта связь обусловила громадный успех теории в буржуазном мире. В самом деле, ведь между теорией Лоренца и теорией Эйнштейна (специальной) нет никакой другой разницы; кроме указанной. Удивительно то, что т. Семковский совершенно не замечает, как он в своем истолковании закона видимости примыкает к антиматериалистической точке зрения. Допустим, что действительно существуют особого рода перспективные изменения длины и времени, определяемые законом Лоренца-Эйнштейна. Но ведь суть марксистского, материалистического подхода в том, чтобы эти изменения об'яснить! Лоренц об'ясняет эти перспективные изменения воздействием эфира на электроны. Если вас такая гипотеза не удовлетворяет, выдвиньте другую гипотезу—ведь обычная физическая перспектива не воспринимается как простой факт, а имеет физическое об'яснение в механизме хода световых лучей от воспринимаемых объектов через сложный оптический аппарат, называемый глазом. Если т. Семковский хоть несколько знаком с теорией зрения, он должен знать, насколько в действительности сложно об'яснение перспективы. Но дело именно в том, что перспективное изменение особого рода Эйнштейна «не подлежит ни об'яснению, ни даже раз'яснению», как удачно выражается Хольсон. Разумеется, здесь имеется в виду физическое, об'ективно-материалистическое об'яснение и раз'яснение, ибо история науки показывает, что когда отвергаются физические и материалистические гипотезы, тем самым скрыто вводятся гипотезы метафизические, идеалистические и телологические. Сам Эйнштейн и следующий за ним т. Семковский таких гипотез не делают, но тем самым они становятся на точку зрения феноменализма, чистого описания явлений, махизма. Специальная теория относительности является именно выражением махизма. Тов. Семковский сообщает, что Max будто бы отвергал теорию относительности. Насколько нам известно и это ясно указано в статье Эйнштейна, посвященной Maxу—Max отвергал, вообще говоря, не специальную теорию, а именно общую по той простой причине, что общая теория относительности резко разрывает рамки махизма и содержит в себе элементы ма-

териализма¹⁾. Этих элементов т. Семковский, как раз не дооценил, и даже, наоборот, уничтожил своей интерпретацией. Самый важный из этих материалистических элементов общей теории Эйнштейна—это признание неравнинной связи пространства и материи. Эйнштейн говорит: «согласно теории относительности, пространство обладает физическими качествами; в этом смысле, следовательно, существует эфир. По общей теории относительности, пространство без эфира немыслимо; ибо в таковом пространстве не было никакого распространения света, но и никакой возможности существования масштабов и часов, а, следовательно, и никаких пространственно-временных расстояний в смысле физики».

Это есть самый настоящий материализм, несмотря на словесно-философские попытки Эйнштейна трактовать физическое пространство в духе Маха. И Мах, прекрасно уясняя себе, что дело не в словесной оболочке, а в сути, отвергал общую теорию относительности, как резко противоречащую его философской линии. И вот, когда Эйнштейн начинает отходить от релятивизма к материализму, приходит диалектический материалист т. Семковский и тащит его обратно к релятивизму. «Эфир, как вещества, заполняющее пространство, Эйнштейн отрицает»,—пишет т. Семковский (стр. 177); «под своим эфиром тяготение Эйнштейн разумеет самое пустое пространство». «Если таким образом под эфиром Эйнштейн разумеет не вещества, хотя бы и чрезвычайно тонкие, а пустое пространство (с присущей ему степенью кривизны и пр.), тогда нет ничего бессмыслилого в том, что сами по себе части этого пустого пространства не отличимы и не проследимы во времени и что понятие движения к самому этому пустому пространству вообще не применимо» (стр. 178). Здесь перед нами наиболее ярко выступает тот Пелион ошибок, который т. Семковский ухитился нагромоздить на Оссе противоречий в своей работе. Ведь та характеристика пространства, которую дает т. Семковский, которую он защищает на основании авторитета Эйнштейна в 9-й главе, не что иное, как Ньютона абсолютное пространство, которое «по самой своей сущности безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным»; но ведь именно эту Ньютона концепцию т. Семковский критикует в первой главе, противопоставляя ей концепцию теории относительности! Здесь получилась весьма комическая и весьма характерная для т. Семковского история. Дело в том, что Эйнштейн в своей общей теории (в формулировке 1920 г.) действительно вернулся к абсолютному пространству Ньютона и, более того, он его резко материализовал, связав с «материей», приспав ему кривизну и физические свойства вообще, назвав поэтому его эфиром. Слово эфир, прилагаемое к Ньютоновскому абсолютному пространству, есть подчер-

¹⁾ Max пишет в «Принципах физической оптики»: теория относительности представляется «мне в се более догматической». Тов. Семковский полагает, что эти слова относятся к специальной теории, так как предложение помечено 1913 г. Но дело в том, что первый «эскиз» общей теории относительности и теории тяготения, написанный Эйнштейном и математиком М. Гроссманом, появился в 1913 г. (изд. Teubnerа), а отдельные части в различных журналах еще в 1911 г. Max был прекрасно осведомлен о принципах общей теории относительности и его слова о том, что теория становится «еще более догматической» относятся именно к общей теории. Необходимо также принять во внимание, что Max не является вполне последовательным философом, в нем постоянно обитали две души—душа физика и душа философа идеалиста, так что возможно, что он в своих колебаниях мог кое-что осудить в специальной теории.

кивание материальной природы пространства. Так ли это? «Ньютона», пишет Эйнштейн («Эфир и принцип относительности», стр. 18), — об'ективирует пространство. Тем, что он причисляет свое абсолютное пространство к реальным вещам, он принимает и вращение относительно абсолютно существующего пространства, как нечто реальное. Ньютона мог бы с полным правом свое абсолютно существующее пространство назвать «эфиром».

К этой точке зрения Эйнштейн присоединился в 1920 г., хотя в основной работе 1916 г. он еще придерживается концепции Маха или, вернее, первой концепции Маха, предложившего относить вращение к далеким звездным массам; вторая концепция Маха (которая фактически противостоит его философии) вводит по существу Ньютона абсолютное пространство. Эйнштейн присоединяется к этой концепции в форме признания «эфира Маха»: «Эфир Маха не только обуславливает поведение инертных масс, но и сам в своем состоянии зависит от инертных масс» (стр. 21).

Здесь перед нами не только материалистическая точка зрения, но и диалектико-материалистическая. Таким образом, Эйнштейн, вернувшись в общей теории относительности к абсолютному пространству. Ньютона, делает по сравнению с Ньютоном важный материалистический шаг, вполне сознательно и четко формулируя физическую природу пространства. И с философской точки зрения очевидно, что как бы ни отрицал Эйнштейн «вещество, наполняющее пространство», это вещество все-таки его наполняет, ибо «абсолютная пустота» не может иметь никаких физических свойств, разве только с точки зрения физического идеализма. И вот, вместо того, чтобы толкать концепцию Эйнштейна в направлении материализма, т. Семковский толкает ее в направлении физического идеализма, упорно защищая «абсолютную пустоту», обладающую физическими свойствами! Вместо того, чтобы поддерживать Эйнштейна, призвавшего так или иначе эфир, т. Семковский об'являет вопрос об эфире спорным, предпочитая эфиру, т.-е. веществу, материи—абсолютную пустоту! Нет, т. Семковский! Это все что угодно, но только не материалистический способ мышления, не материализм—и если еще не идеализм, то во всяком случае чрезвычайно опасная путаница. И неудивительно ли, что сознательный материалист т. Семковский оказывается на деле менее материалистом, нежели ученый Эйнштейн, бессознательно путающий между материализмом и идеализмом.

Необходимо определенно сказать: интерпретация т. Семковским теории относительности не есть материалистическая интерпретация, так как т. Семковский отстал в смысле материализма даже от последних формулировок теории относительности самим Эйнштейном. И если интерпретацию т. Семковского еще нельзя назвать идеалистической, то во всяком случае она, в своей путанице, об'ективно приближается к таковой.

Мы указали выше, как антимарксистки т. Семковский подходит к вопросу о перспективном изменении длин и времен. Тот же самый подход он обнаруживает в трактовке «абсолютного мира» (гл. II). Тов. Семковский заявляет: «Никоим образом не надо делать понимать таким образом, что, когда мы говорим о четырехмерном континууме, то это нечто вроде того четвертого измерения, откуда спириты вызывают духов в наш трехмерный мир» (стр. 41).

Великолепно, т. Семковский! Но ведь четырехмерный континуум существует только в специальной теории относительности, а в общей выступает пятимерный континуум: три измерения пространства

обычные, четвертое измерение — время; пятое — знаменитая кривизна.

Как же вы, т. Семковский, прикажете понимать эту кривизну? Когда материалист говорит о кривизне шаровой поверхности, то под этим он разумеет реальную кривизну в реальном трехмерном пространстве. Что же тогда с точки зрения материализма означает кривизна четырехмерного пространственно-временного континуума? Тов. Семковский указывает, что согласно Эйнштейну четырехмерный континуум цилиндричен, при чем четвертое измерение времени совпадает с образующей «цилиндра». Следовательно, наше трехмерное пространство имеет «цилиндрическую кривизну»? Что это значит? Одно из двух—или действительно существует четырехмерное пространство, в котором наше трехмерное цилиндрическое искривляется или же кривизна есть просто математическая функция, требующая физического истолкования. Так как т. Семковский решительно отвергает четвертое измерение спиритов, то мы вправе заключить, что он считает кривизну математической функцией. Но напрасно вы будете искать ясной формулировки такого понимания в работе т. Семковского, напрасно вы будете искать какой-либо физической интерпретации этой функции. Здесь дело обстоит точно так же, как в вопросе о перспективном изменении длии и времен: т. Семковский следует вслед за Эйнштейном, а Эйнштейн как раз в интерпретации перспективы и кривизны стоит на феноменологической точке зрения, на точке зрения «чистого описания явления». Для Эйнштейна «кривизна» является математической функцией, служащей для «экономического описания явления»: геометрическо-физическая теория, как таковая,—говорят Эйнштейн (Геометрия и опыт, стр. 19)—необходимым образом совершенно не наглядна; она представляет собою исключительно систему определений. Но эти определения необходимы, чтобы установить численно связь множества действующих на наши чувства событий. Аксиомы геометрии «свободные создания человеческого духа». Чтобы приложить эти «свободные создания человеческого духа» к действительности, необходимо лишить геометрию ее только логически-формального характера, подчинив пустым схематическим понятиям аксиоматической геометрии живые об'екты действительности—перевивания. Что же говорит по этому поводу т. Семковский? Вместо того, чтобы разоблачить путаницу, непоследовательность Эйнштейна, вместо того, чтобы вскрыть в теории относительности элементы махизма и отмыть их от элементов материализма, т. Семковский молчит по основному вопросу о смысле «кривизны», но зато выбивается из сил, чтобы доказать, что теория Эйнштейна ничего общего с махизмом не имеет. Нет, т. Семковский! Такого рода подход и критику нельзя признать марксистской критикой и подходом. Ваше молчание по вопросу о смысле «кривизны» об'ективно является выражением согласия с феноменализмом. Вопрос этот слишком важен и фундаментален с точки зрения материалистического метода, и тот, кто не считает нужным ответить на него, тем самым становится на антиматериалистическую позицию. Непонимание или нежелание понимать идеалистические элементы теории относительности, стремление их затушевывать приводят т. Семковского к тому, что он неправильно изображает соотношение теории относительности и закона причинности. Да, т. Деборин совершенно прав, что в теории относительности, именно в специальной, заключаются элементы, ведущие к

отрицанию закона причинности. Тов. Деборин не говорит, что Эйнштейн делает такие выводы, но что «из теории относительности Эйнштейна такие мистические выводы делаются». Это совершенно верно и вот почему: из этой теории такие выводы можно легко сделать. Тов. Семковский в опровержение т. Деборина аргументирует цитатой из Мошковского. Но пример с Люменом, который будто бы неправлен, ибо Люмен имеет сверхсветовую скорость, как раз и обнаруживает правоту т. Деборина. Дело в том, что для специальной теории Эйнштейна сама величина $C=300.000$ км/с не играет существенной роли, а служит лишь для математического об'яснения некоторых опытных фактов. Замените величину $C=300.000$ км/с любой другой, и теория остается той же самой. Для теории существенен лишь Эйнштейновский постулат относительности, связанный с «абсолютной пустотой». И если в логической структуре теории величина C «случайна», т.-е. вызывается только необходимостью об'яснить некоторые экспериментальные факты, то почему нельзя допустить, чтобы существовали такие факты, которые требуют введения сверхсветовой скорости $C_1=400.000$ км/с? Безусловно, идеалист Беркли, отрицавший реальность материи, и Юм, опровергавший закон причинности, прекрасно знали, что если положить их под паровой молот, они превратятся в кровавую лепешку. Но для них дело заключалось совсем не в этом, а в том, чтобы показать логическую несостоятельность понятий материи и причины. Точно так же идеалисты, опровергающие при помощи теории Эйнштейна закон причинности, прекрасно знают, что этот закон практически действителен, что Люмен практически не может летать со скоростью 400.000 км/с и наблюдать превращение следствий в причины; но так как в полете Люмена нет ничего логически немыслимого, то при помощи теории относительности доказывается логическая несостоятельность закона причинности в материалистическом понимании. Если воображаемый Люмен принципиально может наблюдать превращение следствий в причины, то этим доказывается, что понятие причины и следствия является отображением не об'ективной необходимости, а лишь известной привычной последовательности явлений. При иных, хотя бы и воображаемых условиях, причина может превратиться в следствие, а следствие в причину. Самое важное тут то, что с точки зрения теории относительности Эйнштейна, которая базируется на абсолютной пустоте, нельзя говорить, что это обращение причин и следствий—кажущееся. С точки зрения этой теории мы с полным правом должны считать причину следствием, а следствие причиной, ибо нет никаких физических оснований думать иначе. Иное дело, если мы вводим эфир. И в этом случае может получиться обращение причин и следствий, но тогда налицо об'яснение этой видимости—подобно тому, как в законах распространения лучей света и их прохождения через глаз налицо об'яснение перспективы. С точки зрения теории Лоренца обязательно утверждают, что Люмен, мчащийся со сверхсветовой скоростью, воспринимает видимость явлений точно так же, как мы воспринимаем видимость об'ективных процессов, когда видим сначала молнию, а затем слышим грохот грома; с точки же зрения теории Эйнштейна понятие видимости вообще устраивается, и всякая видимость настолько же реальна, насколько всякая реальность есть видимость.

Не имея возможности останавливаться на всех подробностях работы т. Семковского, мы коснемся лишь еще одного вопроса, именно вопроса об абсолютном и относительном движении. Трактовка этого вопроса т. Семковским некритическая и недиалектическая. Тов. Семковский думает, что Эйнштейн, утверждая относительность движения, тем

самым отрицает абсолютный покой и движение. Но дело обстоит как раз наоборот: относительное движение Эйнштейна является абсолютным и движением, но не в диалектико-материалистическом смысле, а метафизическом, что правильно подчеркнуто Вихертом. В самом деле, каков смысл понятий абсолютного и относительного в метафизике и диалектике? В метафизике абсолютный означает абсолютно изолированный, не связанный необходимой причинной связью с другими объектами. Таков, например, абсолютный метафизический бог или абсолютная метафизическая монада Лейбница. Мир по отношению к богу или монаде низшего порядка по отношению к монаде высшего порядка метафизически относительны. В специальной теории Эйнштейна всякий «наблюдатель» со своей «пустой системой координат» является абсолютной монадой, изолированной в «абсолютной пустоте» от подобных и равноправных ему абсолютных монад. И подобно тому как Лейбниц для установления связи между монадами вводит «предустановленную гармонию», точно так же Эйнштейн вводит закон относительности движения для установления связи между своими монадами; каждый «наблюдатель»права считать себя в абсолютном покое и, следовательно, другие монады в абсолютном движении. В этом именно вся суть Эйнштейновского релятивизма: в нем не отвергается понятие абсолютного покоя и движения, но утверждаются, и утверждаются в метафизическому смысле.

В диалектике понятия абсолютного и относительного трактуются как понятия неразрывно связанные друг с другом. Нет ни абсолютно изолированных вещей, вещей абсолютно самостоятельных, но нет также абсолютно пассивных, абсолютно зависимых. Всякое движение одновременно и абсолютно и относительно: абсолютно—в том смысле, что в данной части материи действительно находится энергия движения, относительно—в том смысле, что это движение связано необходимым образом с движением других частей материи.

Тов. Семковский критикует Ньютона понятие абсолютного покоя и движения, но Ньютон в этих понятиях обнаружил гораздо больше диалектической проницательности, нежели это обнаруживает «сознательный диалектик», тов. Семковский. Каков, действительно, смысл Ньютоновского абсолютного покоющегося пространства? Это понятие как раз выражает смысл диалектического синтеза абсолютного и относительного движения. Движение абсолютно постольку, поскольку оно действительно происходит по отношению к бесконечному, абсолютно покоющемуся пространству, но оно вместе с тем относительно, поскольку мы это абсолютное движение мыслим по отношению к внешнему объекту. Как мы доказали в своей работе «Наука и гипотеза», Ньюトン в действительности наполнял свое «абсолютно покоющееся пространство» абсолютно движущимся и волнившимся эфиром—знаменитым «этиритусом», а обычную материю считал пассивной. Таким образом, пространство Ньютона не только не находится в абсолютном покое, но является источником всех действительных движений мира. Этую идею воспринял Кант в посмертном сочинении, где он защищает эфир, заполняющий все пространство и находящийся в вечном «внутреннем», т.-е. абсолютном движении, которое является, следовательно, самопричиной и не нуждается во внешнем сверхмировом источнике. Эта идея Ньютона-Канта почему-то не нравится тов. Семковскому, который предпочитает абсолютную пустоту. И это неудивительно, ибо диалектически абсолютная физическая пустота роковым образом приводит к абсолютной метафизической и идеалистической пустоте,—прощай, в которую тов. Семковскому субъективно горячо не хотелось бы упасть, но краю которой он роковым образом приближается.

Из всего вышеизложенного напрашивается один необходимый вывод: если т. Семковский, субъективно горячо желающий быть марксистом, так напутал в основных понятиях материализма, соприкоснувшись с «последними достижениями современной науки», это значит, что нам необходима самая подробная разработка основных понятий диалектического материализма, философии, которую основоположники и их ближайшие ученики наметили лишь в самых общих чертах. Иначе «пренебрежение к философии» отомстит за себя самым жестоким образом.

Разумеется, эта разработка должна происходить в самом тесном контакте с конкретным материалом науки, ибо только такой путь может предохранить марксизм от тех штаний, которые наблюдаются в нем при первом соприкосновении с достижениями науки. Эти достижения не должны являться чуждым элементом, случайными примерами для философских абстракций, а подлинным фундаментом этих абстракций, их органической составной частью.

Работа тов. Семковского является же образцом лишь того, как не следует подходить марксисту к современному естествознанию.

3. Цейтлин.

А. К. Тимирязев. Физика, ч. II. Стр. 176. Издание Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова.

Имевшие счастье обучаться в царской средней школе знают, что изучение истории начиналось там с «самого начала», так что кончавшие эту школу имели превосходные сведения о бороде царя Хамураби, но о царствовании Николая II знали только то, что он сменил в бозе почившего отца своего. Можно сказать, что это же самое «начало» господствовало не только в истории. Авторы учебников, например, физики придерживались превосходной традиции сухо и скучно излагать в учебнике только то, что окончательно закреплено и даже устарело в науке, т.е. то, что находилось на дистанции в четверть столетия, если не больше, от современности. Защищалась эта традиция аргументами пуризма и всеобщим убеждением человеков в футляре, что солидность вещей пропорциональна их древности. Октябрьская революция разрушила на ряду со многими «древностями» и эту «педагогическую древность». Историю у нас начинают изучать с «самого конца» российских древностей. В физике дело обстоит хуже и до сих пор выпускаются еще учебники, написанные по старому шаблону. Физика т. Тимирязева новый тип учебного пособия. Оставил в стороне излишние подробности, которые интересующиеся могут найти в специальных руководствах, тов. Тимирязев поставил себе целью ознакомить малоподготовленного читателя с самым главным из того, что сейчас делается в науке. Задача несомненно нелегкая, но решена она тов. Тимирязевым удачно. Во 2-й части своих лекций он на протяжении относительно небольшого числа страниц излагает основы электромагнетизма, теорию электронов, электромагнитную теорию света, радиоактивность в связи с вопросом о строении атома и даже, в заключительной главе, касается теории Альберта Эйнштейна, «отрицающего существование эфира или вернее признающего эфир, к которому неприменимо понятие движения». Критика Эйнштейна не мешает, конечно, тов. Тимирязеву воспользоваться превосходным опытом Эй-

штейна-де-Гааза. Этот опыт, а еще более опыт Тольмана-Стюарта дают очень хорошее доказательство как существования электронов, так и того, что электроны это не «непротяженные точки» (к этой «точке» зрения очень склонны физики идеалисты), а настоящие материальные тела, обладающие инерцией. Заметим здесь, между прочим, что нам непонятно, почему тов. Тимирязев, привлекающий опыт Тольмана-Стюарта в свидетельство инерции электронов, не подчеркивает этой инерции электронов в явлении самоиндукции. Если электроны обладают инерцией, а ток есть движение электронов, то при перерыве тока (или замыкания) имеют место инерционные явления. Механизм катушки самоиндукции не выяснен у тов. Тимирязева. Эта катушка не фигурирует даже в лекции об электромагнитных волнах, что с нашей точки зрения является упущением. Ведь в настоящее время сведения о радиоволнах очень распространены, и нетрудно было бы в главе о радио дать схему хотя бы любительского радиоприемника. Вообще, если говорить о стоящих световых волнах и резонансе в связи с поглощением света, то тем более следовало бы кое-что сказать о соотношении самоиндукции и емкости и резонанса в радиотелеграфе, о котором в настоящем времени все кое-что слыхали и знают. Отметим еще, что в книге тов. Тимирязева отсутствует теория квант. Обясняется это, вероятно, тем, что к моменту написания руководства еще не была опубликована, работа Дж. Дж. Томсона о строении света, дающая возможность популяризации этой теории. В следующем издании тов. Тимирязев, без сомнения, использует замечательно наглядную синтетическую модель знаменитого английского физика. Методологическая особенность книги тов. Тимирязева в том, что он везде подчеркивает материализм и диалектику. Нельзя, однако, утверждать, что физика тов. Тимирязева — это курс, систематически построенный по принципам диалектики. Время написания такого курса еще не пришло, так как для этого необходима еще предварительная подробная разработка диалектики в физике. Энгельс дает в «Диалектике природы» схему изложения физики на основе превращения форм движения. Определяя диалектику, в противоположность метафизике, как науку о связях, Энгельс считает диалектическим такое изложение физики, в котором развертывается картина единства разнообразных форм движений и их взаимных превращений, начиная от простейшей (механической), кончая сложнейшей (биологической). Так как сверх того диалектика означает переход количества в качество и обратно, взаимное проникновение противоположностей и отрицание отрицания, то эти моменты должны систематически выступать в изложении физики, а не в виде случайных примеров. Осуществлять схему Энгельса полностью — задача далеко не из простых, но, этот труд должен быть выполнен, хотя бы коллективно.

Пока же физика тов. Тимирязева остается лучшим общедоступным руководством, написанным с точки зрения диалектического материализма. Его появление весьма своевременно, так как опубликование рукописей Энгельса возводило без сомнения повышенный интерес к физике в самых широких кругах читателей. В связи с этим еще одно замечание. Нам кажется, что характер книги тов. Тимирязева не совсем соответствует ее названию. Широкая публика под «физикой» разумеет обычный учебник, и многих читателей, которые с большой охотой познакомились бы с популярными лекциями по основным вопросам современной физики, внешность учебника несомненно отпугнет. В виде примера хороших популярных наименований укажем на Лоренцовские «Видимые и невидимые движения» или «Невидимый глазу мир» Гольдгаммера; по содержанию

своему они очень приближаются к лекциям тов. Тимирязева, но название их, без сомнения, имеет в виду психологию широкой читательской массы. Нам кажется, что тов. Тимирязеву в целях возможно большего распространения его книги следовало бы, подобно Лоренцу и Гольгаммеру, дать ей иное, более соответствующее и популярное заглавие.

3. Ц.

Н. Н. Попов. Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). Гос. Изд. 1926 г. Стр. 336.

Книга т. Попова представляет систематическое изложение истории Всесоюзной Коммунистической партии от ее основания до XIV партконференции включительно и рассчитана на широкие массы. Поэтому работа т. Попова, не взирая на скромное заявление автора, что он претендует на использование ее лишь в качестве пособия, может занять место учебника. Вследствие этого она требует к себе особого внимания.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что книга т. Попова содержит ряд спорных и даже прямо неверных положений, при том не по второстепенным, а по основным вопросам партийной истории.

Недоумение начинается с первых же страниц книги. В народническом движении автор различает два периода—ходжение «в народ», и «бунтарскую» агитацию. В период хождения «в народ» сотни и тысячи интеллигентов-народников двинулись в крестьянские массы с проповедью социалистических идей. «Но никакого сочувствия со стороны крестьян,—говорят автор,—они тогда не нашли, ибо крестьянство к отвлеченным социалистическим проповедям было весьма равнодушно» (стр. 10, разбивка автора). Далее автор рассказывает о результате движений и переходе его во вторую фазу. «Царское самодержавие,—пишет он,—легко поняло, какую большую опасность представляет для него революционная пропаганда в деревне. Оно пустило в ход весь полицейский аппарат, которым оно располагало. Сотни пропагандистов очутились в тюрьме, но движение этим не было убито. Оно только видоизменило свои формы, оно приняло так называемый бунтарский характер» (стр. 10). И дальше: «В середине 70 годов мы являемся свидетелями целого ряда попыток бунтарской агитации в народных массах с целью вызвать стихийные бунты и в надежде на то, что эти стихийные восстания выльются в общее восстание» (стр. 11, разбивка автора).

У т. Попова выходит, что в движении 1874 года (движение «в народ») принимали участие если не исключительно, то в преобладающем количестве сторонники Лаврова, так называемые «пропагандисты», ставившие себе целью распространение идей социализма среди крестьян. Только позже, под влиянием неудачи пропаганды и правительственный гонений «пропагандисты» превращаются в «бунтарей», сторонников Бакунина, и ведут бунтарскую агитацию, пытаясь поднять крестьян на стихийные восстания.

Нечего и говорить, что подобная картина совершенно не соответствует действительности. Пропагандисты, сторонники Лаврова, действительно первое время имели преобладающее влияние в среде революционной молодежи, но это было до момента движения «в народ». Хождение

«народ» предприняли оба течения, при чем, по свидетельству участников движения, в среде отправившихся в народ преобладали как раз бакунисты, «бунтари». Разумеется, «бунтари» в этот период ставили своей задачей не «отвлеченную пропаганду социализма», а пытались бунтовать крестьян, поднимать их на восстания. Участник движения Л. Дейч по вопросу о распространении лавризма и бакунизма в начале 70-х годов пишет следующее: «Что касается влияния выдающихся «властителей дум» тогдашней молодежи, роли в нашем движении Лаврова и Бакунина, то они бесспорно были значительны, в особенности влияние последнего... В самом начале 70-х годов наибольшую роль играл Лавров... Но эту роль Лавров удержал лишь в течение очень короткого времени,—двух—трех лет, не более. Уже зимой 1873 г., еще до начала «массового» движения «в народ» в некоторых городах на юге, а также отчасти в столицах, сторонники Бакунина оспаривали у лавристов преобладающее влияние на передовую молодежь» («Социалистическое движение начало 70 годов», «Буревестник», 1925, стр. 24, разбивка моя. Г. Л.).

Итак, весною 1874 года «в народ» пошли и пропагандисты и бунтари. Субъективные намерения их были различны. Первые ставили своей задачей пропаганду, разъяснение крестьянам их положения, пробуждение социалистических стремлений и организационную подготовку грядущей социальной революции. Вторые пытались агитировать, поднимать крестьян на восстания с целью слить отдельные восстания в общую революцию. Во что же фактически вылилась работа бунтарей и пропагандистов? И те и другие вели пропаганду, потому что только она и была возможна в силу объективных условий. «Большинство бунтарей, призванных в теории бунтарской программу,—пишет Дебагорий-Мокриевич,—потом, когда двинулись в народ, на практике своей деятельностью несколько не отличались от пропагандистов и, подобно им, занимались распространением революционных брошюр в народе» («Воспоминания», ч. I, стр. 11).

Как же, однако, обстоит дело с переходом от пропаганды к бунтарству, о котором говорит т. Попов? Вопрос разъясняется просто. Тов. Попов путает изменение в тактике народников, которое действительно имело место после неудачи хождения в народ, с изменением в идеологии. Правда, чем дальше, тем больше сходит со сцены лавризм и шире распространяются идеи Бакунина. Но в основном изменение характера движения коснулось не идеологии, а организационных форм и тактики. В смысле организационном революционеры пришли к выводу, что легчайшая пропаганда и агитация необходимо заменить длительной работой, организованной для этой цели «поселения». В тактическом отношении решено было от пропаганды социализма и социальной революции перейти к агитации на почве насущных, злободневных вопросов деревни.

Трудно согласиться также с той социологической характеристикой народничества, которая выдвигается т. Поповым. По его мнению, народнический социализм—идеология разночинной интеллигенции, правда, с определенным крестьянским уклоном.

«Несмотря на целый ряд буржуазных реформ, проведенных царским правительством после «освобождения» крестьянства,—пишет т. Попов,—растущая интеллигенция не находит достаточного приложения своим силам в нашей полуазиатской стране и это уже порождает среди развивающейся интеллигенции, частично связанный с растущей буржуазией, частично с освобожденным крестьянством, известное недовольство существующим политическим

строем. На этой почве возникает так называемый народнический социализм» (стр. 7, разбивка автора).

Этот анализ причин народнического движения и социологическая характеристика народничества не выдерживают критики. Неверно прежде всего то, что народническая интеллигенция—главным образом различная интеллигенция, вышедшая из мелкого мещанства и крестьянства. Данные о социальном составе деятелей народничества говорят о том, что часть народников вышла из дворян. В особенности это относится к раннему периоду народнического движения. Большинство учащейся молодежи, входившей в революционные кружки 70-х годов, вышло из дворян. Немного меньше 60% судившихся по двум большим процессам из периода хождения «в народ» (процессы 50 и 193) принадлежали к дворянскому званию. Если даже сделать преувеличенное предположение, что половина из них совершенно оторвалась от своего сословия, то и тогда процент участия «кающихся дворян» в движении будет очень высок.

Можно согласиться с утверждением, что учащаяся молодежь, интеллигенция 70-х годов, вступила в политическую борьбу под влиянием того обстоятельства, что экономические и политические условия пореформенной России преподставили применению сил растущей интеллигенции. Но это обстоятельство обясняет лишь факт недовольства интеллигенции ее готовностью пойти против существующего строя.

Народничество—отражение интересов мелкого производителя, крестьянина. «Сущность народничества,—говорит Н. Ленин,—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа» (Соч., II, 60). Народнический «социализм»—крестьянский «социализм». Только с этой точки зрения получает удовлетворительное обяснение теория и практика народничества. Итак, вопреки т. Попову, не мелкобуржуазная интеллигенция в собственных целях пыталась использовать крестьянство, а, наоборот, крестьянские интересы нашли свое отражение, правда в преломленном виде, в народническом движении.

Однако то обстоятельство, что т. Попов не понял народничества и неправильно трактует его,—еще полбеды. Гораздо хуже то, что он не понял учения большевиков о движущих силах первой русской революции. А для всякого ясно, что не понять теории и тактики большевиков в революции 1905 года—значит ничего не понять в большевизме.

Ближайший разбор изложения теории большевиков о движущих силах революции 1905 года, которое делает т. Попов, покажет, насколько он путает в этом вопросе линию партии.

Вот как рассматривает он большевистскую теорию революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства: «Владимир Ильин считал, что нельзя нашу революцию рассматривать как обычную буржуазную революцию. У нас революция будет прологом революции социалистической и социалистическая революция наступит тем скорее, чем основательнее будет наша победа в демократической революции. И вот для того, чтобы одержать эту победу как можно более основательно, для того, чтобы дать возможность нашей революции после того, как она одержит полную победу над царизмом, перейти в революцию социалистическую, необходимо участие социал-демократии в временном революционном правительстве» (стр. 90, разбивка автора).

Идеи Ленина о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства т. Попов резюмирует в следующих выражениях: «Вопрос стоял определенно: кому быть у власти? Быть ли у власти цар-

кому правительству, быть ли у власти либеральной буржуазии, быть ли у власти пролетариату и крестьянству? Тот путь, который т. Ленин указывал нашей партии, был направлен к закреплению демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.... Осуществив демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, мы подойдем вплотную к революции социалистической» (стр. 97—98, разбивка автора).

Итак, основные черты большевистской теории революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, согласно т. Попову, ведется к следующему: революция 1905 г.—не обычная буржуазная революция; она—пролог социалистической революции; задача партии пролетариата осуществить и закрепить революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян для перехода к социализму.

Это—что угодно, но только не большевистская, не ленинская теория революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. Это—ложная «теория», являющаяся оригинальным изобретением т. Попова и сменяющая в себе кусочки большевистской оценки движущих сил революции с концепцией «перманентной революции» Троцкого.

Как смотрел Ленин (и наша партия) на характер и движущие силы первой русской революции? Несколько цитат помогут уяснению этого вопроса.

Разъясняя постановления III съезда партии, Ленин по вопросу о характере революции 1905 года писал следующее: «Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции. Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования, которые стали для России необходимостью,—сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а, наоборот, они впервые очищают почву настоящим образом для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, они впервые сделают возможным господство буржуазии, как класса» («Две тактики с.-д.», Собр. соч., т VI, стр. 328).

Итак, вопреки утверждению т. Попова, Ленин, как явствует из приведенной выдержки, рассматривал нашу революцию, как буржуазную революцию. Но было ли различие в оценке характера революции между большевиками и меньшевиками? Да, было. Только различия этих оценок т. Попов совершенно не понял.

Меньшевики выдвигали положение—русская революция есть революция буржуазная и ставили после этого точку. Большевистский же анализ не останавливался на этом. Грядущая революция неизбежно буржуазна—предпосылки этого заложены в данных экономических и социальных условиях. Она должна привести к установлению буржуазных порядков. Но буржуазные порядки могут быть различные. В зависимости от конкретного хода революции ее результатом может быть и демократическая республика и конституционная монархия. Это будет зависеть от того, какие силы сыграют решающую роль в революции.

Вопрос о содержании революции, о ее результатах тесно связан, таким образом, с вопросом о движущих силах. Рассматривая революцию со стороны ее движущих сил, меньшевики и в этом случае считали ее буржуазной, признавая крупную буржуазию революционной. Большевики же считали с этой точки зрения данную революцию пролетарско-крестьянской. Революция 1905 года—буржуазная революция в оценке, совершающей пролетариатом и крестьянством во преки неустойчивости буржуазии—вот наиболее четкая боль-

шевистская формула, улавливающая конкретные особенности нашей революции.

Тов. Попов совершенно не понял большевистской постановки вопроса о временном революционном правительстве. Поэтому он утверждает, что «тот путь, который т. Ленин указывал нашей партии, был направлен к закреплению демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», т.-е. к превращению временного революционного правительства в постоянную власть. Говоря вообще, вопрос о длительности диктатуры пролетариата и крестьянства мог быть разрешен в зависимости от конкретной обстановки революции, но как перспектива диктатура рабочих и крестьян мыслилась большевиками в форме временной, а не постоянной власти. Ленин положил много усилий, чтобы разъяснить меньшевикам разницу между временным правительством рабочих и крестьян и постоянным правительством, которое так или иначе придет на смену временному и осуществит задачи буржуазной революции.

Меньшевики говорили: «...Временное правительство, которое взяло бы на себя осуществление задач этой, по своему историческому характеру буржуазной, революции, должно было бы... не только двигать вперед революционное развитие, но и бороться против тех факторов, которые угрожают основам капиталистического строя...» (Резолюция меньшев. конференции о «завоевании власти и участии во врем. правительстве»).

Разбирая это место меньшевистской резолюции, Ленин писал: «Конкретный вопрос о временном революционном правительстве стущевался с их (меньшевиков. Г. Л.) поля зрения перед вопросом о том будущем ряде правительств, которые осуществляют задачи буржуазной революции вообще. Но временными революционным правительством называется вовсе не то, о чем вы говорите: так называется правительство революционной эпохи, непосредственно сменяющее свергнутое правительство и опирающееся на восстание народа, а не на какие-нибудь представительные учреждения, вышедшие из народа. Временное революционное правительство есть орган борьбы за немедленную победу революции, за немедленное отражение контр-революционных попыток, а вовсе не орган осуществления исторических задач буржуазной революции вообще» (Собр. соч., VI, 323—324, разбивка моя. Г. Л.).

Пожалуй, довольно.

В чем же, однако, источник той неправильной трактовки большевистских взглядов на революцию 1905 года, которую обнаруживает т. Попов? На этом следует немного остановиться.

Тов. Попов цитирует несколько мест из Ленина, где говорится о том, что при условии полной победы революции в России революционный пожар будет перенесен в Европу и наша буржуазная революция станет прологом революции социалистической. Эти места он истолковывает в троцкистском смысле—и перед нами новая «оригинальная» теория. Ленин ставит вопрос таким образом, что социалистическая революция на Западе сократит период буржуазного развития России, даст возможность быстрой постановки вопроса о борьбе за социалистическую революцию, а т. Попов толкует это в том смысле, что социалистическая революция в Западной Европе уничтожит необходимость всяких промежуточных ступеней революционного развития между буржуазным и социалистическим переворотом.

Для уяснения этого вопроса необходимо найти у Ленина такое место, где он говорит об общей перспективе революции. Такое место есть в «других тактиках». Вот оно.

«Силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, если брать основные крупные силы, распределяя сельскую и городскую мелкую буржуазию (тоже «народ») между тем и другим. «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура. Она не может затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма. Она сможет, в лучшем случае, внести краткое перераспределение земельной собственности в пользу крестьянства, провести последовательный демократизм вплоть до республики, вытеснить все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению быта рабочих и повышению их жизненного уровня; наконец, last but, not least (следующее по счету, но не по важности) — перенести революционный дух в Европу. Такая победа нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира. Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего к его полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции» (Собр. соч., VI, 335—336, разбивка—первая автора, дальше моя. Г. Л.).

Нечего и говорить, что непонимание т. Поповым большевистской теории революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян скажется на всем дальнейшем изложении истории партии. Взять, к примеру, изложение позиции нашей партии в аграрном вопросе на Стокгольмском съезде. Тут столько чудес, что прямо удивляешься, как можно, прочитав Ленина, ничего не понять в ленинской постановке вопроса. У меня нет возможности подробно разбирать все, что написано по этому вопросу т. Поповым. Сопоставим две цитаты для того, чтобы показать, как неправильное понимание теории революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян приводит к искажению нашей позиции в аграрном вопросе.

Почему Ленин выдвинул на IV съезде проект национализации земли? Тов. Попов изображает дело так: «Владимир Ильин считал, что государство, в котором пролетариат и крестьянство будут властями, если оно получит в свое распоряжение землю, значительно усилятся. Пролетариат получит возможность использовать это усиление в своих дальнейших, социалистических целях» («Очерк», стр. 127, разбивка моя. Г. Л.).

Обращаюсь к Ленину. В труде «Аграрная программа с.-д. в русской революции 1905—1907 г.г.» черным по белому значится: «...Все содержание текущей революционной борьбы масс состоит в том, быть ли Россия юнкерско-буржуазной (как хочет Столыпин и кадеты) или крестьянско-буржуазной (как хотят крестьяне и рабочие)... В силу объективных экономических причин у нас нет и быть не может в завершющей революции иного «выбора», как между буржуазной централизованной республикой крестьян-фермеров

или буржуазной централизованной монархией помещиков-юнкеров». Однако «социал-демократия, партия пролетариата, никоим образом не связывает судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазной революции. Оба исхода означают капиталистическое развитие и угнетение пролетариата и в монархии помещиков с частной собственностью на землю и в республике фермеров хотя бы с национализацией земли» (Собр. соч., IX, 531—532, 535, разбивка моя. Г. Л.).

Итак, Ленин не видел в русской революции иного выбора, как между мелко-буржуазной крестьянской республикой и юнкерско-буржуазной монархией и выдвигал национализацию земли, как буржуазную меру, способствующую наиболее быстрому развитию капитализма. Тов. Попов задним числом нашел третий выход—в организации власти рабочих и крестьян и трактует предлагавшуюся большевиками национализацию, как помогающую дальнейшему социалистическому строительству меру.

Благодаря неправильной трактовке учения о движущих силах в буржуазной революции в России у т. Попова далее смазаны особенности февральской революции 1917 года и нет отчетливого понимания тактики большевиков в период от февраля к октябрю. Особенности революции, которой предшествовал после 1905—1907 г. десяток лет быстрого буржуазного развития и которая разразилась в обстановке империалистической войны, толкнувшей мелкую буржуазию в лагерь социал-патриотов и тем видоизменившей постановку вопроса о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, остались для т. Попова книгой за семь печатями.

Основной недостаток глав, посвященных Октябрьской революции, периоду военного коммунизма, периоду новой экономической политики, состоит в том, что у автора описание решительно преобладает над анализом. Может быть от этого книга только выиграла, так как из предыдущего разбора явствует, что анализ не является сильной стороной автора.

Разбор книги т. Попова на этом можно закончить. Надо отметить, что мы остановились здесь только на самом основном. Но и того, что было указано, довольно, чтобы сделать определенную оценку книги т. Попова.

В настоящем своем виде его книга не дает правильной перспективы развития нашей партии и в качестве учебника или основного пособия не может быть использована. При наличии дополнительного материала в качестве пособия может быть использована вторая половина книги, начиная с главы, посвященной годам реакции.

Г. Ладоха.

П. Виноградская. Фердинанд Лассаль. Госуд. Из-во. Москва—Ленинград 1926. Стр. 249. Ц. 2 р. 50 коп.

Эпиграфом к книге тов. Виноградской служит выдержка из письма Энгельса к Марксу от 23 января 1868 года. Энгельс задает такой вопрос своему другу: «...Не следовало ли бы написать популярную брошюру для рабочих, об'емом, примерно, в шесть печатных листов, на тему Маркс и Лассаль? В такой небольшой по об'ему брошюре можно было бы сделать, во-первых, это, а во-вторых, дать рабочим самое необходимое из марксизма в положительной форме...»

С момента постановки Энгельсом этого вопроса прошло больше полувека. А между тем... как медленно движется история! Не только актуальность этого задания Энгельса не уменьшилась в наши дни, но, напротив, потребность в исчерпывающей, сравнительной характеристике труда и творчества Маркса и Лассаля возросла и приобрела сугубый практический смысл. В самом деле, теоретические схемы Маркса и Энгельса начинают наливаться живой кровью, одеваться в живую плоть, практические осуществляться на протяжении $\frac{1}{8}$ части земного шара; реакционные силы международного пролетариата, преодолевая огромные препятствия, медленнее, чем этого хотелось бы, но зато все более тверже и увереннее собираются под знамя социальной революции, под знамя Интерна. И в то же время все отжившее, все гнилое, все реакционное, что осталось от прежней эпохи рабочего движения и что сгруппировалось под сенью послевоенного II Интернационала—международная социал-демократия—трижды отрекается от заветов Маркса, хулит дело избранного его продолжателя, Ленина, и вытаскивает на потребу старины... наследие Лассаля...

И что хуже всего—целый ряд товарищеской, как правильно отмечает тов. Виноградская в предисловии к своей книге—находится еще под влиянием старых представлений о Лассале, ставя его в одну шеренгу «Марком и Энгельсом...» Поэтому надо всячески приветствовать попытку автора рецензируемой книги пересмотреть «легенду о Лассале», эту последнюю подлинную, настоящую, неприкрашенную, критически проверить «лассальянство» с точки зрения революционного марксизма.

Надо отметить, что книга тов. Виноградской есть нечто большее, чем популярная брошюра... в шесть печатных листов, о которой в ее время мечтал Энгельс. То, что было бы под силу Энгельсу в его эпоху, в наши дни сделать в сотни раз труднее, не только потому, что идеологические конфликты рождаются один раз в столетие, но и потому, что идеологические конфликты вокруг и около Лассаля, результат более, чем полустолетней истории рабочего движения,—запутали и осложнили наследство Лассаля. Стоит только вспомнить, что такой революционный марксист, как Кунов, не мало потрудился над тем, чтобы оправдать ошибки Лассаля, чтобы защитить его от, якобы, «нападок» Маркса, чтобы представить этого подлинного пролетарского вождя. Но то, что сделали и продолжают делать с Лассалем Кунов, Гениш, Онken, Отто Бауэр, Каутский и др.—все творчество нынешних вождей социал-демократии и просто прокрустовых либералов, зовущих «назад к Лассалю»,—все это настолько, что огорчает, осложняет наследие Лассаля, что исследователи-коммунисты до прежде всего заниматься щадительным распутыванием хитросплетенного клубка лжи и фальсификаций, чего не было при жизни Маркса и Энгельса и что они предвидеть и не могли.

Книга тов. Виноградской только выигрывает от того, что это—не просто популярная брошюра, а попытка исследовать вопрос. Попытка попытка научная и добросовестная, основанная на огромном, новом и совершенно свежем материале. Шесть томов «Nachgelassene Briefe und Aufsätze» Лассаля, опубликованные Мерингом, все, вплоть до малоизвестных, небольших работ Лассаля, переписка Маркса и Энгельса, все работы последних, имеющие хоть какое-нибудь касательство к Лассалю, огромное количество малоизвестных документов об общественных отношениях эпохи Лассаля, о людях, имевших к нему то или другое отношение, наконец, вся важнейшая с.-д. и буржуазная теоретическая литература о Лассале—вот та база, на которой тов. Виноградская попытается строить свои выводы. Автор указывает в предисловии, что «настоящая

книжка представляет собой конспективное изложение основных моментов из большой книги о Лассале, над которой автор в настоящий момент работает и которая должна явиться одной из попыток освещения лассальянства с точки зрения революционного марксизма и ленинизма» (стр. 13).

Что книга тов. Виноградской не исчерпывает совершенно вопроса,— это верно (об этом ниже), но что ее «Фердинанд Лассаль» нечто больше, чем конспект—это видно, хотя бы, из того, что книга содержит больше 15 «печатных листов и охватывает важнейшие стороны жизни и деятельности Лассала. Поэтому, не дожидаясь выхода в свет большой монографии о Лассале, которую нам обещает автор, мы постараемся разобрать те выводы, к которым приходит тов. Виноградская в ее скромно именуемой «конспектом» книге.

Отметим, прежде всего, предисловие, в котором автор дает сжатую, но очень ясную и четкую критику важнейших новейших трудов о Лассале. Очень интересно проследено изменение взглядов Бернштейна на Лассала, начиная с 90-х годов, когда Бернштейн был еще верным учеником Маркса и Энгельса,—и кончая последними годами. В 90-х годах Бернштейн давал еще правильную оценку Лассалю и лассальянству, но уже в 1902 году «отец ревизионизма» сделал свои позиции, а через два года заявил, что он самостоятельно пришел к «точке зрения Онкена»; в 1919 году Бернштейн «суммировал весь путь, пройденный им вместе с немецкой с.-д. в новой большой работе, посвященной Лассалю» и показал, воочию, как с.-д. «возвращается назад к Лассалю» (стр. 9). Характерна также статья Макса Адлера в 1914 году, в самом начале войны, посвященная Лассалю, в которой этот теоретик австр. с.-д. писал, что, исходя из взглядов Лассала, «с полным спокойствием могла с.-д. отбросить упрек в отсутствии патриотизма, упрек, снятый самой историей» (стр. 10). А заявления Реннера, что учение о государстве и нации мы находим только у Лассала или буржуазных исследователей, вроде Барона, Бернгарда Гармса, Карла Траутвейна, радующихся тому, что с.-д. идет в общественно-политических вопросах от Маркса к Лассалю, а в философском отношении «назад к Фихте»—все это красноречивые свидетельства сражения с.-д. и буржуазной идеологии. И Онken в своем послевоенном издании работы о Лассале прямо пишет: «Кто ныне не найдет непосредственного пути к духу Фихте, тот, возможно, сумеет притти к нему через посредство Лассала». Что касается Меринга, то тов. Виноградская считает, что его ошибка в оценке Лассала проистекает из того, что он не успел сделать при жизни должную переоценку всего прошлого германской с.-д. на основании ее поведения во время войны, а особенно после войны» (стр. 13).

Идеологическая связь философских взглядов Лассала со взглядами Фихте и Гегеля дана тов. Виноградской в главе «Лассаль как философ». Разобрав метод Лассала на основной его работе о Гераклите, автор показывает, как Лассаль «берет готовую гегелевскую систему и накладывает ее на гераклитовскую философию, стараясь подогнать Гераклита под Гегеля, в результате чего получилось насилие над Гераклитом». Общий вывод автора о «Гераклите» Лассала таков: «Если не считать чисто филологической работы, проделанной Лассалем по разъяснению греческого текста, сохранившихся фрагментов, то эта работа в философском отношении ничего нового не давала» (стр. 161). Но зато Лассаль получил одобрение со стороны «старо-гегельянцев», т. к. вся работа «была выдержана в строго гегелевских терминах и формах мышления». Характернее, однако, то обстоятельство, что, как показывает тов. Виноградская, Лас-

аль сделал шаг назад по сравнению с Гегелем и «в своем понимании гегелевской диалектики он является в некотором смысле, если так можно выражаться, до-гегельянцем» (стр. 163). Разбирая ряд работ Лассала, особенно его доклад в философском обществе «Философия Фихте и значение немецкого духа», тов. Виноградская показывает, что Лассаль «предпочитает Фихте», что он «сходит с почвы об'ективного идеализма и становится на точку зрения «суб'ективного идеализма» (стр. 164), что и даже как идеалист-диалектик неправильно, схематически применял категории гегелевской логики» (стр. 166), что он был «запоздалым учеником Гегеля» (стр. 247). Одним словом, в философском смысле Лассаль не только не может стать в один уровень с марксистской диалектикой, но даже в отношении к гегелевской диалектике он сделал шаг назад к Фихте; это обстоятельство не может не приветствоватьсь буржуазными учеными, которые и зовут «назад к Лассалю», т. к. это означает «назад к реакции».

В главе «Лассаль, как социолог» автор показывает взаимосвязь между тактикой Лассала по отношению к прусской монархии и Бисмарку и философско-историческими взглядами Лассала. «История,—говорит Лассаль,—это есть об'ективное самоосуществление понятия (духа)». Применяя это определение к осознанию исторической роли монархии, Лассаль доверился до таких, напр., перлов: «логическая природа» монархии направлена против привилегий (курсив наш. Г. З.) и буржуазии; революция означает не что иное, как то, что королевская власть должна свое собственное существование и разрешила его в адекватную его понятию форму единства и целокупности нравственной воли государства—в республику». Таким образом, классовая борьба в концепции Лассала исчезает и «об'ективное самоосуществление понятия» проявляется такие замысловатые антитраша, что буржуазному социологу море делено: он может на основании этого доказать, что ему угодно и что этого общего не имеет с историческим процессом. Анализируя взгляды Лассала на монархию, тов. Виноградская совершенно справедливо подтверждает, что идея Лассала о «социальном королевстве не кажется уже чудовищным противоречием с его революционными убеждениями» (стр. 169). Для Лассала, вообще, не классы сменяют друг друга, а «один «принцип» сменяет другой в лице каждого из этих классов» (стр. 173). Только влиянием напора живой жизни, Лассаль уклоняется бессознательно от стороны материалистического об'яснения исторического процесса и тогда мы имеем блестящие страницы вроде некоторых глав из «О сущности институций» или «Программы работников». Но и там общее морозозервание автора остается «на донучном уровне»: стоит только вспомнить о шаге назад, по сравнению с Марксом, в определении рабочего класса, как рабочего сословия», или о непонимании Лассалем исторической необходимости и противопоставлении последней «индивидуальных решений и инстинктов» (стр. 174).

Совершенно понятно, поэтому, почему Лассаль в своих правовых изложениях оставался на буржуазной точке зрения, выводя, напр., по выражению Энгельса, «римские правовые нормы не из общественных отношений римлян, а из «спекулятивного понятия» воли...» (стр. 182). Понятен и взгляд Лассала на государство, как на сверхклассовый институт, цель которого «в положительном развитии и постепенном совершенствовании человека». Так наз. «народное государство», в котором царит всеобщее избирательное право, представляет, по Лассалю, «высшее развитие свободы» (стр. 185). Ни о каком отмирании института государства Лассаль никогда не говорил: было бы совершенно нелогичным заставлять отми-

ратить тот институт, который «совершенствует человека». И еще более резко выступает связь методов борьбы Лассаля с его миросозерцанием. Теоретик, для которого исторический процесс является сменой «принципов», для которого высшим типом человеческого общества является «народное государство», — не мог не считать, что квинтэссенцией борьбы рабочего класса является борьба за всеобщее избирательное право, что, при достижении последнего, всякие революционные действия должны отпасть сами собою, что мирный путь трансформации общества — есть единственно верный путь. Недаром он говорил о том, что, после того, как социализм вызреет сам собой внутри капиталистического общества, пролетарской партии необходимо будет дать ему только «правовое выражение» (стр. 197).

Но, ведь, это и есть взгляды современной с.-д.! — воскликнет читатель. Именно так, и именно тем и хороша книга тов. Виноградской, что в ней совершенно ясно вскрыта связь между современным социал-предательством и лассальянством. Особенно можно рекомендовать ознакомиться с главой, трактующей о понимании Лассалем «национального вопроса», где т. Виноградская дает изложение оппортунистического, мелкобуржуазного лассальянского взгляда на национальность, как на «целокупное понятие», в котором совершенно исчезают классовые противоречия. Вообще книга дает впервые марксистски выдержанное толкование миросозерцания Лассаля, при чем все философские, политические, экономические¹⁾, правовые и тактические взгляды Лассаля увязаны в одну систему и их взаимозависимость вытекает с железной необходимостью.

Необходимо отметить еще, что автор книги «Фердинанд Лассаль» весьма кропотливо и бережно собрала и дала все важнейшее о взаимоотношениях Маркса и Лассаля, тем самым совершенно рассеяла легенду о какой-то личной неприязни первого к последнему, о каких-то причинах весьма низкого свойства со стороны Маркса (конкурентная борьба, зависть), намеки на какие-либо можно встретить сплошь и рядом у огромного большинства биографов Лассаля. То обстоятельство, что Маркс молчал и не выступал публично во время жизни Лассаля, показывает нам Маркса, как человека величайшей революционной честности: критикуя Лассаля в своей переписке с друзьями, Маркс не желал, однако, доставить удовольствия буржуазной реакции, которая всячески обрушилась на Лассаля и которая, понятно, использовала бы марксовское осуждение против рабочего класса. И после смерти Лассаля Маркс брал под свою защиту от реакционеров вроде Блиндта этого «мертвого льва». Но и Маркс, и Энгельс считали своим величайшим революционным долгом предостеречь немецких рабочих от идеологических и тактических ошибок Лассаля: «Критика готской программы» остается правильной и до наших дней. Маркс не побоялся обрушиться с этой жестокой критикой, когда убедился, что эйзенахцы находятся, к несчастью, в идеологическом плenу у лассальянцев.

Тов. Виноградская показывает эту черту особой революционной честности Маркса, которая недостаточно обрисовывалась и часто замалчивалась биографами — и тем самым суждения Маркса и Энгельса о Лассале приобретают особую значительность и остроту для сегодняшнего дня. Не совсем обоснованно, однако, заявление тов. Виноградской,

¹⁾ Глава об экономисте-Лассале написана тов. Преображенским и дает, хотя и беглый, но весьма содержательный анализ ошибок Лассаля в экономических вопросах. Звать в области экономической теории, «назад к Лассалю» — значит то же, что звать в области техники к прогрессивному движению от автомобиля к телеге, — резюмирует тов. Преображенский (стр. 150).

что Лассаль мог бы добиться, при сильном желании, натурализации Карка в Германии (в 1861 г.) и что он, видимо, этого не очень хотел (стр. 99). Тов. Виноградская лучше сделала бы, если бы она тайла свои подозрения про себя и не спешила бы, без достаточных документальных доказательств, обвинять Лассала в таком неблаговидном намерении. Конечно, психологические основания для такого подозрения имеются, но все же категорические заявления тов. Виноградской не совсем к месту, при таком объективно-научном тоне, которым проникнута вся книга.

Не совсем обоснована также точка зрения тов. Виноградской на организационные взгляды Лассаля. Она считает нападки с.-д. на Лассаля в том вопросе «в большинстве несправедливыми». Конечно, в частности, «эйзенахская» организация была рыхлой, и не соответствовала организационным принципам Маркса и Энгельса. Конечно, автономистские принципы с.-д. не являются настоящими принципами пролетарской партии. Но, независимо от принципа «диктаторства президента», выдвинутого Лассалем, который справедливо критикует тов. Виноградскую, организационная структура его союза весьма несовершенна, она вовсе не напоминает пролетарской организации, основанной на принципе «демократического централизма». Ведь, именно, Маркс говорил о «лассалевской искусственной, сектантской организации», которая «стоит в противоречии с действительной организацией рабочего класса». Тов. Виноградская цитирует этот отрывок из письма Маркса к Кугельману, но в то же время отмечает более «пролетарский» характер лассалевского союза, чем, напр., эйзенахская. Мы думаем, что тов. Виноградская смешала принцип якобинского, мелкобуржуазного централизма с принципом «демократического централизма». Диктатура президента, выдвинутая Лассалем (нам думается, прежде всего, из личных побуждений), тесно связана с его неправильной структурой организации, в которой совершенно отсутствует демократический контроль массы в промежуточный период от конгресса к конгрессу и в которой неограниченный диктатор-президент распоряжается «диктаторами», уполномоченными, как хозяин своими приказчиками. Во всяком случае, организационные принципы Лассаля разобраны в книге достаточно ясно и четко.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что тов. Виноградская в своей книге не суммировала в одном месте и не дала географического плана взгляда Лассаля на буржуазию, как на «сплошную реакционную массу».

Можно указать и на другие недостатки книги. На наш взгляд, биография Лассаля могла бы быть дана в более ярком виде: автор, видимо, обладает большим материалом, чем она использовала в книге, и драматическое жизнеописание Лассаля только бы выиграло от освещения ряда интересных деталей. Не совсем четко также дана роль прогрессистской партии и, в частности, Шульце-Дельча: пара кратких указаний на это пропаганду среди рабочих недостаточна. Мы не можем также составить себе достаточно полного представления о рабочем движении эпохи, хотя, напр., глава об экономическом положении Германии, несмотря на скромность, представляет интерес и дает общую, правильную картину развития Германии. Только те места, где автор на основании новых материалов дает картину борьбы прогрессистов с Лассалем за рабочие права, представляют самостоятельный интерес и значение. Не всегда хороши также и стиль книги.

Но эти недостатки книги — легко исправимы. Общее же значение книги в том, что впервые нам дан настоящий Лассаль со всеми его слабостями и недостатками, которые до сих пор замалчивались, что положено

прочное начало пересмотру «легенды о Лассале», что для каждого непредубежденного революционера становится ясной связь между с.-д. реформизмом и лассальянством и что призыв «назад к Лассалю» в наши времена служит идеологическим прикрытием для отрицания Маркса и всего дела его жизни и творчества—социальной революции пролетариата.

Г. Зайдель.

П. Маслов. Основы экономической политики. Госиздат. 1926 г. Стр. 230.

Духовное «богатство» П. Маслова составляют несколько общих принципов—идей. Эти принципы у Маслова имеют универсальное значение в анализе экономических явлений, годны, так сказать, «на все случаи жизни» экономиста. П. Маслов давно уже открыл свои принципы, еще в конце 80-х годов. Сам Маслов в другой своей работе рассказывает, как в один из чудесных вечеров, будучи еще юношей, он «внезапно и совершенно неожиданно» просрел. Впоследствии, из открытых в этот памятный вечер принципов Маслов конструирует «Науку о народном хозяйстве», раскрывает «Мировую социальную проблему», разрешает «Проблему продукции» и т. д.

«Основы экономической политики»—те же старые принципы Маслова. Новое в последней работе Маслова, это—более или менее лояльный тон по отношению к Советской власти и ее экономической политике. Когда Маслов в других своих работах открыто критикует Маркса, он, несомненно, более искренен, чем в «Основах экономической политики», где он аргументирует от Маркса. Принципы Маслова не имеют ничего общего с марксизмом. Их применение является проституированием реально протекающих экономических процессов.

В «Основах...» Маслов не занимается изложением «отдельных мероприятий экономической политики военного коммунизма, эпха, финансовой, сельско-хозяйственной политики и т. д.» (стр. III). Он излагает «общие принципы» не советской экономической политики, а экономической политики вообще. Маслов скептически относится к тому, что в курсах экономической политики освещаются не принципы, на которых она должна покояться, а излагается история экономической политики и практическое проведение ее в той или другой стране» (стр. 1). «Экономическая политика,—говорит Маслов,—прежде всего должна исходить из определенных экономических предпосылок, даваемых наукой о народном хозяйстве» (стр. 2. Курсив автора. *H. C.*). У Маслова, как видим, совершенно неправильное представление о задачах изучения экономической политики. Надклассовый, надисторический подход к изучению экономической политики Маслова не может дать сколько-нибудь плодотворных результатов.

Можно было говорить о принципах экономической политики определенного класса, но и тогда, если ограничиться только общими принципами, нормами, нормативным изучением, нельзя уяснить существа этой экономической политики.

Маслов дает три более общие принципы экономической политики: 1) народно-хозяйственную точку зрения в отличие от частно-хозяйственной и государственно-хозяйственной точек зрения; 2) «развитие производительных сил определяется соотношением доли производительного и непроизводительного потребления»; 3) «критерий распределения народно-хозяйственного дохода—увеличение числа лиц, занятых производительным трудом в народном хозяйстве, иными словами—для развития производительных сил страны необходимо

национальная рентабельность затрат в смысле общего увеличения продукции страны» (стр. 78. Курсив наш. *H. C.*).

П. Маслов очень гордится открытой им народно-хозяйственной точкой зрения. Он утверждает, что большинство экономистов, если не все, стоит или из частно-хозяйственной, или государственно-хозяйственной точки зрения. Но при этом Маслов обнаруживает полное непонимание диалектической связи отдельных отраслей народного хозяйства и роли каждой из них в развитии производительных сил. П. Маслов полагает, что экономическая политика буржуазии, способствующая развитию капитализма, соответствует частно-хозяйственной, а не народно-хозяйственной точке зрения, так как с развитием капитализма происходило распределение народно-хозяйственного дохода в сторону буржуазии. Частно-хозяйственной точке зрения соответствовала бы такая экономическая политика, которая одновременно поощряла бы развитие капитализма и в то же время устраивала процессы пролетаризации.

П. Маслов не понимает, что развитие капитализма было в то же время развитием производительных сил, и поэтому политика, соответствующая этому развитию, поднимала на новую материально-техническую ступень хозяйственную жизнь общества. В данном случае не имеет значения, как реально происходило развитие капитализма в той или другой форме, и как это отражалось на различных социальных слоях населения, можно указать, что экономическая политика буржуазии, соответствующая развитию крупной промышленности, способствовала развитию народного хозяйства. Ошибка Маслова состоит в том, что он народно-хозяйственную точку зрения рассматривает как надклассовую. Но поощрение развития отдельных отраслей в известный отрезок времени не противоречит, а вполне соответствует народно-хозяйственной точке зрения. Появление сельского хозяйства в начале нэпа было всецело интересом народного хозяйства. С точки зрения Маслова эта политика была бы неправильной, как неправильной была бы политика, в настоящее время поощряющая развитие крупной промышленности.

Однако Маслов редко последователен; его второй принцип, согласно которому «развитие производительных сил определяется соотношением доли производительного и непроизводительного потребления», является прямым противоречием народно-хозяйственной точке зрения! При изложении этого второго принципа Маслова возникают прежде всего за вопросы: чем же определяются размеры этого народно-хозяйственного дохода и соотношение долей производительного и непроизводительного потребления. На эти вопросы Маслов дает такой ответ: «изменение характера потребления народно-хозяйственного дохода, т. е. изменение соотношения его долей в виде постоянного (С), переменного (V) и прибавочной стоимости (M), создается путем соответствующей экономической политики» (стр. 16). Последняя формулировка подчеркнута самим Масловым. Развитие производительных сил, способ производства и законы его распределения по Маслову зависят от экономической политики, от доброй или злой воли законодателя. Было бы скучным делом доказывать Маслову, что его точка зрения на развитие производительных сил и специфических законов общественной экономической структуры не имеет ничего общего с научным изложением этих вопросов.

Маркс в «Введении к критике политической экономии» подчеркивает единство моментов общественного производства, распределения, и потребления. Известный способ производства предполагает

определенные законы общественного распределения. Маслов разрывает это единство, отделяет от общественного производства распределение и рассматривает его как самостоятельную область, независимую от производства. Это манера всех буржуазных экономистов, на что указывал еще Маркс. В капиталистическом хозяйстве распределение происходит в форме прибыли, процента, земельной ренты и заработной платы. Этими законами распределения дано соотношение долей производительного и непроизводительного потребления. Маслов, таким образом, обясняет распределение, абстрагируется от его специфических законов, какие оно принимает при данном способе производства. Размеры народно-хозяйственного дохода и соотношение долей производительного и непроизводительного потребления зависят от способов производства и законов его распределения, от исторических условий развития народного хозяйства и от условий, сложившихся в известный период времени. Экономическая политика обуславливается этими тремя обстоятельствами. Это, конечно, не значит, что экономическая политика не может повлиять известным образом на экономическую жизнь страны. Но характер этого влияния и пределы совершенно не те, какие имеет в виду П. Маслов.

По Маслову развитие производительных сил может происходить лишь за счет сокращения непроизводительного потребления. Для более быстрого развития народного хозяйства необходимо все большее сокращение непроизводительного потребления, увеличение средств производства за счет предметов непосредственного потребления. «В действительности для развития производительных сил,—говорит Маслов,—не всякое производственное потребление является производительным потреблением... Расширение производительного потребления происходит за счет сокращения производительного потребления в производстве предметов непроизводительного потребления.» Хотя,—продолжает Маслов,—«сокращение этих отраслей промышленности (производящих предметы непосредственного потребления. Н. С.), представляется как падение производительных сил вследствие сокращения продукции предметов непосредственного потребления» (стр. 44. Курсив автора. Н. С.). Отсюда Маслов делает вывод, что необходимо развитие тяжелой индустрии за счет легкой. Этот своеобразный «сверх-индустриализм» П. Маслова логически приводит к абсурду, к отрыву производства от потребления, к «туган-барановщине», хотя Маслов и клянется «формулами Маркса». Закон пропорциональности развития отраслей народного хозяйства предполагает не отрыв тяжелой индустрии от легкой, а их равномерное развитие.

Масловская «туган-барановщина» противоречит его народно-хозяйственной точке зрения и принципу распределения производительных сил. Принцип распределения производительных сил в свою очередь противоречит принципу производительного и непроизводительного потребления. Но и сам принцип распределения производительных сил Маслов не может формулировать без противоречий, ибо «рентабельность затрат в смысле общего увеличения продукции страны» противоречит «критерию увеличения числа лиц, занятых производительным трудом». Рентабельность затрат отнюдь не увеличивается вложением капитала в отрасли народного хозяйства или сферы производства с наиболее низким органическим строением капитала. Последовательное проведение принципа распределения производительных сил Маслова значило бы постепенное перекачивание средств от наиболее развитых производств в отрасли, стоящие на низком уровне развития. Но это было бы народно-хозяйственная точка зрения... а, трудно сказать, какая.

Этими выше рассмотренными принципами Маслов пытается обяснять более конкретные вопросы экономической политики, как политику таможенную политику, кризисы и т. д.

В политике цен Маслов придерживается того взгляда, что с народно-хозяйственной точки зрения цены на средства производства должны быть ниже, а цены предметов непосредственного потребления— выше, тем лучше. П. Маслов думает, что такой политикой будет увеличиваться производительное потребление за счет непроизводительного. Маслов не понимает, что потребности в определенный период являются данными и поэтому увеличение цен товаров непосредственного потребления уменьшит также и производительное потребление народно-хозяйственного дохода.

В отношении таможенной политики Маслов применяет аналогичные исходящие. В интересах народного хозяйства сильнее должны облагаться предметы непосредственного потребления, а таможенное обложение средств производства или совсем не должно иметь места, или должно быть самое минимальное. Маслов тут же рядом указывает, что те сферы производства, ввоз предметов которых сильнее всего облагается, получают наибольшее развитие внутри страны. Таким образом, если бы экономическая политика той или иной страны руководствовалась предложенными Масловым таможенной политикой, то это означало бы, что развитие этой страны направляется в сторону расширений производства предметов непосредственного потребления, а не средств производства. Общечасто, что таможенная политика является сильнейшим орудием для поддержки той или иной отрасли производства внутри страны и всегда в этих целях сильнее всего облагается ввоз тех предметов, производство которых желательно внутри страны. !

Остановимся еще на любопытных рассуждениях Маслова о кризисах и безработице. Сущность этой теории заключается в устранении кризисов и безработицы поощрением развития мелкого производства. Маслов говорит: «Перераспределение производительных сил в сторону увеличения средств производства у массы малых производителей не только сокращает постоянную резервную рабочую армию, но ведет к устранению периодических кризисов и острой безработицы» (стр. 47. Курсив автора. Н. С.). Эта теория соответствует второму принципу Маслова и вполне логически увязывается с ней, но практическое осуществление этой теории означало бы не рост техники, а ее постепенную деградацию. В другом месте Маслов жалуется на плохое усвоение мысли, что «технический прогресс является лишь технической стороной процесса наложения» (стр. 62). Если ком-нибудь эта мысль, по признанию автора, «закон усваивается», то прежде всего, как это мы видели, им самим.

Мы не будем останавливаться на других рассуждениях П. Маслова. Все они носят одинаковый характер: логически приводят или к бесполезице, или находятся в полном противоречии друг с другом. Маслов, конечно, и сам сознает это. «Разумеется,—говорит он,—действительная жизнь не укладывается целиком в теоретические схемы, так как экономическая действительность слишком сложна...» (стр. 121). Но теория, неспособная дать последовательное обяснение известных явлений и дать их внутреннюю закономерность, бесплодна.

Размеры рецензии не позволили нам дать критику всех положений Маслова. Мы должны отвергнуть попытку Маслова подсунуть нашему читателю «Основы экономической политики» в качестве теоретического основания экономической политики Советской власти или основ советской экономики. Теория Маслова не имеет ничего общего также и с марксизмом.

Н. Саргин.

А. Л. Руэль. Предмет и метод политической экономии. Изд. «Плановое Хозяйство». М. 1926 г. Стр. 206.

Общие вопросы предмета и метода политической экономии не вызывают разногласий у большинства марксистов-экономистов. Но это не значит, как показала недавняя дискуссия, что научная разработка этих вопросов и их популяризация уже закончена. Наша экономическая литература, за небольшим исключением, не пошла дальше повторений, в лучшем случае беглого анализа более общих проблем предмета и метода. Требуется еще много работы над конкретизацией, всесторонним рассмотрением этих проблем политической экономии, требуется еще анализ и систематизация тех фрагментов, которые по этим вопросам оставил Маркс.

Но, кроме этой работы, переживаемая нами эпоха переходного периода, эпоха строительства социализма, ставит перед марксистской политической экономией и новые задачи. Развитие марксистской мысли в настоящее время характеризуется именно тем, что все новые и новые области требуют применения марксистского метода, изучением которых марксистская теория раньше не занималась. В частности, в области экономических наук научная мысль не может ограничиться только анализом проблем чисто политико-экономического характера, как это было по преимуществу раньше. Необходимость иметь научное орудие в строительстве социалистического хозяйства направляет экономическую мысль на анализ новых форм хозяйства—советского хозяйства и на разработку так называемых прикладных экономических дисциплин. Эти новые задачи заставляют нас точнее определить связи теоретической экономии с этими новыми об'ектами изучения, установить методологическую преемственность теоретической экономии с этими новыми областями экономического исследования. Это актуальная задача настоящего времени, без ее уяснения невозможно всестороннее изучение предмета и метода политической экономии.

Задачи в области разработки предмета и метода марксистской политической экономии в настоящее время, таким образом, следующие: определение места политической экономии в системе марксизма ее связи и взаимоотношения с диалектическим методом и историческим материализмом, выяснение связей и места теоретической экономии в ряду других экономических дисциплин и, наконец, критика методологии буржуазной политической экономии.

Тов. А. Руэль в своей работе ограничился по преимуществу только первой задачей и попыткой, правда слабой, раскрыть диалектику категорий политической экономии. Он отошел от текущей действительности, от тех задач в области теоретической экономии, которые стоят перед нами в настоящее время. У нашего автора существуют только экономические работы Маркса и некоторые работы Гегеля. Работа Руэля производит впечатление, будто автор находится во власти тех споров и на той стадии развития марксистской мысли, как это было лет двадцать тому назад. На это указывает нам характер и содержание книги Руэля. Работа Руэля не соответствует ее заглавию. Беда в том, что автор хотел дать «весь марксизм», дать изложение основ научного коммунизма. Если Плеханову и Ленину в полемике с Михайловским, Кареевым и другими представителями народнической интеллигенции приходилось доказывать неразрывную связь марксистской политической экономии со всеми остальными частями марксизма, то в настоящее время не в этом центр тяжести, и если такие чудаки имеются, вряд ли смогут представить что-либо существенно нового в критике марксизма в этой области.

Между тем А. Руэль, излагая по преимуществу исторический и диалектический материализм и политическую экономию, занимается именно изложением этой неразрывной связи; его же задача заключалась в более точном и конкретном определении методологической связи этих наук. Но, кроме того, преподнесение основ научного коммунизма в качестве предмета и метода политической экономии совершенно искает ее взаимоотношения, которые существуют в действительности между историческим материализмом и политической экономией. Хотя Руэль является противником «исторической школы» в марксистском политической экономии, тем не менее формально в этом вопросе он стоит на ее точке зрения. Недостаток работы Руэля заключается в том, что он рассматривает исторический материализм, диалектику и политическую экономию самих по себе, а не в той необходимой связи, как это требуется в целях рассмотрения предмета и метода политической экономии. Можно было бы без ущерба сократить размер книги на три четверти и от этого выиграла бы отчетливость и ясность вопросов, поставленных в главах.

Первая глава книги Руэля дает изложение исторического материализма вперемежку с изложением предмета и метода политической экономии. При этом свое изложение автор начинает издалека—с изложения эволюционной теории Дарвина, происхождения видов и происхождения человека, установления связи дарвинизма с марксизмом, с биологией, не имеющими непосредственного отношения к политической экономии. Автор, очевидно, хотел подчеркнуть методологическое значение исторического материализма для политической экономии, но самый характер изложения, нарушение пропорции рассматриваемых вопросов не достигает этой цели. Но не только характер построения самой книги является неправильное понимание взаимоотношения исторического материализма с политической экономией, неправильна и общая формулировка этой связи у т. Руэля. Руэль говорит: «При научном исследовании производственных отношений могут быть поставлены две кардинальные проблемы: приспособление производственных отношений к производительным силам вообще или их приспособление в определенные, конкретные исторические эпохи. В первом случае мы будем иметь дело с более широкой научной дисциплиной, устанавливающей общие законы, широкие закономерности и связи, мы будем иметь дело с социологией. Во втором случае перед нами будет—история хозяйства и политическая экономия. Политическая экономия изучает определенный, исторически обусловленный тип связи между людьми, товарно-капиталистическую общественную формацию. Политическая экономия должна перед нами выступать как часть социологии, как социология в применении к определенной общественной форме» (стр. 49).

Оставим терминологический спор о применимости в данном случае слова «социология» и неудачную формулировку, вроде: «приспособление производственных отношений к производительным силам». В этих словах Руэля дано совершенно неправильное и одностороннее истолкование исторического материализма, которое можно оправдать лишь само автора «подогнать» политическую экономию под исторический материализм. Плеханов в своей пятичленной формуле (в которую необходимо включить общественные классы) исторического материализма совершенно другое понимание этой дисциплины. Закономерности исторического материализма от законов политической экономии отличаются по своему историческому и логическому содержанию. Политическая экономия есть проявление закономерностей исторического материализма.

риализма на определенной исторической стадии человеческого развития и в отношении только ко второй группе—производственным отношениям. Исторический же материализм рассматривает закономерность развития всех рядов явлений общественной жизни на протяжении всей истории. Отношение исторического материализма к политической экономии такое же, как всеобщего к частному. Такое взаимоотношение этих дисциплин совершенно не дает нам возможности рассматривать политическую экономию в качестве части «социологии». И если уж говорить о «социологии» буржуазного общества, последняя будет заниматься характеристикой общих закономерностей общественно-исторического развития на основе конкретного исторического материала этой формации, пользуясь при этом готовыми результатами других научных дисциплин. Политическая экономия для этой «социологии» будет иметь первенствующее значение, как вскрывающая основные законы экономической структуры; но политической экономией далеко не исчерпывается «социология» буржуазного общества.

Особое внимание в работе Руэля заслуживает третья глава, где автор делает попытку раскрыть диалектику категорий политической экономии. Маркс, конечно, мастерски владел диалектическим методом, но, чтобы его раскрыть, недостаточно дать только изложение политической экономии, хотя и близкое к тексту «Капитала», как это преимущественно делает Руэль. Всестороннее раскрытие категорий диалектики политической экономии более чем необходимо, так как диалектическая сторона метода политической экономии—наиболее слабое место в экономической литературе в вопросе о методе.

Более обстоятельно в этой части книги Руэля разработаны вопросы: о методе исследования (конкретное (первое)—абстрактное—конкретное (второе) и методе изложения (абстрактное—конкретное); анализ и синтез, сущность и явление, простая и конкретная категория. Вопрос о простой и конкретной категории не совсем правильно и полно освещен; не прошведена четкая грань между исторической и логической природой простой категории. Взаимоотношение простой и конкретной категории Руэль формулирует следующими словами: «категория конкретная,—говорит он,—является в то же время и простейшей, хотя нельзя сказать обратного, что категория простейшая является в то же время конкретной» (стр. 102); такое толкование связи извращает суть этих категорий.

Надо, однако, пожалеть, что при рассмотрении диалектического метода в политической экономии автор не поставил вопроса: исчерпывается ли методология политической экономии диалектическим методом и историческим материализмом? В общей форме этот вопрос сводится к отношению формальной логики к диалектике. На этом вопросе следовало бы остановиться, ибо это один из основных вопросов при выяснении взаимоотношения теоретической экономии с другими экономическими дисциплинами и центр критики «исторической школы».

Центральной проблемой здесь является определение отношения сущности к явлению, всеобщего к частному и т. д., которое дается объектом изложения—характером данной общественной формации. В отношении изучения капиталистического способа производства Маркс говорит: «Вульгарная экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства. Поэтому нас не может удивлять то обстоятельство, что как раз в форме проявления экономических отношений, которая отчуждена от них, и в которой они prima facie принимают плоский харак-

т и полны противоречий,—а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня,—что именно здесь вульгарная экономия чувствует себя совершенно как у себя дома и что эти отношения предстают ей тем самоочевиднее, чем более скрыта в них внутренняя связь и чем более простыми кажутся они для обыденного представления» К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 354. Курсив наш. Н. С.). Отклонение формы проявления от сущности вещей, характер этого отклонения, определяет, при научном усвоении конкретного, разные ступени абстракции, которая выступает в качестве формальной стороны категорий диалектики; этим самым определяется характер науки, когда наука абстракция по отношению к низшей выступает как сущность, как закон. Задача заключается в том, чтобы от «непосредственной сущности», как правильно говорит т. Руэль,—проникнуть в сущность типов явлений, которая должна представиться как их скрытый закон» (стр. 95). Процесс абстракции заключается в том, что он «разлагает единный об'ект, который дан ей (деятельностью абстракции. Н. С.), разобщает и упрощает его определения и облечает их в свои формы,—и берет своим основанием об'ект в его конкретном виде и, отвлекаясь от случайных его определений, возвышается к конкретному всеобщему, к роду, или к силе и к закону» (Гегель, цит. по Руэлю; подчеркнуто нами. Н. С.). Эти положения неоднократно подчеркивает и Маркс в своем «Введении к критике политической экономии».

Отчетливее всего, каким образом характер экономической структуры применение диалектического метода при ее изучении определяет чистое исследование, можно видеть на примере социально-неограниченного—товарно-капиталистического хозяйства и организованного, скажем, натурально-крепостнического. Гетерогенно-стихийный и вещный характер производственных отношений и законов буржуазного способа производства, отклонение явления от сущности, заставляет, в целях чистого познания этого способа производства, построить целую систему категорий. Марксистская политическая экономия поэтому представляет тему простейших и конкретных категорий, являющихся выражением сущности и формы проявления капиталистического способа производства, выражением многообразной капиталистической действительности—истинства сущности и формы проявления. Если бы мы вздумали ограничиться описанием явлений в данности, то тем самым должны были бы избавиться от познания действительности, как закономерного процесса, приведясь бы до уровня вульгарных экономистов.

Другое дело, если мы возьмем натуральное крепостное хозяйство, где сущность и явление совпадают, тождественны; здесь научное исследование ограничивается описанием. Экономические отношения в крестьянском и поместном хозяйстве и эксплуатация феодалами крестьян в эпоху феодализма настолько прозрачны, что нет надобности путем анализа приходить к сущности экономических отношений. Отклонения бывают часто второстепенного характера (комбинация барщины с оброком, их размеры и т. д.), которые не могут в сколько-нибудь существенной мере затмить основной характер этих отношений. Для выяснения сущности этого хозяйства достаточно дать его описание. В документе, который прилагается Розой Люксембург в ее «Введении...», где Карл Великий дает нормы хозяйственного поведения своим подданным,—все характерные черты средневекового поместного хозяйства выступают совершенно отчетливо. Анализ здесь ограничивается, во-первых, абстракцией от явлений, имеющей и нарастающей хозяйственной формации, и, во-вторых,

чрезвычайно индивидуальных, не характерных явлений. Но эта абстракция не прекращает воспроизводить конкретное в живой плоти и крови. Тождественность, совпадение сущности и явления здесь, таким образом, с формальной стороны предполагает описание экономических отношений.

В заключение отметим неудачную характеристику категорий политической экономии в работе тов. Рейзля. По отношению ко всем категориям, как ценность, капитал, прибавочная ценность и т. д., у т. Рейзля есть одна стереотипная фраза: ценность, деньги и т. д. являются выражением производственных отношений товарно-капиталистического общества, проявляющихся в вещах. Вместо этого сплошного определения категорий нужно было показать *о собственное* в этих категориях. Неправильно также, как это делает т. Рейзль, ставить наравне с категорией ценность, капитал, прибыль такие категории, как кооперация, мануфактура, разделение труда; последние не являются категориями политической экономии в том смысле, какое значение им придает Маркс.

Работа т. Рейзля не открывает американцев, не дает чего-нибудь существенно нового. Но книга полезна как опыт систематизации и популярного изложения этих вопросов, на основе которого облегчается дальнейшая разработка проблем предмета и метода. Особенно ценным в книге нужно считать постановку вопроса о диалектической стороне метода политической экономии.

Н. С.

Проф. А. Н. Колесников. Советское строительство (научные предпосылки). Изд-во Коммунистической Академии. Москва. 1926 г. Стр. 91.

Задача переделки нашего госаппарата под углом обновления его административно-технических кадров, удешевления, упрощения и повышения качества работы всех звеньев советской системы, остается и, надо полагать, останется на ближайшие годы одной из центральных задач социалистического строительства.

У Ленина мы можем найти прямые, совершенно определенные указания насчет значимости этой задачи, особенно, если взять его последние предсмертные статьи.

Партия целиком приняла эти указания Владимира Ильича. Вместе с этими общими указаниями партия приняла и осуществляет ленинский план реорганизации РКИ.

Создан ряд научных учреждений, привлечены наиболее квалифицированные и партийные и беспартийные силы, время от времени появляются работы, характеризующие направление, задачи и темп переделки государственного аппарата нашей страны. К числу таких работ относится, между прочим, и рецензируемая нами брошюра проф. Колесникова.

Первая глава брошюры посвящена характеристике государственного строительства в странах Западной Европы и Америки. Автор отмечает, что в течение последних, по крайней мере, 35 лет, начиная с конца XIX столетия и кончая послевоенной эпохой, в капиталистических странах наблюдается поразительная бедность государственно-организационных изменений.

«Бедности организационно-государственной практике—по мнению автора—соответствовало в эту эпоху бедность государственной теории. В научной литературе о государствстве в это время во всех культурных странах почти всецело господствует т. н. юридическое направление» (стр. 7). В этом утверждении, несомненно, имеется много верного, но это утверждение тем не менее следует ограничить. Проф. Колесников в конце

брюшоры сам указывает относительно судеб органов самоуправления, разве их история недостаточно поучительна?

Рост империализма, рост военщины, нарастание гигантских конфликтов, с одной стороны, между буржуазией различных наций, с другой, между рабочим движением и буржуазией,—все это толкало господствующие классы—как справедливо подмечает А. Н. Колесников—к централизации государственной власти, к ограничению местных самоуправлений.

В Англии эта потребность к централизации государственной власти обусловила создание министерства местного самоуправления, наделенного огромными контрольными правами. Опрочем того, министерству внутренних дел была обеспечена возможность непосредственно участвовать в подборе личного состава провинциальных полицейских учреждений. К этому следует добавить еще о существовании особой системы инспекции.

Англия, разумеется, не исключение. В брошюре имеются материалы, имеющиеся в равной мере и Франции, и Соединенных Штатов.

Все эти материалы свидетельствуют о том, что и перед войной и после нее имела место не маловажная роль своему историческому смыслу и большая по масштабу организационно-государственная практика.

Может быть, подобного рода практика была движением вспять? По нашему мнению, сама такая постановка вопроса является в корне неправильной. Определенный тип государственной организации, равно как и характер организационно-государственной практики определяется типом экономических отношений своего времени. Только и всего. Империализм рождается в централизованном (в известные моменты в военно-бюрократическом) государстве. С точки зрения исторического развития такой тип государства является законченным типом капиталистического государства вообще. (Достаточно вспомнить о фашизме, например). Можно без риска утверждать, что процесс развития капиталистического государства есть процесс изживания буржуазной демократии даже в ее плохом формальном виде.

Несомненно, империалистическое государство, скажем, современной Англии в большей степени отягощает многочисленные и прежде всего пролетарские слои населения, чем оно это делало в конце XVIII и в течение XIX столетия. С этой точки зрения есть явное стремление вспять. Но ведь вообще буржуазное государство никогда не предназначалось для облегчения участия эксплуатируемых классов. Линия его развития определяется интересами эксплуататорского класса, организацией которого оно является.

Необходимо указать еще на одно обстоятельство, которое в частности после войны содействует усилению централизации государственной власти. Это обстоятельство—борьба между различными группами буржуазии в рамках т. н. национального государства. Единство нации ныне более чем фикция. Если раньше можно было говорить, что единство нации подменяется единством господствующего класса, сиречь буржуазии, то теперь и этого сказать нельзя. Фракционная борьба внутри буржуазии достигает в послевоенную эпоху исключительных размеров. Это определяется стремлением крупной буржуазии переложить тяготы войны кроме пролетариата на различные слои мелкой и средней буржуазии. Отсюда тенденция каждой из групп использовать в целях наступления, равно как и в целях самозащиты, государственный аппарат, отходя курс крупной буржуазии на жесткую централизацию власти, обес-

печивающий ей руководство, отсюда урезывание прав местных самоуправлений и ряд других подобных же мероприятий.

В брошюре проф. Колесникова говорится, как мы указывали, о бедности государственных теорий. Верно, это прежде всего как критерий качественной (идейной и методологической) высоты государственных теорий буржуазии. Касательно количественной стороны, если говорить о последнем десятилетии, следовало бы сделать одну оговорку. Среди литературы о государстве, вышедшей за последнее десятилетие, имеется чрезвычайно обильное количество социал-демократической литературы. По своему социальному существу этот сорт литературы представляет попытки извращения учения Маркса, применительно к интересам господствующих классов. Естественно, что эту литературу нельзя рассматривать иначе, как последнее слово буржуазной мысли. Правда, эта литература по скучности идей ушла недалеко, например, от немецкой литературы юридической школы. Более того, между этим направлением и социал-демократической литературой обнаруживается какая-то родственная связь. На эту связь указывал в свое время Ленин.

В книге «Государство и революция» имеется мимоходом брошенное указание Ленина о том, что характерной чертой каутинства, как и вообще меньшевизма, является формально-юридический взгляд на государство. Бессспорно, что отказ от методологии марксизма, отказ от попытки анализировать классовую природу всякого государства, в том числе и демократического, попытка отделаться соображениями формально-юридического порядка, например, в вопросе о демократии—это все характерные особенности каутинства и меньшевизма.

В этой связи о других положениях автора.

Проф. Колесников совершенно правильно говорит, что для успеха советского строительства важно знание объекта работы, важно знание общественной природы советского государственного аппарата. Без знания этой его стороны невозможно познание «тех методов, тех приемов, которыми мы должны пользоваться в работе по советскому строительству, чтобы достигнуть в этой работе наибольших результатов с возможно меньшей затратой времени и сил».

Вторая глава работы и посвящается соответственно рассмотрению «общественной природы государственного аппарата».

«Государственный аппарат, как указывает само слово,—говорит автор,—есть элемент государства» (стр. 23).

Слово «элемент» в данном случае недостаточно подчеркивает значение госаппарата в системе государства. В широком смысле госаппарат есть то основное, через посредство чего реализуется сущность государства, через посредство чего эта сущность представляется. Вспомните Энгельса с его указаниями насчет отличительных черт государства. К чему сводятся эти черты? Во-первых, к замене родового деления территориальным, во-вторых, к выделению, усиленнию, постоянному самовозрастанию власти, стоящей над обществом. Комментируя это положение, Ленин подчеркивает, что в этом втором главное. Власть без аппарата принуждения ничто.

В брошюре далее дается беглая характеристика маркса учения о государстве и диктатуре пролетариата. Центральной в этом месте представляется цитата из брошюры Ленина «Государство и революция»: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления эксплоататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой

буржуазией, полупролетариами в целях налаживания социалистического хозяйства» (стр. 24).

Под углом текущей политики важно подчеркнуть эту вторую сторону диктатуры пролетариата. Коренное отличие пролетарского государства от государства буржуазии состоит в том, что первое из них, т.е. пролетарское государство, есть орудие уничтожения классов. В то время, как буржуазное государство производит классовые противоречия на все расширяющейся основе, диктатура пролетариата суживает, то выражение т. Бухарина, эти противоречия, сводит их постепенно на нет, разумеется, в последнем счете. Отсюда лозунг гражданского мира и мирного организаторском этапе революции. Еще Энгельс в «Введении» в марксову брошюру «Гражданская война во Франции» подчеркивал это обстоятельство, говоря, что государство в лучшем случае зло, которое пролетариат, организованный в господствующий класс, должен всячески уразить.

Захватив власть, рабочий класс ломает государственную машину буржуазии. Ему предстоит создать собственный аппарат. Встает вопрос прежде всего о людском аппарате. Отвечая на этот вопрос, автор брошюры пишет: «Два вида—человеческого материала имеет перед собой захвативший власть пролетариат для построения аппарата своего государства, а именно: 1) представителей своего класса и 2) старых администраторов, составлявших хозяйственный и государственный аппарат защищенной буржуазии» (стр. 31). Проф. Колесников вполне прав, утверждая, что степень использования пролетариатом людского аппарата буржуазии определяется для каждой страны степенью культурной зрелости этого пролетариата.

Недостаточно обоснованным кажется нам следующее за этим утверждение автора: «Дело заключается в том,—пишет проф. Колесников,—что одновременно с ростом культуры пролетариата... растет и усложняется и аппарат пролетарского государства» (стр. 33).

Автор ссылается при этом на брошюру тов. Сталина «Вопросы и ответы». Эту ссылку нельзя признать удачной. Stalin говорит о том, что наш аппарат значительно «вырос и окреп», это верно. Партия ведетурс не на усложнение, а на упрощение аппаратов, на поднятие культурного уровня его работников, а проф. Колесников ставит вопрос об усложнении всего механизма. Это неверно и исторически. Вспомните глаголизм и т. п. вещи.

Касаясь второй главы, остановимся еще на одном крайне важном положении.

«Основной целью в работе по советскому строительству и улучшению государственного аппарата»,—говорит проф. Колесников,—является проголовное привлечение бедноты к практическому участию в управлении (стр. 35).

Ленин не раз говорил, что основное всемирно-историческое значение пролетарской диктатуры состоит в том, что она поднимает к непосредственному участию в руководстве судьбами государства широкие слои из глубин некогда порабощенных классов.

Советская власть, говорит в одном месте Ленин, является вторым шагом пролетариата во всемирной истории. Первым шагом была Парижская Коммуна. Особенность Советской власти, как и Парижской Коммуны, заключается в том, что источник власти и в том и в другом случае не закон, проведенный сверху, а широчайшая творческая инициатива, творческий почин многочисленных пролетарских и полу-пролетарских масс. Вот почему бесспорным представляется положение,

что чем больше пролетариат втягивается в работу по хозяйственному, государственному, культурному строительству, чем большие массы его берут на себя дело руководства страной, тем в большей мере реализуется сущность пролетарской диктатуры. И вот почему неверным представляется утверждение, будто диктатура пролетариата есть диктатура партии, а юридическая форма этой диктатуры — советское государство.

Четвертая глава в сущности конкретная глава. Она посвящена изложению методов ознакомления с формами и работой советского аппарата. Автор находит, что наиболее целесообразно, как показал опыт, РКИ, является «своеобразное приложение статистического метода наблюдения общественных явлений, изучение организационных форм государственного аппарата или, может быть, будет вернее сказать, этот метод есть использование тех приемов, которыми пользуются статистики при наблюдении ими явлений общественной жизни».

В специально предпринимаемых обследованиях отдельных частей госаппарата автор находит наиболее приложимым выборочный или монографический метод. И, наконец, «самым лучшим способом наблюдения существующих форм государственного аппарата надлежит признать изустный опрос» (стр. 57).

Представляет интерес последняя глава книги «Методы построения государственно-организационных проектов»...

Автор утверждает прежде всего, что «господство класса не связано обязательно с какой-то бы ни было определенной организационной формой государственного аппарата» (стр. 73). Это безусловно. Помнится, в конце 1922 года Ленин указывал на это обстоятельство, когда писал, что для Европы не исключена возможность иметь диктатуру пролетариата во всяких иных формах, кроме советов. Правильно поэтому и другое положение автора, что «господство одного и того же общественного класса может выливаться в зависимости от конкретной исторической обстановки в самые разнообразные, даже прямо противоположные организационно-государственные формы» (стр. 74).

В общем, брошюра представляет большой интерес и может быть использована с пользой для дела нашими практическими и теоретическими работниками.

В. Колоколкин.

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ.

• Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук (РАНИОН).

Наряду с основной деятельностью — проведением научных исследований в различных областях обществознания — Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных Наук ставит себе задачей подготовку новых кадров научных работников и преподавателей Высших Учебных заведений по общественным дисциплинам.

В связи с этим, в дополнение к постановлению Комиссии по подготовке научных работников, опубликованному в «Еженедельнике Наркомпроса» № 16 в 1926 г., настоящим обявляются на 1926—27 академический год порядок и условия приема в состав аспирантов (лиц, готовящихся к научной и преподавательской деятельности в ВУЗах) 11-ти Научно-Исследовательских Институтов, входящих в РАНИОН (перечисленных ниже).

1. Заявления о допускении к испытаниям, установленным для кандидатов аспиранты, принимаются как в порядке командировок, через особые отборочные комиссии, организованные при ВУЗах, так и в индивидуальном порядке.

Примечание. Окончание ВУЗ'а не является обязательным условием вступления в состав аспирантов.

2. Заявления для поступления в один из институтов, входящих в РАНИОН, адресуются в комиссию по подготовке научных работников при Президиуме Государственного Ученого Совета (Москва, Чистопрудный бульвар, дом № 6).

3. В заявлении должен быть указан институт, а также секция, по которой данный кандидат предполагает специализироваться.

К заявлению прилагаются следующие материалы:

а) Вступительная письменная работа (см. пп. 6 и 7).
б) Автобиография, по возможности подтвержденная соответствующими источниками и справками. В автобиографии должен быть подробно указан учебно-научный стаж, стаж практической работы, возраст, социальное происхождение и т. д.

в) Копии дипломов, свидетельств и т. п. об окончании того или иного чиновного заведения, если такие имеются.

г) Командировочное удостоверение и весь соответствующий материал, если кандидат прошел отборочную комиссию при ВУЗе.

д) Отзывы по академической линии от научных учреждений, отдельных чиновников, профессоров и т. п., если такие имеются (в особенности, если данный кандидат не прошел через отборочную комиссию).

4. Заявления со всеми указанными материалами должны быть поданы не позднее 1 августа 1926 года.

После означенного срока прием заявлений прекращается.

5. Все своевременно поданные заявления после прохождения через комиссию по подготовке научных работников при Президиуме ГУСа рассматриваются Применной Комиссией РАНИОН. Все кандидаты, допущенные комиссией к конкурсу, — подвергаются двум видам обязательных испытаний, а именно: а) вступительной письменной работе и б) устному коллоквиуму.

Примечание. Кандидаты, выдержавшие часть испытаний или даже все испытания в один из прошлых лет приема, но не попавшие в состав аспирантов, в случае их участия в конкурсе данного приема, ни в коей мере не освобождаются от обязательства подвергнуться новым, всем положенным испытаниям.

6. Вступительная работа должна удовлетворять требованиям обстоятельного знакомства с литературой избранной темы, умелого использования основных первоисточников и критического анализа привлекаемого к работе материала. В целом работа должна свидетельствовать о достаточных навыках кандидата в научно-исследовательской работе в институте.

7. Тема вступительной работы должна соответствовать избираемой специальности. Желательно предварительное (но не позже первого июня) согласование темы с коллегией соответствующего института.

В качестве вступительной работы могут быть представлены хорошие семинарские доклады, дипломные работы, статьи и т. п., если они удовлетворяют предъявляемым к вступительной работе требованиям.

8. В случае признания представленной работы удовлетворительной, кандидат допускается Приемной Комиссией к устному коллоквиуму по общей теории и методологии марксизма (политическая экономика и диалектический материализм) в объеме литературы, указанной ниже.

9. В случае, если вступительная работа и коллоквиум по общей теории и методологии марксизма не выясняют в достаточной степени подготовленности данного кандидата, или если данный кандидат не прошел курса ВУЗа по соответствующей специальности, Приемная Комиссия может подвергнуть его добавочному коллоквиуму по специальности в объеме литературы, указанной ниже.

10. Устные испытания по определенному расписанию будут производиться с 1 по 30 сентября.

11. При окончательном зачислении преимущество предоставляется кандидатам, владеющим хотя бы одним из новых европейских языков.

12. В аспиранты принимаются лица в возрасте лишь от 20 до 40 лет. Лица, моложе и старше 40 лет, могут быть допущены к конкурсу лишь в порядке исключения.

13. Кандидаты, принятые аспирантами на штатные места, будут удовлетворены РАНИОН государственной стипендией в установленном размере (в 1925—26 г. — 80 руб. в месяц), а также — по мере фактической возможности общежитием. В общежитие в первую очередь зачисляются новгородцы. Общежитие предоставляется только лично аспирантам, но ни в коем случае не их семьям.

14. Все справки по вопросам приема можно получить в комиссии по подготовке научных работников при президиуме ГУСА, а также в Учебном Отделе РАНИОН (Москва, Волхонка, 18).

Список Институтов и Секций Институтов РАНИОН.

1. Институт экономики.

Секции: 1) Мирового хозяйства. 2) Теоретический экономии. 3) Промышленности. 4) Кооперативная. 5) Статистическая. 6) Финансовая. 7) Денежного обращения.

2. Институт с.-х. экономии.

Кабинеты: 1) Обединенный, организации сельского хозяйства, с.-х. тракции и счетоводства. 2) С.-х. статистики. 3) С.-х. кредита. 4) С.-х. кон'юнктуры. 5) Обединенный, географии и истории сельского хозяйства. 6) Общей агрономии. 7) С.-х. кооперации. 8) Землеустройства и земельных отношений. 9) С.-х. экономии.

3. Институт истории.

Секции: 1) Русской истории. 2) Новой истории. 3) Средней истории. 4) Древней истории. 5) Этнологическая.

4. Институт советского права.

Секции: 1) Государственно-административного права. 2) Хозяйственно-трудового права. 3) Уголовного права и криминологии.

5. Институт научной философии.

Секции: 1) Истории философии. 2) Исторического материализма.

6. Институт экспериментальной психологии.

Секции: 1) Общей экспериментальной психологии. 2) Психотехники. 3) Детской психологии. 4) Сравнительной психологии.

7. Институт языка и истории литературы.

Секции: 1) Западной литературы. 2) Русской литературы. 3) Лингвистическая. 4) Восточная. 5) Античная.

8. Институт сравнительной истории литературы языков Запада и Востока (в Ленинграде).

I. Отделы: 1) Общего языкознания. 2) Индо-европейского языкознания. 3) Финно-угорского языкоznания. 4) Хамито-семитического языкознания. 5) Тувинско-коктебильского и угро-финского языкознания. 6) Китайского языкознания. 7) Палеазиатского языкознания (организ.). 8) Американского языкознания.

II. Отделы: 9) Методология и теория литературы. 10) Новых и новейших литератур. 11) Средневековых литератур и Возрождения. 12) Древнего Ирано-Эллинистического мира. 13) Индии и Дальнего Востока. 14) Секция новой истории.

9. Институт археологии и искусствознания.

Отделы: Искусствознания. Отдел археологии. Секция социологии.

10. Институт колонизации.

Отделы: 1) Общий землеустроительный. 2) Земельной регистрации. 3) Государственного земельного имущества и земельного колонизационного дела. 4) Обще-колонизационный. 5) Промышленной и железнодорожной колонизации. 6) Городского земельного дела.

11. Институт географо-экономический (в Ленинграде).

Секции: 1) Геоботаническая. 2) Географии почв. 3) Геологии и геоморфологии. 4) Геофизики. 5) Страноведения. 6) Зоогеографическая. 7) Колонизации. 8) Экономической географии.

Список литературы, знание которой требуется при поступлении в число аспирантов РАНИОН.

A. По общей теории марксизма.

I. Общая для всех институтов.

1) Коммунистический манифест. 2) Маркс—«Капитал», т. I. 3) Борхардт—шпарта Карла Маркса (изложение всех 3-х томов). 4) Бухарин—«Исторический материализм». 5) Плеханов—«Основные вопросы марксизма». 6) Энгельс—«Анти-Дюринг». 7) Ленин—«Империализм как новейший этап капитализма». 8) Деборин—«Введение в философию диалектического материализма». 9) Ленин—«Государство и революция». 10) Ленин—«Маркс, Энгельс, Карльсон», 2-е издание Института Ленина.

II. Дополнительно по институтам.

1. Институт экономики.

1) Маркс—«Капитал», т. III. 2) Маркс—«Критике политической экономии» (введение). 3) Маркс — «Ницшета философии». 4) Гильфердинг—«Финансовый капитал». 5) Бухарин — «Политическая экономия рантье». 6) Ильин—«Развитие капитализма в России». 7) Рубин—«История экономических реформ». 8) Ленин—«Экономическая политика», сборник статей под ред. Крупинина.

2. Институт с.-х. экономии.

Номера: 1, 4, 6, 8 из списка литературы по Институту экономики и дополнительно: Каутский—«Аграрный вопрос» (1 часть). Ленин—«Собрание сочинений» т. IX (аграрный вопрос); «Ленин и кооперация», сборник по кооперации под ред. Мещерякова.

3. Институт колонизации и землеустройства.

То же, что и для Института с.-х. экономики.

4. Институт археологии и искусствознания.

1) Плеханов—«Искусство». 2) Гауценштейн — «Искусство и общество». 3) Дунин-Чарский—«Революция и искусство». 4) «Вопросы искусства в марксист-

ском освещении», изд. «Мир». 5) Энгельс—«Происхождение семьи, частной собственности и государства». б) Гауценштейн—«Опыт социологии искусства».

5. Институт истории.

- 1) Покровский—«Очерк истории русской культуры», ч. 1, 2) Ленин—«Развитие капитализма в России». 3) Плеханов (Бельтов)—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». 4) Маркс—«Классовая борьба во Франции». 5) Маркс—«18 брюмера Луи-Бонапарта». 6) Энгельс—«Революция и контрреволюция в Германии». 7) Волгин—«Очерки по истории социализма», изд. 3.

6. Институт экспериментальной психологии.

- 1) Корнилов—«Современная психология и марксизм». 2) Франкфурт—«Рефлексология и марксизм». 3) Джемсон—«Очерки марксистской психологии». 4) Монстерберг—«Психология и экономическая жизнь». 5) Сеченов—«Рефлекс головного мозга».

7. Институт языковедения и истории литературы.

- 1) Литература и искусство в марксистском освещении—хрестоматия изд. «Мир», т. I и II. 2) Плеханов—«Литературно-критические статьи»—т. XIV. 3) Плеханов «Статьи по искусству», т. X. 4) Троцкий—«Литература и революция». 5) Перевезрев—«Достоевский». 6) Перевезрев—«Гоголь». 7) Меринг—«Мировая литература и пролетариат».

8. Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (в Ленинграде).

То же, что и для института языковедения и истории литературы.

9. Институт советского права.

- 1) Энгельс—«Происхождение семьи, частной собственности и государства». 2) Ленин—«О государстве» (сборник, составленный Гойхбергом). 3) Стучка—«Революционная роль права». 4) Пашуканис—«Общая теория права и марксизма». 5) Один из марксистских курсов по советской конституции (Гурвич, Стучка, Магеровский—по выбору).

10. Институт научной философии.

- 1) Маркс—«Ниццета философии». 2) Ленин—«Материализм и эмпириокритицизм». 3) Аксельрод—«Философские очерки». 4) Энгельс—«Людвиг Фейербах». 5) Энгельс—«Диалектика природы».

11. По институту экономической географии (в Ленинграде).

Списки литературы будут обявлены дополнительно.

Б. По специальности.

1. Институт экономики.

- 1) Знакомство с каким-либо университетским курсом политической экономии (Туган-Барановского, Железнова и др.). 2) Знакомство с каким-либо курсом истории политической экономии. 3) Гуган-Барановский—«Русская фабрика». 4) Лифман—«Картели и тресты». 5) Гриневецкий—«Послевоенные перспективы русской промышленности». 6) Меерварт—«Введение в хозяйственную статистику». 7) Каутский—«Аграрный вопрос», 1 часть. 8) Ленин—«Собрание сочинений», т. IX (аграрный вопрос). 9) Гоэльро—«План электрификации» или Степанов—«Электрификация РСФСР». 10) Трахтенберг—«Деньги». 11) Соколовников—«Денежная реформа». 12) «Ленин и кооперация», сборник по кооперации под ред. Мешерякова. 13) Знание основных статистических сведений современного народного хозяйства по сборнику НКФ—«Народное и государственное хозяйство СССР», или изд. «Экономической Жизни»—«Народное хозяйство СССР».

2. Институт с.-х. экономики.

- Номера: 1, 2, 6, 9 и 13 из списка литературы по Институту экономики и дополнительного: 1) Бринкман—«Экономические основы организации с.-х.

Сообщения и заметки.

259

предприятий». 2) Чайнов—«С.-х. таксация». 3) Лященко—«Очерки аграрной земли России». 4) Скворцов—«Основы экономики земледелия», под ред. Н. Крумина, т. I и II. 5) Плеханов—«Наши разногласия».

3. Институт колонизации и землеустройства.

Номера: 3, 9 и 13 из списка литературы по Институту экономики и дополнительно: 1) Баранский—«Очерки по экономической географии». 2) Ден—«Экономическая география». 3) Бернштейн-Коган—«Очерки экономической географии». 4) Книпович—«К методологии районирования в области мирового хозяйства». 5) Леви—«Мировое хозяйство». 6) Скворцов—«Основы экономики земледелия», под ред. Н. Кажанова, т. I и II. 7) Кауфман—«Переселение и колонизация». 8) Ямзин—«Переселенческое движение в России».

4. Институт археологии и искусствознания.

Отделение археологии: 1) Городнов—«Археология», т. I. 2) Городнов—«Бытовая археология». 3) Бузескул—«Открытия XIX в. и начала XX в. в области истории древнего мира», ч. I. Восток. 4) Баллод—«Очерки истории древнеегипетского искусства». 5) Захаров—«Егейский мир в свете новых исследований». 6) Михаэлис—«Художественно-археологические открытия за 100 лет». 7) Ростовцев—«Эллинство и иранство на юге России». 8) Некрасов—«Фазелийское русское искусство».

Отделение искусствознания: 1) Денике—«Искусство Востока». 2) Леви—«Японская скульптура». 3) Вельфлин—«Классическое искусство». 4) Бернсон—«Флорентийская живопись». 5) Фромантэн—«Старые мастера». 6) Тэн—«Философия искусства», часть, посвященная живописи Нидерландов. 7) Муттер—«История живописи XIX в.». 8) Грабарь—«История русского искусства» (один из отделов—архитектура, скульптура или живопись). 9) Фриче—«Русская живопись XIX в.», в сборнике «Очерки социологии искусства».

5. Институт истории.

- 1) Лукин—«Очерки новейшей истории Западной Европы». 2) Кареев—«История Западной Европы», т. V (гл. 25—31), VI (гл. 6—9, 15—23), VII, ч. I (гл. 3—5) и ч. 2 (гл. 3—5, 9—10). 3) Лукин—«Парижская Коммуна». 4) Петрушевский—«Очерки по истории средневекового общества и государства». 5) Бедоз—«Городской строй и городская жизнь в средневековой Германии». 6) Юнкер—«Происхождение народного хозяйства» (ст. III). 7) Виппер—«История древней Греции». 8) Виппер—«Очерки истории древнего Рима». 9) Гернес—«Первоначальная культура». 10) Левин, Дорш и Кунов—«Первообытная техника». 11) Босс—«Ум первобытного человека». 12) Ключевский—«Курс русской истории», т. I и II. 13) Покровский—«Русская история», т. III и IV.

Дополнительно, в зависимости от специализации по секциям:

История культуры. 1) Шурц—«История первобытной культуры». 2) Липпер—«История культуры».

Древняя история. 1) Тураев—«Древний Восток». 2) Нейрат—«Экономическая история древнего мира». 3) Тюменев—«Социальная и экономическая история Греции».

Средневековье. 1) Петрушевский—«Великая хартия вольностей». 2) Его же—«Восстание Уота Тайлера».

Новая и новейшая история. 1) Олар—«Политическая история французской революции». 2) Савин—«Лекции по истории английской революции».

Русская история. 1) Ключевский, т. III—IV.

6. Институт экспериментальной психологии.

- 1) Павлов—«20-летний опыт исследования высшей нервной деятельности». 2) Бехтерев—«Общие основы рефлексологии». 3) Тиченер—«Учебник психологии», ч. I и II. 4) Корнилов—«Чученье о реакциях человека». 5) Карпатрик—«Основы педологии». 6) Шеррингтон—«Спинномозговые рефлексы и принципы общего пола». 7) Леб—«Вынужденные движения (тропизмы) поведения животных».

Дополнительно по секциям:

По общей психологии: 1) Ланке—«Психология». 2) Джемс—«Основы психологии».

По «психотехнике»: 1. Уиппл—«Руководство к психологич. и физиологич. измерению детей школьного возраста». 2. Stern—«Differentielle Psychologie».

По сравнительной психологии: 1. Каммерер—«Общая биология», 2. Т. Г. Морган—«Наследственность и пол». 3. Ч. Л. Морган—«Привычка и инстинкты».

По секции детской психологии: 1. Залкинд—«Вопросы советской педагогики». 2. Клапаред—«Психология ребенка и экспериментальная педагогика». 3. Бюлер—«Духовное развитие ребенка». 4. Мейман—«Очерк экспериментальной педагогии».

7. Институт языковедения и истории литературы.

Секция русской литературы.

1. Плеханов—«История общественной мысли в России». 2. Келтуяла—«Курс истории русской литературы», ч. I и II. 3. История русской литературы XIX в. под редакц. Овсянникова-Куликовского (только общие очерки).

Секция всеобщей литературы.

1. Луначарский—«Очерки по истории западно-европейской литературы», тт. I и II. 2. Лансон—«История французской литературы», 3 тома. 3. Госс—«История английской литературы» или Тэн—«История английской литературы». 4. Куно Франке—«История немецкой литературы». 5. Оветт—«История итальянской литературы».

Лингвистическая секция.

Три работы Поржезинского. 1. Введение в языкознание. 2. Очерк сравнительной морфологии индо-европейских языков, ч. I, склонение имен. 3. Очерк сравнительной фонетики индо-европейских языков.

Кроме того, в зависимости от специализации:

По русскому языку: 1) Соболевский—«Лекции по истории русского языка». 2. Поржезинский—«Краткое пособие к лекциям по ист. грамматике русск. яз.». 3. Дурнов—«Очерк истории русского языка».

По романским языкам: 1. Meyer-Lübke—«Einführung in d. Studium der romanischen Sprachwissenschaft»; 2. Bourciez—«Elements de linguistique romane»; 3. Zauner—«Romanische Sprachwissenschaft» Teil I und II.

По германским языкам: 1. Streegeberg—«Urgermanische Grammatik»; 2. Kluge—«Urgermanische Geschichte der altgermanischen Dialekte»; 3. Loeve R.—«Germanische Sprachwissenschaft». Teil I—III.

8. Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (в. Ленинграде).

Для специалистов по русской литературе: Плеханов—«История русской общественной мысли», тт. I, 2, 3. Очерки по литературе XIX в., изд. «Прибой» 1924 года.

Для специалистов по романо-германской литературе:

То же, что и для секции всеобщей литературы института языка и истории литературы. Помимо обязат. требований признается желательным ознакомление с литературной дискуссией между марксизмом-формализмом и на-поством-ворониной. Источники: Троцкий—«Литература и революция», ч. I, «Печать и революция» 1924 г., № 5. Бухарин—«О формальном методе в искусстве», «Красная Ноябрь» 1925 г. апрель. «На посту» 1923 г., № 1, 2, 3, 4. «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата» 1925 г. и отдельно. Протоколы совещания по вопросу о художественной литературе при ЦК партии 1924 г. Воронский—«Искусство и жизнь» 1924 г. Лелевич—«Творческие пути пролетарской литературы», «Прибой». 1925 г., «Звезда» 1924 г., №№ 3, 4, 5, 6, 1925 г., № 7.

Для отделения языка:

Н. Я. Марр—«Яфетический Кавказ». Берлин 1921 г. Статьи в ж. «Восток» № 1 и «Новый Восток» № 5. Державин—статья в ж. «Звезда» 1925 г., № 4.

9. Институт советского права.

Литература для поступающих в секцию государственно-административного права:

1. Один из курсов по общему государственному праву буржуазного государства—Еллинек, Диоги, Эсмен, Орну и т. п.—по выбору. 2. Дурденев-

ский—«Иностранное конституционное право в избранных образцах». 3. Лоуд—«Государственный строй Англии». 4. Вильсон—«Государственный строй С. А. С. Ш.». 5. Елистратов—«Очерки административного права». 6. Елистратов—«Административное право РСФСР». 7. Коровин—«Международное право». Литература для поступающих в Секцию уголовного права и криминологии:

1. Понятковский—«Уголовное право РСФСР», общая часть. 2. Исаев—«Уголовное право РСФСР», общая часть. 3. Трайний—«Уголовное право РСФСР», общая часть. 4. Крыленко—«Судоустройство РСФСР». 5. Рубинштейн—«Уголовный суд РСФСР». 6. Таганцев—«Лекции по уголовному праву», т. I и II, 1924 г. 7. Файнинский—«Особенная часть уголовного права». 8. Файнинский—«Уголовный процесс», т. I и II.

Литература для поступающих в секцию хоз-трудового права: 1. Стучка—«Классовое государство и гражданское право». 2. Гойхбарг—«Основы частного имущественного права». 3. Гойхбарг—«Хозяйственное право РСФСР», т. I, чл. 2-е. 4. Вольфсон—«Учебник гражданского права РСФСР». 5. Гойхбарг—«Семейное право». 6. Шретер—«Система промышленного права РСФСР». 7. Карабе—«Советское промышленное право». 8. Шретер—«Внутренняя торговля». 9. Данилова—«Советское торговое право». 10. Раевич, Перетерский, Данилова—«Советское хозяйственное право». 11. Розеблюм—«Земельное право РСФСР». 12. Войтинский—«Трудовое право», т. I и II.

10. Институт научной философии.

1. Бельтов (Плеханов)—«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». 2. Гомперц—«Греческие мыслители». 3. Ланге—«История математизма». 4. Геффдинг—«История новейшей философии». 5. Вундт—«Введение в философию». 6. Проработка до Куно-Фишера одного из философов: Деята, Спинозы, Гегеля или Канта.

11. По институту экономической географии (в Ленинграде).

Списки литературы будут об'явлены дополнительно.

Председатель Ассоциации Покровский.

Ученый секретарь Бернштейн.

О П Е Ч А Т К И

В № 3 за 1926 год вкрадлись следующие опечатки.

НА ПЕЧАТАНО:

ДОЛЖНО БЫТЬ:

На стр. 119, 19 строка сверху:

Дарвиновские теории эволюции... Додарвиновские теории эволюции...

На стр. 150, 14 строка сверху:

Признавая эту явно научную... Признавая эту явно ненаучную...

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“ И „БЕДНОТА“

Москва, М. Черкасский, 3/4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА — НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ (ИЮЛЬ-ДЕКАБРЬ) 1926 г. —
НА ГАЗЕТЫ И МУРНАЛЫ

„ПРАВДА“

Орган ЦК ВКП (б).

Подписная цена:

1 мес.	1 р. — к.
3 "	2 " 85 "
6 "	5 " 50 "

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган ЦК и МК ВЛКСМ.

Подписная цена:

1 мес.	— р. 75 к.
3 "	2 " 15 "
6 "	4 " 25 "

„БЕДНОТА“

Издание ЦК ВКП (б).

Подписная цена:

1 мес.	— р. 70 к.
3 "	2 " — "
6 "	3 " 90 "

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

Ежемесячный философский и политico-экономический журнал под редакцией Деборина, Покровского, Степанова - Сиворцова и др.

«Под знаменем марксизма» предназначается для активистов, преподавателей и слушателей коммузов, вузов и рабфаков, марксистских кружков и т. п.

Подписная цена:

1 мес.—1 р. 50 к.	3 мес.—4 р. 25 к.
6 мес.—8 р.	

Цена отдельн. номера—1 р. 50 к.

„БОЛЬШЕВИК“

Политико-экономический двукратный листок ЦК ВКП (б). «Большевик» предназначен для широких слоев партийного актива.

Подписная цена:

1 мес.—60 к.	3 мес.—1 р. 75 к.
6 мес.—3 р. 25 к.	

Цена отдельного номера 40 к.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“

Орган красных директоров. Большой ежемесячный иллюстрированный, производственно-экономический и технический журнал. «ПРЕДПРИЯТИЕ» имеет лучшие отраслевые секции директоров, инженеров, мастеров. «ПРЕДПРИЯТИЕ» освещает вопросы фабрично-заводского хозяйства, организации производства и т. д.

Подписная цена:

1 мес.—1 руб.	3 мес.—2 р. 85 к.
6 мес.—5 р. 50 к.	

Цена отдельн. номера—1 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“ И „БЕДНОТА“.

ИМЕЮТСЯ на СКЛАДЕ:

„ЗА ЛИНИЮ ПАРТИИ“

(сборник статей).

СОДЕРЖАНИЕ:

Этапы дискуссии.
О социализме в одной стране.
Оценка эпха.
Общие линии экономич. политики.
Госкапитализм и госпромышленность.
Регулирование партсостава.
Разное.

Стр. 263. Цена 1 руб. 50 коп.

Н. Бухарин.

„Международная буржуазия и Карл Каутский—ее апостол“.

4-е изд. Цена 45 коп.

„ЦЕЗАРИЗМ ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“.

Цена 30 коп.

„О РАБКОРЕ и СЕЛЬКОРЕ“. (Статьи и речи).

Изд. 2-е. Цена 50 коп.

СБОРНИК СТАТЕЙ

под ред. А. Слепкова.

„БЫТ И МОЛОДЕЖЬ“.

Цена 40 коп.

Г. А. Шенгели.

КАК ПИСАТЬ

СТАТЬИ, СТИХИ И РАССКАЗЫ.

Цена 70 коп.

Б. Семенов.

КИТАЙ

в БОРЬБЕ с ИМПЕРИАЛИЗМОМ.

(Популярные очерки). Цена 30 коп.

Виктор Ваксов.

СЕМЬ ДНЕЙ,

КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ ЯПОНИЮ.

С предисловием А. Лозовского.

Цена 50 коп.

Лариса Рейнер.

В СТРИНЕ ГИНДЕНБУРГА.

ОЧЕРКИ.

Ц. 25 коп., в перепл. 35 коп.

А. Безыменский.

ПУТИ-ДОРОГИ

ПОЭМА.

Цена 25 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ в гл. КОНТОРУ

„ПРАВДЫ“

Москва, М. Черкасский пер., 3/4, и во все отделения изд-ва.